

Музей алтайского марала

Н.А. Фролов

**У ИСТОКОВ
ПАНТОВОГО ОЛЕНЕВОДСТВА
РОССИИ**

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2014

УДК 636.294
ББК 46.3
Ф 912

*Книга рекомендована к изданию научно-техническим советом
при Управлении Алтайского края по пищевой, перерабатывающей,
фармацевтической промышленности и биотехнологиям*

В оформлении переплета
использована графика З.М. Ибрагимова

Ф 912 Фролов, Н.А.

У истоков пантового оленеводства России [Текст] / Н.А. Фролов. — Барнаул ; Бийск : Изд-во Алт. ун-та, 2014. — 328 с.
ISBN 978-5-7904-1648-4

Обобщены литературные и архивные данные по истории пантового оленеводства в России. Рассмотрены вопросы исторических предпосылок появления этой уникальной отрасли сельского хозяйства, особенности формирования пантового оленеводства в различных регионах России, обобщены данные о становлении и развитии рынка пантовой продукции в XIX — начале XX в.

Книга предназначена всем, кто интересуется историей народного хозяйства нашей страны, учителям и преподавателям учебных заведений, специалистам пантового оленеводства.

УДК 636.294
ББК 46.3

ISBN 978-5-7904-1648-4

© Фролов Н.А., 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	4
Глава I. У ИСТОКОВ ПАНТОВОГО ОЛЕНЕВОДСТВА РОССИИ ..	7
1.1. Охота на пантовых оленей как историческая предпосылка их разведения	8
1.2. Алтай — родина мараловодства	72
1.3. Распространение пантового оленеводства в Российской империи	99
1.4. Рынок пантовой продукции	132
Заключение — исторические уроки	164
Глава II. ДЕЛО А.А. СИЛАНТЬЕВА	167
Введение	168
2.1. Основания для «экономического расследования» деятельности А.А. Силантьева	169
2.2. Поездка А.А. Силантьева в Южную Сибирь для обследования мараловодства на Алтае	183
2.3. Практические действия А.А. Силантьева по запрещению охоты на маралов в Алтайском округе	190
2.4. Усилия А.А. Силантьева по развитию пантового оленеводства в Сибири	196
Заключение	202
Глава III. АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ ПОПОВ	205
Введение	206
3.1. На вечное поселение в Сибирь, Шебалино	207
3.2. Начинаящий мараловод А.С. Попов	213
3.3. Крестьянин-торговец А.С. Попов	224
3.4. Деятельность А.С. Попова в годы советской власти	238
Заключение	246
Приложения	251

ОТ АВТОРА

В 2009 г. мною была написана и напечатана 110-страничная работа «У истоков пантового оленеводства России (экономический очерк)», но зарегистрировать ее в библиотечной системе я сознательно не стал, понимая, что недостаточно глубоко разобрался в теме, не прочувствовал, что называется, «кожей» те процессы, которые проходили на территории огромной Азии в течение 200 лет и которые коротко можно назвать появлением пантового оленеводства в России.

На четыре года я вновь погрузился в поиск исторического материала: изучил дополнительно более 100 исследовательских работ по Алтаю, Монголии, Забайкалью, Саянам, Дальнему Востоку, Маньчжурии и Китаю; полтора года проработал с архивными документами Алтайского края, Республики Алтай; нашел отдельные материалы в Государственном историческом архиве (Санкт-Петербург), установил связь с музеями в Красноярске, Чите, Туране и т.д. Пришлось изменить и структуру подачи материала. Я стал работать по принципу «слона едят по частям».

Все материалы, связанные с образом благородного оленя, его духовным, религиозным, мифологическим восприятием человеком как зверя особого предназначения, я доработал и напечатал в 2012 г. в книге «Целебные силы марала».

В 2011 г. вышла моя небольшая книга, посвященная удивительной личности, исследователю мараловодства на Алтае Анатолию Алексеевичу Силантьеву, работа над которой помогла понять важные события по охране дикого марала и развитию мараловодства на Алтае в конце XIX в.

В 2012 г. я напечатал работу, посвященную крупнейшему мараловоду дореволюционного Алтая Алексею Степановичу Попову. «Раздражителем» к этой работе стали интереснейшие книги В.Ю. Янковского о судьбе очень известных в начале XX в. оленеводов Приморья — Михаила Ивановиче и Юрии Михайловиче Янковских.

В 2013 г. мною была опубликована детская книга стихов, рассказов, пословиц об олене «Король алтайских гор».

В начале 2014 г. я инициировал издание серьезной работы «Из истории исследования и развития мараловодства на Алтае. XVIII — начало XX в. Сборник документов».

Все это выполнялось в рамках работы по созданию Музея алтайского марала.

И только в 2013 г. я второй раз взялся за работу над книгой «У истоков пантового оленеводства», которую закончил в феврале 2014 г.

В.О. Ключевский считал, что изучение исторического прошлого любого народа своими конечными выводами подходит вплотную к практическим потребностям текущей минуты. Незнание прошлого не только вредит познанию настоящего, но ставит под угрозу всякую попытку действовать в настоящем.

В дальнейшем мы будем часто обращаться к Китаю. Великий философ Конфуций завещал «искать в истории ключ к истине». Историзм, по мнению П. Кууси, должен являться общим методологическим принципом исследования. Это вполне актуально для исследования проблем развития современного пантового оленеводства России.

Одновременно хотелось бы этой работой отдать дань уважения тысячам наших предков, имен которых в большинстве своем мы никогда не узнаем, но они стояли у истоков создания уникальной отрасли, значение которой для здоровья нашей нации еще совершенно не оценено.

Нельзя не согласиться со словами Н.И. Кутепова: «В глубине веков наблюдается нередко такая полнота жизненных ощущений, какая почти неизвестна и малодоступна современному человечеству; кто ищет образца для жизни, полной здорового труда и здоровых наслаждений, тот всего скорее нашел бы его у предков наших, с большим умением отдававших делу время, а потехе — час. Вот почему все народы с развитым самосознанием посвящают своей отечественной старине, ее научному изучению и художественному воспроизведению лучшие силы и массу труда... Тем выше историческое самосознание данного народа, чем более исследована и разработана его старина».

Именно поэтому я стремился в исследуемой теме как можно больше опереться на еще не известные материалы и чаще цитировать непосредственных очевидцев прошедших времен в контексте анализа причин и условий появления пантового оленеводства.

Важное значение в работе имеют приложения, содержание которых еще будет более подробно анализироваться.

По моему мнению, рассмотрение исторических социально-экономических условий становления пантового оленеводства в России следует проводить в три этапа:

- период до 1917 г.;
- период с 1917 до 1990 г.;
- период с 1990 г. до наших дней.

Настоящая публикация посвящена первому этапу появления пантового оленеводства и содержит три самостоятельных и дополняющих друг друга работы.

Она предназначена не только специалистам пантового оленеводства и студентам соответствующих специальностей, но всем, кто так или иначе интересуется историей нашей страны.

Глава I

**У ИСТОКОВ ПАНТОВОГО
ОЛЕНЕВОДСТВА РОССИИ**

*Мараловедам Алтая
всех поколений
посвящается...*

1.1. ОХОТА НА ПАНТОВЫХ ОЛЕНЕЙ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ИХ РАЗВЕДЕНИЯ

Олени на земле появились 40 млн лет назад в Юго-Восточной Азии, а 10 млн лет назад это были уже настоящие олени с опадающими рогами [90]. Примерно 3–4 млн лет назад процветала группа оленей крупного роста с мощными разветвленными рогами. Например, Ирландский (гигантский) олень был крупнее современного лося и с рогами 4-метрового размаха. Такие крупные копытные, конечно, были привлекательным объектом охоты хищников. Пращуры современного человека примерно миллион лет тому назад также активно стали употреблять в пищу сначала мелких, а потом и крупных зверей. В Китае, недалеко от Пекина, в 1922 г. была обнаружена в пещере Чжоукоудянь стоянка древнейших охотников, которые уже 500 тыс. лет тому назад научились поддерживать огонь, питались растительной и мясной пищей, умели охотиться на крупных зверей — слона, лошадь, медведя и гигантского оленя. Пекинский обезьяночеловек (синантроп) в качестве орудий охоты использовал камни, палки (возможно, в том числе горящие) [58, с. 49–51].

Интересно, что в Чжоукоудянь местные жители, добывая известняк, обнаруживали окаменелости костей этих животных и использовали их в качестве лекарственного компонента. Кости назывались «лунгу» («кости дракона») [88, с. 70–73]. В других местах Китая, на берегу реки Сунгари около города Харбина, также найдены отложения костей многих животных, в том числе канадского оленя, марала, гигантского оленя, пятнистого оленя. Возраст этих останков составляет 450–400 тыс. лет [15].

На территории Алтая в Денисовой пещере обнаружены кости маралов, добытых человеком 300 тыс. лет назад. Видовой состав костных останков в этой пещере, по данным О. Полежаевой, следующий:

– горный козел	— 194 ед.;
– первобытная лошадь	— 157 ед.;
– марал	— 83 ед.;
– первобытный бизон	— 75 ед.

Эти дикие животные были основными объектами охоты обитателей Денисовой пещеры [59, с. 174].

Наверняка уже неизвестно, как охотился древний человек на зверей, в том числе на оленя. Это подчеркивают в своих работах ученые-охотоведы М.Н. Смирнов, В.В. Дежкин и др. [85; 23].

Однако вот что пишет о возможных способах охоты 300–500 тыс. лет назад Д. Орешкин: «Как охотился наш предок? Прежде всего — профессионально. В каменном веке охота была основным источником средств существования, тяжелым, изматывающим трудом с высокой степенью риска. Вероятно, мужчины были вынуждены около ста раз в год выхо-

Первобытный охотник и большерогий олень

дить на добычу — иначе племя осталось бы без еды. Чтобы успели подрасти дети, каждый взрослый должен был оставаться в строю в среднем не менее 15 лет и, значит, участвовать в тысячах охот. Мог ли он в таких условиях позволить себе бороться один на один с крупным хищником, бизоном или хотя бы оленем? Вряд ли. Это было бы непростительной профессиональной безграмотностью, грубым нарушением «техники безопасности». Ведь любое ранение, нанесенное далеко не стерильными рогами, копытами или когтями, чревато самыми тяжелыми последствиями. Добыча мяса в каменном веке строилась по принципу материального производства: наибольший эффект при наименьших затратах сил и минимальном риске. Стихийно следуя этим требованиям, древний человек нащупал очень выгодную стратегию обеспечения себя пищей» [54].

Охотничья стратегия того времени была скопирована у других хищников, в первую очередь у волков, которые загоняли копытных на скалы, на лед, а весной охотились по насту. В меньшей степени практиковались нападения из засады на пасущегося или отдыхающего животного, а также нагон на засаду. В охоте активно использовались естественные обрывы, овраги, ямы, болота, тонкий лед, переправы и т.п. Олень не был тогда самым легким зверем для добычи, поэтому больше охотились на мамонта, шерстистого носорога, диких лошадей и козлов.

А.И. Першиц с соавт. отмечают, что «жизнь первоохотников не была беспорядочным постоянным передвижением с места на место охотников и собирателей. Охота была самой прогрессивной отраслью того хозяйства. Загонный способ у ашельского охотника (430–150 тыс. лет назад. — *Н.Ф.*) являлся основным. Пугали зверя шумом, огнем, камнями и гнали к глубокому ущелью или большому обрыву. Животные падали и разбивались, а человеку оставалось только добить их» [58, с. 63]. Охота была формой коллективной трудовой деятельности.

В среднем палеолите (150–35 тыс. лет назад. — *Н.Ф.*) охота активно совершенствовалась. Вместо палок появились копья с каменными и роговыми наконечниками, человек научился не только сохранять, но и разводить огонь, выделывать шкуры. Загонную охоту человек довел почти до совершенства. Д. Орешкин пишет, что около городка Солотуре (Франция) у подножия известняковой кручи при раскопках были обнаружены кости более 100 тыс. лошадей. А. Данилкин сообщает данные о подобных кладбищах охоты по всей Европе:

- на Украине в овраге близ Амвросиевки нашли кости 983 зубров, убитых копьями;

- в Чехословакии в местечке Пшедмости обнаружены останки 1 тыс. мамонтов;

- в Молдавии у поселения Флорешты найдены останки 139 кабанов, 84 благородных оленей, 37 косуль, 31 тура, 11 речных бобров [22].

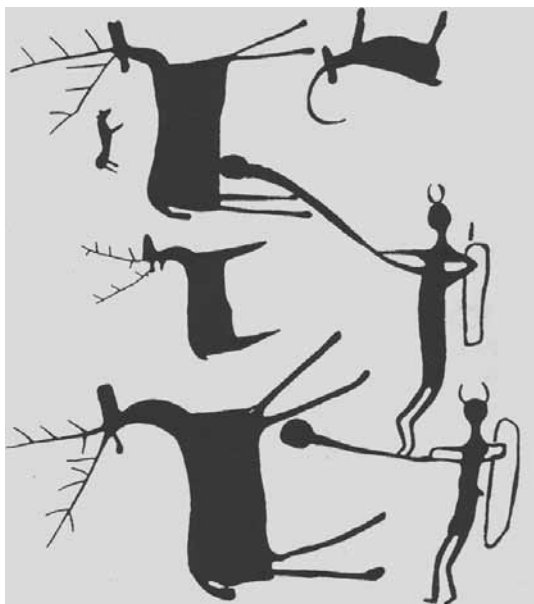
Таких стоянок на территории Евразии было много. Та же Денисова пещера на Алтае на протяжении десятков тысяч лет служила стационарной охотничьей стоянкой, куда доставлялись разделанные туши животных после массовых загонных охот на прилегающей территории [59, с. 175].

В верхнем палеолите (35–10 тыс. лет тому назад. — *Н.Ф.*) племена охотников активно осваивали север и восток Евразии. поголовье крупных животных (мамонт, шерстистый носорог, гигантский олень и др.) заметно сокращалось. Около 12–10 тыс. лет назад оледенение в Южной Сибири привело к вымиранию мамонтового комплекса млекопитающих. Человек того времени был настолько успешным охотником, что также активно содействовал исчезновению, в частности, мамонтов. Почти шесть тонн мяса, жира, мозга, костей, сухожилий, шерсти и большая шкура делали взрослого мамонта важнейшим охотничьим трофеем. По мнению ряда антропологов, 10 тыс. лет назад мир оказался переполненным собирателями и охотниками, и начался продовольственный кризис. Из 36 видов крупных животных палеолита, обитающих в южно-сибирских степях, до наших дней сохранилось только 13 видов. Между 12 и 8 тыс. лет назад число людей сократилось наполовину, а по мнению отдельных исследователей, даже в 10 раз. К этому времени состав промысловых животных уже достаточно серьезно поменялся. На Алтае, например, он 15 тыс. лет назад выглядел следующим образом (табл. 1.1).

Таблица 1.1

Промысловые млекопитающие Алтая в конце верхнего палеолита [91]

Название пещеры Вид животного	Чарышские, Ханхаринские	Бухтарминская	Усть-Канская	Страшная	Логово гиены	Разбойничья	Денисова	Каминная	Окладникова	Сибирячиха	Большая Кыргытская	Мало- яломанская	Кара-Тенеш	Кара-Бом
Мамонт		+		+	+				+	+	+	+	+	
Лошадь	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Кулан		+	+	+	+				+	+	?		+	?
Носорог шерстистый	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+		+
Олень благородный	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+		+	
Косуля	+	+		+	+		+	+	+					
Олень гигантский	+						+				+			
Лось	+			+	+		+		+		+		+	
Олень северный							+		+					
Як байкальский	+		+		+		+	+			+	+	+	+
Бизон		+		+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
Сибирский горный козел						+	+	+	+		+	+	+	
Архар		+	+	+	+		+	+			+			+

Охота на оленей с булавой. Петроглифы Елангаша. Из книги В.Д. Кубарева «Наскальное искусство Алтая»

Крупнейшие изменения в условиях охоты, объектах охоты, технологиях и орудиях охоты у человека произошли в период с 15 тыс. лет до н.э. и до начала нашей эры. Сошлось на слова В.В. Дежкина, который отмечает: «Около 12–10 тыс. лет назад произошло резкое изменение природных условий на огромных пространствах Европы и Северной Америки. Потеплело. Отступили льды Арктики. Пошли на убыль равнинные ледники. Тайга на миллионах квадратных километрах потеснила степь и тундру. Очень сильно уменьшилась численность крупных травоядных животных: они гибли от недостатка корма,

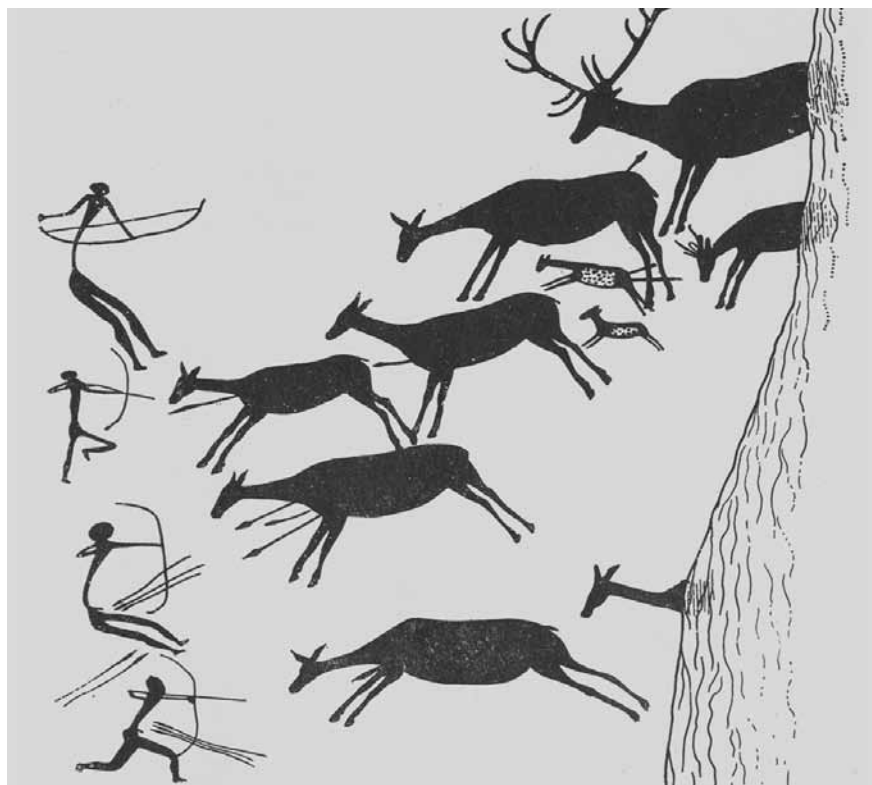
тонули в реках и озерах и т.д. Исчезли мамонты и пещерные медведи, значительно уменьшились ареалы и численность диких лошадей, бизонов, овцебыков. Основной добычей племен нового каменного века, живших по долинам степных рек и берегам озер, стали куланы, тарпаны, благородные олени, бобры» [23, с. 3–4]. На Дальнем Востоке лось, изюбр, пятнистый олень и косуля, биомасса которых составляет более 80% от биомассы всех диких животных края, стали основными объектами охоты [15, с. 60]. В основе жизни алтайских племен 10 тыс. лет назад была охота на таких горно-таежных животных, как марал, косуля, архар, сибирский горный козел, як и др. [34].

Постепенно роль копытных животных и оленей в частности в жизнедеятельности наших предков росла. Люди успешно выделывали шкуры оленей для одежды и обуви, используя в качестве ниток оленьи жилы, делали кирки из рогов оленя, наконечники копий и дротиков. Из кости и рога изготавливали иглы, шилья, а также футляры для различных изделий, предметы украшений и другие бытовые вещи.

Образ оленя начал использоваться в предрелигиозных и культовых обрядах народов мира. К позднелолитическому периоду жизни человека (30–15 тыс. лет назад. — *Н.Ф.*) относится, например, изображение на юго-западе Франции (пещера трех братьев) «колдуна» — мужчины с бородой, оленьими рогами на голове и хвостом [3].

Послеледниковые тысячелетия жизни человека принесли ему такие открытия, без которых человеческая цивилизация возможно бы и не состоялась. Одним из важнейших явилось изобретение человеком лука. Ю.В. Шокарев, изучая историю оружия, пишет, что время появления лука относится к позднему палеолиту или к самому началу мезолита (40–30 тыс. лет тому назад. — *Н.Ф.*), где его применили первоначально, установить невозможно [96, с. 7]. М.Н. Смирнов, ссылаясь на Р.К. Баландина и Л.Т. Бондарева (1988) утверждает, что лук, стрелы и многие самолы появились лишь в мезолите — неолите (не ранее 15 тыс. лет тому назад. — *Н.Ф.*) [85, с. 6].

Блэкмор Говард Л. в работе «Охотничье оружие. От средних веков до двадцатого столетия» сообщает: «Хотя до сих пор не найдены луки, которые можно было бы наверняка идентифицировать как оружие человека периода палеолита, не приходится сомневаться, что история лука начинается именно в этот период» [9, с. 156]. В неолите, который начался

Олени, загоняемые на цепь охотников, вооруженных луками.
Позднепалеолитическая стенная роспись из пещеры Лос Кабальос.
Испания. Из книги А.И. Першица «История первобытного общества»

12 тыс. лет назад, лук встречался практически у всех народов мира размером от 2,5 до 1 м. Изготавливали луки из разных пород дерева. В азиатской части России чаще всего их делали из дерева, усиленного планками из оленьего рога [9, с. 156]. Применение лука резко повысило производительность охоты и доступность дичи разных видов и размеров.

Луки совершенствовались и активно применялись как охотничье и боевое оружие до конца XIX в. и были доведены практически до совершенства. Например, сообщается, что наивысшей дальноточности (889 м) достиг турецкий султан Селим III на соревнованиях в Стамбуле в 1798 г. [96, с. 34]. Неприцельная дальность стрельбы из лука за 500 м не была чем-то особо выдающимся фактом [9, с. 174]. За 4 тыс. лет до н.э. в Азии уже применялись короткие, но очень эффективные сложносоставные луки. Стрельба из лука требовала серьезной подготовки, но и результаты оказывались удивительными. Английский король Генрих III, например, попадал в яблочко с 220 м [96, с. 34].

Веками луки были доведены до такого совершенства, что их можно сравнить с огнестрельным оружием. На близком расстоянии (50–100 м) стрелы из тяжелого лука имели большую убийную силу, чем многие типы пуль (на 100 м стрела пробивала двухсантиметровую доску). Летопись гласит: «Пока Чингисхан вел собрание знатных людей Монголии, Есунге попал в цель на расстоянии 335 альдов (более 500 метров) [25]. Хороший лучник мог прицельно стрелять из лука на расстоянии 150 м, выпуская в минуту 10–12 тяжелых стрел, обладающих высокой поражающей способностью. С расстояния 75 м стрела из такого лука пробивала кольчугу и манекен. Бегущий олень поражался с 75 м, а медведь — с 60 м наповал [75].

Г. Блэкмор сообщает: «В анонимном французском трактате XV века «Об искусстве стрельбы из лука» утверждается, что самые искусные лучники попадали в предмет или дичь на расстоянии в 400 шагов. На более близком расстоянии стрела обладала огромной разрушительной силой, ...читателей предупреждали, чтобы они никогда не стреляли прямо в бок оленя, потому что стрела может пройти насквозь и ранить другого охотника, стоящего с противоположной стороны» [9, с. 198]. Известны случаи, когда одной стрелой охотник убивал сразу двух оленей. По данным Ю.В. Шокарева, «один из российских этнографов сообщал о некоем тунгусе, способном пустить вверх стрелу и тут же поразить ее на лету другой стрелой» [9, с. 36]. Лук был идеальным оружием для охоты и войны.

Важнейшим достижением древних людей было приручение волка. В Оберкасселе (Германия) обнаружено совместное захоронение мальчика и собаки. Время захоронения — 4 тыс. лет назад. Еще более раннее свидетельство одомашнивания собаки, которому 26 тыс. лет, — это следы ребенка и собаки во французской пещере Шове. Они шли с факелом, от которого оставались следы копоти. Раскопки в Брянской области обнаружили два черепа собак, которые пролежали в земле 13,9 тыс. лет.

В период между VII и IV тысячелетиями до н.э. домашние собаки распространились по всем земному шару и стали отличными помощниками человеку в охоте, охране жилища и даже служили ездовыми животными.

Одомашнивание собаки резко увеличило возможность древнего охотника по добыче оленей. Р. Бауман и О. Малов отмечают: «Шагая вместе с эволюцией человечества через века, травильная охота на оленей совершенствовалась, изменялась в условиях появления огнестрельного оружия; испытывала взлеты и падения, но вот требования, предъявляемые к собакам, работающим по красному зверю (благородному оленю. — *Н.Ф.*) продолжали оставаться такими же: выносливость, вязкость, агрессивность к зверю, разумная смелость во время атаки» [8].

Под разные виды охоты человек выводил разные виды охотничьих собак с удивительными промысловыми способностями. Во Франции, например, к XVI в. гончие достигли такого совершенства, что не подменяли гонного оленя на другого, даже если он проходил через стадо себе подобных. Это свидетельствовало об их необыкновенном чутье.

Содержание оленегонных собак являлось очень затратным и было по карману только богатым людям. Живший в первой половине XIV в. правитель Милана Бернабо Висконти, например, имел стаю из 5 тыс. собак для охоты на оленя и кабана. А брат короля Франции Карла VI, герцог Орлеанский, содержал 99 гончих собак, 9 ищеек, 32 борзые оленегонные собаки, да еще собак на кабана, комнатных борзых и сторожевых собак [52].

Простые охотники — промышленники, которые охотились за всяким зверем, подбирали собак с многосторонними способностями. А.А. Силантьев пишет: «Хорошая промысловая собака должна совмещать в себе по возможности большое число способностей, до тонкости усовершенствованных в разных культурных собачьих породах — обладать хорошим чутьем, быть настойчивой, неустрашимой, злобной, и, кроме того, уметь приспособляться к особенностям охоты на разных зверей и птиц, вызываемым различиями в характере животных и образе действия их во время преследований» [80, с. 116, 117]. В Сибири и Северной Америки таким требованиям больше всего отвечают собаки, которых называют лайками. Охотница из лайки сформировалась уникальная. Знаменитые русские соболи, горностаи, белки и, конечно, олени успешно добывались с помощью «мужицкой» собаки — «остроушки». Л.П. Сабанеев отмечает, что лайки при необыкновенном развитии чувств отличаются замечательным умом и понятливостью, так что в этом отношении почти не имеют себе соперников [70]. Хорошие промысловые собаки очень ценились охотниками и почти не перепродавались. А.А. Черкасов описывает случай, когда два брата-охотника, пожившись, разделили имущество и с трудом, с помощью мирской сходки, по жребью поделили собаку. Брат, которому не досталась собака, начал тосковать по ней, и когда наступило белковое, уже не смог владеть собой и сделал попытку застрелиться, но, к счастью, выжил [92, с. 64–65].

В середине XIX в., по словам И.С. Сельского, обыкновенная прыговая собака ценилась в 2–4 руб., лучшая — в 7–10 руб., промышленная — с 10 до 50 руб. [74, с. 53]. А.П. Степанов пишет в 1835 г., что запряженные в нарту 12 собак поднимают до 30 пудов клади и с тем вместе двух ездоков: «Ежели полагать в сих последних 10 пудов, то сила каждой собаки подымает 3 пуда 13 фунтов (более 53 кг. — *Н.Ф.*). Собаки в сутки пробегают до 180 верст, останавливаясь один раз для отдыха; разумеется, их кормят вволю, но они могут пробыть и до 8 дней без корма» [86, с. 224]. Вот каких помощников из древних собак вырастил в конце концов человек. С появлением домашней собаки охотничьи возможности человека, в том числе при охоте на оленя, также значительно увеличились.

Еще одним важнейшим событием в жизни древнего человека-охотника стало одомашнивание лошади. Человек приручил лошадь около 6–4 тыс. лет до н.э. и тысячелетиями использовал ее как транспортное и тягловое животное как источник мяса и молока и как помощника на охоте и в бою. За прошедшие 8 тыс. лет выведены десятки пород лошадей с определенными возможностями.

Человек с самого детства учился управлять лошадью. Кочевые народы, например, пешком почти не ходили. По словам В. Сапунова, первый дошедший до нас охотничий рассказ принадлежит перу великого князя Киевского Владимира Мономаха. Добрую половину своей долгой, бурной деятельности Мономах не слезал с седла... В «Поучениях к детям» Мономах довольно подробно рассказывает о своих приключениях на охоте: «А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пушах десять и двадцать... Разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких живых. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал. Вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил мне на бедро и коня со мной опрокинул. И Бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал и руки и ноги свои повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей» [71].

На охоте человек и лошадь становились единым механизмом ловли зверя. У Г. Блэкмора мы находим такие слова: «Когда он (индейский охотник) приближается верхом к животным, то выбирает одно, обычно толстую и упитанную самку, держа наготове лук и стрелу. Хорошо обученной лошади не нужно отдавать приказание дважды, она приближается к бизону справа сзади и держится немного поодаль, чтобы не попасть под рога животного, если оно неожиданно остановится и повернет голову» [9, с. 208].

Г.Д. Гребенщиков в одном из рассказов очень красочно представляет алтайскую промысловую лошадь: «Чаще других покидали аул Сарсеке, Исхак и Ахмет-байка, уезжавшие далеко в горы на охоту за лисицами, волками и зайцами. Они содержали по одной лучшей лошади, наособицу кормили их и нередко в погоне за хитрой лисою состязались в быстроте и легкости бегунов. У Сарсеке был ловкий и самый быстроногий бегунец. Он был уже

в годах, но ни одна лошадь не убегала от него ни в байге, ни в погоне за зверем. Сарсеке сжился с ним, как с родным братом, и почти всегда с охоты возвращался с добычей. На сивом коне, одетый в белый, хорошо выделанный овечий тулуп, Сарсеке почти сливался со снегом, и зверь подпускал его на близкое расстояние. Дальнозоркий охотник, увидев зверя очень издалека, нередко делал ловкий объезд в сторону и, скружив зверя, гнал его не в гору, где трудно было его взять на лошади, а от горы. И вот, когда изнемогший зверь, отдавая все силы, бежал по снегу на равнине, Сивка совсем стлался по земле и быстро настигал измученного зверя, а Сарсеке метким ударом багога в один прием сваливал и вторачивал его в седло». [20].

Бурят на лошади с луком.

Фото 1915 г.

Забайкальская область

Известный охотник и писатель А.А. Черкасов так описывает, например, хорошего охотничьего коня в Забайкалье: «Такой конь должен удовлетворять многим условиям; вот качества настоящего промышленного коня:

1. Он должен быть силен и крепок, чтобы мог долго дрюжить на охоте, и, боже сохрани, приставать (уствовать), иначе можно лишиться хорошей добычи. Это, впрочем, нередко случается при гоньбе лисиц, волков, изюбрей, сохатых и проч.

2. Не должен быть пуглив, то есть не бояться вида и запаха хищных зверей, особенно при нечаянной встрече. Само собой разумеется, что он не должен бояться выстрела.

3. Мягкость коня на верховой езде тоже играет не последнюю роль, равно как и хорошая ступь, то есть полный, успешный, податливый шаг. Такой конь называется ступистым, или конь с переступью.

4. Хороший промышленный конь должен быть легок на ходу, не спотыклив и, самое главное, смирен, так, чтобы можно было на него положить свежую медвежью шкуру или других диких зверей» [92, с. 67].

Таким образом, охотник, имевший хорошую промысловую лошадь, был в прямом и переносном смысле на голову выше остальных. Охота на оленя с применением лошади в целом стала гораздо разнообразнее и эффективнее, чем только пешая охота.

Еще одним изобретением человека в верхнем палеолите, существенно повлиявшем на развитие охоты, было появление лыж. По данным специалистов, случилось это около 15 тыс. лет назад в северных районах Земли. Поначалу наши предки, вероятно, использовали различные приспособления наподобие снегоступов, увеличивающие площадь опоры и позволяющие передвигаться по глубокому снегу. Изготавливать их могли из шкур животных, коры деревьев или дощечек. Затем ступающие лыжи стали делать из деревянного обода овальной, круглой или подковообразной формы, переплетенного ремнем или гибкой лозой. Задолго до появления христианства, в Скандинавии, например, древние люди, использующие лыжи, назывались «скользящие».

В районе Синдорского озера (Республика Коми) в 1960–1962 гг. учеными были раскопаны древние поселения, в которых обнаружены не только древние луки, но и четыре лыжи, брошенные охотниками VII–VI тыс. лет до н.э. Были найдены также и лыжи от саней, на которых вывозили добытого зверя [11]. За тысячелетия искусство изготовления лыж постоянно совершенствовалось: появились лыжи самых разных конструкций, в том числе «подбитые» шкурой оленя для лучшего скольжения, но сохранились и лыжи — «голицы», особенно для движения по насту. Самыми различными были и способы крепления лыж к ногам охотника. У народа манси, например, тысячелетний опыт

Охотник и охотница на лыжах.

Из книги О. Магнуса «История готов, шведов и вандалов» (1555 г.)

применения лыж, позволил создать «оригинальное приспособление для защиты обуви от обледенения. Оно заключалось в том, что на месте крепления прибивался мешок из ткани, в который засовывали ногу. При помощи вздержки мешок стягивался вокруг ноги под коленом» [32, с. 79].

Многие народы для ходьбы на лыжах употребляли посох с лопатообразным верхним концом и колесиком на нижнем. Кеты, например, на одном конце лыжного посоха крепили колесико, а на другом (верхнем) — железный крючок для зацепления за деревья и скалы при подъеме в гору [32, с. 80]. На лыжах охотник мог проходить десятки километров в поисках зверя, легко догонять его, скатываясь с горы или по насту и т.п. Лыжи резко увеличили возможности охотников по добыче оленя в одиночку или маленькими группами.

В последние 10 тыс. лет до н.э. ярко проявился интеллект человека как основной фактор его конкурентоспособности в борьбе за пищевые ресурсы на Земле. Именно в этот период человечество освоило основы земледелия и скотоводства на удобных для этого территориях, однако и охота, в том числе на оленей, продолжала активно совершенствоваться.

Например, археологами на плато Устюрт в Казахстане были найдены следы огромной системы загонных сооружений — аранов. Протяженность системы измеряется многими десятками километров. Сходящиеся в виде стрел многокилометровые загоны вели к специально выкопанным ямам, куда и падали мчавшиеся вдоль стен сайгаки, куланы и олени. Дно этих ям было утыкано острыми кольями. Возраст этих находок — не менее чем 1200 лет [54].

Человек изобрел лук и вскоре научился ставить настороженные луки на тропах, по которым обычно ходили копытные, медведи и другие дикие животные. В 1967 г. в торфяниках Карелии был найден лук-самострел длиной 3 м 48 см. Уже 8 тыс. лет назад такие луки-гиганты служили станковым охотничьим оружием [11].

В горах Алтая несколько тысяч лет назад объектами охоты были марал, лось, медведь, бык, лошадь, кулан, верблюд, горный баран, антилопа и другие животные. Наскальные рисунки показывают, что древние скотоводы Алтая владели широким диапазоном приемов охоты. Это были коллективные загонные облавы на копытных, охоты с собакой по следу, пешие охоты с луком, дротиком или палицей, охоты на коне с собаками и луком, арканом или ловчей сетью. Возраст этих рисунков-петроглифов — не менее 3–5 тыс. лет.

Последнее тысячелетие до нашей эры — это эпоха крупных племенных союзов и государств, время больших и малых войн между народами. Охота уже не являлась основным средством существования, хотя играла далеко не последнюю роль в боевой подготовке воинов-охотников.

В это время в жизни многих народов благородный олень не только начинает выполнять роль охотничьего трофея, но и становится священным,

культурным зверем. Это отражается, например, в культуре европейского союза кельтских племен, евро-азиатских скифских племен и т.д. [90]

Все это не мешает человеку совершенствовать охоту на оленя как источника ценного мяса и шкуры. Особенно это относится к коренным народам Азии и Северной Америки. Индейцы, например, успешно охотились с луком на оленей, наряжаясь в шкуру этого животного. Сибирские охотники освоили промысел марала, изюбра и косули, подманивая их на голос. Отдельные охотники Тянь-Шаня умели взять оленя даже с помощью крупной ловчей птицы.

Вплоть до конца I тыс. н.э. оленей в местах их обитания водилось очень много, и охота на них не могла подорвать ресурсы этого многочисленного семейства жвачных животных на Земле.

*Охота — древний благородный досуг,
Равно доступный для господ и слуг.
Он упражняет глаз и дарит телу силу,
И лорду старому он отдаст могилу.*

Слова этой песенки из книги «Синегетика» (Лондон, 1788) подсказывают, что Западная Европа очень давно освоила охоту как часть общественной жизни и форму досуга. «Европейское Средневековье — это период, когда охота стала главным событием, — пишет Говард Л. Блэкмор, — вокруг которого вращалась вся жизнь и небольшой деревни, и старинной усадьбы, и королевских дворцов. Весной и летом охотились на оленей, осенью травили зайцев, зимой выслеживали кабанов» [9, с. 8]. Далее он продолжает: «В то время в Европе охота считалась в первую очередь развлечением, в котором не было места для риска или физических трудностей. Организация охоты становилась все более и более утонченной, князья старались превзойти друг друга во всевозможных развлечениях и причудах. Удобно расположившись в специально построенных беседках и галереях, они уничтожали сотни оленей, кабанов и множество разнообразной дичи, которую к ним подгоняли загонщики» [9, с. 10].

По настоящему право охоты на оленя имела только высшая знать, а остальные были «на подхвате». Трофеи собирались и хранились в родовых охотничьих домах и замках. Эрцгерцог Фредерик Саксонский, например, отдал группе гренадеров за голову оленя, застреленного первым королем Пруссии в 1696 г. В рогах этого оленя было 66 зубцов [9, с. 9].

Простые люди не имели права охотиться на оленей, а браконьерство наказывалось очень жестоко. В 1537 г., обнаружив фермера с мертвым оленем на его собственном поле, архиепископ Михаил Зальцбургский приказал зашить человека в шкуру этого оленя и отдал на растерзание своей голодной своре собак [9, с. 13].

Вот пример охотничьих достижений только двух очень известных в XVII в. европейских вельмож-охотников с данными об их трофеях (табл. 1.2).

Таблица 1.2

Охотничьи трофеи вельмож

Данные о вельможах Перечень трофеев	Эрцгерцог Саксонии Иоганн-Георг I (1611–1656)	Эрцгерцог Саксонский Иоганн-Георг II (1656–1680)
Благородные олени	35421	43649
Лани	1045	2062
Косули	11489	16864
Дикие кабаны	31902	22298
Медведи	238	239
Волки	3872	2195
Рыси	217	191
Зайцы	12047	16966
Лисицы	19015	2740
Бобры	37	597
Барсуки	930	1045
Выдры	81	180
Дикие коты	149	292

На Руси во все времена ее развития охота имела огромное значение, так как наши предки жили среди огромных лесов, где зверя было очень много. Данные о развитии охоты на Руси почерпнем из исторического очерка Н. Кутепова «Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси (1895–1911)». Автор сообщает, что зверя было «великое множество», и были даже рассказы, в которые верили наши «простодушные» предки», о том, как «в некоторых местах звери падают на землю из тучи»: «...Паки бывает другая туча, и спадают оленцы мали в ней, и возрастают и расходятся по земле» [36]. Соболя, например, в XVI в. добывались на Руси до 2 млн штук ежегодно.

Об оленях в древнерусских памятниках упоминается редко. Во времена Владимира Мономаха (1053–1125) олени водились в основном в Черниговском княжестве. Северная и Центральная Россия была удобной для лосей, но слишком многоснежной для обитания благородных оленей. Лосей и оленей в лесах было столько, что их часто убивали только ради кожи, а мясо бросалось. Н. Кутепов отмечает, что во времена царствования Федора «Блаженного» (после 1584 г. — *Н.Ф.*) за границу ежегодно отпускали до 10 тыс. кож лосиных и оленьих.

Для князей Древней Руси охота еще была и проявлением удали, отваги, школой боевой жизни. Тогда в ходу было выражение «на охоте был, храбр больше меры». Уже упомянутый Владимир Мономах, например, был выраженный князь-охотник. Он охотился «не блюдя живота своего,

не щадя головы своей. То олень, то лось пробовали на нем крепость своих рогов и копыт...» [36].

У князей были свои охотничьи угодья, которыми они очень дорожили, и поселяли там промысловых людей по специальности, в том числе «ловцов оленей». Княжеские охотничьи угодья были доходными, часто сдавались в аренду, но больших зверей, в том числе оленя, бить запрещалось всем, кроме особо избранных, даже иногда и в своих угодьях. Князья Древней Руси охотились не столько ради потехи, сколько ради добычи [36].

В XVII в. в Европейской России активно развивалась царская любительская охота. Если царь Алексей Михайлович Романов (1629–1676) еще был страстным охотником, то его сын Петр I Алексеевич — Петр Великий (1672–1725) — не одобрял охоту. Однако во время своего первого путешествия в Европу в 1697–1698 гг. он вместе с Фридрихом I принимал участие в охоте на оленей: «Охотники выгнали большое число оленей. Петр вместе с Курфюстом застрелили до 70 оленей...». Позже он еще охотился на оленей в городах Шверине, Кракове, а в окрестностях Дрездена в 1717 г. «убил оленя о двенадцати ветвях» [36].

Петр I положил основу создания царских охотничьих дворов и зверинцев. В Петербурге это были Петергоф, Гатчина, Царское Село, в Москве — Семеновский потешный двор, с. Измайлово и Александровская слобода [36]. В Малом зверинце на берегу реки Фонтанки, например, находились американские олени, а с 1738 г. — индийские олени. В Петергофе в 1737 г. было по 50 немецких оленей и маралов для охот. В Царскосельском зверинце в 1723 г. — 74 оленя. Около Царского Села был сооружен особый зверинец для ловли «забеглых оленей». Оленей ловили у стогов сена, «через разгораживание изгороди и скрадывание». Оленей, «подобных не-

Российский император Николай II с добытым на охоте оленем

мецким», присылали из Астраханской губернии, из Сибири доставлялись маралы, которые водились в сибирских степях. Ловить оленей можно было молодых. В штате Измайловского зверинца в 1773 г. было 320 оленей: 200 немецких и сибирских маралов и 120 американских оленей. Были здесь и изюбри. В этом зверинце в 1740 г. содержалось 176 оленей, в 1741 г. — 257 оленей. Число их иногда доходило до 544. Императрица Анна Иоановна (1693–1740) в первый же год своего правления (1730) была из ружья оленей в Измайловском парке, была метким стрелком и даже преследовала оленей на лошади. Екатерина II (1729–1796) больше любила смотреть на псовые охоты за оленями и зайцами. В той или иной степени активности на оленей охотились все российские императоры [36].

Промысловая охота на оленей в России формировалась по мере присоединения к ней Сибири и Дальнего Востока вместе с народами, их населяющими. В XVII в. русское продвижение в Сибирь по темпам и размаху было впечатляющим. Сибирь влекла и государственную власть, и казаков — ее представителей, и торговых людей, и охотников-промышленников, в первую очередь, своими пушными богатствами, которые осваивались в основном мирным путем через контакты с охотниками-аборигенами.

Русские, как никто, умели выстраивать отношения с коренными народами, делились своими навыками хозяйственной деятельности и легко перенимали их у аборигенов. К концу XVIII в. в Сибири и на Дальнем Востоке России сформировалось разношерстное, но очень активное общество охотников-промысловиков:

- 1) охотники из числа коренных народов Сибири и Дальнего Востока;
- 2) охотники из числа казаков, охраняющих границы России;
- 3) охотники из числа староверов, которые уходили от власти в самые отдаленные места Российской империи;
- 4) охотники из числа крестьян-переселенцев;
- 5) охотники из числа мещан, государственных служащих;
- 6) охотники-иностранцы (в первую очередь китайцы).

У каждой из этих групп была своя ярко выраженная потребность в охотничьем промысле — от основного способа выживания до простого времяпрепровождения.

Главной добычей охотников была, безусловно, пушнина. Историк Сибири П.А. Словцов писал: «Просвистала подле ушей Закаменных пуля из большой пищали, и Сибирь северная стала для России самородным зверинцем, кладовою мягкой рухляди» [81, с. 59]. Получение ясака (налога) с коренных народов Сибири стало главным мотивом, да и способом освоения Сибири: «Сия дань взималась соболями, лисицами, бобрами, песцами, белыми и голубыми куницами, горностаями, рысью, белкой и зайцами лучшего, разумеется, разбора» [81, с. 69]. Напряжение этой борьбы за обогащение государства Российского, а заодно и самих сбор-

щиков этой дани подчеркнем словами того же П.А. Словцова: «Команды городов, как воюющих государств, дрались между собой за право собирать ясак, будто бы не для того же государя» [81, с. 84].

В XVIII–XIX вв. Россия активно расширяла свои территории на юге Сибири до Горного Алтая, горной системы Западных и Восточных Саян, Забайкалья, до границ по рекам Амур и Уссури на Дальнем Востоке и Приморье. Иронично и с гордостью одновременно П.А. Словцов очень точно подмечает: «Русский не такой человек, чтобы стал греться у чувала якутского и долго покоиться по зимовьям Станового хребта; он пойдет без ландкарты, куда наслышка и глаз поведут» [81, с. 120]. На обширных и еще плохо обжитых территориях среди промысловых зверей активную роль играли копытные: лось, косуля, горные козлы, но не только. Важное значение по всему югу Сибири имела охота на сибирского благородного оленя-марала и его ближайшего сородича — изюбря. В Приморье развивалась охота на красивейшего представителя копытных — пятнистого оленя.

Способы охоты на маралов, изюбрей, пятнистых оленей совершенствовались в Азии тысячелетиями и продолжали развиваться с появлением новых видов оружия, новых слоев охотников-промысловиков и других факторов, иногда играющих чрезвычайно важную роль. Охота на благородных оленей глубоко и очень талантливо описана в работах А.А. Черкасова, Н.Н. Байкова, Н.М. Пржевальского, В.К. Арсентьева, систематизирована в книгах А.А. Силатьева и многих других интересных исследователей и писателей. Однако современному человеку, особенно живущему в провинции, практически недоступны многие работы указанных авторов. Поэтому я позволю себе в популярной форме остановиться на описании способов охоты на оленей (не включая северного).

Наиболее системное описание промысловых охот вообще сделал Анатолий Алексеевич Силантьев, который, рассматривая промысел разных видов оленей в известной своей работе «Обзор промысловых охот в России» (1898), писал: «Разные представители рода *Cervus*-оленей, дающие не только шкуру, сравнительно малоценную, но главным образом и мясо, промышленяются с небольшими перерывами в продолжение круглого года... Способами добычи, общими для всех четырех промысловых видов оленей — северного оленя, лося, марала и косули — будут: засеки или городьба с ямами в проходах или с настороженными луками, заганивание по насту и глубокому снегу, гоньба на лыжах с ружьем и собакой, скрадывание, засада на тропах, у водопоя, или во время перекочевков, или на солонцах (кроме северного оленя)» [80, с. 356–357].

Итак, А.А. Силатьев вначале выделил охоту на оленя ямами и городьбой (засеками). Этому способу охоты на оленя на всей территории Евразии — многие сотни лет. П.С. Паллас в своем путешествии 1768–1770 гг. по территориям России так описывал, например, деятельность охотников-вогулов: «Не имея кроме охоты другого упражнения, принуждены они по необходимости

рассеиваться сколь можно одна семья от другой далее, и не жить деревнями, ибо в таком случае не было бы для них прокормления довольно пищи... Каждая Вогульская семья в округе своего владения заняла на выгодном месте изгородку, простирающуюся в лес, иногда до двенадцати и более верст и состоящую из одного токмо плетня, либо из молодых сосен и елей между засек насаженных. Они крепко стерегут, чтоб изгородки были безопасны, и наблюдают прилежно, чтобы в тех местах, где оные поставлены, никто ни сена не косил, ни дерева не рубил, ни селился, ниже своровал бы уловленной дичи. В некотором расстоянии пущены отверстия и по оным расставлены напряженные творила или выкопаны ловчие ямы для поимки проходящих зверей...» [56]. На Алтае в 1770 г. П.С. Паллас отмечал, что около Тигерецкого форпоста: «Медведей, лосей, маралов и диких коз водится по всем горам великое множество. Стоящие на границах казаки ловят лосей в прикрытых ямах, как они делают при больших поскотинах и в кои часто также вваливаются медведи...» [56, с. 297]. И на казахском теперь Алтае в 1826 г. В.А. Мейер сообщал, что во многих местах на левом берегу, особенно в окрестностях Бухтарминска, далеко протянулись плетни, идущие к глубоким ямам [46].

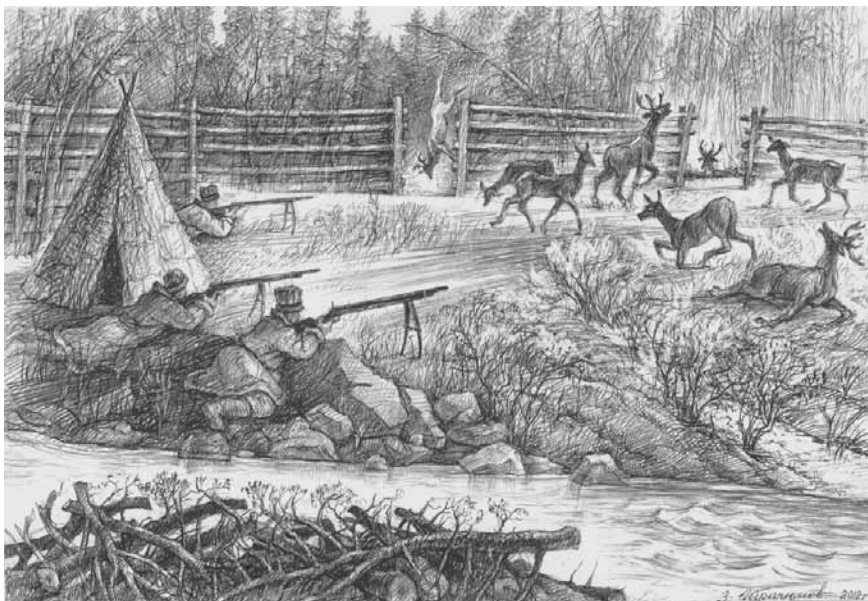
Известный исследователь жизни коренных народов Горного Алтая и Горной Шории, автор книги «Охотничий промысел алтайцев» (2001) Л.П. Потапов писал, что «наиболее сильные воспоминания у алтайских охотников сохранились относительно коллективной охоты ловчими ямами... Рытье ям было делом весьма трудным, так как железных лопат тогда не было. Рыли их охотники коллективно при помощи абылов, т.е. мотыг... Яму делали обычно круглой, 4–6 метров диаметром и глубиной 3–4,5 метра. На дне вырытой ямы втыкались острые колья (кастык), как правило, из лиственницы... Сверху яма тщательно маскировалась. Сооружались ловчие ямы за несколько месяцев до начала сезонного хода животных» [62, с. 26–27].

Ловчими ямами охотились тубалары, челканцы, кумандинцы, шорцы. Постепенно ямы заменялись засеками, которые также были коллективными. У тубаларов, например, засеки тянулись на несколько километров. Алтайские охотники очень хорошо умели ставить загороди на лосей и маралов в местах, где животные переходили (переплывали) реки в период сезонных миграций [62, с. 28], промышленляли они и за пределами своего Горного Алтая в Кузнецких, Абаканских и даже Енисейских горах. С.Т. Нейштубе отмечал, что «ловля маралов ямами также практикуется в Усинском округе. Ямы выкапываются в возможных узких местах, по дороге к солонцам, в логах и ущельях...» [51].

На территории современной Бурятии, по данным М.Н. Смирнова, который в свою очередь ссылается на Полякова (1873), «многие тунгусы состарились здесь на изюбрином промысле; кроме ружейной охоты, они ловят его в ямы, ставят также на дорожках, сделанных изюбрами, луки и таким образом счастливейшие убивают в год до 2–3 штук изюбрей» [83, с. 147]. Исследовательница Урянхайского края (Тыва) К.Д. Мицлова

замечала в своих наблюдениях: «Ловят маралов еще и в ямы, прикрывая их сверху хворостом и кладя сверху сено. Польстившись на него, марал смело ступает на предательскую настилку, запущенную снегом, и попадает в ловушку» [47, с. 52].

Подробно описывал ловлю изюбрия ямами как основной способ их добычи в Забайкалье А. Кузнецов: «Ямы для изюбрей устанавливаются большей частью около бывших солонцов и притом в более глухих отдаленных местах, нежели для ловли коз, в 18–20 верстах, а иногда и за 100 верст от деревни. Вдоль падушки, на одном из склонов, становится обыкновенная городьба на протяжении 2–8 и более верст, прерываемая через каждые 25–30, иногда 60 сажень, ямами, причем ямы стараются рыть так, чтобы тропки, пересекающие падь и ведущие от одной чащи к другой, выходили как раз к ним. Городьба для изюбрей делается в 4–5 жердей, а ямы глубиной в 1 сажень, а при каменистом грунте до 10 четвертей, ширина от 1 до 1 ½ аршина. И длина от 12 до 14 четвертей. В яме делается сруб из стоймя поставленных досок, драниц или слег, сверху поперек кладется две тонких перекладки, на них вдоль хворост, ветки и все это засыпается сухим листом, хвоей — «шонуром» так, чтобы ямы не было заметно. Если ямы делаются наемным трудом, то каждая обходится по 1 рублю, с городьбой от 3 до 8 рублей. Ямы часто бывают «вместные», т.е. принадлежат двум и более хозяевам; вообще можно сказать, что почти все домохозяева деревень Ингоды имеют большую или меньшую долю участия в ямах» [35, с. 89].

Промысел алтайских охотников маралов на переправе.
Художник З.М. Ибрагимов, 2012 г.

Об охоте на изюбрей в Забайкалье очень профессионально рассказывал А.А. Черкасов: «Зимой делают ямы также около зародов сена, на которое повадятся ходить изюбры; именно зарод с трех сторон обносится высоким забором из жердей, а с четвертой — низким, между зародом и последней стеной изгороди копаются яма и закрывается; изюбрь, подойдя к зароду, чтобы покушать зеленого сенца, пойдет, конечно, к низкой стене изгороди, но так как она поставлена далеко от самого сена, так что ему нельзя его достать через изгородь, то он перескочит последнюю и попадет прямо в яму. Некоторые промышленники нарочно ставят небольшие зародчики сена там, где много водится изюбров, и добывают их этим способом... Случалось, что животные, попавшие в ямы, простаивали в них по 12 и более дней и были живы» [92, с. 374].

На Дальнем Востоке местные охотники также знали способ охоты на оленей ямами. Н.М. Пржевальский отмечал, что туземцы ловят много изюбров в ямы [66]. В записках СОИРГО (Иркутск, книжка VII, 1864 г.) есть подробное описание ямы-западни в Приморье: «В лесах, в вершинах рек или их притоков, устраиваются длинные ряды западней, известных в Сибири под названием ям. Ямы эти делаются следующим образом: поперек хребта и долины речки идет вал из хворосту и сухих лесин, около вала торная дорожка, с которой устроены проходы к валу. Олень или коза, идя в проход, встречает препятствие, в проход на $\frac{1}{2}$ аршина от земли положена жердочка. Животное слегка перепрыгивает через нее на усыпанный листьями проход, но здесь твердой опоры нет, — листья покрывают тоненькие прутьики, а последние яму, куда животное и падает. Яма имеет деревянные стенки, состоящие из перпендикулярных ко дну бревен, она глубока, вылезти оттуда ни олень, ни коза не могут. Один только медведь разворачивает бревна, подрывает землю и вылезает вон, если только охотник не застанет его в этом занятии. Охотники обходят в известное время ямы и, если где попал зверь, то выгаскивают его на аркане и убивают. Подобного устройства ямы здесь повсеместны».

В соседней Маньчжурии также для ловли изюбрей делались ямы глубиной 10 футов. Их вырывают на тропках, проложенных этими животными, и тщательно покрывают сучьями и листьями. В эти ямы попадают и другие звери, между прочим, очень часто и медведи [53, с. 466]. Практиковались ямы при ловле оленей и сохатых и в Якутии [30].

Нам еще придется вернуться к этому древнему способу ловли оленей, а пока сделаем промежуточные выводы.

1. Ямы как способ охоты на оленей применялись сначала коренными народами, а затем и переселенцами по всей Сибири и на Дальнем Востоке.
2. Ямы являлись очень трудоемким способом добывания оленей и в большинстве случаев находились в коллективной (в том числе родовой) собственности.
3. Ямы, как правило, сочетались с загородами, которые тянулись на десятки верст. В оставляемых проходах могли сооружаться не только ямы, но и самострелы из луков или ружья, а также петли и капканы.

4. Ямы являлись одновременно эффективным и беспощадным способом ловли оленей.

Следующим способом ловли оленей, имеющим самое широкое распространение, по А.А. Силантьеву, было «загнание оленей по глубокому снегу или насту». Он писал: «С наступлением настоящей зимы охотиться на маралов значительно легче. При этом промышленники преследуют зверя в одиночку или по несколько человек, без собак или с собаками, иногда верхом, а чаще всего на лыжах, и стараются загнать его в лошину, набитую снегом, в которой он тонет и попадает в руки промышленника» [79, с. 507].

Охота на оленей по снегу и насту имела глубокую традицию, доведенную до совершенства коренными народами Сибири. А. Миддендорф в 1878 г. узнал у тунгусов, что они при охоте на оленей «на чрезвычайно легких охотничьих лыжах преследуют животных до тех пор, пока они едва дышат; затем настигают их, и нередко закалывают ножом, нередко же на несколько шагов не попадают в них стрелой, потому что и охотник до такой степени запыхается, что ему даже не всегда удается натянуть лук» [48, с. 602].

Г.Н. Потанин записал в 1859 г., будучи на Алтае: «Однажды русская артель, бывшая на промысле, встретила стадо маралов, застигнутых снегами... Пятьдесят маралов было зарезано на месте, и нарежали бы еще более ста, если б один промышленник не вспомнил, вероятно, установление промышленников, предрассудочное, но не лишенное человечности: «Бог не показал мясо даром бросать, а ведь нам всего мяса и теперь не убрать, для одних шкур режем». Эти слова остановили резню» [61]. В 1896 г. Бийский окружной исправник Головачевский в своем рапорте томскому губернатору беспокоился о судьбе марала на Алтае: «Как на один из наиболее губительных способов охоты на маралов можно указать на следующий: промышленник на лыжах с собаками гонит целое стадо маралов по рыхлому, еще не обледеневшему снегу, направляя преимущественно стадо в такое место, где больше снега. Маралы, обесиленные продолжительной гонкой и настигаемые собаками, кидаются со скалистых утесов в пропасть, часто убиваются, живые же остаются на произвол судьбы, засевшими в глубоких снегах. Промышленнику же не представляется возможности из пропасти их добыть, и нередко из целого стада маралов остается в руках промышленника добычей лишь несколько штук» [16, л. 2–3]. Такой способ охоты имел самое широкое распространение. А. Адрианов в 1883 г. отмечал, что в Саянах «зимой же особенно инородцы загоняют маралов на лыжах по глубокому снегу и закалывают их ножами» [4].

Известная теперь всей России семья староверов Лыковых (В.М. Песков «Таежный тупик») уже в 1950–1960-х гг. добывала в Абаканской тайге маралов вообще без оружия — ловчими ямами. Последняя из Лыковых, Агафья, рассказывала Пескову, что ее брат Дмитрий однажды зимой двое суток гнал марала так, что «тот шибко устал, а Дмитрий ничего» [27, с. 118].

Еще более жестоким способом охоты на копытных зимой было их преследование по насту. А.А. Черкасов отмечал, что «орочоны зимой гоняют изюбров на лыжах точно так же, как сохатых, и бьют их из винтовок или закалывают пальмами (рогатинами)... Зимой, а в особенности в великом посту, по насту, охотники верхом и без собак заезжают изюбров до того, что колют их ножами... В самом деле, изюбры, гоняемые по насту, так обдирают себе ноги, что из них бежит кровь ручьями, и несчастные животные дойдут до того, что, сделав последний скачок, падают в изнеможении на окровавленный снег, кричат диким, раздирающим душу голосом и обессиливают так, что, видя подсакавшего с ножом охотника, лежат неподвижно и в судорогах помирают от нанесенных им ран» [92, с. 376–377].

Лесными народами Саяно-Алтайского нагорья в XVII в. практиковалась ловля оленей по льду. Л.П. Потапов, цитируя Н.Я. Бичурину (Иакинфа), писал, что члены рода Байегу, например, «страстно любили звериную ловлю, землепашеством мало занимались. Гонялись по льду на лыжах за оленями [65, с. 157].

Таким образом, подчеркнем, что охота на оленя по глубокому снегу, насту и льду была очень безжалостным способом при добыче копытных в Сибири.

В «Обзоре промысловых охот» А.А. Силантьев выделяет такой способ охоты, как облава (загон или нагон) [80, с. 144]. В книге «Чингисиада» есть такие строчки:

*В далекие времена
Владыка Чингисхан,
Лично двинув тысячную облаву,
Нацепив тысячу луков,
Ведя следом тысячу гончих,
Отправился на охоту,
По степям и равнинам рыская.
Ловил щенков-соболей,
По белым степям рыская,
Ловил бело-пестрых барсов
И белых лисиц.
По гребням рыская,
Ловил рысей и антилоп.
На желтые барханы взбираясь,
Ловил желто-пестрых тигров* [93, с. 728].

В этих строчках нет упоминания об оленях, но далее мы находим следующие слова: «Мы отправляемся на охоту и убиваем много изюбрей; мы отправляемся на войну и убиваем много врагов» [93]. В Монголии для ловли копытных, и оленей в том числе, практиковались облавные охоты, зарождение которых уходит во времена самые далекие. После одомашнивания лошади и формирования первых племенных союзов этот

вид охоты получил большое развитие. Изображения на «оленных камнях» позволяют предположить, что облавные охоты в Азии практиковались уже предками хуннов. В наскальных рисунках бронзового века (4–1 тыс. лет до н.э.) изображены сцены коллективной облавной охоты на оленей с собаками [28]. От Д. Жардалова мы узнаем, что в 1899 г. китайские крестьяне нашли черепаши панцири и кости животных с гадательными надписями, возраст которых датируется 1401–1384 гг. до н.э. Вот как выглядят отдельные тексты:

– *Действительно поймали тигра одного, оленей сорок, лисиц сто шестьдесят четыре, лосей — сто пятьдесят девять;*

– *Действительно поймали... двух, носорога одного, оленей двенадцать, вепрей двух, лосей сто двадцать семь;*

— *(Племени) Хуа оленей ловить* [28, с. 44].

Со временем облавные охоты в Китае на оленей преобразовались в преследование зверей в специальных заповедниках. Такие парки устраивались для знати в Ассирии, Персии, Египте. Подобную охоту предпочитали древние римляне. Однако древние степные народы ее не признавали из-за очевидного неравенства состязания между человеком и животным [28, с. 46].

Племя хунну, например, часто проводило облавные охоты вблизи китайских границ, и охота нередко перерастала в набеги на китайские земли. В 60-м г. до н.э. на подобную охоту хуннский шаньюй (верховный руководитель) вывел войско в сто тысяч всадников. Добычей хунну в облавных охотах были благородные олени, лоси, горные бараны, антилопы, козули, кабаны, лисы и даже тигры [28, с. 50].

После хуннов в Азии выделялись скифские племена. Д. Жардалов отмечал: «Для зажиточных слоев скифского общества охота выступала лишь развлечением, для основной же массы населения она являлась промыслом. Как показывают сцены охоты, запечатленные в наскальных рисунках, одной из распространенных форм охоты была облавная, хотя скифы охотились и с помощью ловчих ям, на которые зверь нагонялся.

Скифские племена оставили богатую культуру. Исследование, например, пазырыкских курганов скифского времени в Горном Алтае показывает, что скифы делали охотничьи амулеты из клыков медведя, кабана, кабарги, марала, изображали различных зверей в изделиях из бронзы и дерева, в аппликациях на коврах. Все это дает возможность определить тот круг диких животных, на которых они охотились. В этот круг попадают горный козел, горный баран, марал, лось, олень, антилопа, кабан, кабарга, козуля, барс, медведь, волк, заяц, соболь, выдра, белка» [28, с. 55].

Древние тюрки полностью переняли от предшественников искусство облавных охот с хитростями вторжения на чужую территорию. В облавных охотах использовались загороди-насыпи, волосяные веревки и даже частоколы. У Енисейских кыргызов в верховьях Енисея в таких охотах участвовали не только всадники, но и пешие охотники с собаками.

После кыргызов в степях Центральной Азии властвовали кидани, «император которых дважды в год отправлялся на облавную охоту, на которой проводил шестьдесят дней». Д. Жардалов пишет, что на оленей он охотился в сентябре-октябре. «Порядок ее проведения был таким — ночью охотники звуками из рогов сгоняли оленей в одно место, где и стреляли их при наступлении рассвета. Видимо, этот способ охоты основывался на приманивании оленей-самцов во время гона. После охоты устраивалось пиршество, на котором ели сырую печень зайца и сырую оленину» [28, с. 65]. Киданьский император подчеркивал, что его облавные охоты не забава, а обучение военному делу.

Следующие за киданями чжурчжени (тунгусо-маньчжурские племена, выходцы с Амура, Сунгари, Уссури) также очень любили облавные охоты и придавали им элементы массовых празднеств с состязаниями и гульбищами.

У монголов еще до Чингисхана облавные охоты были неотъемлемой частью жизни, что проявлялось, например, в фольклоре. Д. Жардалов приводит в пример поэму в честь сыновей Хабул-хана (предводителя монголов), где поносятся сыновья Амахай (Амагар) хана:

Вы, десять сынов Амахай-хагана, слушайте!
В овражистых горах ведете вы облаву.
Самок и самцов архаров убиваете вы,
Из-за дележа мяса самок и самцов,
Учиняя драки и убийства между собой,
Разъединяетесь вы.
В туманных горах ведете вы облаву,
Оленей и оленух убиваете вы,
Из-за дележа оленьего мяса,
Учиняя раздоры и драки,
Разъединяетесь вы.
В каменистых степях ведете вы облаву,
Диких коней, антилоп убиваете вы,
Из-за дележа конского, антилопьевого мяса,
Рубитесь и бьетесь друг с другом, —
Разъединяетесь вы.
А у тех семерых сыновей Хабул-хана
Такое вот поведение:
В увалах ведут они облаву,
Оленьих детенышей убивают они,
Деля мясо оленьих детенышей,
Говорят: «Попируем, друг другу окажем честь!»
Сказав же: «Да будет счастье и благодеяние!», —
Разъезжаются они.
В покрытых туманом горах ведут они облаву,
Кабаргу и другую дичь убивают они,

*Деля мясо кабарожье и звериное,
Говорят: «Угостим же друг друга, окажем друг другу честь!»
Говоря взаимно приятные и желанные слова,
Разъезжаются они.
В речных волнистых долинах ведут они облаву,
Зайцев и фазанов убивают они.
Деля меж собой заячье мясо,
Говорят: «Почествуем и уважим друг друга!» [28, с. 77].*

Можно смело предположить, что наиболее развитым искусство облавных охот было у монголов при Чингисхане, так как именно при нем максимального развития достигли государство, армия и управление людьми.

Облавные охоты стали неотъемлемой частью общественной жизни, хотя бы потому, что длились ежегодно от одного до трех месяцев с привлечением иногда многих тысяч воинов-всадников. Приведем в пример подробное описание такой охоты из работы Лео де Хартога «Чингисхан — завоеватель мира»: «Облава могла длиться от одного до трех месяцев. В это время можно было проводить военные маневры, практиковаться в использовании оружия, поддержании дисциплины и учиться преодолевать трудности. Поскольку в охоте было задействовано большое количество туменов, можно было считать ее военным учением. Тогда становится понятно, почему в Ясе были прописаны правила охоты. За их нарушение или пренебрежение полагалось серьезное наказание. Начало зимы было наилучшим временем для масштабных охот. Приказы заранее направлялись войскам, которые должны были быть в ней заняты. Родственникам Чингисхана требовалось присутствовать в обязательном порядке. Местность, где должна происходить облава, заранее разведывалась, чтобы установить число животных, обитающих на ней. Военные отряды, принимающие участие в охоте, развертывались вокруг района облавы, площадь которой иногда достигала нескольких тысяч квадратных километров... Каждому военачальнику выделялся сектор командования, в свою очередь части сектора распределялись среди военачальников более низкого ранга. Каждый отряд отправлял своих загонщиков как будто на военную операцию: разведчиков вперед, следом основную силу с левыми и правыми флангами. Как только войска смыкались, образовывался практически идеальный круг. С каждого военачальника и командующего был спрос, если животные убегали. Проводилось дознание с целью определить виновных, которых строго наказывали, иногда даже казнили. Войска не начинали окружения до прибытия императорской процессии с Чингисханом, членами его семьи, женами и наложницами. Процессия останавливалась в заранее определенном месте, откуда можно было обозревать облаву. Императорской семье преподносили еду и напитки. После этого огромный живой круг начинал сужаться, чтобы загнать животных в кольцо периметром приблизительно 15 километров, после чего веревки с привязанными

к ним кусками войлока натягивались между различными отрядами. Чингисхан постоянно получал информацию о ходе облавы» [41].

Персидский историк Джувейни, посетивший такую охоту, оставил волнующее описание поведения животных, оказавшихся в кольце окружения: «Кольцо наполнилось криками и тревогой каждой жертвы, ревом и смятением самых разных свирепых животных; все мысли о том, что назначенный час, когда дикие животные соберутся вместе, настал; наконец-то львы породнились с ослами, гиены подружились с лисами, волки стали лучшими друзьями зайцев».

Открытие охоты было привилегией Чингисхана, а позднее его наследников. Никому не разрешалось убивать животных до того, как это сделает правитель. После Чингисхана охотились члены его семьи. Затем наступала очередь командующих и их подчиненных в соответствии с рангом. Резня животных длилась в течение многих дней. Наконец группа стариков подходила к Чингисхану, чтобы просить его сохранить жизни тех животных, которые еще не были убиты. Эту просьбу удовлетворяли, и выжившим животным разрешалось убежать. Количество добычи подсчитывалось, и каждый охотник получал свою долю [41].

В монгольской клятве были такие слова:

На врага мы поспешно ударим —

Как один общей силой ударим.

Или дикого зверя облавить —

Как один, общей лавой облавим [28, с. 88].

Облавная охота персидского царя.

Гравюра Ф. Галле по рисунку Ян ван дер Страта.

Из книги В.В. Панкратова «Охота в европейской живописи»

Преемники и наследники Чингисхана постепенно утратили навыки облавных охот общегосударственного масштаба. Остались лишь придворные охоты и мелкие охоты хозяйственного значения на уровне отдельных племен. После Чингисхана и Удегея наиболее масштабными оставались облавные охоты маньчжурского императора, которые подробно прописывались в его указах и уложениях [69].

А. Рудаков приводит пример, в котором маньчжурский император бранит своих ближайших подчиненных Ханинга и Бадули, нарушивших строй в одной из облавных охот: «Все вы прекрасно знаете охоту! Ведь необходимо прежде всего, чтобы на месте охоты было все в порядке, после чего должно общими силами составить облавной круг; тогда только зверь может быть взят. Теперь же среди вас беспорядок, одни позади, другие впереди... Какое же животное при таких условиях может быть поймано? А это от того, что все вы заведующие делом джангини (джангинь — заведующий охотой. — *Н.Ф.*) — слабы и не можете обуздать своих людей! Теперь я вам прощаю, но смотрите, если в будущем повторится то же самое, будете сурово наказаны» [69].

Однажды маньчжурский император Кан-Си участвовал в охоте, на которой в один день было поймано одиннадцать больших оленей. Один из его спутников воскликнул, что такая удача — это божественный талант. Кан-Си ответил: «Я с давних пор во всех своих охотах убивал много оленей. Причем же тут божественные таланты» [69, с. 399–400].

По данным Н.М. Пржевальского, после того как в 1820 г. на облавной охоте был убит маньчжурский император Кя-Кин, такие охоты во внутренней Монголии прекратились [28, с. 128].

Е. Тимковский, путешествовавший через Монголию в Китай, в 1820–1821 гг. в своих заметках описал приготовление к одной из последних, видимо, императорских охот: «Богдо — так называют монголы китайского Государя, — отправляясь из Пекина на охоту в летний дворец Жехэ (за великой стеной, в юго-восточной части Монголии), посылает указы всем удельным князьям Монголии: одним заниматься звериной ловлей в своих владениях, а другим — чтобы для того явились в Жехэ. Лучшая, или почему-нибудь редкая добыча, в особенности же дикие кабаны приносятся в дар его Величеству. Сказывают, что на Ванскую охоту отряжают до 500 человек лучших всадников и стрелков из халхаского аймака. Зверей сгоняют в кучу, один только Ван, Амбань и маньчжурские чиновники их свиты стреляют во все собранное стадо оных. Ни один из монголов, под строгою казнью не смеет пустить туда стрелы, а могут бить, преследуя только тех зверей, кои вырвутся из круга» [87].

Знали облавные охоты и хакасы. Г.Ф. Меллер описал такую охоту в XVIII в.: «У татар в Красноярском уезде... на Абакане... они собираются по 300–400 человек, среди них так же женщины и дети, все верхом. Сначала они образуют линию... Затем оба крыла постепенно сближаются, получается круг. Старшина охоты едет посередине с несколькими

хорошими охотниками, находится в середине круга, и они все время бьют дичь. Иногда удается убить в одном таком круге до 100 штук дичи, ибо олени и косули ходят стадами, по 50 и более животных. Это иногда продолжается непрерывно 3–4 недели» [78].

У бурят преобладала охота на копытного зверя, и в облавных охотах участвовало от 300 до 1000 и более охотников. «На облавные охоты буряты собираются улусами, родами и даже племенами» [28, с. 150]. Проводились они всегда во время холодов. От каждого рода на охоту выезжал охотник, представляя примерно десять работоспособных мужчин. Если эта пропорция не выдерживалась, то род наказывался штрафом. Наряду с мужчинами, выезжали и участвовали в охоте молодые замужние женщины и девушки. На охотах порою совершались и помолвки [28, с. 150]. В охотах участвовали шаманы со своими ритуалами и онгонами (деревянное изображение идола), к которым были обращены призывы охотников перед облавой: «Когда я буду на охоте, собирайте зверей во множестве, марала не угоняйте, изюбря не пропускайте, руки и глаза мои сделайте меткими, мешки сделайте вместительными, торока и выюки сделайте тяжелыми» [28, с. 151]. Последние крупные облавные охоты у бурят проводились в 1860–1862 гг.

Л.П. Потапов пишет, что у тубаларов еще в начале XX в. устраивались облавы на маралов и на косуль [63, с. 218]. Однако по сути это были уже не облавные (в кольцо), а загонные (нагонные) охоты, когда охотники-загонщики нагоняли животных на охотников-стрелков в засадах. Такой же метод охоты описывает и А.А. Черкасов в Забайкалье: «Зимой изюбров обыкновенно облают: узнав достоверно, что изюбры находятся в известном месте, несколько охотников заезжают вперед и садятся на ходовых местах и перевалах (собственно этих зверей), а другие, спустя несколько времени, чтобы дать возможность засесть стрелкам на месте, заезжают с противоположной стороны и гонят зверей» [92, с. 361].

Таким образом, некогда грандиозные по масштабам и уровню организации облавные охоты на копытных и оленей в частности прекратились во второй половине XIX в., и остались только загонные охоты, подробнее о которых речь еще впереди.

Охоту за оленями «на трубу» или «на рев» А.А. Силантьев в своем обзоре отмечал буквально несколькими словами, однако этот вид охоты имеет очень древние корни, и даже теперь распространен везде, где водится благородный олень [80, с. 138].

А.П. Деревянко сообщает, например, что в китайских летописях описано, что журжени имели отличных лошадей, были превосходными охотниками, могли долго преследовать добычу и, догнав животное, убивали. Они устраивали засады, делали из коры манки и, подражая крику оленей, приваживали животных [24, с. 347].

Описывая охоту удэгейцев, С.Н. Браиловский отмечал, что они «бьют его по «трубе». Такой способ охоты практикуется осенью и основан на том, что с сентября изюбрь-самец начинает реветь, отыскивая самку [10].

Широко практиковалась такая охота в Енисейской губернии. А.П. Степанов рассказывал: «Я видел татарина, стрелка зверей, называемых Сын. У него была борга или свирель для приманки зверя: это цилиндр несколько конический, из кедра, в аршин длиной, с малым отверстием сверху и в полвершка снизу. Стрелок играл, вдыхая воздух в себя и подражая тому голосу Сына, какой издает он, отыскивая осенью самку. Ежели действительно звуки борги похожи на голос этого зверя, то песня любви его прельстила. Она заключает в себя что-то торжественное, похожее и на голос лебедя и на звуки валторны» [86, с. 203–204].

На изюбря с манком. Фото Н.Н. Немнонова

Знали ловлю маралов на трубу тувинцы, у которых она называлась мурга: «Дополнительно тувинцы-тоджинцы использовали древнейший способ охоты... в использовании деревянной дудки (мурги)... для имитации крика самца марала... в мургу не дули, а, наоборот, через нее втягивали воздух» [78].

В Шории, по словам Л. Потапова, дудка для подманивания маралов — «рычь» — делалась из кедра: «Она состоит из двух выдолбленных половинок. Половинки эти складываются. На них натягивают кишку (барана или теленка), скрепляют деревянными кольцами, высушивают. Нетрудно видеть, насколько это орудие примитивно и, вероятно, весьма древнее. Иногда с рычь охотились весной» [64].

В Забайкалье «охотник с трубой обыкновенно взбирается на высокий гребень или бугор, — писал А. Кузнецов, — кричит несколько раз с промежутками около $\frac{1}{2}$ часа и каждый раз прислушивается: рев этот слышен почти до 5 верст. Самец изюбрь, услышав такой рев, откликается и идет на него, иногда в сильном возбуждении набегаёт на охотника. Случается, что бык приводит с собой одну или несколько маток. Иногда происходят и такие случаи: зверовщик, заслышав рев изюбря, идет на него и вместо зверя находит другого охотника с трубой» [35].

Интересные наблюдения донес до нас В.К. Арсеньев: «Осенью же, когда наступят холодные лунные ночи, тайга оживает — начинается рев изюбрей. В это же время ревет всякий зверь, ревет и тигр. Он ловко подражает изюбрю, и только короткое мурлыканье в конце изобличает страшного хищника. Иностранцы в трубу, сделанную из бересты, хорошо подражают реву оленя и подзывают его к себе ближе, чем на ружейный выстрел. Случается и так: охотник ищет изюбря — и вдруг вместо желанного оленя из зарослей выходит тигр, в миг роли могут поменяться: дичь становится охотником, а охотник — дичью. Впрочем, тигр раньше человека узнает, с кем он имеет дело, и заблаговременно постарается уклониться от встречи» [6, с. 27].

Еще раньше говорил о таких встречах Н.М. Пржевальский: «Не знаю, насколько верно, но лобнорские охотники уверяли нас, что тигр иногда подражает голосу марала, зовущего свою самку, и таким образом старается обмануть осторожного зверя» [67, с. 95].

По сведениям охотников, на трубу вместо изюбря выходили, случалось, и медведи. Это совсем не означает, что изюбрь или марал были совсем уж беззащитными животными. С.П. Кучеренко, например, описывает такой случай охоты тигра на оленя: «...Стрелой полетел хищник на свою добычу, изюбрь мгновенно развернулся к врагу с низко наклоненной головой, резко мотнул ею вверх, и тигр полетел через его спину. А изюбрь успел все-таки принять врага на свои рога и с неожиданной для меня легкостью швырнул этакую тяжесть поверх себя... В следующую секунду бык мчался прочь, забросив эти рога на спину, а тигр бился в судорогах... И кто бы мог подумать: изюбрь запарол тигра!» [37, с. 117].

Не возвращаясь больше к такому способу охоты на оленей, можно утверждать — это наиболее азартный вид добычи оленя. Я не охотник, но хорошо знаю, как волнующе звучит рев марала осенью. Как замечательно говорит об этом времени мой хороший знакомый, уважаемый мараловод Горного Алтая А.Е. Ничков: «Тайга колетса!». Что тут добавишь?!

Далее попытаемся ответить на вопрос: ради чего человек так активно преследовал оленя? Несмотря на кажущуюся очевидность ответа, его стоит рассмотреть подробнее.

Многие тысячелетия олени оставались важным источником мяса как пищи. Охота на оленей была в основном коллективной, и мясо доставалось практически в одинаковых долях всем ее участникам, а охотники-аборигены делились мясом еще и с соседями, вдовами, стариками. В товарное обращение в начале XIX в. мясо оленя практически не попадало за исключением отдельных меновых сделок.

Очень важное значение в быту имели шкуры оленей, которые, по словам А.А. Силантьева, «употребляются по большей части на шитье всевозможной одежды, шапок, обуви, выделку кож, ремней, замши и массы

предметов домашнего обихода, как то на подстилки, покрывки, ковры, постели, одеяла и многое другое» [80, с. 425].

Помимо одежды, шкуры оленей использовались в охотничьем снаряжении. Практически все коренные народы Сибири, кто знал лыжи, подбивали их шкурой лошади, лося, марала или изюбря. Эвенки, например, обувь для лыж (уляди) шили из наиболее крепкой шейной части шкуры сохатого или изюбря. Такую обувь любили и русские охотники. Шкуры оленя в отличие от мяса, очень рано стали товаром. Л.П. Потапов замечал, что «южные алтайцы ездили в Усть-Каменогорскую крепость для мены маральных шкур... Рядовые алтайцы носили штаны и куртки из выделанной наподобие замши кожи марала...» [63, с. 127].

В другой своей работе он также обращал наше внимание на то, что «шкуры маралов выделывались и повсеместно служили, как служат иногда и теперь, материалом для штанов, курток... Сухожилия маралов давали с примесью конопляного волокна прочные нити, рога-пороховницы, рукоятки к ножам. Кожа с ног оленя шла на шитье меховой обуви и обивку лыж. Печень и легкие... употреблялись для выделки шкур. В шаманском ритуале, в одежде шамана, в бубне (который обтягивался кожей дикого оленя или марала)... Платили ли калым, подносили ли подарок — везде шкуры зверей были необходимы... Сушеный маралий рог применялся в эмпирических и магических способах врачевания» [63].

О енисейских татарах П.С. Паллас в 1770 г. писал: «...В марте, покуда снег еще не растаял, по следам гоняют оленей, лосей и других диких зверей... Лосины и оленины отдают в казну, чего не достанет, то доплачивают деньгами» [57, с. 527].

Значит российская казна принимала шкуры оленей в уплату налога. Это подтверждает В.В. Радлов в своих записках по итогам путешествия по Сибири в 1862 г.: «Пока двоedanцы считались китайскими подданными, их зайсаны, демичи и шуленги по отношению к русским были обязаны: вносить калан (он состоял из 160 маральных или лосиных шкур стоимостью в 200 рублей и доставлялся в октябре в Бийск)» [68]. Оказывается, Сенатский указ еще от 19 декабря 1766 г. обязывал принимать ясак лосиными и оленьими кожами для нужд армии. Это требование повторилось и в 1797 г. Из сообщения В. Вербицкого также было известно, что «алтайцы бассейна реки Чуя еще во второй половине XIX века вносили ежегодно в Бийское окружное казначейство 160 маральных и лосиных шкур общей стоимостью 200 рублей» [13].

Однако не только Российское государство имело выраженный интерес к оленьим шкурам. Р. Маак, изучая долину р. Усури, в 1861 г. зафиксировал, что по отношению к домашней экономии, промышленной деятельности и торговле настоящий олень (пятнистый олень. — *Н.Ф.*) имел для хозен огромную важность: «Он приносит им много пользы как животное, употребляемое в пищу... они продают китайцам шкуры... Шкура этого

олени ценится китайцами в 1 янг за штуку и принимается маньчжурскими чиновниками в уплату дани, которая положена на туземцев» [42].

Во второй половине XIX в. шкуры оленя — это уже вполне рыночный товар. Н.М. Ядринцев в 1878 г. отмечал: «Маралья кожа покупается в сырце на Алтае от 2 до 5 рублей за штуку. Выделка замши производится в Алтайском селе для домашнего употребления. Кроме того, кожа маралов вывозится во внутреннюю Россию для выделки рукавиц и перчаток. При зарождающейся замшевой кустарной промышленности в Алтае выделка кож марала играет не последнюю роль». Из замши делают шаровары-чамбары, рукавицы и перчатки, она может идти и на тюфяки, седла и проч. [103].

Годом раньше Г.Н. Потанин также записал: «Сырые маралины отправляются в Ирбит и продаются там иногда по 4 рубля 50 копеек — 5 рублей за штуку, в другое время совсем не имеют сбыта в Ирбите. Выделанная маралина расходуется только в крае на рукавицы, замшу и рукавицы готовые и только скроенные развозят по ярмаркам Антоньевской, Смоленской, Бийской, Сузунской, Барнаульской и Чарышской» [60, с. 89].

Путешествуя по Акмолинской области в 1878 г., С.Я. Словцов отметил: «Шкуры марала ценятся от 3 до 4 рублей. Делают (из них) замшу (на Чамбары), для сбруи, рога (окошеневшие. — *Н.Ф.*) иногда продают ташкентцам, но большей частью бросают» [82].

Гораздо дороже на Дальнем Востоке ценились шкуры пятнистого оленя. Р. Маак в 1861 г. заметил, что «за летние шкуры пятнистого оленя китайцы платят, как за два хороших соболя». Летние шкуры играли некоторую роль в религиозных действиях шаманов. Шаманский костюм делался из этих шкур. Отправка шкур производилась в Гириин [42]. С исчезновением оленей цена на их шкуры росла. П.М. Юхнев, анализируя промыслы кочевников Бийского уезда в конце XIX в., писал: «В 1896 году в Улалинской ярмарке цены на разные виды пушнины и вообще продуктов звероловства колебались в таких пределах: шкура марала 5–25 рублей, смотря по возрасту зверя и качеству шерсти» [100, с. 121].

А.А. Силантьев в своем «Обзоре охотничьих промыслов» зафиксировал на основании многочисленных данных с мест: «Рога оленей обыкновенных и маралов, где только имеется возможность сбыта, являются ценным товаром, идущим или целиком как украшение. Или же на разного рода поделки: на ручки для ножей, тростей, на токарные изделия, мебель, канделябры, люстры, вешалки и разные безделушки» [80, с. 465].

Во второй половине XIX в. в Сибири появились цены и на мясо оленей. А.А. Черкасов сообщал: «Мясо ценного изюбря стоит 10 и более рублей серебром, да шкура изюбря три, четыре и шесть рублей серебром... Изюбряная шкура носит название половинки... она тоньше сохатиной и не уступает в прочности последней... Изюбряная шерсть чрезвычайно легка и удобна к набивке матрасов; она никогда не скатывается и имеет надлежащую упругость» [92, с. 354, 355].

Уймонские охотники-старообрядцы. Реконструкция фото.
Рисунок З.М. Ибрагимова. Музей алтайского марала (г. Бийск)

Цена на мясо оленей росла. В начале XX в. Ю.М. Янковский докладывал, что «Мясо убитых оленей ценится также высоко, его охотно берут в рестораны по цене 6–7 рублей за пуд, что составляет 30–40 рублей за тушу, вес оленя (пятнистый олень. — *Н.Ф.*) 5–6 пудов» [105].

Путешествуя по Алтайским горам в 1826 г., К.Ф. Леденбург, между прочим, отмечал, что «однажды один из калмыков (алтайцев. — *Н.Ф.*) пел: «Там бежит олень, я хочу его застрелить» [40, с. 116]. Ничего необычного для местных охотников, но далее он сообщил: «Но главный доход им (жителям д. Уймон. — *Н.Ф.*) дает охота на маралов, которая происходит ранней весной, пока рога у маралов еще одеты мочкой и имеют мягкие верхушки. На воздухе рога затвердевают, и охотники продают их китайцам, которые платят большие деньги от 50 до 100 рублей за цельные рога» [40, с. 132]. В этом же году еще один исследователь Алтая А.А. Бунге сообщил такую информацию об уймонских охотниках и их трофеях: «Охотничьи трофеи составляют шкуры убитых животных, но и мясо, редко употребляемое сразу, вялится в огромном количестве и сберегается на черный день. Особенно ревностно охотятся на олень-самцов: их рога — вот что приносит главный доход. Когда рога еще молодые и мягкие и покрыты пушком, их очень осторожно сушат, а затем продают поштучно монголам, которые платят за них крупные суммы и отправляют в Китай, где они очень высоко ценятся как лечебное (стимулирующее) средство» [39, с. 198, 199].

Таким образом, в начале XIX в. исследователи Алтая узнали, что алтайские и русские охотники активно добывают маралов ради неокостеневших рогов — пантов. Цена на такие панты была очень высока, в 10–20 раз больше стоимости всех остальных вместе взятых трофеев, получаемых с марала. Покупателями являются китайцы, которые высоко ценят панты как лечебное средство.

Через 16 лет, в 1842 г., П. Чихачев, изучая Восточный Алтай, записал: «Олени, антилопы и медведи — главная цель преследования алтайцев. Охота в этих местах весьма выгодна. Она дает возможность алтайцам не только уплатить налог, но и позволяет получить значительную прибыль от продажи некоторых видов животных. Между прочим, очень ценны панты и мясо марала. Так, за пару пантов платят от 150 до 200 франков (1 рубль — 10 франков). Однако ценятся именно мягкие кровоточащие панты, а не окостеневшие рога. Поэтому все усилия охотников направлены исключительно на добычу молодых маралов, которых они преследуют с необыкновенным ожесточением и терпением. Порой целое семейство исчезает на несколько месяцев, захватив с собой лишь немного чая и бараньего сала; испытав невероятные трудности, охотники возвращаются, часто не сделав ни одного выстрела. Несмотря на все лишения и неприятности, охота в жизни этих народов играет такую важную роль, что они даже месяцам дают названия животных. Так, январь у них называется месяцем оленя, июнь — кукушки и т.д. Надо сказать, что русские, особенно жители Уймона, все более и более осваивают этот доходный промысел. В результате охотники-гуземцы отказываются от такой сильной конкуренции и уходят все дальше и дальше в пустынные районы и труднодоступные горы, что, конечно, делает условия их жизни еще более тяжелыми» [94, с. 43–94].

Когда же, в какие годы сибирские охотники начали охотиться на оленей с целью добычи пантов? Вопрос крайне сложный, и предположительно ответить на него можно только по отдельным регионам Сибири и Дальнего Востока.

В пределах Алтая на этот вопрос первым высказал свое мнение Ф.Г. Добржанский, который писал в 1928 г.: «Появление на Южном Алтае русского населения началось задолго до того, как этот край вошел в пределы России. Эти люди (русские беглецы с рудников, преступники, староверы и др. — *Н.Ф.*) селились сперва поодиночке в разных уголках края, а затем стали образовывать и поселки. Таким образом, появился в бассейне Бухтармы ряд деревень, могущих гордиться солидной древностью. Например, Фыкалка (основана в 1662 году), Белая (в 1700 году), Язовая (1707) и др.» [26, с. 189]. Ф.Г. Добржанский считал, что до середины XVIII в., пока Южный Алтай граничил с государством Джунгария, которое постоянно воевало с китайцами и применения пантам само не знало, — спроса на панты не было [26, с. 190]». «Вероятнее всего, — писал он, — что русское население Бухтарминской долины узнало о цен-

ности маральных пантов позднее, а именно не ранее шестидесятых годов XVIII века, когда китайцы, уничтожив Джунгарию, завладели значительной частью ее территории и провели свою границу как раз по Бухтарме. Теперь к югу от Бухтармы появляются китайские военные пикеты, имевшие постоянные сношения с собственно Китаем через Монголию и наряду с выполнением своих прямых задач, занимавшихся также и торговлей с окрестным населением» [26, с. 190].

Можно предположить, что немного позже о пантах узнали в Восточном Алтае, Хакасии, Туве и Бурятии. Известный историк Сибири П.А. Словцов, анализируя материалы по развитию сибирской промышленности с 1742 по 1765 г., делал вывод: «Две торговые слободы: Кяхта и Маймачины, населенные купцами и прикащиками обеих империй, суть единственные двигатели российско-китайской торговли... В Кяхтинском торге вращалась мягкая рухлядь не одной Иркутской губернии и даже не одной Сибири... Из Кяхты отпускались в Китай: кожи юфтевые и козловые, белка-зырянка (чердынская), иртышская, обская и других сибирских пород; бобры речные, камчатские или морские, соболи, лисицы, выдры и пр.; сукна иностранные в небольшом тогда числе, моржан или кораллы, кость моржовая и мамонтовая, рога и пр.» [81, с. 441, 442].

О продаже каких рогов идет речь? Возможно, о сайгачьих рогах (П.С. Паллас в своем путешествии по Сибири в 1772–1773 гг. отмечал в перечне всего, чем торгуют с Китаем, «сайгачьи рога, из коих китайцы весьма прозрачные делают в фонари вместо стекол окончины, пара от 60 до 80 копеек, а один от 27 до 35 коп» [57, с. 19]), но, может быть, и о пантах марала (изюбря).

Статский советник Ю. Гагемейстер в своем «Статистическом обозрении Сибири» (1854 г.) писал об изюбре, что «зверь этот долго не имел значительной ценности в промысле, но лет тридцать назад открылся сбыт его рогов в Китай. Там рога эти употребляются как средство, сильно укрепляющее и возвращающее силы даже старикам» [14, с. 328].

Речь идет о торговле пантами в 1825 г. Зная, что Кяхтинская торговля с китайцами начата с 1727 г., предположу все-таки, что меновая торговля пантами в Забайкалье началась несколько раньше 1825 г.

Попытаемся теперь разобраться о времени начала торговли пантами на Дальнем Востоке. Известно, что китайцы знали силу пантовой продукции уже 2–2,5 тыс. лет до н.э. По крайней мере, в 1596 г. китайский врач Ли Ши-Чжень написал сводную фармакопею, где использовал данные 800 предыдущих авторов. Он уже тогда отмечал, что «охотники ловят оленей, связывают веревками, чтобы они не двигались, снимают панты и затем убивают оленя» [45, с. 12].

На севере Китая в конце XVI — начале XVII в. существовал активный союз маньчжурских племен с очень боеспособной армией. А.А. Гевайлер, изучая историю женьшеня, заметил: «На деньги, вырученные за

женьшень, меха, панты и другие дары тайги, была сколочена мобильная армия, способная разбить любого врага» [18, с. 50].

П.А. Зверев добавляет: «В XVII веке (1626) при дворе китайского императора на службе было 30 профессиональных охотников, которые добывали в год 2700 оленей, в том числе пятнистого оленя, в основном на территории современной Маньчжурии, но заходили они и в Приморье» [31, с. 173].

Маньчжурские власти активно собирали дань со своих северных «соплеменников» (гольды, удэхе и др.) мехами и пантами в том числе. В «Описании Маньчжурии» (1897 г.) говорится, что «кроме мехов, инородцы обязаны поставлять ко двору императора еще некоторые местные произведения. Так, должно быть убиваемо известное количество оленей, для Шень-Цзинской провинции, оно определено в 1200 штук, а для каждой из двух других провинций в 600 штук» [53, с. 469].

Удивительно, но в 1896 г. уже русские подданные инородцы продолжали платить дань китайским властям [53, с. 468].

Таким образом, «инородцы» вошедшие в 1860 г. в состав России и проживающие вблизи границ с Маньчжурией очень давно, может быть даже с конца XVIII в., знали охоту за пантами.

Следует еще раз уточнить для читателя, что Н.А. Байков, например, писал, что «молодые еще не окостеневшие рога изюбря, покрытые тонкой шкуркой с мягкой и короткой шелковистой шерстью, называются у русских промышленников пантами, у китайцев же носят название «лююнь» [7, с. 68]. Таким образом, спрос на панты пришел к нам из Китая. Русские промышленники утверждали, что слово «панты» произошло от тунгусского «фунту». В Китае панты ценятся уже тысячелетия за их особые целебные качества для человека. Подробнее об этом можно узнать в другой моей работе «Целебные силы марала».

Охотились за пантами марала, изюбря и пятнистого оленя в мае — июле. Знаменитый путешественник Н.М. Пржевальский отмечал в 1876 г.: «Весной, в мае и июне, маралы-самцы усердно преследуются охотниками ради своих молодых рогов, так называемых, пантов, которые сбываются в Китае по весьма высокой цене. В Кульдже, например, пара больших (с шестью отростками на каждом) пантов стоит, из первых рук 50–70 рублей; панты меньших размеров покупаются за 15, 20, 30 рублей. Столь выгодная добыча заставляет охотников-промышленников, русских и инородцев, неустанно преследовать маралов в течение весны на всем громадном пространстве Азии — от Туркестана до Японского моря» [67, с. 39].

Об этом же уже позднее говорил Д.В. Мурзаев: «В промысловом отношении марал (изюбрь-сын) в Сибири занимает первое место между всеми жвачными животными, благодаря ценности его летних (июньских) рогов, сбываемых в Китайскую империю, где они дорого ценятся как лекарственное средство, называемое «лудзон», и тому значению, какое он имеет в экономической жизни пограничного с Китайской империей района» [49].

«По-настоящему счастлив бывает алтаец, — пишет В.П. Штейнфельд в 1911 г., — когда ему удастся убить марала. Марал ценится свыше 100 рублей. И хотя запрещена законом охота на этого ценного зверя, охотники, быть может, никогда еще не преследовали марала с таким ожесточением и настойчивостью, как в настоящее время» [99, с. 77].

Добыть панты являлось мечтой каждого охотника. Не исключением были и забайкальские промышленники. Как же могло быть иначе, если в XIX в. готовые панты стоили обычно 150–200 руб. и до 600 руб. за пару, а рабочий конь в то время стоил 7 руб. (корова — 5 руб.). Одна только пара пантов обеспечивала семью промысловика безбедной жизнью на полгода, а семью тунгуса — на целый год.

Известный охотник, писатель А.А. Черкасов подчеркивал, что «сохатый весной не имеет такого значения как изюбр, у которого в это время дорого ценятся рога, называемые здесь пантами... Панты обращают на себя внимание всех здешних промышленников в такой степени, что они оставляют в презрении сохатых, диких коз и других зверей и гонятся только за пантами...» [92, с. 73].

В начале июня наступал отстрел изюбрей из-за пантов. За одни рога эвенки, например, получали иногда на полгода припасы для продовольствия целого семейства, и поэтому этот месяц считался у них одним из лучших в году. В.Ю. Янковский следующим образом обобщал ценность пантового оленя для промышленника на примере изюбря: «Между тем изюбрь — один из ценнейших трофеев дальневосточной тайги. На первом месте, конечно, панты, которые всегда «тянули» на 3–5 дойных коров или лошадок, а то и больше. На втором — лутай, эмбрион, который в зависимости от веса мог дать не менее половины стоимости пантов. На третьем, особенно на корейском рынке, — добытые во время сентябрьского рева уже окостеневшие рога ультэгак (дословно — «рога времени рева»). На четвертом — толстый, словно набитый икрой хвост матки изюбра. А дальше шли засушенный пенис и жилы, не говоря уже о шкуре за замшу и отличном мясе» [104, с. 443].

В.Ю. Янковский в рассказе «Пактусан» красочно описывает, как «с первым распутившимся листком этот самостийный край начинал жить своей особой лихорадочной и романтической жизнью. В каждом селении, приютившемся на окраине великого зеленого моря «шухай», главной темой дискуссии и споров становилось: кто, какой батоу — какой старшина, на какую речку, на какие солонцы увел свою партию? Кто уже прислал в Андохен первые панты или лутай? На сколько фунтов, какие и почему?» [104, с. 249].

Приведенных примеров вполне достаточно, чтобы сделать вывод о чрезвычайной важности охоты на оленей в период с мая до середины июля в жизни зверопромышленников огромной части Азии. Охота на оленей в этот период (или, как ее еще называют, «пантовка») имеет свои

особенности, как связанные с поведением оленей в период роста пантов, так и со стремлением охотника добыть оленя, не повредив при этом его молодые непрочные рога-панты.

Пантовые олени — звери чрезвычайно чуткие и быстрые, и охота на них всегда была занятием крайне сложным. «Марал... в высшей степени чуток и осторожен, обладает неимоверной легкостью, быстротою, а равно и смелостью в прыжках и даже по каменистым горным ущельям, скалам и уступам: при преследовании марал делает прыжки в 3–4 сажени, а под гору и в 5 сажений; он перескакивает ограды высотой в его рост, он не останавливается перед водой, переплывает реки и озера... потому охота за маралами считается одной из труднейших и заманчивых забав», — писал С.Т. Нейштубе [51].

В период роста пантов олень становится особенно осторожным и неуловимым зверем. Н.М. Пржевальский подчеркивал в своих наблюдениях: «Охота за изюбрями летом по густым, едва проходимым зарослям здешних лесов (Уссурийский край. — *Н.Ф.*) так трудна и самый зверь так осторожен, что количество добываемых пантов гораздо менее числа отправляющихся за ними охотников» [66, с. 270].

Тем не менее зверопромышленники выработали вполне эффективные приемы добычи пантовых оленей в весенне-летний период, связанные с особенностями их кормления в это время. «Среди массы случаев, когда охотнику приходится подкарауливать животных на месте их кормежки, — писал А.А. Силантьев, — на первом месте следует поставить охоту на солонцах и солнцепеках, как имеющих важное промысловое значение в Сибири» [80, с. 130]. Далее А.А. Силантьев продолжает: «Охота на солнцепеках производится раннею весной, а на солонцах — все лето и осень, хотя наибольший интерес она представляет для промышленников в первую половину лета, когда главным объектом охоты является марал или изюбрь, или же вернее его драгоценные панты — молодые, не затвердевшие рога, сбываемые по весьма дорогой цене в Китай» [80, с. 131].

Очень часто «промышленники пускали палы», т.е. жгли весной сухую траву на склонах, чтобы вызвать ускоренный рост молодой травы, куда придут кормиться олени. Охота на таких увалах («зеленке») проводится обычно в утренние и вечерние зори и наиболее трудоемка. Заметив зверя, охотник подбирается к нему с учетом ветра, на расстояние выстрела и с возможностью рассмотреть панты на их «спелость». Главным условием успеха такой «пантовки» является знание охотником местности, его физическая подготовка и, конечно, профессиональные навыки промысловика.

Трудовзатраты на отстрел марала скрадом в Туве, например, даже с биноклем и современным оружием у охотников профессионалов равнялись 3–4 человека/дня [84, с. 9].

Вот как описывал пример такой охоты А. Северцов, изучавший Туркестан и Горный Тянь-Шань в 1873 г.: «Упомянутый уже Павел Катанаев

убил в этот день, еще утром в ельниках у Асы, большого и прекрасного самца марала... Катанаев подкрался к нему против ветра, из-за елей, когда он после утреннего корма на заре отдыхал и пережевывал жвачку, часов около 10 утра, так за ними вообще охотятся казаки, причем, главное есть умение разглядеть и не терять в траве след пасшегося марала... Издали разглядеть марала, не спугнувши, и успеть к нему подкрасться против ветра, что необходимо. Так сделал на этот раз и Катанаев; увидевший издали маралов при восходе солнца, еще на пастбище, он их уже не спускал с глаз, все держась вдали, пока не легли. Тогда он подкрался и застрелил самца, бывшего с двумя самками» [73, с. 128].

Охота на солонцах подробно описана многими знатоками пантовки. Я приведу только несколько примеров. Л.П. Потапов так характеризовал пантовку у шорцев на границе XIX и XX вв.: «Таким образом, весною главная цель маральной охоты состояла в том, чтобы добыть столь ценные рога. Лучшим временем для охоты этого сезона шорцы считали июнь. Охота происходила по хребтам высоких гор, на болотах и озерах, которые охотно посещают маралы. Там, где чаще всего водились маралы, охотники устраивали «солонцы». При устройстве солонца в озеро насыпали килограммов восемь соли. Определив при помощи дыма, куда дует ветер, с подветренной стороны охотники делали караулку в виде настила на дереве и садились в нее на ночь с заряженным ружьем. Если марал приходил в эту ночь — смерть его была неизбежна. Охота на солонцах протекала и в одиночку. Весной же охотники подкарауливали маралов перед восходом солнца, когда маралы шли к ручьям или снегам отдыхать на день.

Олень-пантач, убитый на солонце. Фото из работы В.К. Соловьева «Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нем»

Убив марала-рогача, немедленно отрубали ему голову и снимали рога, подвешивая вниз концами, и замазывали серой пихты, лиственницы, чтобы не вытекала ценная жидкость. Потом снимали шкуру, разрубали мясо» [64].

Охотники находили природные солонцы или создавали искусственные. Организм оленей, особенно с февраля по июль, требует значительное количество минеральных солей, необходимых для укрепления костей и восстановления рогов. В этот период в рационе оленей должно содержаться до 50 г извести и столько же фосфорной кислоты. [44]. Подробно рассказывает о подготовке солонцов в Забайкалье А. Кузнецов: «Солонцы устраиваются следующим образом. На каком-нибудь излюбленном изюбрями месте, на протяжении 1 арш. в длину и $\frac{1}{2}$ арш. в ширину, снимается дерн, и заостренной палкой делаются в земле ямки вершка на 2 одна от другой в 3 ряда, $\frac{1}{4}$ арш. глубиной. В ямки наливают крепкий горячий соляной раствор или раствор гуджира, заравнивают их и сверху присыпают землю солью или гуджиром. Солонец делается поперек тропы, по которой в данном месте проходят обыкновенно изюбры. Сажень в 8 устраивается «сидьба», т.е. вырывается яма, дно делается с уступом, чтобы было удобно сидеть. Перед ямой, по направлению к солонцу, ставят козелки, на которые кладут слегги. Далее впереди ставят такие же козелки, тоже со слеггой... (для опоры ружья. — *Н.Ф.*)» [35, с. 84].

Практически также готовили солонцы на маралов и на Алтае. Большинство солонцов были собственностью охотников. У некоторых их было даже по 6–7 и пользоваться чужими солонцами было категорически нельзя и даже опасно для жизни. Законы в тайге всегда были беспощадны к таким нарушителям.

На пантовку ходили с большим воодушевлением, так как желание одним выстрелом добыть пару рогов ценою 40, 60, 100 и более рублей было огромным.

«При одной мысли о подобной перспективе фантазии разыгрываются, — отмечал А.А. Силантьев, — все промыслы и домашние занятия прекращаются. Составляются партии, уходящие на целые недели в самые недоступные горные дебри пытаться счастье, и никакие трудности охоты не могут, конечно, устроить будущих обладателей пант» [79, с. 509].

Были охотники-одиночки, но в основном промышляли артелями с четко установленными десятилетиями правилами поведения и дележа добычи поровну, с небольшими отдельными привилегиями убитого зверя охотника. Л.П. Потапов подробно описывал случай нарушения этой традиции, когда один... «зайсан, происходивший из сеока Мундус, дал право своему сородичу, знаменитому тогда охотнику Санагашу брать при совместной весенней охоте на маралов половину рогов убитого марала, представлявших большую ценность, ввиду их спроса со стороны Китая, в личную собственность, а в общий раздел обращать вторую половину. Это право Санагашу зайсан дал в отношении каждого марала, убитого любым членом артели, в которой Санагаш промышлял. Давая такую привиле-

гию Санагашу, зайсан Тужеген исходил из того непреложного факта, что в любой артели, в состав которой Санагаш входил на время весенней охоты на маралов, он всегда убивал маралов больше всех остальных его товарищей по объединению. Однако такое распоряжение весьма противоречило обычному праву алтайцев и вызвало решительный протест, в результате чего произошел следующий случай. Когда некий охотник Чончу, оказавшись в одной артели с Санагашем, узнал об этом распоряжении зайсана, он немедленно вышел из состава данной артели, считая это распоряжение неправильным. Выйдя из артели, Чончу в тот же день убил марала с большими рогами. Естественно Чончу как отделившийся от артели, завладел этой ценной добычей единолично. Удача Чончу, слух о которой быстро распространился, была объяснена алтайцами как протест со стороны «горных хозяев» против несправедливости, введенной зайсаном. Это мнение легко укрепилось еще и потому, что знаменитый Санагаш в этот сезон убил только одного двухлетнего марала (сарадак) с небольшими рогами, так как ему и его товарищам по артели в этот сезон все время попадались лишь самки марала, которые, как известно, не имеют рогов» [62, с. 114]. С ростом интенсивности охоты на марала, изюбря и пятнистого оленя число разного рода нарушений традиционных норм охоты постоянно возрастало.

Уместно рассказать еще о некоторых не очень распространенных, но существовавших ранее способах охоты за пантами. В.К. Арсеньев отмечал в своих наблюдениях, что удэгейцы практиковали, например, ночную охоту на изюбря с лодки, когда тот выходил лакомиться водяным лютиком, растущим по краям тихих лесных проток. Или прятался в реке от насекомых-кровососов. Вот как увлекательно описывает такую охоту С.П. Кучеренко: «Тихая ясная летняя ночь... В двухстах метрах приглушенно шумит могучий поток реки... Никто бы и не подумал, что под наклонившейся развесистой ивой неподвижно и неусыпно уже который час сидит в оморочке охотник-удэгеец. Он несколько дней назад, обследовав заливы, заметил, что в этом месте бывает пантач, а теперь терпеливо ждет его прихода, и ждет не первую ночь. А всего в полусотне метров от охотника стоит изюбрь. Стоит неподвижно уже не менее часа. Он страсть как хочет поест водорослей, которыми усеяно дно залива, но что-то его беспокоит... Казалось бы, ничего там нет, в этой тени, но... почему маленькие волнышки оттуда выходят изредка? И что там вроде бы стукнуло? Нет, лучше в другой раз приду — и уходит пантач... Одна за другой проходят бессонные и безрезультатные ночи... Но удача, в конце концов, приходит. Охотник, подождав пока пантач увлечется водорослями и станет менее осторожным, бесшумно подплывает к нему... Человек видит над его головой толстые панты с тупыми, как бы обрубленными концами, а бык не успевает сообразить, что надо бежать...» [38, с. 168].

Отдельные охотники при добывании пантов очень умело использовали собак. У писателя Ю.А. Герасимова в его рассказах охотник Рогов так го-

ворит о своей собаке Батыре: «Он черта тебе остановит! А с изюбрями что делает? Я сроду не сижу на солонцах. Приду утром, смотрю: ежели бык был и соленой земли наелся — значит и напьется до отвала. Вот по его следу и пускаю собаку. Одним моментом зверя догонит и поставит... Конечно, другим разом приходится побегать, не без этого, а все одно панты добудешь» [19]. А. Кузнецов, очень хорошо изучивший в конце XIX в. охоту на изюбря в Забайкалье, сообщал, например, что «у Нарымских крестьян, братьев С-ких, есть замечательная собака из простых дворовых цепняков монгольской породы, известная всем зверовщикам, которая каждую весну добывает своим хозяевам по 3–4, а иногда и 5 пантачей. Рассказывают, что она загоняет изюбря не только на утесы, но и в воду... Собака держит зверя в воде, пока не придет хозяин... Эта собака приносит хозяевам ежегодно от 300 до 500 рублей дохода и понятно, почему промышленники не хотели продать ее, хотя им предлагали 4 пары лучших быков» [35, с. 87].

Известны еще более необычные способы добычи оленей. Вот, например, какую охоту описывал Т.У. Аткинсон в 1865 г. в Тянь-Шане: «Часа через два поезд (отряд. — *Н.Ф.*) приблизился к обросшему кустарником берегу озера со стоячей водой, где поднято было целое стадо оленей. Немедленно один из охотников снял с орла шапочку, и освободил его когти от ремней. Сначала орел поднялся так высоко, что Аткинсон стал сомневаться в том, заметил ли он оленей; но вдруг он сделал несколько сильных взмахов крыльями, поджал их под себя, и ринулся с высоты прямо на одного оленя. Охотники помчались во всю конскую прыть за орлом. Но прежде, нежели они успели подскатать, олень уже повалился мертвый. Орел запустил ему одни когти в затылок, а другими захватил спину, и несколькими ударами клюва распорол ему бок, откуда вырвал печень» [5, с. 376].

Удивительный способ ловли оленей ради пантов и лутая голыми руками создали охотники корейской провинции Кавандо на границе XIX и XX вв. Вот как описывает это известный писатель и охотник В.Ю. Янковский: «Корейцы выработали метод, который вряд ли мог быть придуман европейцами. Близкий к природе и наблюдательный восточный таежник заметил, что при появлении первой травки, лишь попробовав ее, олень бросает надоевший зимний корм — веточки и сухую траву. В эти дни он сразу быстро тощает, теряет обычную силу и выносливость. Но уже апрель, снег сошел; как найти, а главное, не потерять след? На влажной земле, даже густо укрытой упавшим листом, для опытного глаза свежий след еще заметен. Но земля и лист высыхают, а тогда начинается самое сложное. Следопыт с легкой палкой в руке, раздвигая на ходу опавший лист, и сухую траву, замечая отпечаток копытом там, где его не видит никто, преследует зверя от зари до зари. Этот метод зародился в скалистом и диком крае Центральной Кореи, в районе Алмазных гор. Иссеченная высокими крутыми хребтами, провинция эта стала колыбелью классической ловли драгоценного оленя. Однако, научившись ловить и сохранять жизнь

«торог сасими», жители не приручали и не разводили их. Стельных маток кормили до тех пор, пока полностью не развивался весенний плод, еще не родившийся олененок — «ноктхэ» — одно из самых дорогих средств тибетской медицины. Когда плод созрел, матку убивали. Изъятый эмбрион варили до состояния густой мастики, он шел по баснословно высокой цене. Мясо оленихи ели, из шкур выделявали замшу. Самца растили до первых пантов и тоже убивали. Так постепенно олени провинции Канвандо были истреблены, и следопыты стали продвигаться на север, где зверь еще сохранился. С годами слово «кавандо», так произносили его северяне, стало как бы синонимом человека редкой профессии — ловца оленей.

Отыскав нужный след, кавандо не теряет его надолго нигде: ни среди каменной россыпи, ни в болоте, ни в речке, куда порой забегает преследуемое животное, и это еще не все. Настоящий кавандо так запоминает отгиск копыта, что отличает его от всех других. Бывает, преследуемый олень натывается на своих собратьев и смешивается с ними. Следопыт, встав на колени, прощупывает отпечатки и безошибочно продолжает вести свой след. Все дело рассчитано на измор. Чувствующий непрерывную погоню олень волнуется, перестает есть, часто пьет, за короткую весеннюю ночь не успевает как следует отдохнуть и — начинает сдавать... Первые день-два охотники не видят его совсем. Потом замечают на большом расстоянии, но он мгновенно скрывается с глаз. На третий, четвертый видят все чаще: олень начинает ложиться, вскакивает при приближении людей. Все ближе, ближе... А люди не отстают. И, наконец, совсем обессиленному, набрасывают веревочную петлю: самцу на сухие весенние рога, самке — на шею. Но так, чтобы не задушить. И ловят? Нет... Если сейчас применить силу, он свернет шею или получит разрыв сердца. Кому он мертвый нужен? А утром Пак его нашел, взял голыми руками и связал. Тот только дышал тяжело и озирался, но на ноги встать уже не мог.

Когда идут, чтобы добыть летом панты, когда надо незаметно подойти к хитрому, чуткому пантачу, тогда переговоры только шепотом, а больше на языке зверьков и птиц. Потерялся след — пи-ик! — писк бурундука; нашел — тук-тук-тук палочкой, дятлом: «пошли дальше». А заметив осторожного старого самца на недосягаемом для выстрела расстоянии, раздеваются догола. Кожа человека — идеальный материал при соприкосновении с травой и кустарником, не издающий никаких звуков. Босая подошва чувствует могущие треснуть веточки, позволяя вовремя обойти их, и все это на ощупь, ибо глаза заняты, они смотрят только вперед. Голое тело натерто полынью или другими душистыми травами, отбивающими «дух» человека, который зверь чувствует издали... Вот до каких высотведено искусство этих легендарных следопытов» [105, с. 200–202].

Возможность подобной охоты описывает в своем рассказе и знаменитый Э. Сетон-Томпсон: «Самый сильный и быстрый в беге олень ослабеваает, если погоня продолжается несколько дней кряду. Неутомимый

охотник может дожидаться той минуты, когда зверь выбьется из сил и сам дастся ему в руки» [76, с. 374].

Кстати, в апреле 2013 г. мне удалось вместе с А.П. Поповым побывать в Южной Корее, в современной провинции Кавандо, и познакомиться с разведением оленей, но не пятнистых, которых ловили легендарные охотники, а крупных американских оленей — вапити.

У русских переселенцев в Приморье был еще один оригинальный способ охоты. Они ловили оленей, загоняя их в море. Одна партия охотников на лодках с арканами и путами ждала оленей в море, а другая в сопках с собаками сгоняла оленей в море. На лодках оленей догоняли и спутывали.

На Алтае для ловли маралов иногда использовали крупные капканы. В Приамурье вместо капкана использовали «башмак» корейского изобретения — колоду с дырой, утыканной наклонно гвоздями [2, с. 15]. Д. Позднеев в книге «Описание Маньчжурии» (1897 г.) так описывает этот способ ловли оленей: «Другой способ ловли изюбрей очень жесток. Он состоит в том, что на их следах зарывают тяжелый круг железа с гвоздями в 2 дюйма длиной, которые своим острием загнуты внутрь, и образуют внутренний

Фото корейского устройства «башмак» для ловли оленей.
Музей Алтайского марала (г. Бийск)

круг такого диаметра, что нога изюбря может пройти внутрь. Когда несчастное животное ступит на эту ловушку, оно уже не может освободиться от нее; пробежав вместе с нею некоторое время, падает от страха и истощения» [53, с. 467]. Собирая экспонаты в свой Музей алтайского марала, в 2012 г. я неожиданно узнал, что в тайге вокруг Телецкого озера на Алтае было такое же орудие лова оленей, только вместо гвоздей использовались гибкие и острые пластины.

Описанные способы летней охоты на оленя все-таки не являлись основными при добыче пантов. Основным способом в Сибири в целом была добыча оленей ловчими ямами,

устройство которых мы уже описали. У алтайских тубаларов, например, ловчая яма носила название «теш». Делалась она на звериной тропе. Особенно уловисты были ямы, ведущие к солонцам.

В Забайкалье у таких ям, видимо, не было особого названия, но распространены они были чрезвычайно, в том числе с городьбой. «Ямы для изюбрей устраиваются большей частью около бывших солонцов, — писал А. Кузнецов, — и притом в более глухих, отдаленных местах, нежели для ловли коз, в 18–20 верстах, а иногда и за 100 верст от деревни». Вообще можно сказать, что почти все домохозяева деревень Ингоды имеют большую или меньшую долю участия в ямах... Всего в Забайкалье 20 тысяч ям с длиной городьбы 2 тысячи верст... На каждую сотню ям в верховьях р. Ингоды... ловят по приблизительному расчету до 5 изюбрей в год». Для присмотра за ямами нанимали даже отдельных работников [35, с. 90]. Можно смело предположить, что ямами в Забайкалье ловили не менее 3 тыс. изюбрей в год.

Заглянем еще раз в книгу «Описание Маньчжурии» и прочитаем, что промышленники, добывая оленей ямами, «стараются снять рога с живого изюбря, если же он издыхает с рогами на голове, то последние в значительной степени, по мнению китайцев, теряют свою целебную силу. Процесс снятия рогов состоит в отделении части черепа, к которой прикреплены рога, посредством сильного удара топором, что причиняет изюбрю немедленную смерть» [53, с. 465].

По сообщению С.Т. Нейштубе, охотники часто вырубали панты прямо с живых маралов и «второпях уходили дальше, оставляя его на произвол судьбы... По словам очевидцев, участвовавших на охоте и наблюдавших эти душу раздирающие картины, ...случайные зрители, если не оставляли в первый же день этих мест охоты, то на второй или третий день заболели той или иной формой психического расстройства» [51].

Чтобы читатель реально представил себе всю степень безжалостности добычи пантов с живого оленя, я процитирую часть рассказа Б. Скубенко-Яблонского, который называется «Выстрел сострадания»: «На дне ямы беспомощно растянулось крупное грациозное животное. Благородный олень при падении сломал себе передние ноги. Из шелковистой шерсти на сгибе колен торчали наружу остро выпершие кости; все тело изюбря тряслось от боли мелкой судорожной дрожью; обаятельно красивая голова с темными, как ночь, агатовыми глазами то поднималась от земли, то так же внезапно опадала. Задние ноги бессильно и торопко ерзали по земле. Этим движением зверь выражал свой испуг перед людьми, пришедшими покончить с ним.

Глаза животного слезились. Оно плакало — беспомощное и немое. В больших агатовых зрачках его светился кроткий печальный упрек. Вей-ха-Лин поспешно взял в руки прикрепленную сбоку у пояса узкую железную пилку и, нагнувшись к изюбрю-пантачу, сказал Хын-Туну:

– Держи его за шею. Я буду пилить.

Стальные зубья пилы вонзились в череп изюбра и зашипели по кости... Животное мучительно рванулось в сторону. Напрасно. В его шею впились крепкие пальцы Хын-Туна.

Вей-ха-Лин невозмутимо пилил и пояснял молодому зверолову:

– Чтобы панты сохранили в себе всю чудодейственную силу образованного из крови студенистого вещества, надо спилить их вместе с лобной костью у живого зверя. Если у мертвого, сын мой, — наполовину уменьшится им цена... Целебные соки отхлынут из пантов в тело животного.

Ловко и быстро проделал Вей-ха-Лин операцию с лобной костью. Несчастное животное с открытым черепом все еще продолжало жить и мучиться. Белая студенистая масса мозга была обнажена. Изуродованный изюбр издавал странный, тихий храп и трясся мелкой дрожью.

Хын-Тун приготовился покончить с животным, вынув из ножен острый, как бритва, нож. Один, другой удар клинка — и мучения животного мгновенно прекратились. Только большие прекрасные глаза все еще продолжали смотреть куда-то, в пространство, поражая своей влажной ясностью. Но вот и они стали меркнуть. Выбравшись из ямы вместе с пантами, звероловы не без труда вытащили крупную тушу изюбра, весившего до двухсот килограммов. Задние ноги они отрезали и взяли с собой, а всю переднюю часть отволокли далеко в сторону от ямы в густую чащу, чтобы запах разлагавшегося мяса не отпугивал изюбров от тропы».

Н.А. Байков также подробно описывал, как добывали ямами оленей ради пантов на Дальнем Востоке и Маньчжурии: «В Гиринской провинции добывание пантов начинается с мая и продолжается до конца июня, впрочем, в зависимости от лета: если оно дождливо и холодно, вырастание рогов замедляется, и наоборот. В первых числах мая охотники собираются в артели, по 3–5 человек, запасаются всем необходимым и уходят в горы, верст за 30–50. Строят там шалаш и навесы для сушки пантов, затем приступают к охоте, предварительно соорудив божницу у ствола векового кедра или вяза. Зверя добывают преимущественно ямами, для чего на изюбровых тропах, на горных перевалах, седловинах, у водопадов — выкапывают ямы глубиной до 3 и 4 аршин и шириною до 2; бока ямы обставляют бревнами или горбылями, иногда в дно вбивают заостренный кол; сверху кладут тонкие жерди и маскируют яму травой и ветвями. Способ этот хотя и практичен, но не позволителен, так как кроме самцов в ямы часто попадают самки с телятами и гибнут бесполезно. Артель имеет от 10 до 20 ям, их осматривают и поправляют каждый день, так как при обилии зверя приходится часто извлекать из них не только изюбров, но и кабанов, козуль, лисиц, енотов, волков.

Изюбря-пантача не извлекают из ямы, прежде чем не отпилят рога вместе с лобной костью, еще у живого; добывают уже после этой операции. Тушу отвозят подальше от ямы, чтобы запах разлагающегося

мяса не прогнал изюбров» [7, с. 70–71]. Николай Аполлонович отмечал, что «одна артель добывает таким образом в одно лето от пяти до десяти пар пантов, что составит сумму от одной до двух тысяч рублей [7, с. 72].

Этот варварский, но эффективный способ принесли китайские промысловики и на территорию российского Дальнего Востока. Вот как об этом рассказывал знаменитый В.К. Арсеньев: «Китайцы бьют оленей на прииске из ружей, бьют самострелами на лесных тропах, загоняют с собаками по насту и в особенности много истребляют лудевами. Лудева — это забор, преграждающий доступ животным к водопою. Забор этот делается из буреломного леса и часто тянется на значительном протяжении. Кое-где оставляются проходы и как раз против них роются глубокие ямы, искусно прикрываемые сверху мхом и сухой травой. Ночью животные идут пить воду, встречают забор, ищут проход и попадают в ямы. Чтобы ямы не осыпались, внутри их устраиваются срубы так, как это делают в колодцах. Глубина ямы — около восьми футов. Случается, что летом во время дождей ямы наполняются водой. Чтобы попавшее туда животное не утонуло, на глубине трех футов от поверхности земли из толстых, гладко оструганных палок устраиваются поперечины. Олень, попавший в такую яму, остается в висячем положении: брюхом и грудью он лежит на поперечинах и до дна не достает ногами. Поймать живого оленя очень важно для китайцев. Они осматривают у него рога. Если панты недостаточно еще выросли и обещают быть ценными, то оленя опутывают ремнями, вытаскивают из ямы, и в особых станках держат его до тех пор, пока молодые его рога не достигнут своей наибольшей стоимости» [6, с. 136].

В период между 1899–1910 гг. в Уссурийском крае, например, численность китайских охотников достигала 50 тыс. человек. Уже в 1830 г. в этом крае было 175 лудев и при них 8 766 зверовых ям [50, с. 130–131]. Только в четырех округах Южно-Уссурийского края в 1884 г. инородческое население имело более 3 700 зверовых ям (табл. 1.3).

Таблица 1.3

Промыслы инородческого населения Южно-Уссурийского края
(1884 г.) [72]

	Район	Количество фанз	Количество ям
1.	Суганский	53	2668
2.	Ханкайский	–	–
3.	Суйфунский	16	540
4.	Аввакумовский	38	496
	ИТОГО	190	3704

В.К. Арсеньев оставил нам описание отдельных лудев: «Лудева Сяосудухинская — вдоль по реке Сяосудухе, длиной в 21 версту, с 190 ямами и 5 фанзами; Лудева Вангоузско-Ямбагагузская — на перевале с реки Вангоу в долину реки Ямбагагоу длиной в 55 верст, более чем с 105 ямами и 8 фанзами... В 1906 и 1907 годах я видел лудевы по рекам Тадушу, Синанце, Тютихе, Аохобе, Сехобе и Адимил-Дун-Тавайзе.

Название лудев	Число фанз	Длина лудев в верстах	Число ям
Тадушинская	1	11	51
Тютихинская	1	7	37
На реке Синанце-Иодзыхэ	1	4	18
Аохобейская	2	20	142
Сехобейская	2	25	150
Адимил-Дун-Тавайза	1	12	82
Итого:	8	79	479

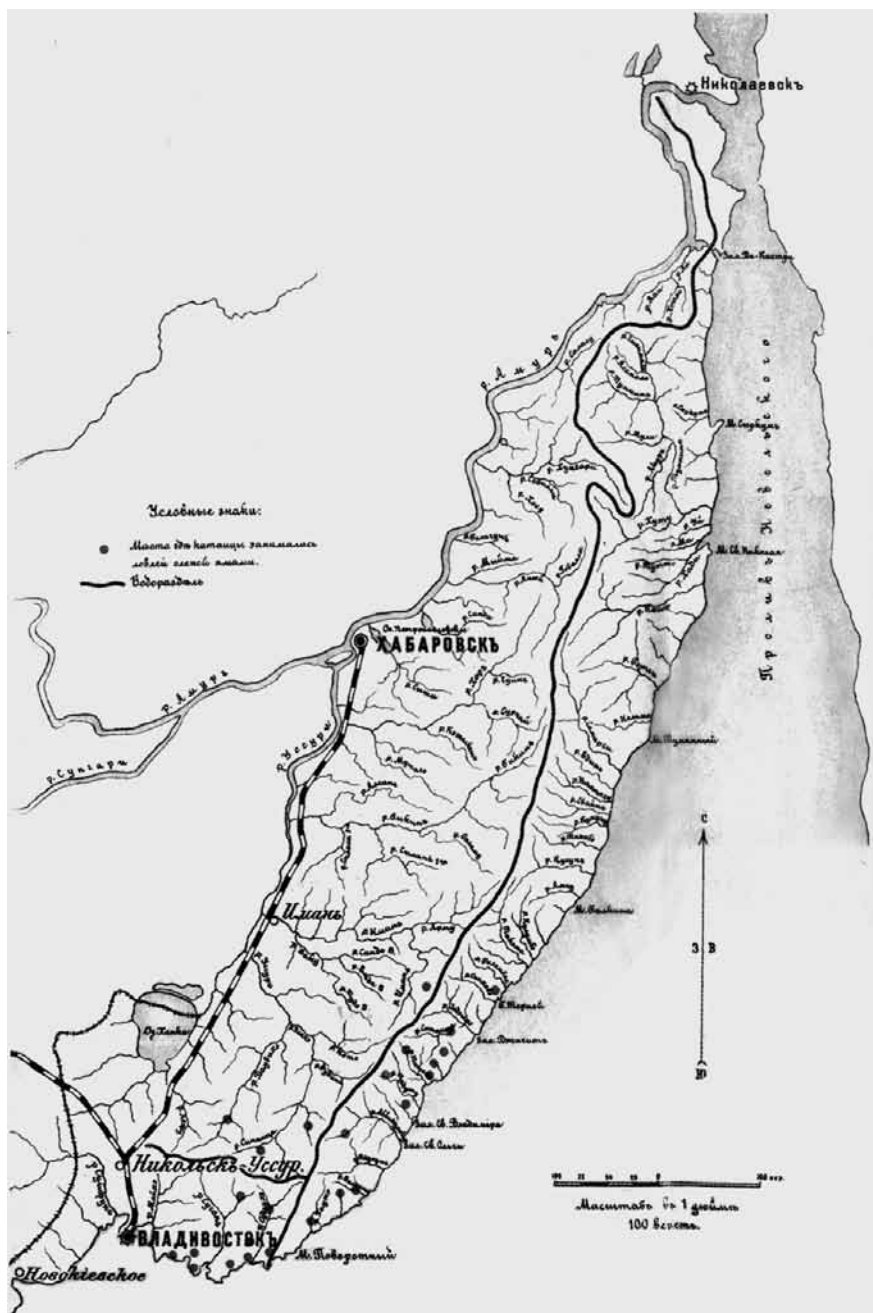

Команда В.К. Арсеньева достает изюбра из лудевы. Рисунок из книги В.К. Арсеньева «По Уссурийскому краю»

По сведениям, полученным от местных китайцев, бывших рабочими на Аохобейской лудеве, хозяин ее, китаец Тадянза, за один только 1904 год заработал более 20000 рублей» [6, с. 140–141].

Обнаружив в одной только фанзе Сехобейской лудевы около 40 пудов оленьих жил, В.А. Арсеньев посчитал, что для этого надо было поймать и убить 1600 оленей [6, с. 141]. До 1903 г. из Уссурийского края ежегодно за границу вывозилось около 1200 пудов оленьих жил. Это около 50 тыс. убитых оленей.

Заканчивая описание различных видов охоты на оленя, практиковавшихся в XIX — начале XX в., попробуем проанализировать

Карта-схема мест, где китайцы ловили оленей ямами.
Из собрания сочинений В.К. Арсеньева

по литературным источникам масштаб этой охоты и основные причины сокращения поголовья пантовых оленей в дикой природе в указанный уже отрезок времени.

Более или менее точных данных об объемах добычи пантовых оленей никогда не существовало, так как не было соответствующей статистики. Сами зверопромышленники скрывали размеры своей добычи, так как экономически было невыгодно это афишировать, да и, по существовавшим тогда охотничьим поверьям, рассказывать о трофеях было грешно. Алтайские охотники, например, даже не упоминали слово «марал», чтобы не лишиться удачи и называли этого оленя «каменным дятлом».

И.П. Степанов, изучая в 1830 г. Енисейскую губернию, подробно отмечал: «Теперь хотелось бы мне, со всею отчетливостью, показать настоящий улов зверя, но должен совершенно признаться, что сего сделать не в состоянии. Дикари, кочующие, крестьяне, купцы — никто решительно не выказывает официально истинного положения добычи и закупа. Никакое внушение над ними не действует. Все имеет какой-то покров тайны относительно всей промышленности, и в особенности пушного товара. Так глубоко вкоренилась старая боязнь скрывать прибыль свой от любопытных Начальств, а может быть и от своих кредиторов! Объяснение сему будет ниже. Каждый частным образом знает противное официальным показаниям, и никто не может заставить показывать истину. Старшины сословий отбирают добровольное показание от промышленников. Улика в несправедливости имеет бесчисленные опровержения. Правление волостное передает собранные от Старшин сведения Земской Полиции, таким, в каком виде его получило, и таким доходит оно до местного Начальства. По сведениям официальным известно, что в год бывает добыто соболей: 4615, белок 312,140, медведей 197, волков 284, лисиц 452, колонков 17,500, горностаев 18,543, росомых 96, сохатых 28 и Сынов (Сын-изюбрь. — *Н.Ф.*) столько же. (Совершенно отступлено от истины, ибо одному промышленнику случается убить в год до 7 тех или других, а нельзя предполагать, чтобы во всей Губернии их было не более 4 человек)» [86, с. 207].

Свои выводы об объемах добычи пантовых оленей специалисты делали на основании экспертных данных. По данным А.С. Шостака (1927 г.), только на территории бывших Пржевальского и Пишпекского уездов (современная Киргизия. — *Н.Ф.*) в 1890 г. было добыто 782 марала, а уже к 1901 г. объемы добычи снизились до 41 оленя.

По Казахстану А.К. Федосенко приводит следующую таблицу количества добываемых маралов (табл. 1.4).

Количество маралов, добываемых в Семиречье
в конце XIX — начале XX в. [89, с. 177]

Год	Кол-во голов	Год	Кол-во голов	Год	Кол-во голов	Год	Кол-во голов
1882	400	1888	587	1894	360	1900	130
1883	100	1889	—	1895	212	1901	44
1884	708	1890	1195	1896	—	1902	—
1885	735	1891	302	1897	319	1903	—
1886	—	1892	341	1898	205	1904	—
1887	462	1893	334	1899	279	1906	64

Н.Ф. Иванцова сообщает, что «Горный Алтай в конце XIX — начале XX в. имел 15 362 хозяйства... 50% населения занимались промыслами. На одно хозяйство добывалось 120 белок, 4 кабарги, ¼ соболей, 2 марала...» [12, с. 7].

«На территории Тувы диких маралов-самцов, — пишет М.Н. Смирнов, — тогда (в 1910 г. — Н.Ф.) добывали на панты не менее 2–3 тыс. голов в год (Родевич, 1910, 1912)» [84, с. 9].

В 1914 г. в Усинском пограничном округе Енисейской губернии было добыто разного зверья на сумму 41 393 руб., в том числе маральных рогов на сумму 11 908 руб. [77, с. 32].

По статистическим данным, опубликованным в журнале «Природа и охота» еще в 1903 г., М.М. Шмулевич отмечает, что в Забайкалье в 1839 г. было

Орочен-охотник с трофеями. Приморская область, 1910 г.
Фото из книги «Азиатская Россия»

добыто всего 79 пар изюбевых рогов, а в 1840 г. — 85 пар [95, с. 106], в 1884–1894 гг. ежегодно в Верхне-Удинском округе Забайкальской области добывали в среднем 716 изюбрей, в Баргузинском — 129, Троицко-савском — 149, Селенгинском — 90». В 1890-е гг. в Забайкалье из 3 тыс. заготовливаемых пантов 2/3 снимались с убитых изюбрей.

В Амурской области в 1914 г. было добыто: сохатых — 300, кабарожек — 200, диких коз — 472, оленей 200 [77, с. 17].

Ю.М. Янковский в своем докладе об оленеводстве в Южно-Уссурийском округе говорил в 1912 г.: «Еще двадцать лет тому назад дикие олени бродили по всей Приморской области. Стада их достигали иногда нескольких сот голов. Летом, во время пантовки, самый заурядный охотник свободно выбивал 5–10 пар пантов... Этот ценный зверь уничтожался самым безжалостным и бессмысленным образом... Результатом явилась та печальная картина, которую мы видим в настоящее время — олень в диком состоянии почти нет в крае» [106, с. 292].

Процитируем крупного современного специалиста по изучению оленей А.А. Данилкина, который сообщает, что «в прошлом столетии (XIX в. — *Н.Ф.*) ежегодная добыча марала в Западной Сибири, вероятно, достигала 50 тыс. особей и примерно столько же добывали в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке (Туркин, Сатунин, 1902 г.) К началу XX в. неограниченный и нерегулируемый промысел благородного оленя привел к почти полному истреблению вида в европейской части России, на Урале и на большей части Западной Сибири» [21].

Подробно рассматривая причины сокращения охотничьего промысла в России, А.А. Силантьев делит их на причины «косвенного влияния» и «влияния непосредственного». К косвенным он относит «оголение обширных лесных площадей, распашка целины, расчистка и осушение лугов и болот» [80, с. 16]. «Постепенно отвоевывая у дикого зверя одно урочище за другим; и началась, таким образом, вековая гигантская борьба пахара с охотником... исход которой, однако, нетрудно предвидеть» [80, с. 10].

Соглашается с ним и Н.М. Ядринцев, который пишет чуть ранее в 1891 г., что «дичь и зверь уменьшились в Сибири и зверовой промысел не обеспечивает дикаря... Прежде всего в Сибири прибавилось населения от движения русских, значительная часть пространств отошла к соседнему населению и занята культурой» [101, с. 71].

Влиянием «непосредственным» А.А. Силантьев называл непомерное и непроизводительное истребление дичи вследствие несвоевременной охоты (брачный период и беременность животных и т.п.), применение губительных приемов добычи зверя (капканы, ямы, самострелы и т.п.), массового истребления животных в неблагоприятную пору их жизни (глубокий снег, наст, линька и т.п.) [80, с. 19–20].

Будучи из тех людей, которые несправедливость к зверю воспринимают даже острее, чем к человеку, я составил перечень некоторых примеров подобного отношения к оленям (табл. 1.5).

Таблица 1.5

Перечень отдельных примеров охоты на оленей в XIX — начале XX в.

№	Описание	Год	Источник
1.	«Так, в 1772 году крестьянин д. Нижне-Соколовой Е. Соколов с зятем своим М. Фоминским ездили за Антоньевскую крепость верст с 30 за промыслом зверей: сохатых и маралов, промышляя кожи, разделив, увезли домой, а мясо оставлено на промышленном месте, потому что были верхом».	1772	Булыгин Ю.С. Приписная деревня Алтая в XVIII веке. Барнаул, 1974. С. 70.
2.	«Спрос на панты послужил очень сильным стимулом к добычанию пантачей, и большое количество животных стали истреблять весной. Ю.А. Гагемстер (1854) писал, что из-за высокой цены на рога, пантовые олени «гибнут сотнями». Исходя из быстрого снижения запасов оленей, он полагал, что «звери эти истребятся в диком состоянии».	1854	Смирнов М.Н. Марал в Бурятии // Охота и охотничье хозяйство. 1984. №12.
3.	«Тому назад несколько лет, в Забайкалье на ловкого охотника по насту приходилось от 5 до 10 изюбрей».	1856	Корнилов П.П. Олени Восточной Сибири // Вестник естественных наук. 1856. №16. С. 488.
4.	«Однажды, русская артель, бывшая на промысле, встретила стадо маралов, достигнутых снегами; положение животных было несчастное. «Пятьдесят маралов было зарезано на месте, и нарезали бы еще более ста, если бы один промышленник не вспомнил вероятно старинное установление промышленников, предрасудное, но не лишнее человечности. «Бог не показал даром мясо бросать, а ведь нам всего мяса теперь не убирать, для одних шкур режем». Эти слова остановили резню».	1859	Потанин Г.Н. Полгода на Алтае // Русское слово. 1859. №9.
5.	«Подобная охота (по насту. — Н.Ф.) туземцев бывает иногда баснословно удачна. Таким образом в марте 1866 года на средней Уссурии в двадцати верстах выше станции Нижнемихайловской четыре голяда убили в продолжение двух дней пятьдесят пять изюбров, которых они застали на небольшой горе, покрытой лесом. Вероятно, здесь было больше корма, а потому изюбры и собрались сюда со всех окрестностей. Впрочем, такое варварское истребление не пошло впрок, потому что через несколько дней снег начал сильно таять, и охотники успели перевезти домой только нескольких животных, остальные сгнили в лесу. Впоследствии голяды сами каялись в своем поступке, потому что летом не могли добыть в окрестных лесах ни одного взрослого самца с пантами».	1867	Пржевальский Н.М. Путешествие по Уссурийскому краю. М., 2007. С. 279.

4.	«Недавно, разговаривая с одним из подобных артистов (охотников, не знающих меры в добыче. — <i>Н.Ф.</i>), я услышал возмутительное известие, что он один весной 1875 года застрелил по насту 45 коз (косуля, небольшой олень. — <i>Н.Ф.</i>), другие же промышленники той же деревни охотились еще удачнее».	1875	Шведов И.Г. Записки сибирского немврода. СПб., 1880.
5.	«Бывали времена, когда один охотник с лодки своей закалывал до 100 животных (северный олень. — <i>Н.Ф.</i>) при переплаве их впасть».	1878	Миллендорф А. Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч. II, отд. VI. СПб., 1878. С. 609.
6.	«Браконьеры (в Китае. — <i>Н.Ф.</i>) столь же многочисленны, как и хищные звери, в особенности любят больших оленей, рога которых ценятся особенно дорого, так как употребляются в медицине...».	1885	Записки о Китае г-жи Бурбулон. СПб., 1885. С. 314.
7.	Известны случаи, когда у убитых животных отрезали только хвосты, а усамок вырезали только эмбрионы (по Абрамову, 1963. — <i>Н.Ф.</i>). Погоня за дорогостоящими пантами приводила не только к массовому отстрелу зверя, но и к убийству промысловиков, добывающих рога (по Алмазову, 1892. — <i>Н.Ф.</i>). Охотники небольшого села Джигит за три зимних месяца убили на восточных склонах среднего Сихоте-Алиня 1500 изюбрей. Два охотника из с. Тавайзы убили 200 изюбрей и поймали живьем 16 быков».	1884– 1894	Данилкин А. Благородный олень // Охота и охотничье хозяйство. 1999. №12.
8.	«В последнюю зиму моего пребывания в крае в станице Атамановской, казаки «по первому снегу» во время хода козы, убили в течение недели 900 штук, тогда же в Платоно-Александровской станице, «по первому снегу», убили до 300 штук изюбрей и диких кабанов. В то же самое время жители с. Шкотово в верховьях реки Цэмухе убили до двухсот оленей и кабанов».	1891	Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток. СПб., 1893. С. 324.
9.	«67 хозяйство Чуйского района из 579 добывают в год 150 маралов, что в среднем на добывающее хозяйство составляет более двух голов... Больше всего добыто маралов в 1896 году на Шибелно 56 штук, на М. Улагане — 20 и на Чуйской степи — 20, и т.д.».	1896	Юхнев П.М. Горный Алтай и его население. Т. 1, вып II. Барнаул, 1903. С. 113–114.
10.	«На территории, составляющей ныне Республику Горный Алтай в 1896 году было заготовлено 6 600 шкур и 1 116 пар пантов маралов... Уже в 1909 году на той же территории заготовили только 450 шкур (по Дмитриеву, 1938. — <i>Н.Ф.</i>). Таким образом, на Алтае всего за 13 лет заготовки сократились в 10–12 раз».	1896	Руденко Ф.А., Семашко В.Ю. Благородный олень. М., 2003. С. 35–37.

Продолжение таблицы 1.5

11.	«Примером размера добычи по весеннему насту может служить случай одного только ареста в бухте Чуз-Гуу (Чу-цзы-тоу), что в области бухты Находка, 20 марта 1895 года 20 козлых и оленьих туш, 14 оленьих и 2 козлых кож, 8 оленьих выпоротков, 4 пары оленьих и 8 пар козлых рогов. Всего же здесь, по рассказам корейцев соседней солеварни, было в течение двух недель загнано и зарезано более 60 зверей».	Начало XX в.	Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. М., 2004. С. 141.
12.	За последние двадцать лет площадь обитания оленей сократилась раз в десять. В тех местах, где раньше они бродили стадами, поселились корейцы и начали уничтожать леса. Бедные животные стали отходить на север, но не могли выдержать жизни в хвойных лесах и погибли очень скоро».	1907	Арсеньев В.К. Дерсу-Узала. М., 1989. С. 123–124.
13.	«Ныне Аскольд известен как естественный питомник пятнистых оленей. Лет пятнадцать тому назад здесь было до четырех тысяч оленей. Вследствие браконьерства, глубоких снегов и прогрессивного ухудшения подножного корма, животные стали быстро сокращаться и теперь на всем острове их насчитывается не более полтораста голов».	1907	Арсенев В.К. Дерсу-Узала. М., 1989. С. 9.
14.	«В 1914 году было бессмысленное массовое избивание всех копытных, в том числе и маралов, когда вследствие обильных снегов в горах они спустились ближе к населенным местам... и избивались без всякого милосердия массово» (по И.Н. Шухову, 1923. — <i>Н.Ф.</i>).	1914	Смирнов М.Н. Благородный олень в Южной Сибири. Красноярск, 2007. С. 140.
15.	«Сойоты (тувинцы. — <i>Н.Ф.</i>) — охотники, кочующие в пределах Урянхая, также ежегодно уходят промысливать зверя в русские Саяны и быют хищнически, без срока и всеми способами, истощая пушные и звериные богатства России, главным образом, ценные породы соболя и марала (по В.С. Родевичу, 1910. — <i>Н.Ф.</i>).	1910	Смирнов М.Н. Благородный олень в Южной Сибири. Красноярск, 2007. С. 143.
16.	А.К. Кузнецов (1898) по материалам исследования заключил, что «за семь лет ямы долга выводят зверей из этих мест».		Смирнов М.Н. Благородный олень в Южной Сибири. Красноярск, 2007. С. 151.
17.	«В зиму отчетного года (1888. — <i>Н.Ф.</i>) был неслыханный ранее ход дикой козы (козули. — <i>Н.Ф.</i>) с северных покатый по направлению к Маньчжурии. Населением было добыто до 150 000 голов. Шкурки пролавались по 30–40 коп. за штуку, мясо — по рублю за тушу». «Жители Уймона весной 1882 года зарезали до 300 козуль» (по Никольскому. — <i>Н.Ф.</i>). «Крестьяне Черного Ануя убивают в зиму по 80 голов на ружье» (по Никольскому. — <i>Н.Ф.</i>). «В деревне Кондратьевой Канского уезда, во время одной из охот было добыто около сотни лосей» (снежная зима. — <i>Н.Ф.</i>).	1913 1914	Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. СПб., 1914. С. 516, 518.

Окончание таблицы 1.5

18.	<p>«Могу указать, как пример, что за пантовку в 1914 году промышленник Антон Заев из дер. Агинской Канского уезда с тремя товарищами бросили в тайге в вершинах Кана около 80 пудов мяса изюбрей, взяв только панты».</p>	1914	<p>Соловьев Д.К. Охота на изюбря. Саянский промысловый охотничий район и соболинный промысел в нем. Петроград, 1920.</p>
19.	<p>«За малочисленностью полицейского и лесного надзора, в особенности в северной части уезда, избивается в недовольное время много ценного зверя: пятнистого оленя, изюбря. Однако самым возмутительным образом уничтожается изюбрь. Олень убивается китайцами обыкновенно ради пантов, которые продаются китайским купщикам во Владивостоке. Кроме того, олень убивается для получения жил, которые вырезаются из задних ног по две штуки из каждого оленя. В одной китайской фанзе было найдено более 10 пудов свежих жил. Если принять, что две жилы весят не более одного фунта, то на пуд — надо убить сорок оленей, а для 10 пудов их нужно уничтожить 400 штук. В такой же степени уничтожается этот ценный зверь для добычи выпоротков. Обыкновенно зверь загоняется в загоны, стельные матки убиваются, а холостые выпускаются. Все это богатство бросается в лесу, а дикий зверолов, хищник-китаец, не имеющий над собой никакой сдерживающей узды, бьет его без разбора во все времена года, не исключая и маток, чтобы получить себе только лишь шкуру выпоротка».</p>	1914	<p>Описание Ольгинского уезда // Государственный исторический архив Дальнего Востока. Приморский государственный архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2005. Лл. 105–109об.</p>
20.	<p>«На р. Кумире (Горный Алтай. — Н.Ф.) маралов не видели с тех пор, как охотники-мараловоды Шестаков и Медведев добыли по весеннему насту 16 штук. Случилось это в начале 80-х годов прошлого (XIX в. — Н.Ф.) века. Тогда же приблизительно марал исчез и в прочих местностях С.З. Алтая».</p>		<p>Мараловодство в Сибирском крае. Новосибирск, 1930. С. 8.</p>

Даже знаменитый путешественник Н.М. Пржевальский признается: «На лугах верхней Мо они (косули. — *Н.Ф.*) попадались чуть ли на каждом шагу, так что я каждый день убивал одну, даже три. Не зная, куда девать лишнее мясо, которое от сильных жаров портилось на другой день, мы очень часто бросали целиком убитых, так что самому делалось совестно за такую бесполезную бойню, но тем не менее, уступая охотничьей жадности, я ни разу не упускал случая застрелить ту или другую козу» [66, с. 231].

Итак, охотничья жадность, присущая большинству зверопромышленников, была существенным фактором снижения поголовья пантовых оленей в дикой природе, но не основным. Главным фактором снижения численности оленей были все-таки причины экономические. Во-первых, коренным народам Сибири и Дальнего Востока приходилось увеличивать интенсивность охотничьего промысла «как следствие дани и контрибуции на них, наложенной русскими» [101, с. 71]. Это в первую очередь касается пушного промысла, но и шкуры оленей были очень востребованы государством.

Во-вторых, и это самое главное, в XIX в. в Азии появился и активно стал развиваться рынок пантовой продукции в самой его примитивной форме меновой торговли. Экономическую власть над абсолютным большинством зверопромышленников установили торговцы-посредники. Необходимость выживания в условиях постоянной кредитной кабалы у скупщиков заставляла охотников отступать от вековых традиций по охране зверя: не бить стельных самок, не начинать охоты до определенного времени и т.п. А.А. Силантьев очень точно отметил, что «вступив на этот опасный путь игнорирования разумных заветов старины, трудно уже было сойти с него» [80, с. 11].

Раскрывая эту важнейшую сторону жизни сибирских зверопромышленников, дадим вначале краткую профессиональную характеристику этих людей. Л.П. Потапов, изучая охотничий промысел алтайцев, например, утверждал, что охота для них это «не только хозяйственное занятие, обеспечивающее существование, но и своеобразный быт, тесно связанный с духовной культурой», т.е. это образ жизни народа [62, с. 8]. Он рассказывал об охотнике, который брал своего сына Ивана на охоту с 7 лет. Иван ходил за отцом на собственных маленьких лыжах, а в тайге поддерживал огонь в шалаше и присматривал за станом. По приходу домой Иван «первым делом бросался к матери и просил грудь» [62, с. 41].

С 16 лет подростки уже получали полный пай в коллективных охотах наравне со взрослыми. Такая школа формировала первоклассных охотников-алтайцев. В погоне за оленем сибирские охотники, например, часто могли пройти на лыжах по тайге 100 верст за сутки.

А. Кузнецов, описывая охотников-бурят, сообщал: «Они прекрасные стрелки, очень наблюдательны и упорны в преследовании... Насколько хорошие они охотники видно, например, из того, что компания из 3–4 бурят, приезжавшая зверовать на р. Ингоду (впадает в р. Шилка — приток

Амура. — *Н.Ф.*), убила до 80 коз и изюбрей, тогда как на долю русских из целой деревни за это же время пришлось только 20 коз» [35, с. 92].

Рассказывая об охотниках-удэгейцах, В.К. Арсеньев в своей книге «Лесные люди удэгейцы» отмечает: «Лесные люди — страстные охотники и отличные следопыты... В пути от зоркого глаза удэгейца ничего не скроется. Он знает, какой зверь и когда прошел, молодой или старый. Оставленный бивак он осматривает с особым вниманием и точно определяет, кто ночевал, сколько людей, какой национальности, чем они занимаются и куда направились».

Удивительные способности корейских охотников на оленей, которых называли «кавандо», В.Ю. Янковский доносит до нас такими словами: «Летняя

слежка по твердой земле — великая школа, азы которой нам преподали потомственные корейские следопыты. Здесь требуется особый глаз, особое умение видеть, второе чутье, которое дается большим опытом и далеко не каждому... Их очень много, казалось бы, совсем не приметных деталей, которые острый глаз кавандо, как кличут в Корее профессиональных следопытов, ловит на расстоянии...» [104, с. 268].

По всей Сибири и на Дальнем Востоке огромной славой пользовались охотники-старообрядцы. «Мы сами видели типы горных охотников и крестьян на Алтае, которые не могли не поразить нас своим богатырским сложением, умением ориентироваться в лесу, и замечательной меткой стрельбой из своих винтовок. Образцом неустрашимости и отваги является горное население беглых русских крестьян, известных под именем каменщиков», — писал Н.М. Ядринцев [102, с. 112]. Зверопромышленники такой квалификации в конкурентной борьбе выбивали оленей «до тла».

Старый охотник-алтаец. Начало XX века.
Фото из государственной архивной службы
Республики Алтай
Музей алтайского марала (г. Бийск)

Было время, когда общественное сознание эффективно регулировало посредством устойчивых норм морали, жестко закрепленных традиций, достаточно бережное отношение человека к природе вообще и оленю в частности. В Суйской летописи Китая Л.П. Потапов обнаружил, например, эпизод охоты тюрского кагана Шабалию в 586 г. в двух провинциях Китая. «Во время охоты каган собственной рукой убил 18 оленей. У каждого оленя он брал только голову (из-за языка) и задок (крестец)...». Вернувшись с охоты, Шабалию узнал, что у него сгорела ставка, а сам он, спустя месяц, скончался. В летописи это подается как расплата за тяжкое преступление, связанное с жадностью [62, с. 14].

На родине Чингисхана нельзя было в облавных охотах убивать самку марала, так как она являлась тотемным животным. У алтайцев марал являлся творением верхнего Бога, и считалось, что рога его созданы Эрлик-Бием. Стрелять в оленя с большими рогами означало стрелять в «хозяина тайги». Такой поступок мог навлечь несчастье или вызвать смерть как самого охотника, так и его членов [43]. Необходимость бережливости поддерживалась даже в сказках. В казахской сказке «Баян-Слу и Козы-Корпеш», например, говорится, что в древние времена между горами Тарбагатай и Алатау охотились два сильных султана Карабай и Сарыбай. На охоте нашли они марала, но увидев, что это самка, решили не убивать (пожалели детеныша в чреве).

Позднее, в XIX в., известны примеры на Дальнем Востоке и на Алтае, где общины местных жителей делали попытки регулировать интенсивность охоты. Так, в 1896 г. на общем съезде семи алтайских дючин был вынесен приговор, по которому охотиться на маралов-самцов можно было только весной, когда созревали панты, а на самок — в конце лета, когда уже крепкими становились маралята. За убийство маралов в другое время виновный платил штраф от 40 до 60 руб. [33, с. 142]. Местные органы власти также иногда пытались регулировать промысел. Верхнеудинский земской суд, например, еще в 1814 г. установил осенний срок промысла с 10 октября [95, с. 104]. Лесными правилами в Приамурском крае с 1893 г. было запрещено настораживать на оленей луки и ружья [35, с. 85]. В этом же году в Забайкалье губернатором было запрещено ловить копытных ямами [29, с. 47]. В 1896 г. Бийский окружной исправник Головачевский в своем рапорте томскому губернатору ходатайствовал об установлении «общих правил охоты на маралов в местах по Алтаю введенного мне округа» [16].

В 1898 г. по инициативе А.А. Силантьева была запрещена всякая охота на маралов в Алтайском округе. Подробно об этом я говорю в главе 2 «Дело А.А. Силантьева». В 1911 г. постановлением иркутского генерал-губернатора была запрещена весенняя охота по насту на коз, сохатых и изюбрей.

Однако перечисленные усилия не могли, а кое-где уже и не успевали сохранить поголовье пантовых оленей в Сибири и на Дальнем Востоке. Размах промысла на этих ценных зверей был поставлен на «широкую ногу».

Фото охотника-гольда Дерсу Узала

Во-первых, какие бы законы ни принимались, но для коренных жителей Сибири и Дальнего Востока охота на оленей являлась средством к существованию, которому у них просто не было альтернативы. Л. Шренк, описывая инородцев Амурского края в конце XIX в., сообщал, например, следующее: «У верхне-амурских инородцев, для которых охота является почти единственным средством добывания пищи и материала для одежды, она главным образом направлена на дичину,

т.е. на изюбря, козулю и вепря. Это обуславливается еще и тем, что самыми крупными из названных зверей лосем и изюбрем, инородцы эти платят дань маньчжурским чиновникам, а свежие рога молодых изюбрей — составляет у них важный предмет торговли» [98].

Выражая свое отношение к распространению в Горном Алтае Закона об охоте 1886 г., начальник Алтайского округа высказывал опасение, что «распространение закона об охоте 1886 года на Алтайский округ, безусловно, должно оказать благотворное влияние на урегулирование этой отрасли промышленности округа, но при этом необходимо иметь в виду, что население, занимающееся в округе охотой, делится на две совершенно различные категории, а именно:

1. Крестьянское население, занимающееся охотой, как подспорьем к его сельскому хозяйству.
2. Инородческое население округа, для которого охота составляет единственный промысел и средство к жизни.

В отношении первой категории населения, с достоверностью можно сказать, что введение в действие закона об охоте не окажет никакого влияния, для второй же категории населения закон этот окажется, безусловно, стеснительным и быть может невыгодно отразится на материальном благосостоянии инородческого населения; в какой же именно степени высказанное предположение будет иметь место, заранее определить невозможно» [17].

Во-вторых, вокруг охотников сложилась устойчивая система посредников-торговцев, которые занимались скупкой и продажей охотничьей продукции. Почти все охотники были должниками этих торгов-

цев, так как система кредитования, выстроенная скупщиками пушнины и пантов, поработала зверопромышленников.

В заключение приведем слова Д.И. Шрейдера из его работы «Наш Дальний Восток», написанной в конце XIX в.: «Промышленник получает лишь ничтожные крохи за свой нелегкий и опасный промысел, да и те редко выдаются ему наличными деньгами; большей частью расплата производится натурой — предметами потребления и вооружения, поставляемые охотникам по непомерно возвышенным ценам. Благодаря этому, добыча пантов дает, в конце концов, бродячему охотнику так же мало, как и добыча морской капусты китайским кули, несмотря на то, что промысел этот, в общем, очень выгоден, особенно если удастся добыть панты лани или пятнистого оленя (*cervus axi*), ценящиеся особенно дорого, так как им приписывается большая целебная сила в болезнях») [97, с. 306].

Библиографический список к параграфу 1.1

1. Абрамов К.Г. Копытные звери Дальнего Востока и охота на них. — Владивосток, 1963.
2. Абрамов К.Г. Пятнистый олень. — Владивосток, 1930.
3. Абрамова З.А. Изображение человека в палеонтологическом искусстве Евразии. — М. ; Л., 1966.
4. Адрианов А. Путешествие на Алтай и на Саяны // Записки ЗСО ИРТО. — Кн. VIII, вып. II. — Омск, 1886.
5. Аткинсон Т.У. Путешествие по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии. — СПб., 1865.
6. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. — М., 2004.
7. Байков Н.Н. В горах и лесах Маньчжурии. — Владивосток, 2011.
8. Бауман Р.О., Малов О. За красным зверем с собакой // Охота и рыбалка XXI век. — 2010. — №5.
9. Блэкмор Говард Л. Охотничье оружие. От средних веков до двадцатого столетия. — М., 2006.
10. Браиловский С.П. Тазы или удэхе (опыт этнографического исследования). — СПб., 1901.
11. Буров Г. Охота прашуров // Охота и охотничье хозяйство. — 1968. — №5.
12. В составе Томской губернии. — Горно-Алтайск, 2004.
13. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. — Горно-Алтайск, 1993.
14. Гагейместер Ю. Статистическое обозрение Сибири. — Ч. I. — СПб., 1854.
15. Гапонов В.В. История таежного природопользования Южно-Уссурийского района. — Владивосток, 2005.

16. Государственный архив Томской области (далее — ГАТО). — Ф. 3. — Оп. 2. — Д. 3634. — Л. 2–3.
17. ГАТО. — Ф. 3. — Оп. 2. — Д. 3634. — Л. 6.
18. Гевайлер А.Н. Дао императора или история женышена. — Ростов на/Д, 2006.
19. Герасимов Ю.А. Тропою таежного охотника. — Чита, 2007.
20. Гребенщиков Г.Д. Рассказ «Ханство Батырбека» // Простор. — 1993. — №10.
21. Данилкин А.А. Благородный олень // Охота и охотничье хозяйство. — 1999. — №12.
22. Данилкин А.А. Охота на копытных как она есть // Охота. — 2008. — №11–12.
23. Дежкин В.В. Охота и охотничье хозяйство мира : справочное пособие. — М., 1983.
24. Деревянко А.П. В поисках оленя золотые рога. — М., 1980.
25. Джон Мэн. Чингисхан. — М., 2007.
26. Добржанский Ф.Г. Очерк мараловодства на Южном Алтае. Домашние животные Семипалатинской губернии. — Л., 1928.
27. Дулькейт Г.Т. Лыковы : документальная повесть. — Барнаул, 2008.
28. Жардалов Д. Облавные охоты до и после Чингисхана. — Иркутск, 1996.
29. Сибирские вопросы. — 1908. — №33–34.
30. Записки РГО по этнографии. — 1891. — Т. 8, вып. 2.
31. Зверев П.А. Олени и охота на них. — М., 2004.
32. Историко-этнографический атлас Сибири / под ред. М.Г. Левина и Л.П. Потапова. — М. ; Л., 1961.
33. История Республики Алтай в документах Государственного архива Томской области XIX — начала XX веков. В составе Томской губернии. — Горно-Алтайск, 2004.
34. История Республики Алтай. — Горно-Алтайск, 2010.
35. Кузнецов А. Изюбриный промысел и разведение изюбрей в Забайкальской области // Записки Читинского отделения ИРГО. — Вып. III. — Чита, 1898.
36. Кутепов Н.И. Русская охота. Исторический очерк. — М., 2008.
37. Кучеренко С.П. Встреча с амурским тигром. — Хабаровск, 2005.
38. Кучеренко С.П. Рассказы о животных. — Хабаровск, 2003.
39. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по алтайским горам и джунгарской киргизской степи. — Новосибирск, 1993.
40. Ледебур К.Ф. Путешествие по алтайским горам и предгорьям Алтая. Слово об Алтае. — Кн. III, ч. I. — Горно-Алтайск, 2004.
41. Лео де Хартог. Чингисхан — завоеватель мира. — М., 2008.
42. Маак Р. Путешествие по долине реки Усури. — Т. I. — СПб., 1861.

43. Майманова А.Т., Яшина Т.В. Культура охоты коренного населения Центрального Алтая: трансформация традиций в современную эпоху // Материалы Всерос. науч.-практ. конференции «Традиционные знания коренных народов алтае-саян в области природопользования». — Барнаул, 2009.
44. Мамонов Л. Пантовка // Охота и охотничье хозяйство. — 2005. — №5.
45. Маракуев А.В., Рудаков А.В. Пятнистый олень в китайской фармакопее. — Хабаровск, 1935.
46. Мейер К.А. Путешествие по джунгарской киргизской степи. — Новосибирск, 1993.
47. Мицлова К.Д. Далекый край. Путешествие по Урянхайской земле. Петроград. Приложение. // Восток. — 1915. — №3–4.
48. Миддендорф А. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. II. Отд. VI : Коренные жители Сибири. — СПб., 1878.
49. Мурзаев Д.В. Охота на маралов и ловля их в Енисейской губернии // Наше хозяйство. — 1900.
50. Надаров И.П. Материалы к изучению Уссурийского края. — Владивосток, 1886.
51. Нейштубе С.Т. Мараловодство. Охота и разведение особого вида оленей — маралов. — Петроград, 1919.
52. Оболенский А. У истоков испанской монтерей // Охота и рыбалка XXI век. — 2010. — №5.
53. Описание Маньчжурии / под ред. Д.М. Позднеева. — СПб., 1897.
54. Орешкин Д. Охотники каменного века // Охота и охотничье хозяйство. — 1982. — №12.
55. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. — Ч. 3, Половина первая. 1772–1773 г. — СПб., 1788.
56. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. — Ч. 2, кн. I. — СПб., 1786.
57. Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям Российского государства. Т. III. Часть I.
58. Першиц А.М., Монгайт А.Л., Алексеев В.П. История первобытного общества. — М., 1982.
59. Полежаева О. Охота в жизни обитателей Денисовой пещеры эпохи палеолита // Бийский вестник. — 2004. — №4.
60. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. — СПб., 1881.
61. Потанин Г.Н. Полгода на Алтае // Русское слово. — 1859. — №9.
62. Потапов Л.П. Охотничий промысел алтайцев. — Новосибирск, 2001.
63. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. — М. ; Л., 1953.
64. Потапов Л.П. Очерки по истории Шории. — Л., 1935.
65. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. — Л., 1969.

66. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. — М., 2007.
67. Пржевальский Н.М. Путешествие к Лобнеру и на Тибет. — М., 2008.
68. Радлов В.В. Из Сибири. Страницы из дневника путешествия 1862 года. — М., 1989.
69. Рудаков А. Материалы по истории китайской культуры в Гиринской провинции (1644–1902 гг.) — Т. I. — Владивосток, 1903.
70. Сабанеев Л.П. Охотничий календарь. Справочная книга для ружейных и псовых охотников. — М., 1904.
71. Сапунов В. Первый охотничий рассказ // Охота и охотничье хозяйство. — 1965. — №12.
72. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. — Т. 4, вып. II. — Иркутск, 1884.
73. Северцев Н. Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня. — СПб., 1873.
74. Сельский И.С., Версиков Н.А. Путевые заметки священника Миссионера А. Аргентова в приполярной местности. Записка Сиб. отд. Императорского русского географического общества. — СПб., 1857.
75. Семенова М. Мы славяне. — СПб., 2008.
76. Сетон-Томсон Э. По следам оленя. Рассказы о животных. — М., 1991.
77. Сибирский торгово-промышленный ежегодник. — 1914–1915.
78. Сибирь. Атлас Азиатской России. — Новосибирск, 2008.
79. Силантьев А.А. Марал и его будущая роль в хозяйстве сибирских крестьян // Сельское хозяйство и лесоводство. — 1897. — №3.
80. Силантьев А.А. Обзор промысловых охот в Сибири. — СПб., 1898.
81. Словцов А.П. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. — М., 2006.
82. Словцов П.Я. Путевые заметки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд, Акмолинской области в 1878 году // Записки ЗСО ИРГО. — Кн. III. — Омск, 1881.
83. Смирнов М.Н. Благородный олень в Южной Сибири : монография. — Красноярск, 2007.
84. Смирнов М.Н. Марал в Туве // Охота и охотничье хозяйство. — 1988. — №12.
85. Смирнов М.Н. Охотники и охотничье хозяйство в доземледельческий период : учебное пособие. — Красноярск, 1996.
86. Степанов А.П. Енисейская губерния. — Ч. I. — СПб., 1835.
87. Тимковский Е. Путешествие в Китай через Монголию в 1820–1821 годах. — Ч. I. — СПб., 1824.
88. Фан Ван. Стоянка синантропа Чжоу коу дьянь // Китай. — 2008. — №6.
89. Федосенко А.К. Марал. — Алма-Ата, 1980.
90. Фролов Н.А. Целебные силы марала. — Барнаул, 2012.
91. Хрестоматия по истории Алтая (с древнейших времен до 1917 года). — Барнаул, 2003.

92. Черкасов А.А. Записки охотника Восточной Сибири. — М., 1990.
93. Чингисиада. Свод свидетельств современников. — М., 2009.
94. Чихачев Л. Путешествие в Восточный Алтай / перев. с франц. В.В. Цыбульского. — М., 1974.
95. Шмулевич М.М. Очерки истории Западного Забайкалья XVIII — середина XIX в. — Новосибирск, 1985.
96. Шокарев Ю.В. История оружия. Луки и арбалеты. — М., 2007.
97. Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток. — СПб., 1893.
98. Шренк Л. Об инородцах Амурского края. — Т. 2. — СПб., 1893.
99. Штейнфельд В.П. Бийский уезд Томской губернии. — Бийск, 1911.
100. Юхнев П.М. Горный Алтай и его население. Т. I : Кочевники Горного Алтая. Вып. II. Неземледельческие промыслы кочевников Бийского уезда. — Барнаул, 1903
101. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. — СПб., 1891.
102. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. — СПб., 1892.
103. Ядринцев Н.М. Сведения о мараловодстве на Алтае // Записки ЗСО. — Кн. 1. — Омск, 1879.
104. Янковский В.Ю. От Сидеми до Новины. — Владивосток, 2011.
105. Янковский В.Ю. Потомки Нэнуни: повести и рассказы. — М., 1986.
106. Янковский Ю.М. Оленеводство в Южно-Уссурийском крае. Доклад 1912 г. // Материалы по изучению Приморского края. — Вып. XI. — Хабаровск, 1913.

1.2. АЛТАЙ — РОДИНА МАРАЛОВОДСТВА

Образовавшийся ко второй половине XVIII в. Алтайский горный округ включал в себя территории нынешнего Алтайского края, Новосибирской и Кемеровской областей, часть Томской области и Восточно-Казахстанской области Казахстана. Именно в горах Алтая и зародилась в XIX в. совершенно новая отрасль животноводства — разведение маралов в неволе. До сих пор открытым остается вопрос о том, кто и когда начал проводить первые опыты по приручению марала. Литературные данные по этому вопросу очень противоречивы. А.Г. Принтц первым, по данным Ф.Г. Добржанского, сделал официальное сообщение о том, что видел домашних маралов в 1863 г. в д. Белой и д. Верхненарымской [25, с. 12].

Через десять с небольшим лет Г.Н. Потанин, получив информацию от окружного доктора Михайловского из г. Бийска, записал: «Кто пер-

вым завел домашних маралов и в каком году — хорошо не известно. По словам инородца Федора Бочкарева, первым поймал трех живых маралов и начал держать при дворе инородец Семен Лубягин в деревне Язовой (на Бухтарме). Когда 55-летнему теперь рассказчику было 4 года, уже рассказывали, что у Лубягина есть ручные маралы. Вслед за Лубягиным стал заводить маралов инородец Роман Шарапов из деревни Фыкалки... В Уймоне прежде других (не вдолге после Лубягина) завели маралов лет 40 назад Ошлыковы, затем братья Черновы Родион и Афанасий...» [35, с. 84].

Годом позже в 1878 г. Н.М. Ядринцев, изучая мараловодство на Алтае, отметил: «Домашнее мараловодство в Алтае началось с тридцатых годов нынешнего столетия... Первые начали разводить маралов, по показаниям Бийских жителей, русские крестьяне Уймонской инородческой управы» [45, с. 1].

Знаменитый автор книги «Записки охотника Восточной Сибири» А.А. Черкасов, занимавший в 1885–1890 гг. должность городского головы г. Барнаула, зафиксировал следующее: «Интересно, что мараловодство как торговый промысел на Алтае получил свое начало только в 1860 году в деревне Фыкалке... Первый опыт сделан братьями Шараповыми» [44, с. 20].

С мнением А.А. Черкасова солидарен исследователь Алтая П.А. Голубев, который еще в 1890 г. писал, что «опыт приручения маралов сделан в начале 60-х годов в деревне Фыкалке, бывшей инородческой управе, а ныне Бухтарминской крестьянской волости, братьями Шараповыми. До того времени на маралов, живших в диком состоянии, просто охотились. Шараповы начали приручать их, воспитывая в загонах на подобии прочего скота» [1, с. 85].

Далее, в 1896 г., собирая материалы для своей книги «Обзор промысловых охот в России», А.А. Силантьев на основании анализа литературных источников сделал следующий вывод: «Еще в начале XIX столетия, когда сбыт пантов только что открылся в Китай, ввиду крайней трудности и гадательности охоты на маралов, явилась мысль держать их в прирученном состоянии с целью ежегодного пользования молодыми, в надлежащий срок срезаемыми рогами; таким образом, возникла новая отрасль животноводства, разведение маралов. Мараловодство, собственно говоря, получило свое начало еще раньше — у русских беглых крестьян в царствование императрицы Екатерины II (1762–1796 гг. — *Н.Ф.*), причисленных к Уймонской инородческой управе, якобы из-за любви к скотоводству. Более прочные основания этой новой отрасли животноводства положил в конце 20-х годов Афанасий Чернов. Никольский считает инициаторами мараловодства братьев Шарыповых в Фыкалке, но вряд

ли это справедливо, потому что начало домашнего содержания он относит к 60-м годам, когда у Шарыповых был маральник, но Чернов занимался этим делом уже с двадцатых годов» [42, с. 523].

Однако после того, как А.А. Силантьев нашел возможность в 1897 г. изучить состояние мараловодства на Алтае непосредственно на месте, он изменил свое мнение: «Мараловодство на Алтае зародилось на р. Бухтарме в дер. Фыкалке в начале 30-х годов. Дело началось с того, что некто Савелий Игнатьевич Ушаков, поймав живого марала, держал его у себя в «садочке», т.е. в маральнике. ...Бычка этого купил у Ушакова отец живущих и по сию пору в Фыкалке мараловодов Романа, Сидора и Афанасия Шарыповых — Авдей Парфенович Шарыпов, который завел свой маральник и стал пополнять его новыми, добываемыми на воле зверьями. Взяв в жены дочь Егора Васильевича Лубягина из д. Язовой, Шарыпов познакомил своего тестя с новым способом эксплуатации маралов, продал ему несколько зверей и положил таким образом начало мараловодству в д. Язовой...». «Конечно, я могу и ошибаться, — пишет далее А.А. Силантьев, — но во всяком случае, Шарыповы и Лубягины, по отзыву всех бухтарминцев, самые старые фирмы мараловодов на Алтае, а не Черновы в Верхнем Уймоне, чего те и не отрицают... (Что мараловодство зародилось в Фыкалке у Шарыповых, сообщал, не касаясь деталей вопроса, А.М. Никольский в 1882 году («Путешествие в Алтайские горы»). — А.С.)» [41, с. 19].

Видимо, мнение А.А. Силантьева вплоть до 1917 г. стало основным при решении вопроса, кто были первые мараловоды на Алтае, и было отражено еще в нескольких публикациях о мараловодстве.

Через двадцать лет, в 1927 г., Ф.Г. Добржанский в своей работе «Очерк мараловодства на Южном Алтае» вернулся к вопросу о пионерах в мараловодстве на Алтае. Во-первых, на основании анализа раннего заселения Южного Алтая русскими людьми, и старообрядцами в первую очередь, он заявил о «раннем интенсивном товарообмене между русскими поселенцами, жившими к северу от Бухтармы, и китайцами». Ф.Г. Добржанский, ссылаясь на данные Е.Ф. Шмурло (1898 г.), сообщил, что в 20-х гг. XIX столетия крестьяне русских деревень Фыкалки, Белой и других сбывали немало маральных рогов за хорошую цену именно на пикете Чингистей [25, с. 191].

Действительно, д. Фыкалка образовалась еще в 1792 г. и находилась всего в 35 км от Чингистайского пограничного китайского пикета. Старообрядцы, скрываясь от российских властей, умели дружить и торговать с китайскими пограничниками. В Уймонской долине, напротив, по причине двоеданничества южных алтайцев и отдаленности от китайских пикетов, такие контакты с китайцами начались несколько позже.

Это, наверняка, сыграло свою роль в раннем появлении мараловодства на Бухтарме.

Во-вторых, на основании анализа литературных источников он еще раз подтвердил, что «фамилия Шарыповых называется в качестве первых мараловодов несколькими авторами», и уточнил при этом, что «нам кажется вероятным, что приручение марала началось не ранее начала сороковых годов» [25, с. 193]. Кстати, это не противоречит утверждению А.А. Силантьева, что первым марала отловил Савелий Ушаков, который мог это сделать, например, из любопытства и любви к красивому зверю, а уже Шарыповы смогли увидеть в этом хозяйственный расчет. Н.А. Северцев, например, изучая в конце 1860-х гг. животный мир Туркестана, писал о таком любопытном случае: «Пойманный маленьким, мараленок легко делается ручным; виденный мной в Верном ходил за хозяином, как собака, был ласков к посторонним, ел из рук и входил в комнаты, где с любопытством все осматривал и обнюхивал; он свободно ходил по городу и хорошо знал свой двор, куда всегда возвращался. Ел всякую растительную пищу: сено, овес, хлеб, сырой и вареный картофель, капусту, морковь и иные корни и весьма охотно, яблоневые и урюковые листья. У В.П. Кузнецова в Верном такой мараленок вырос и жил лет шесть, тоже на свободе, уходил иногда в горы на несколько дней и под конец даже бегал с дикими самками и после течки возвращался ко двору; зимой выходил оттуда мало. Кончил, вероятно, тем, что по ошибке был застрелен в горах за дикого. Его мягкие рога ежегодно срезались для продажи китайцам...» [40, с. 173]. Однако этот пример описан, когда у Шарыповых уже был маральник.

Наконец, в-третьих, Ф.Г. Добржанский, ссылаясь на предсказание Ф.В. Геблера, который уже в 1835 г. утверждал, что охота на марала быстро приведет к его исчезновению и поставит под угрозу благосостояние целой Бухтарминской «области», подчеркивал, что приручение марала являлось логической и естественной потребностью русских поселенцев в Горном Алтае.

Скорее всего, появление мараловодства именно на Алтае было удачным сочетанием объективных экономических и исторических факторов хозяйственного освоения Горного Алтая, а также неких случайных событий, которые всегда бывают в поведении людей.

В дальнейшем попытки уточнить время появления первого «маральника» на Алтае на основании архивных данных уже практически не велись. В 1927 г. Е.А. Бломквист и Н.А. Гринкова отметили следующее: «Возникновение мараловодства на Бухтарме относится к 50-м годам XIX столетия...» [3, с. 118]. В Сибирской Советской энциклопедии 1929 г. сообщалось: «Мараловодство возникло в 1830-х годах в Южном Алтае

(д. Фыкалка, на Бухтарме) и обусловлено спросом на панты со стороны Китая, где высушенный маралий рог употребляется на изготовление лекарственных препаратов» [30]. Далее, в 1930 г., С.И. Орлов утверждал, несмотря на данные А.А. Силантьева и Ф.Г. Добржанского: «Мараловодство на Уймоне, по показаниям нескольких старожилов, существует с 1830 года. При этом первым мараловодом в разных местах называют одно и то же лицо, именно Чернова Родиона Агафоновича, затем уже идут указания на фамилию Ошлаковых...» [33, с. 93].

Правда, в 1950 г. исследователь мараловодства П.В. Митюшов вернулся к версии Ф.Г. Добржанского: «Начало одомашнивания маралов относится к сороковым годам XIX века. Первый отлов маралов для содержания в неволе приписывают братьям Шарыповым, жившим в районе р. Бухтармы на Южном Алтае» [31, с. 6].

Однако в самом конце XX в. очень известный специалист по оленям А.А. Данилкин, ссылаясь на В.Н. Егеря (1995), печатает в своей монографии следующее: «Мараловодство зародилось на Южном Алтае в самом конце XVIII века и затем распространилось по всей Сибири» [24, с. 472]. Еще через 10 лет, в 2010 г., в коллективной работе «История Республики Алтай», т. II, авторы утверждают: «В 30-х годах XIX века русские старожилы Уймонской долины положили начало мараловодству» [27, с. 196].

Наконец, в 2012 г. В.Г. Луницын настаивает: «Пантовое оленеводство (разведение маралов и пятнистых оленей) как отрасль животноводства зародилось в России во второй половине XIX века» [29, с. 11]. Правда, следом автор уточняет: «Возникновение пантового оленеводства относится к 40-м годам XIX века. Одомашнивание марала началось на Южном Алтае в д. Фыкалка (Катон-Карагайский район Казахстана)» [29, с. 13]. На этой же странице В.Г. Луницын еще раз уточняет: «Со слов Г.Н. Потанина (1950), кто первый завел домашних маралов, неизвестно. Начало этому делу было положено в одной из деревень в верховьях реки Бухтармы, затем маралы появились в верхней части долины Катунь, в уймонских деревнях. Первым поймал трех маралов и начал держать при дворе Семен Лубягин в деревне Язовой, вслед за ним Роман Шарыпов в деревне Фыкалка, это был 1826 год... Опытные охотники Шарыповы организовали ловлю маралов. Предприятие оказалось удачным, и в 1835 году в 15 км от д. Фыкалки появился первый маральник (Пятков и др., 1971 г.)» [29, с. 11–13].

Таким образом, в последние десятилетия публикации по пантовому оленеводству не только не уточняют, но, скорее, даже запутывают ответ на очень важный с точки зрения исторической справедливости вопрос о пионерах-мараловедах на Алтае. В ходе изучения этого вопроса у меня

Юго-Западный Алтай в конце XVIII в.

- укрепления Кольвано-Кузнецкой линии
- поселения бухтарминских каменщиков
- границы современных государств:
- 1 Россия 2 Монголия 3 Китай 4 Казахстан

Карта Юго-Западного Алтая

появилось понимание, что наиболее точные данные удалось собрать исследователям мараловодства А.А. Силантьеву в 1897 г. и Ф.Г. Добржанскому в 1927 г.

1. Родиной пантового оленеводства в России является Алтай. Никаких литературных источников, в том числе по Забайкалью и Дальнему Востоку, опровергающих этот вывод, пока найти не удалось.

2. Первые опыты по разведению маралов осуществил Авдей Парфенович Шарыпов из деревни Фыкалки (район реки Бухтармы. — *Н.Ф.*). Вероятно, что марала он приобрел у Савелия Игнатьевича Ушакова, поймавшего оленя из любопытства. В 1917 г. в д. Фыкалке Зmeinогорского уезда Томской губернии мараловодством занимались уже одиннадцать фамилий Шарыповых, в том числе 72-летний Сидор Авдеевич Шарыпов, сын Авдея Парфеновича, и четыре сына Сидора Авдеевича Шарыпова [14].

3. Не подтвержденным документально остается время начала опытов по разведению маралов в неволе. А.А. Силантьев пишет о начале 30-х гг., но в таблице ставит 1835 г., да еще под знаком вопроса. Ф.Г. Добржанский говорит о начале 40-х гг. XIX в., но при этом оговаривается: «...Нам кажется вероятным...», т.е. оставляет возможность для уточнения. Не исключено, что истина лежит посередине, т.е. между 1830–1835 гг. XIX столетия, но уточнить эту дату без архивных данных уже невозможно. Остается надеяться, что такие материалы в архивах есть и когда-нибудь будут найдены.

Огромное значение появления мараловодства сразу же отметил Н.М. Ядринцев. Изучая раскольничьи общины на границе Китая в начале 80-х гг. XIX в., Н.М. Ядринцев записал: «Мы подъезжали к деревне Черновой... В конце деревни был «маральник», загороженное место, где крестьяне воспитывали и приручали благородного оленя. Мы видели это гордое, красивое животное в загороди или в саду; оно еще было дико и знало одного хозяина. Приручение марала было культурным изобретением наших крестьян. Они держали марала, чтобы продавать его рога в Китай» [46, с. 28–29].

Как это ни странно, знаменитые исследователи Южного Алтая в XIX в. оставили очень мало исторических сведений о других мараловодах, проживающих в районе Бухтармы.

Ф.Г. Добржанский отмечает: «Почти одновременно с ними (братьями Шарыповыми. — *Н.Ф.*) приручение марала в д. Язовой было начато крестьянином Лубягиным» [25, с. 192]. Еще раньше, в 1897 г., А.А. Силантьев пишет, что Егор Васильевич Лубягин являлся тестем Авдея Парфеновича Шарыпова, который «продал ему несколько зверей и положил, таким образом, начало мараловодству в д. Язовой» [42, с. 523]. Итак, Егор Васильевич Лубягин является первым мараловодом д. Язовой.

В 1882 г., по данным Г.А. Никольского, у крестьянина Лубягина было уже около 100 маралов! [42, с. 534]. Возможно, это был уже один из сыновей Лубягина — Семен Лубягин. В 1893 г. уже Степан Семенович Лубягин (внук Е. Лубягина) обращался в Министерство имущественных отношений с просьбой «предоставления ему пустолежащего места около деревни Язовой «...для содержания маралов...». Из материалов дела следует, что он уже давно разводил на этом месте маралов и, так как вложил в эту территорию «более 100 рублей», то, видимо, хотел таким образом вывести ее из общественной в личную собственность. Не получилось. В 1917 г. в д. Язовой насчитывался 31 мараловод, в том числе братья Степан Семенович (67 лет) и Евграф Семенович (60 лет) Лубягины, у которых было 25 и 50 маралов соответственно [15].

Г.Н. Потанин, путешествуя по поручению ИРГО в 1877–1878 гг. в Северо-Западную Монголию через Алтай, записал со слов крестьян

Ф. Бочкарева и Барсукова: «В настоящее время, по показаниям упомянутых мараловодов, всех маралов считается...»

В деревне Язовой: у Семена Лубягина — 20 голов, у Ивана Качусова — 4.

В деревне Белой: у Артемия Барсукова — 3 головы, у Ивана Рахманова — 2. У первого заведены 3 года назад (1874 г. — *Н.Ф.*), у второго — два года назад (1875 г. — *Н.Ф.*); приплода еще не было.

В деревне Фыкалке: у Авдея Шарапова — 25 голов, Романа Шарапова — 20, у Саватия Шарапова — 10, у Романа Шарапова — 15, у Афанасия Шарапова — 2, у Астафы Шараповой — 2.

В селе Сенном у Ивана Бердюгина — 9 голов. В деревне Берель у неизвестного хозяина — 4 головы» [35, с. 84–85].

В материалах сельскохозяйственной переписи 1917 г. в с. Берельское Черновской волости Змеиногорского уезда среди 47 крестьян-мараловодов 7 человек носили фамилию Белоусовы, причем четыре брата вместе держали 540 маралов:

1. Белоусов Родион Дмитриевич (52 года) — 160 маралов;
2. Белоусов Тимофей Дмитриевич (49 лет) — 141 марал;
3. Белоусов Захар Дмитриевич (43 года) — 80 маралов;
4. Белоусов Давид Дмитриевич (27 лет) — 160 маралов [17].

Еще у 27-летнего Ивана Степановича Белоусова в 1917 г. было 254 марала! [18].

Видимо, об этих братьях Белоусовых писал в 1907 г. Ф.Н. Белявский: «Деревня Берель расположена на правом берегу р. Бухтармы, при устье р. Белой Берели. Она основана всего лет 30–40 тому назад. Главное занятие жителей — разведение маралов; в окрестностях деревни находятся обширные загородки для помещения. Братья Белоусовы занимают в этом отношении первое место: в их «маральниках» заключается не одна сотня голов, и торговлю ведут они не на один десяток тысяч рублей, делая попытки вести ее без посредства сбивающих цены на рога бийских скупщиков» [2, с. 476–542].

Скорее всего, отец этих братьев Белоусовых и является тем основателем мараловодства в деревне Берель, о котором Дж. Кеннон писал в своих путевых заметках 1885 г. следующее: «Казачий атаман со станции Алтай вручил нам рекомендательное письмо одному своему знакомому в Береле — крестьянину по фамилии Белоусов, и мы поэтому направились прямо к его дому. Он оказался толковым и сообразительным мужчиной лет пятидесяти пяти — шестидесяти, являвшим собой превосходный тип упорного сибирского первопроходца, который отправился в далекие, неизведанные края, чтобы оказаться подальше от обременительной опеки правительства. По религиозным убеждениям он был раскольником и бежал в этот дикий уголок Алтая, чтобы насладиться свободой исповедания своей веры и чтобы, если повезет, найти

мифическое Беловодье, или необитаемую землю мира и изобилия, которая, по мнению русских ревнителей древней веры, находится где-то на Дальнем Востоке у монгольской границы. Он так и не нашел Сибирский Эдем, что было основной целью его странствий, но зато нашел долину Бухтармы и, прельщенный ее красотой и плодородием, построил для себя избу у пересечения рек Бухтармы и Берель и со временем разбогател, занявшись скотоводством и разведением марала, или алтайского оленя (*Cervus Elaphus*).

Белоусову удалось отловить пятнадцать-двадцать оленей; он поставил ограду в девять футов высотой вокруг целой горы, так что животные оказались заперты в обширном парке, однако чувствовали себя почти как на свободе. От продажи рогов оленей-самцов он выручал каждый год до шестисот-восьмисот долларов, что вместе с доходом от фермы давало ему возможность жить более чем безбедно» [28, с. 212].

Сразу после Г.Н. Потанина во время поездки на Алтай в 1878 г. сведения о зарождающемся мараловодстве собирал Н.М. Ядринцев. Его сведения по отдельным деревням Южного Алтая не совпадают с данными Г.Н. Потанина и выглядят так:

1. Бухтарминская управа:

- в деревне Фыкалке — 57 оленей-маралов;
- в деревне Язовой — 27;
- в деревне Сенной — 4;
- в деревне Верх-Бухтарминской — 4;
- в деревне Белой — 6.

2. Нарымская волость:

- в деревне Берельской — 5;
- в деревне Черновой — 4 [45, с. 6].

Из этих данных можно сделать вывод, в частности, что в 1878 г. у Белоусова в д. Берельской было 5 маралов.

По данным ветеринарного врача Яковлева, в Семипалатинской области разведение маралов началось с 1893 г. «Первыми занялись этим крестьяне Кабинского района, селения Бобровского Иван Петрович Шарыпов и селения Орловского Тит Александрович Рогожников, поймавшие этих животных в Китайских пределах по горам Южного Алтая урочище Теректы и Ак-Коба» [47, с. 3].

В самом конце XIX в. мараловодство на Южном Алтае развивалось очень активно. А.А. Силантьев, исследуя мараловодство на Алтае в 1897 г., отмечал, что из четырех районов — центров разведения этих животных «Южный или Бухтарминский — самый старый и обильный маральниками, обнимающий собою бассейн р. Бухтармы» [41, с. 20]. По его данным [41, с. 21], создание маральников в этом регионе происходило так (табл. 1.6).

Таблица 1.6

Темпы создания маральников в Бухтарминском районе в 1830–1897 гг.

Открывалось маральников по десятилетиям						Данные на 1897 г.		
1830–1839	1850–1859	1860–1869	1870–1879	1880–1889	1890–1897	маральников	мараловодов	маралов
1	1	4	6	53	43	115	163	1854

В своем путешествии 1897–1899 гг. по Катунь В.В. Сапожников записал: «Рыбак Сарапулов сообщил мне о трех новых поселках в системе р. Кабы близ Китайской границы. Селения эти — Чиндагаты, Булак и Та-скаин — все населены искателями вольных мест. В первом селении до 40 дворов, в двух остальных по 15 дворов. Занимаются главным образом скотоводством, мараловодством и промыслом за зверями» [38, с. 77].

В 1897 г. в районе Бухтармы было сосредоточено почти 60% мараловодства Алтая. Маральники продолжали создаваться активно и в начале XX в. Священник Б. Герасимов в своей поездке в 1905 г. на Рахмановские ключи отмечал по пути: «Лет пять тому назад (1900 г. — *Н.Ф.*) в Медведке открылось мараловодство. Этим промыслом занимаются теперь крестьяне Яков и Амос Никифоровы, Карпов, Котельников и Корзников. В распоряжении этих хозяев имеются несколько десятков маралов» [22, с. 86]. В девяти верстах от Алтайской (теперь Катон-Карагай. — *Н.Ф.*) он «обнаружил» маральник Гусева.

Б. Герасимов в этой поездке составил списки мараловодов села Берели, деревни Березовка, села Черновского. В 1905 г. только в этих поселениях было 113 мараловодов (табл. 1.7).

Таблица 1.7

Состояние мараловодства в отдельных поселениях Бухтармы в 1905 г.

Поселение	Количество крестьян, имеющих маралов	Маралы		
		самцы-маралы	самки-маралухи	всего
с. Берель	30	391	562	953
д. Березовка	19	138	199	337
с. Черновское	64	254	328	582
Итого	113	783	1089	1872

Таким образом, только в трех поселениях Бухтармы в 1905 г. было уже столько же мараловодов и маралов, сколько в 1897 г. во всем Южном Алтае. Маральник был даже у священника В. Сабина, чьи маралы не попали в список, но мараловодство для которого «составляет главный источник существования» [22, с. 154].

В 1911 г. ветеринарный врач Яковлев собрал сведения о мараловодстве на своем (алтайском) ветеринарном участке [47, с. 9] (табл. 1.8).

Таблица 1.8

Сведения о количестве маральников и маралов
в селениях алтайского ветеринарного участка

	Название селений, около которых устроены маральники	С какого года жители разводят маралов	Число маральников	Занято маральниками десятин земли	Количество маралов		
					самцов	самок	телят
1.	Алтайское станичное поселение	1899	2	23	17	22	4
2.	п. Урыльский	1905	2	10	9	12	5
3.	с. Александровское	1897	1	25	9	10	5
4.	Владимирское	1894	10	50	60	59	32
5.	Бобровское	1893	3	20	26	29	10
6.	Орловское	1893	2	9	11	20	6
7.	Нижний Сорвенек	1908	1	5	4	5	2
8.	Козья Речка	1909	1	4	8	5	2
9.	Нижняя Еловка	1909	1	3	2	2	-
	Итого		23	149	145	164	66

Война 1914 г. снизила темпы развития этой отрасли на Южном Алтае, но мараловодство продолжало оставаться выгодным для крестьян видом хозяйственной деятельности вплоть до 1917 г.

В настоящее время в Музее алтайского марала (г. Бийск) хранятся найденные мною в архивах Алтайского края 222 фамилии крестьян-мараловодов Южного Алтая, на основании чего была составлена таблица 1.9.

Таблица 1.9

Данные по мараловодству
в отдельных поселениях Южного Алтая в 1917 г.

	Название поселения	Количество мараловодов	Количество маралов
1.	Деревня Фыкалка Петровской волости Змеиногорского уезда	15	395
2.	Деревня Быково Верх-Бухтарминской волости Змеиногорского уезда	4	51

Окончание таблицы 1.9

3.	Деревня Язовая Петровской волости Змеиногорского уезда	31	439
4.	Село Берельское Черновинской волости Змеиногорского уезда	45	2 144
5.	Деревня Белая Петровской волости Змеиногорского уезда	48	845
6.	Село Березовка Черновинской волости Змеиногорского уезда	18	277
7.	Село Черновое Черновинской волости Змеиногорского уезда	29	491
8.	Село Медведенское Черновинской волости Змеиногорского уезда	12	120
9.	Деревня Коробиха Черновинской волости Змеиногорского уезда	2	30
10.	Деревня Каменка Черновинской волости Змеиногорского уезда	2	36
11.	Поселок Арчаты Черновинской волости Змеиногорского уезда	8	141
12.	Деревня Согорная Черновинской волости Змеиногорского уезда	4	102
13.	Займка Болтовский Черновинской волости Змеиногорского уезда	4	175
	Итого:	222	5 246

На основании этих данных можно сделать несколько выводов по до-революционному периоду развития мараловодства на Южном Алтае.

Во-первых, до 1917 г. именно на Южном Алтае мараловодство развивалось наиболее активно. В 1917 г. здесь насчитывалось, скорее всего, около 350 крестьян-мараловодов, у которых в собственности было до 8 тыс. домашних оленей. По крайней мере, близкие цифры к этим данным называет в 1924 г. ветврач Яковлев: «По имеющимся данным в Бухуезде за 1920 год было до 350 мараловодческих хозяйств с количеством маралов 8 346 штук» [47, с. 86].

Во-вторых, очевидным центром мараловодства в этот период на Южном Алтае было с. Берельское (табл. 1.10).

Таблица 1.10

Развитие мараловодства в с. Берельское Змеиногорского уезда

Год	Кол-во мараловодов	Количество маралов	Прирост, %
1878	1	5	–
1905	30	953	19 000
1917	45	2 144	225

В собственности берельцев находилось почти 30% домашних оленей Южного Алтая.

Необходимо отметить, что в литературу о пантовом оленеводстве в с. Берельском попали неточности. Так, С.И. Орлов в 1930 г. писал: «Здесь в 1919 году только в одной д. Берельской имелось до 7000 маралов, из которых было 4000 самцов» [33, с. 93]. Видимо, от С.И. Орлова взял данные А.А. Данилкин, который уже в 2008 г. отметил: «Крестьяне села Берель в 1919 году имели их (маралов. — *Н.Ф.*) около 7 тысяч, из них 4090 рогачей» [23, с. 32]. Не могли берельцы физически в 1918 г. увеличить поголовье в 3,3 раза по сравнению с 1917 г., по которому есть точные архивные данные.

И, наконец, в-третьих: основными мараловодами на Южном Алтае были крестьяне-староверы, которые и стояли у истоков развития этой новой отрасли животноводства в России.

Наиболее известными были мараловоды Белоусовы из с. Берельское, Шарыповы из с. Фыкалки, Качесовы из д. Язовой, С.И. Болтовский с заимки Болтовской и другие. Мараловодов из числа казахов и киргизов до 1917 г. на Южном Алтае не выявлено.

Разобраться с конкретными судьбами крупнейших мараловодов особенно теперь крайне сложно. Например, С.И. Орлов в 1930 г. пишет о берельском мараловоде А.П. Медведеве, «теперешнем владельце маральника», первым применившем сушку пантов в бане. Далее он сообщает: «В маральнике Медведева в 1916 году было самцов-маралов 56, а маралух 70. Огороженное пространство в 800 десятин давало прекрас-

Съемка рогов у марала «валом». Фото А.А. Силантьева

ный выгул животным — более 6 десятин на голову» [33, с. 93]. Однако, по данным переписи, в 1917 г. в селе Берельском жил только один мараловод Лука Федорович Медведев, 48 лет, у которого были 180 маралов, собственная лавка и маслобойный завод [16].

Какое отношение имеет А.П. Медведев из 1930 г. к Л.Ф. Медведеву из 1917 г., установить уже невозможно.

Сушка пантов в бане как технологический прием при консервации пантов активно используется и в современном пантовом оленеводстве. Было бы справедливо подробно знать об авторе этого приема. Правда, следует отметить при этом, что А.А. Силантьев еще в 1896 г. подметил, что «заваренные рога сушатся на вольном воздухе, в тени под навесом, а в случае долгого ненастья — в истопленной бане» [41, с. 30].

Следующим на Алтае районом разведения маралов в 1897 г. А.А. Силантьев назвал «Центральный, или Уймонский, — второй по давности заведения маралов, обнимающий Кок-Су и часть р. Катунь в ее течении с запада на восток, до устья р. Аргут» [41, с. 20]. Далее А.А. Силантьев отметил, что «наиболее известными мараловодами этого района являются двоюродные братья: Леон Родионович и Иван Афанасьевич Черновы, отцы которых завели маральник в Верхнем Уймоне в конце 50-х годов и деятельно пропагандировали эту отрасль животноводства» [41, с. 22].

Анатолий Алексеевич оговорился при этом, что «право приоритета для Центрального района оспаривается у Черновых, однако, богатым мараловодом и торговцем Андреем Трифоновичем Ошлыковым, живущем в Нижнем Уймоне» [41, с. 22].

Такую же версию в 1878 г. записал и Г.Н. Потанин: «В Уймоне прежде других (невдолге после Лубягина) завели маралов лет 40 назад Ошлыковы, затем братья Черновы Родион и Афанасий; последние сначала вместе куплей и собственным промыслом заводили стадо, а потом разделились» [35, с. 84].

В 1927 г. С.И. Орлов утверждал, что «мараловодство на Уймоне, по показаниям нескольких старожилов, существует с 1830 г., причем первым мараловодом в разных местах называют одно и то же лицо, именно Чернова Родиона Агафоновича, затем уже идут указания на фамилию Ошлаковых» [33, с. 93].

Далее, в 1937 г., П.В. Митюшов сообщил: «В Ойротии мараловодство появилось в 60-х годах. Первые маралы были привезены в Н. Уймон Черновым, который много лет занимался продажей маралов...» [31, с. 435]. П.В. Митюшов, таким образом, закрепил приоритет Чернова, но «переселил» его в Нижний Уймон. В 2009 г. Черновых из Верхнего Уймона как основателей мараловодства называет историк Л.Н. Мукаева, но ссылается при этом только на «народную молву» [32, с. 123].

В.Г. Луницын в 2012 г. отметил, что «первыми мараловодами на Алтае считались братья Черновы — Родион и Афанасий, имевшие в маральниках 35 и 28 маралов» [29, с. 13]. В этой цитате интересно, что данные

о маралах у Черновых, видимо, взяты им у Г.Н. Потанина (1878 г.), где тот утверждает, что первые мараловоды в Уймоне — Ошлыковы.

Вот что пишет Г.Н. Потанин в 1881 г. [35, с. 84]: «В настоящее время по показаниям уймонских мараловодов всего маралов считается: «По Катуня

В деревне Верх-Уймонской:	Всех	Самцов	Самок	Селетков
у Родиона Чернова	35	10	25	5
у Афанасия Чернова	28	15	13	3
у Михаила Нагибина	4	2	1	1
у Осипа Нагибина	3	1	1	1
у Ермила Нагибина	2	2		
у Ивойла Бочкарева	3	3		

В деревне Усть Коксе:	Всех	Самцов	Самок	Селетков
у Власа Ерлина	1	1		
у Ивана Казанцева	6	5	1	
у Евтифея Кудрявцева	7	6	1	
у Евграфа Кудрявцева	6	4	2	

В деревне Нижнеуймонской:	Всех	Самцов	Самок	Селетков
у Ошлыковых	8	3	3»	

Именно Черновым, в том числе их сыновьям Леону Родионовичу и Ивану Афанасьевичу, по мнению А.А. Силантьева, «обязаны своим происхождением большинство маральников Центрального и даже Северо-Западного районов, так как их маральники играют роль как бы «торговых питомников» [41, с. 22–23].

В 1917 г. на территории Ойротии было четыре мараловода с фамилией Чернов. В д. Верхний Уймон хозяйствовал сын Л.Р. Чернова, 25-летний Федот Леонович Чернов, хотя 64-летний Леон Родионович был жив, но главой хозяйства уже в переписи не значился [9]. В этом крупном крестьянском хозяйстве было 115 лошадей, 33 головы КРС, 150 овец, 30 коз и свиней и 48 маралов [9].

В 1917 г. 33-летний Никита Леонтьевич (скорее всего, Леонович. — *Н.Ф.*) Чернов руководил крестьянским хозяйством, в котором было 30 лошадей, 17 голов крупного рогатого скота, 55 овец и 12 маралов, на выселке Щелкино этой же Уймонской волости [10].

Дальнейшая судьба потомков мараловодов Черновых пока еще не изучена. Черновы были состоятельными мараловодами. В книге «История Республики Алтай», т. II, без ссылки на источник отмечается, что «уймонец Р. Чернов в начале 90-х годов XIX века зарабатывал до 3000 рублей в год» [27, с. 196].

Об Ошлыковых как уймонских мараловодах первым в 1877 г. упомянул Г.Н. Потанин, но до этого в 1869 г. в числе лиц торгового сословия, торгующих на ярмарке в Кош-Агаче в 1869 г., уже числились бийские крестьяне Борис и Иван Ошлыковы [21]. Вполне возможно, что это уймонские Ошлыковы, так как все живущие в Бийском округе считались бийскими крестьянами, мещанинами или купцами. У этих Ошлыковых в 1869 г. в Кош-Агаче жил девять месяцев в году свой торговый представитель Степан Буданцев [20].

В 1877 г. Г.Н. Потанин, анализируя причины снижения цен на маральи рога, отмечает, что «мараловоды приписывают это падение (падение цен на панты. — *Н.Ф.*) монополизацией торговли рогами в руках двух купеческих домов: Гилевых и Ошлыковых» [35, с. 88]. По данным Григория Николаевича, уже в 1877 г. Гилевы и Ошлыковы были «главными продавцами рога» в Монголии [35, с. 84]. Ошлыков, например, в этот год в рамках меновой торговли из Монголии в город Иркутск «выгонял» только «рогатого скота» 500 голов [35, с. 91]. В 1897 г. А.А. Силантьев назвал Андрея Трифионовича Ошлыкова из Нижнего Уймона «богатым мараловодом и торговцем», но определить, один ли это и тот же Ошлыков во всех приведенных примерах или это несколько братьев уже невозможно [41, с. 22]. В командировке на Алтай А.А. Силантьев познакомился еще и с Нестором Ивановичем Ошлыковым и даже добился для него благодарности от министра земельных и имущественных отношений за безвозмездную помощь в исследовании мараловодства [36].

В начале XX в. профессор В.В. Сапожников, изучая Алтай, записал: «Вверх по долине реки Мульты (тропа. — *Н.Ф.*) идет сорным лесом ее правого берега. Слева остается небольшой маральник Нестора Ивановича Ошлыкова, а немного далее заимка... В десяти верстах от поворота от Катуня — мост через пенистую светлую Мульту на ее левый берег. За мостом в боковой речке Кызыл-Таш расположен большой маральник Пилея Андреевича Ошлыкова, занимающий до 300 десятин со 150 зверями» [39, с. 85]. В 1911 г. в архивных материалах встречается уже Ошлыков Максим Пелеевич, который, по данным Кош-Агачской таможни, вывез в этом году для продажи в Монголию 14 пудов пантов на сумму 5500 руб. [5].

В 1917 г. в д. Нижний Уймон было четыре мараловода Ошлыковых. Самый молодой из них — 26-летний Максим Пелеевич Ошлыков — имел 90 лошадей, 20 голов крупного рогатого скота, 55 овец и коз, 80 маралов и большую недвижимость. С ним в одной семье еще жил и отец Пелей Ошлыков, который и был основателем этого крестьянского и торгового капитала [6]. В 1930 г. Максим Пелеевич Ошлыков был арестован органами НКВД, осужден за контрреволюционную деятельность на 10 лет и умер в 1938 г. в лагере под г. Иркутском в возрасте 40 лет. Реабилитирован в 1989 г. посмертно.

К косвенным аргументам о приоритете братьев Черновых в разведении маралов на Центральном Алтае можно, наверное, отнести тот факт,

что в 1877 г. у Черновых было гораздо больше домашних оленей, чем у Ошлыкова. Это подтверждает и Н.М. Ядринцев, который в 1878 г. отметил: «В Уймоне есть маральник на 100 маралов в три отделения по 50 аршин каждое. Маралов для обновления корма перегоняют из одного пригона в другой» [45, с. 2]. Скорее всего, речь здесь идет о пока еще не разделенном маральнике братьев Черновых. Однако совершенно точных данных о приоритете Черновых перед Ошлыковым все-таки нет, поэтому, видимо, следует считать, что одними из первых мараловодов в Уймонской долине были братья Родион и Афанасий Черновы с Верхнего Уймона, а также Андрей Трифонович Ошлыков с Нижнего Уймона. А.А. Силантьев в 1897 г. пришел к выводу, что первый маральник в Центральном Алтае был создан, возможно, в 1857 г., а следующие три — в период с 1860 по 1869 г. [41, с. 21].

В своей статье «Алтай» в 1884 г. Г.Н. Потанин отмечает: «Наилучшим мараловодом в Алтае теперь называют ясачного крестьянина деревни Уймон Родиона Чернова, у которого самый большой маральник; в нем считается тридцать пять животных, в том числе десять самцов и двадцать пять самок» [34, с. 324].

Григорий Николаевич обращает внимание на то, что «этот крестьянин занимается мараловодством не столько из-за корысти, сколько по страсти, как любитель. Он все время проводит в маральнике, так что односельчане, имея нужду в нем, идут к нему не в избу, а в маральник, он лучший знаток своего дела и с охотой рассказывает об нем... Родион Чернов не жалеет денег на животных, он ухаживает за ними и телят выкармливает на своей постели. Несколько лет назад была им куплена пойманная двух или трех недельная самка; он кормил ее сначала молоком, потом крошками; маралушка, как от матери, не отставала от него и спала с ним в избе на кровати...» [35, с. 88–89].

Мараловодство в Центральном районе стало особенно активно развиваться после 1880 г. А.А. Силантьев [41, с. 21] отметил в 1897 г., что пантовое оленеводство в этом районе развивалось следующими темпами (табл. 1.11).

Таблица 1.11

Темпы развития мараловодства
в Уймонском районе Алтая в 1830–1897 гг.

Район	Открыто маральников						Было в 1897 г.		
	1830–1839	1850–1859	1860–1869	1870–1879	1880–1889	1890–1897	мараль-ников	марало-водов	маралов
Центральный, или Уймонский	–	1	3	3	20	19	46	65	741

В государственном архиве Алтайского края есть данные о сельскохозяйственной переписи 1917 г., на основании которой составлена таблица 1.12.

Таблица 1.12

Данные о мараловодстве по отдельным поселениям
Уймонской и Катандинской волостей в 1917 г.

Название поселения	Количество мараловодов	Количество маралов
Село Катанда Катандинской волости Бийского уезда	3	74
Деревня Верхний Уймон Уймонской волости	15	226
Выселок Баштала Уймонской волости	6	115
Деревня Нижний Уймон Катандинской волости	6	138
Деревня Терехта Уймонской волости	4	54
Деревня Тюгурюк Уймонской волости	3	110
Село Абай Уймонской волости	1	20
Заимка Малый Шуган Уймонской волости	2	25
Урочище Красноярка Уймонской волости	1	45
Выселок Щелкино Уймонской волости	2	23
Заимка Суртаева Уймонской волости	1	5
Заимка Дадыева	1	20
Заимка Текеля	2	85
Выселок Огневка	5	63
Выселок Гагаринский	3	41
Выселок Власьевка	5	144
Итого:	70	1 118

Мараловодство в Уймонском районе развивалось вплоть до 1917 г. на основе крестьянского хозяйства старообрядцев в первую очередь. Особенно выделялись в разведении оленей деревни Верхний Уймон и Нижний Уймон. Наиболее крупные маральники были у крестьян С.И. Болтовского (Катанда), Ф.Л. Чернова, К.И. Бочкарева (Верхний Уймон), З.И. Кудрявцева (Баштала), М.П. Ошлакова (Нижний Уймон), П.Н. Кудрявцева (Теректа), К.К. Кудрявцева (Красноярка), А.Н. Казанцева (Власьевка).

Третьим районом разведения маралов на Русском Алтае А.А. Силантьев выделил «Северо-Западный, занимающий систему рек Чарыша, Ануя и левых притоков Катуня в ее течении на NNW», включая с. Онгудай [41, с. 20]. Пионерами Северо-Западного района в области мараловодства Анатолий Алексеевич назвал трех братьев Фоминых: Лазаря, Никифора и Лариона Федоровичей, которые завели в 1872 г. на р. Чарыше, у деревни Талицы, общий маральник [41, с. 23].

П.М. Залесский, исследовавший мараловодство в Северо-Западном Алтае 30 лет спустя (1927), уточнил, что «пионерами были братья Лазарь, Ларион, Никифор и Емельян Фоминых, принадлежащие к старообрядческой старожильской семье, глава которой — Федор Фоминых — переселился на Алтай из Приалтайской степи (из с. Выдриха) в шестидесятых годах минувшего столетия (XIX в. — *Н.Ф.*)». Общение с жителями Уймона, где мараловодство возникло на 15–20 лет раньше, натолкнуло Фоминых на мысль заняться мараловодческим промыслом... Опытные охотники Фоминых организовали ловлю маралов на Кок-Су и Ерголинских белках под Тюдралой. Предприятие оказалось удачным, и в устье реки Талицы появился первый маральник (1866 г.), около которого постепенно начал расти поселок» [26, с. 7].

Несколько иначе описывает в 1967 г. это заселение В.Н. Богданов, изучавший историю заселения русскими Чарышской долины Горного Алтая: «Основание Талицы следует датировать 1872 г., когда на берегу одноименной речки, недалеко от впадения в Чарыш, возник первый в Северо-Западном Алтае маральник, сооруженный братьями Фоминых, жителями Чечулихи, выселившимися в нее из Выдрихи. Вскоре эти богачи переселились на маральник-заимку. За ними потянулись другие, образовался поселок, ныне крупное село» [4, с. 107].

Таким образом, приоритет братьев Фоминых никем не оспаривается, но даты появления маральника называются две: 1866 и 1872 гг. Так или иначе, но в 1897 г. у Лазаря Фоминых, по данным А.А. Силантьева, было уже два отдельных маральника, а Никифор и Ларион также имели свои маральники [41, с. 23]. В 1917 г. в д. Талице Тундралинской волости Бийского уезда было восемь мараловодов, среди которых четверо Фоминых. Три сына Никифора Федоровича: Лука (45 лет), Аристарх (32 года) и Давид (30 лет), имели 22, 20, 24 марала соответственно, а 43-летний Иван, сын Лазаря Федоровича Фоминых, держал 80 маралов [7].

П.М. Залесский считал, что после д. Талицы маралы появились в д. Чечулихе у крестьянина Галактиона Носкова, который «загородил маральник в конце семидесятых — начале восьмидесятых». Маралы покупались на Уймоне, причем Носкову посчастливилось приобрести прекрасного «степного» (т.е. дикого) быка с рогами весом больше 17 кг» [26, с. 7]. Носкова, скорее всего, звали не Галактион, а Галафтифон, так как в 1917 г. в д. Чечулихе Тундралинской волости было три мараловода с 64 маралами. Один из них Аверьян Галафтифонович Носков, 37 лет, имел 9 лошадей, 14 голов крупного рогатого скота, 10 овец и 25 маралов, а также пасеку и сепаратор [8].

Крестьяне видели, как быстро мараловоды становились состоятельными людьми, и многие из них стремились также создать свои маральники. В той же деревне Чечулихе, например, в 1896 г. крестьянин Федор Игнатьевич Головин обратился в Кабинет Его Императорского Величе-

ства с просьбой: «Желал бы завести около своего дома в д. Чечулихе маралов и даже для этой цели приобрел уже трех маралов, но для них нужно устроить маральник... Я же человек бедный и обременен большим семейством...». Далее он просил бесплатно от казны 1000 штук жердей и 150 столбов для маральника, но получил отказ по инициативе начальника Алтайского округа генерал-майора Болдырева «ввиду значительной доходности названного промысла» [37].

Не позднее, чем в д. Чечулихе, в 1877 г. мараловодство появилось в д. Шебалино у крестьянина А.С. Попова. Алексей Степанович Попов оказался очень способным и деятельным человеком. Вникая детально в новое для себя дело, он к 1882 г. довел стадо маралов до 30 и продолжал активно его наращивать. При этом он очень успешно осваивал науку международной торговли пантами. Так, в 1909 г. его доля продажи пантов в Монголию через Кош-Агачскую таможню китайцам составляла более 50% от всего годового объема экспорта. В 1912 г. у А.С. Попова в двух маральниках было уже 300 оленей. Затем Алексей Степанович передал 65 маралов своему младшему брату Василию, но остался крупнейшим мараловодом, у которого в 1917 г. насчитывалось в хозяйстве 53 лошади, 106 голов крупного рогатого скота, 200 маралов, кожевенный завод, недвижимость [13]. Алексей Степанович открыто выступал против становления Советской власти и, лишенный всего имущества и прав, умер в 1924 г. Подробнее о крупнейшем мараловоде-торговце дореволюционного Алтая А.С. Попове можно прочитать в отдельной главе этой книги.

Всего в с. Шебалино в 1917 г. было одиннадцать мараловодческих хозяйств с 417 оленями-маралами [12].

В целом до 1897 г. в Северо-Западном районе создание маральников шло не очень высокими темпами [41, с. 21] (табл. 1.13).

Таблица 1.13

Темпы развития мараловодства
в Северо-Западном районе Горного Алтая в 1866–1897 гг.

Год начала марало- водства	Сколько открыто маральников за 10-летие						Сколько было в районе в 1897 г.		
	1830–1839	1850–1859	1860–1869	1870–1879	1880–1889	1890–1897	мараль- ников	марало- водов	мара- лов
1866 ? 1872 ?	–			5	7	12	25	27	417

Однако к 1917 г. мараловодство в Северо-Западном районе значительно окрепло. Об этом говорят данные по основным селам района [11; 19] (табл. 1.14).

Таблица 1.14

Развитие мараловодства в отдельных поселениях
Северно-Западного района Горного Алтая

	Название поселения	Количество мараловодов	Количество маралов
1.	Село Шебалино	11	407
2.	Деревня Талица	8	183
3.	д. Чечулиха	3	64
4.	с. Улаган	5	127
5.	д. Б. Башцелак	2	24
	Итого:	29	805

Крупнейшими мараловодами здесь были А.С. Попов и И.Я. Попов (с. Шебалино), И.Л. Фоминых (д. Талица), А.Г. Носков (д. Чечулиха), Н.С. Юлуков (с. Улаган), С.О. Быков (д. Б. Башцелак) и др.

Наиболее поздно стали заниматься разведением маралов, по, А.А. Силантьеву, в Северо-Восточном, или Улалинском, районе, который включал в себя все маральники, расположенные к востоку от рек Катунь и Оби [41, с. 21] (табл. 1.15).

Усадьба мараловода Быкова в с. Башцелак. На заднем плане — маральник.
Фото из фондов Бийского краеведческого музея им В.В. Бианки

Таблица 1.15

Темпы развития мараловодства в Северо-Восточном районе
Горного Алтая в 1880–1897 гг.

Год начала мараловодства	Сколько маральников открыто по годам		Было в районе на 1897 г.		
	1880– 1889	1890– 1897	мараль- ников	марало- водов	мара- лов
1880	9	5	15*	17+4*	168

А.А. Силантьев в число 15* добавил маральник бийского купца В.Г. Бо-дунова, время создания которого установить не смог, но отметил, что в 1894 г. у него уже было 20 маралов. В Улалинском районе было 4* маральника, владельцы которых занимались только куплей-продажей оленей в другие районы Алтая.

Таким образом, на современной территории Республики Алтай и Алтайского края в 1897 г. существовало 86 маральников [41, с. 21] (табл. 1.16).

Таблица 1.16

Темпы развития мараловодства
в Русском Алтае (Горном Алтае) в 1830–1897 гг.

Сколько открыто маральников за 10 лет						Было в 1897 г.		
1830–1839	1850–1859	1860–1869	1870–1879	1880–1889	1890–1897	мараль- ников	марало- водов	мара- лов
–	1	3	8	36	36	86	113	1326

Исторические события 1917 г. не позволили сохранить архивные материалы А.А. Силантьева, собранные им в 1897 г. на Алтае. Уже не восстановить большинство фамилий крестьян-мараловодов XIX в., которые стояли у истоков создания новой отрасли животноводства. Только отдельные фамилии пионеров-мараловодов Алтая встречаются в литературных источниках тех лет (табл. 1.17).

Таблица 1.17

Мараловоды Алтая в конце XIX — начале XX в.
(обзор литературных данных)

№	Содержание	Год	Источник
1.	«Я имел случай видеть маралов в деревне Быстрянской у Герасима Фатиева, он же Виноградов».	1878	Ядринцев Н.М. Сведения о мараловодстве на Алтае // Записки ЗСО. Кн. 1. Омск, 1879. С. 1.

Продолжение таблицы 1.17

2.	«В деревне Шебалихе Алтайской волости 30 маралов... В д. Чечулихе у Фомина — 40, у Носкова — 14... В двух деревнях Уймонской волости 18 человек держат 141 марала».	1882	Алтай : историко-статистический сборник / под ред. П.А. Голубева. Томск, 1890. С. 85.
3.	«Бийский округ волости: Алтайская — 2 деревни — 22 марала; Сростинская — 1 деревня — 17 маралов; Смоленская — 1 деревня — 35 маралов; Ануйская — 1 деревня — 81 марал».	1889	Силантьев А.А. Марал и его роль в хозяйстве сибирских крестьян // Сельское хозяйство и лесоводство. 1897. №3. С. 529.
4.	«Бийский купец В.Г. Бодунов в 1894 году имел 20 маралов». «В 1897 году маральники имели Шадрин в Мыльоте, Попов в Шебалино, зайсан Манджин Кульджин около Тенгинской почтовой станции, Котельников, Макарьев в Онгуде». «Маральники были в с. Абабково, Сазоново, Тайная и Улала». «В 1894 году крестьянин С.Ф. Лапин имел маральник в с. Средне-Красиловском Чумьшской волости Барнаульского округа, 300 верст вдали от других маральников». «Маральники имели Матвеев в Катанде, Нагибин в Терехте, Коновалов в Язовой, Леон Чернов в Верхнем Уймоне, Зайцев в Белой, Зырянов в Белой, Иван Чернов в Верхнем Уймоне, Фома Никулин в Язовой, Михаил Матвеевич Бодунов в Улале».	1897	Силантьев А.А. Исследование мараловодства на Алтае. СПб., 1900. С. 21, 5, 13, 23, 31, 32.
5.	«Зайсан Семен имел 17 маралов» (Семен Юлуков. — Н.Ф.)	1897	Путешествие князя Сан-Донато (Демидова) // Бийский вестник. 2006. №3–4. С. 132.
6.	«Мараловодством занимается в Абае один только Поносов, купивший в 1894 году в Катанде 3 маралов рогачей по 100 рублей каждого и матку в Верх-Уймоне за 50 рублей».	1898	ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2457. Л. 38–45.
7.	«В с. Онгудай два маральника, в том числе у Варвинского; в д. Шебалино — 4 маральника, в том числе у А.С. Попова; в с. Мыльота — 2 маральника, в том числе у Шадрина; в с. Сараса маральник у Шипицина».	1902	Сибирская жизнь. 1902. №204.
8.	«В 1882 году у А.С. Попова — 30 маралов; в 1901 году в д. Чечулихи у Фомина — 40, а у Носкова более 15 маралов; в 1901 году в Чарышской области у 20 человек имелось 164 марала. В Уймонской управе у 18 владельцев до 150 маралов. Есть маралы в Нижне-Чарышской, Сростинской волостях и в некоторых калмыцких стойбищах».	1911	Нейштубе С.Т. Мараловодство. Охота и разведение особого вида оленей-маралов. Петроград, 1919. С. 12–13.

9.	<p>«В долине реки Кураган на речке Чепелу есть маральник Чупина. Около д. Топольная есть небольшой маральник (16 голов). Около Тундралы в долине р. Ергол маральник Шестаковой». «Верстах в 12 от Красноярки... начинается Синий Бом... После полчасовой езды бомом... на довольно широкой площадке приютился маральник Власова».</p> <p>«Тропа приводит к речке Тюнгур, в долине которой недалеко от Катуня находится заимка Капсима Павловича Кузьмина и его брата, состоящая из двух усадеб, небольшого маральника и кожевенного завода». «Населена Топольная старообрядцами (поляками), которые занимаются преимущественно земледелием, есть небольшой маральник (16 голов)».</p>	1912	Сапожников В.В. Пути по русскому Алтаю. Томск, 1912. С. 18, 20, 92, 76, 79, 83.
10.	<p>Маральники создали: А.С. Попов, Шебалино в 1873 г. (1877. — <i>Н.Ф.</i>) Манжины, Туэкта в 1886 г. П.Р. Романов, Абай в 1910 г.</p>	1930	Орлов С.И. Мараловодство в Центральном и Южном Алтае // Мараловодство в Сибирском крае. Новосибирск, 1930. С. 83–88.
11.	<p>Маральники организовали: в д. Талица братья Фомины в 1866 г.; в д. Чечулиха Галактион Носков в конце 1870 г.; в д. Б. Башелака, Леонтий и Семен Быковы в конце 1880 г.; на месте д. Колбиной, ниже д. Топольной, Василий Огнев в конце 1880 г.; в д. Коргон в 1890-е гг.; в выселке Мещанском (вершина Башелака) перед 1905 г.; в выселке Мульниха в 1905 г.; в выселке Кульгуч и под Тундралой маральник Шестаковой в 1905 г. (ликвидирован в 1917 г.).</p>	1930	Залесский П.М. Мараловодство в Северо-Западном Алтае // Мараловодство в Сибирском крае. Новосибирск, 1930. С. 7–9.
12.	<p>«Семен Юлуков был зайсаном 2-й Чуйской волости (1890 г.) имел около 800 коров, 80 табунов лошадей (по 12–15 лошадей в табуне), большое стадо маралов... Юлуков вел большую торговлю с Китаем. Туда он отправлял целые караваны с маральими рогами, которых он ежегодно снимал на несколько десятков тысяч рублей».</p>	1953	Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1958. С. 299.

В настоящее время в Музее алтайского марала (г. Бийск) хранятся найденные в архивах Алтайского края в ходе подготовки этого материала 98 фамилий крестьян-мараловодов Центрального, Северо-Западного и Северо-Восточного Алтая (см. приложения), на основании которых составлена таблица 1.18.

Таблица 1.18

Данные по мараловодству в отдельных поселениях
Центрального, Северо-Западного и Северо-Восточного Алтая в 1917 г.

№	Название поселения	Количество мараловодов	Количество маралов
1.	Деревня Катанда Катандинской волости	3	74
2.	Село Каргон Сентелекской волости	6	81
3.	Деревня Верхний Уймон Уймонской волости	14	204
4.	Выселок Баштала Уймонской волости	6	115
5.	Деревня Нижний Уймон Катандинской волости	6	138
6.	Деревня Терехта Уймонской волости	4	54
7.	Деревня Тюгюрюк Уймонской волости	3	110
8.	Село Шебалино Шебалинской волости	11	417
9.	Деревня Талица Тундолинской волости	8	182
10.	Село Абай Уймонской волости	1	20
11.	Деревня Чечулиха Тундалинской волости	3	64
12.	Заимка Малый-Шугай Уймонской волости	2	25
13.	Урочище Красноярка Уймонской волости	2	45
14.	Выселок Щелкино Уймонской волости	2	23
15.	Заимка Суртаева Уймонской волости	1	5
16.	Заимка Дадьева Уймонской волости	1	20
17.	Заимка Текеля Уймонской волости	2	85
18.	Выселок Огневка Уймонской области	5	63
19.	Выселок Кастахта Уймонской волости	1	н/д
20.	Выселок Гагаринский Уймонской волости	3	41
21.	Выселок Власьевка Уймонской волости	5	134
22.	Урочище Чет Уймонской волости	н/д	н/д
23.	Деревня Большой Башчелак Башчелакской волости	2	24
24.	Село Улаган Улаганской волости	5	127
25.	Деревня Черемшанка Улаганской волости	н/д	5
26.	Урочище Теньга Урскульской волости	1	15
27.	Село Солонешное Солонешенской волости	1	10
	Итого:	98	2 126

Можно предположить, что в указанных районах Алтая в 1917 г. всего было около 150 крестьян-мараловодов и более 3000 домашних оленей-маралов. Выраженными центрами разведения оленей были с. Шебалино, с. Верхний Уймон, с. Нижний Уймон, д. Талица и др. Всего же в дореволюционном Алтае (казахском и русском) в 1917 г. было около 500 мараловодов, которые вместе содержали более 11 тыс. оленей-маралов. В это время пантовое оленеводство успешно развивалось уже на территории всей Южной Сибири и на Дальнем Востоке России, но зародилось оно на Алтае.

Библиографический список к параграфу 1.2

1. Алтай : историко-статистический сборник / под ред. П.А. Голубева. — Томск, 1890.
2. Белявский Ф.Н., Семенов-Тяньшанский В.П. Русский Алтай. Россия: полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. — СПб., 1907.
3. Бломквист Е.А., Гринкова Н.А. Кто такие бухтарминские старообрядцы. Казахская экспедиция Казахской академии наук по инициативе С.И. Руденко. Район р. Бухтарма. — Л., 1927.
4. Богданов В.Н. Из истории заселения русскими Чарышской долины Горного Алтая // Записки Горно-Алтайского НИИ истории, языка и литературы. — 1967. — №7.
5. Государственный архив Алтайского края (далее — ГААК). — Ф. 192. — Оп. 1. — Д. 201. — Л. 5.
6. ГААК. — Ф. 233. — Оп. 1А. — Д. 163.
7. ГААК. — Ф. 233. — Оп. 1А. — Д. 649. — Л. 47, 53–55.
8. ГААК. — Ф. 233. — Оп. 1А. — Д. 651. — Л. 48.
9. ГААК. — Ф. 233. — Оп. 1А. — Д. 656. — Л. 138.
10. ГААК. — Ф. 233. — Оп. 1А. — Д. 675. — Л. 19.
11. ГААК. — Ф. 233. — Оп. 1А. — Д. 843, 649.
12. ГААК. — Ф. 233. — Оп. 1А. — Д. 843. — Л. 127, 129, 132, 133, 137, 138, 173, 207, 209, 210.
13. ГААК. — Ф. 233. — Оп. 1А. — Д. 843. — Л. 137.
14. ГААК. — Ф. 233. — Оп. 1Б. — Д. 448. — Л. 42, 49, 52–56, 60.
15. ГААК. — Ф. 233. — Оп. 1Б. — Д. 449. — Л. 62, 64.
16. ГААК. — Ф. 233. — Оп. 1Б. — Д. 609. — Л. 51.
17. ГААК. — Ф. 233. — Оп. 1Б. — Д. 609. — Л. 10, 11, 15, 16.
18. ГААК. — Ф. 233. — Оп. 1Б. — Д. 609. — Л. 17.
19. ГААК. — Ф. 233. — Оп. 5. — Д. 201.
20. Государственный архив Томской области (далее — ГАТО). — Ф. 3. — Оп. 11. — Д. 1127. — Л. 10.
21. ГАТО. — Ф. 3. — Оп. 11. — Д. 1127. — Л. 9.
22. Герасимов Б. Поездка из Семипалатинска на Рахмановские ключи священника Бориса Герасимова. — Усть-Каменогорск, 2011.
23. Данилкин А.А. Дикие, но домашние // Охота. — 2008. — №11.
24. Данилкин А.А. Оленьи. — М., 1999.
25. Добржанский Ф.Г. Очерк мараловодства в Южном Алтае. Домашние животные Семипалатинской губернии. — Ленинград, 1928.
26. Залесский П.М. Мараловодство в Северо-Западном Алтае // Мараловодство в Сибирском крае. — Новосибирск, 1930.

27. История Республики Алтай. Т. II : Горный Алтай в составе Российского государства. — Горно-Алтайск, 2010.
28. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.). — СПб, 1999. — Т. I.
29. Луницын В.Г., Борисов Н.П. Пантовое оленеводство России. — Барнаул, 2012.
30. Мараловодство // Сибирская Советская энциклопедия : в 4 т. — Новосибирск, 1929.
31. Митюшов П.В. и др. Пантовое оленеводство и болезни пантовых оленей. — М., 1950.
32. Мукаева Л.Н. У истоков пантового оленеводства // Традиции природопользования народов Горного Алтая : матер. конференции 2004–2008 г. — Горно-Алтайск, 2009.
33. Орлов С.И. Мараловодство в Центральном и Южном Алтае // Мараловодство в Сибирском крае. — Новосибирск, 1930.
34. Потанин Г.Н. Алтай. Живописная Россия. Отечество наше в земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. — СПб., 1884. — Т. XI.
35. Потанин Г.Н. Экспедиция Г.Н. Потанина в Северо-Западную Монголию в 1876–1877 гг. — СПб., 1881.
36. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). — Ф. 398. — Оп. 63. — Д. 125. — Л. 69.
37. РГИА. — Ф. 468. — Оп. 24. — Д. 226. — Л. 1–4.
38. Сапожников В.В. Катунь и ее истоки. Путешествие 1897–1899 годов. — Томск, 1901.
39. Сапожников В.В. Пути по русскому Алтаю. — Томск, 1912.
40. Северцев Н.А. Вертикальное и горизонтальное распределение туркестанских животных. — М, 1953.
41. Силантьев А.А. Исследование мараловодства на Алтае. — СПб., 1900.
42. Силантьев А.А. Марал и его будущая роль в хозяйстве сибирских крестьян // Сельское хозяйство и лесоводство. — 1897. — №3.
43. Фролов Н.А. Алексей Степанович Попов. Экономическое исследование судьбы крупнейшего мараловода дореволюционного Алтая. — Барнаул, 2012.
44. Черкасов А.А. Записки городского головы. — Барнаул, 2004.
45. Ядринцев Н.М. О мараловодстве на Алтае // Записки ЗСО ИРГО. — Кн. 1. — Омск, 1879.
46. Ядринцев Н.М. Раскольничьи общины на границе Алтая. Русская деревня в тюрьме и ссылке. — СПб., 1872.
47. Яковлев. Мараловодство в Семипалатинской области. — Омск, 1911.

1.3. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПАНТОВОГО ОЛЕНЕВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Установив, что родиной разведения в неволе пантовых оленей-маралов является Алтай, отметим, что в соседнем с ним с востока Кузнецким округом, по данным А.А. Силантьева (1897 г.), в 1860 г. «мараловодством занимались близ улуса Кузедеева» (современная Кемеровская область. — *Н.Ф.*). Здесь же отмечается, что «далее к востоку, разводят маралов в Минусинском округе по реке Усу, и кое-где еще в долинах Саянских гор» [28, с. 528]. Значит, пантовое оленеводство развивалось не только на Алтае.

Тува (Урянхайский край)

Соседней с Алтаем территорией на востоке, полностью расположенной в Саянах, является Республика Тува, которая исторически долгое время оставалась «ничейной» страной. В XVII в. владельцы верховьев Енисея, Алтын-ханы, присягнули на верность русскому царю, но согласование границ России и Китая шло очень долго. На протяжении 150 лет Тува оставалась спорной территорией, и только с 1914 г. Урянхайский край (Тува) вошел в состав Енисейской губернии России.

Изображение марала в петроглифах Тувы

Марал всегда был широко распространен в Туве и являлся важным объектом охотничьего промысла местных племен. По данным М.Н. Смирнова, здесь даже в начале XX в. ежегодно ради пантов добывали 2–3 тыс. самцов-маралов. Тувинцы-тоджинцы, например, к середине XIX в. уже имели активную торговлю с монголами-дархатами. По данным В.И. Дулова, «тоджинцы продавали рога маралов и пушнину, а покупали чай, который дархаты вывозили из Монголии, получавшей его в свою очередь от китайских купцов» [8, с. 308].

Более того, В. Даржа, например, сообщает следующее: «Маралов в Туве ловили и содержали в неволе полгода, максимум до первых холодов.

В середине июня у них срезали панты, затем поздней осенью маралов забивали на зимнее мясо-чиш как обычный домашний скот. Такой подход считался оптимальным, так как от марала получали максимум пользы. Панты, хвосты и гениталии продавали китайцам, зачастую просто обменивая на предметы быта, ткани, чай. Мяса хватало семье пережить зиму» [7, с. 357].

Однако настоящее разведение маралов в Туве началось только русскими поселенцами. Первая попытка поселиться на р. Уюк и заняться хлебопашеством была у старообрядцев с. Уймона в 1862 г., но они были выселены, так как не имели разрешения ни от русских, ни от китайских властей [7, с. 361].

Могли ли эти переселенцы с. Уймона оставить информацию о мараловодстве, которое уже развивалось в Уймононской долине Горного Алтая? Вполне могли. Русско-тувинская торговля неофициально существовала и развивалась с начала XIX в., а после Пекинского договора 1860 г. была разрешена, в том числе по всей Туве. Она пока опережала торговлю тувинцев с китайцами, которым своим правительством было запрещено торговать в Туве. Торговые операции и промысловые компании русских на территории Тувы неизбежно привели к тому, что крестьяне из Усинского пограничного округа Енисейской губернии и других территорий начали проникать в Туву для постоянного проживания и хозяйствования. В основном это были «непоседливые» старообрядцы.

В 1885 г. в долине реки Уюк получил разрешение распахать земли минусинский купец Г.П. Сафьянов [7, с. 361]. По другим данным, «Г.П. Сафьянов перевел свое дело в Урянхай в самом начале 1870 годов... Его лавки и скотопригонные дворы были разбросаны на Уюке, Кемчике и т.д.» [27, с. 511]. По его примеру в долине реки Туран обосновались усинские крестьяне Григорий Фунтиков, Константин Сарапулов и др. В музее г. Турана считают, что именно Григорий Фунтиков был первым мараловодом Турана и Тувы. Время появления первого маральника в Туве пока не известно, но в 1895 г. русские крестьяне-переселенцы в районе Турана и Уюка имели в своих стадах «330 лошадей, 475 голов крупного рогатого скота и 510 овец. Русские создали здесь совершенно новую и весьма доходную, по мнению В.И. Дулова, отрасль народного хозяйства, в их маральниках содержалось 24 марала» [7, с. 362]. Колонизация русскими Тувы активно продолжалась, и в конце XIX в. мараловодство появилось в русских поселках Себи и Карагаш Тоджинского района. М.Н. Смирнов со ссылкой на публикацию П.Е. Островских (1927) отмечает, что в 1897 г. в маральниках отдельных хозяев в Урянхайском крае содержалось в общей сложности до 500 оленей» [29, с. 158].

Следует подчеркнуть, что историю появления и развития мараловодства в Туве специально никто комплексно не изучал. До 1915 г. встречаются только отдельные факты по этой территории. Так, В. Попов в своем путешествии «Через Саяны и Монголию» в 1905 г. отметил: «Туранский поселок образовался уже более 20 лет (до 1855 г. — *Н.Ф.*), он состоит из 55 дворов, имеет

300 человек жителей... У Туранских жителей имеется скота: лошадей 319, рогатого скота 560, овец 600, маралов 62. Выше по р. Уюку находится около 10 русских хуторов: Вавилина, Медведева, Шепелина, Ведерникова, Черноусова, Хабарова, Бякова и других. В Уюкской и Туранской степях пасется русского скота: около 5000 лошадей, до 4000 рогатого скота, до 1000 овец и несколько десятков домашних маралов» [20, с. 139]. Эта информация по количеству маралов явно не совпадает с данными М.Н. Смирнова.

В 1912 г. В.М. Родевич в своем описании Урянхайского края сообщал: «Благородный олень, он еще изюбрь или марал, переходит в крае в разряд домашних животных и содержится во многих хозяйствах в плену, всего до 1000 голов, принося ежегодно идущие за дорогую цену в Китай свежие маральи рога, налитые кровью» [24, с. 139].

В 1914 г. Г.Е. Грум-Гржимайло в своем описании Урянхайского края замечает, что «в последнее время у русских поселенцев в Засаянском крае стало развиваться мараловодство — отрасль животноводства, имеющая почти 70-летнюю давность и заслуживающая самого серьезного исследования как с естественно-исторической, так и с сельскохозяйственной точки зрения; ей отведено будет соответственное место во второй части настоящего труда, теперь еще я лишь отмечу, что маральники заведены ныне при селениях Уюк, Туран и Себи и, что в 1910 году в них содержалось около двухсот изюбрей» [6, с. 518].

Только известная работа В.И. Дулова «Социально-экономическая история Тувы XIX — начала XX веков» (1956) позволяет получить более полные знания о становлении мараловодства в Туве в период до 1917 г.

Основные данные по мараловодству Всеволод Иванович приводит на 1915 г. Он анализирует хозяйственное развитие Тувы по основным районам и первым называет Тоджинский район. Русских здесь было немного, «русское население вело здесь заимочное хозяйство». Сведения о хозяйстве русских в Тодже В.И. Дулов дает в таблице со ссылкой на данные Ермолаева [8, с. 434] (табл. 1.19).

Таблица 1.19

Сведения о хозяйстве русских поселенцев в Тоджинском районе (1915)

Крестьянские общества	Количество дворов	Население (человек)	Пашни (десятин)	Лошадей (голов)	Рогатого скота (голов)	Маралов (голов)	Овец и коз (голов)	Торговый оборот (в руб.)
Карагашское	20	100	5,75	275	334	91	19	1 000
Тоджинское	33	184	5	547	486	781	108	28 800
Приисковские	—	11	—	—	5	5	—	—
Всего	53	295	20,75	822	825	877	127	29 800

На Алтае и в Туве распространен и разводился в парковых условиях только марал.

Фото из Музея алтайского марала (г. Бийск)

В.И. Дулов отмечает, что «район Тоджи представлял собой объект энергичной торговой деятельности кулаков-ростовщиков ... Кулак же из русских соединял занятия скотоводством с промышленным разведением маралов и торговлей с тувинцами...» [8, с. 438].

Основным же районом хозяйственной деятельности русского населения был Турано-Уюкский район. Помимо земледелия и скотоводства, зажиточные русские здесь также активно занимались мараловодством. В районе насчитывалось 5603 лошади, 6039 голов рогатого скота, 3456 голов овец и 167 свиней, 744 марала [8, с. 439]. В этом районе 83% маралов содержалось у зажиточных крестьян, имеющих свыше 11 лошадей на одно хозяйство. «Крупные турано-уюкские кулаки имели такие маральники: Осипов по р. Ходан — маральник в 5 де-

сятин; Дерягин по р. Азюн — маральник в 25 десятин, Михайлов Ф. на В. Азюта — маральник в 15 десятин, Медведев Ф. — маральник в 2 десятины, Вавилин в урочище Тытрах — маральник в 50 десятин, Известьев на правом берегу Уюка — маральник в 12 десятин, Ведерников в урочище Кошней — маральник в 7–8 десятин, Панфилов Г. — маральник в 6 десятин, Иванов Д. — маральник в 7–8 десятин и т.п. Кулаки продавали рога маралов скупщикам или непосредственно китайским купцам и доверенным их фирм на деньги или товары, нужные тувинцам» [8, с. 447–448].

Всеволод Иванович подчеркивал, что пяти самым крупным предпринимателям в районе принадлежало «почти $\frac{3}{4}$ всех лошадей, около половины рогатого скота и четвертая часть маралов». Он также сообщал, что «Сафьяновой в Турано-Уюкском районе принадлежало 80 десятин поливной пашни, 400 десятин поливных сенокосов, в ее стадах паслось 2266 лошадей, 180 голов рогатого скота, 150 овец, 39 маралов; Шепели-

ну — 16 десятин поливной пашни, 267 десятин степных покосов, 280 лошадей, 780 голов рогатого скота, 100 овец и коз, 35 маралов; Медведевой — 46,6 десятин поливной пашни, 320 десятин поливных покосов, 536 лошадей, 3110 голов рогатого скота, 8 свиней и 8 рогатого скота, 220 овец, 36 свиней; Медведеву — 120 десятин поливной пашни, 320 десятин поливных покосов, 563 лошади, 310 голов рогатого скота, 8 свиней и 8 маралов; Вавилину — 200 десятин поливной пашни, 320 десятин поливных покосов, 121 лошадь, 696 голов рогатого скота, 95 маралов» [8, с. 448–449].

Улук-Хемский район Тувы мало заселялся русскими крестьянами, но активно осваивался купцами. В 1915 г. у крестьян этого района было 1770 лошадей, 1943 головы рогатого скота, 1706 коз, 35 маралов, а общие обороты купцов достигали почти 423 тыс. руб. в год.

Основным крестьянским районом русских в Туве был Малоенисейский (Каа-Хемский) район. Из 243 хозяйств в районе 141 хозяйство принадлежало старообрядцам. «Вместе с землепашеством, — писал Всеволод Иванович, — существенную роль, как и во всех крестьянских хозяйствах Тувы, играло скотоводство. У малоенисейских крестьян было 1276 лошадей, 1908 голов крупного рогатого скота, 1015 голов мелкого скота и 139 маралов. Мараловодством занимались главным образом крестьяне Знаменки, Грязнухиной, Макеевки» [8, с. 452].

Несколько сокращенная мною таблица из работы В.И. Дулова показывает, что маралы разводились в большинстве поселений этого района [8, с. 453] (табл. 1.20).

Таблица 1.20

Сведения о хозяйстве русских поселенцев
Малоенисейского района (1915)

Поселение	В среднем на один двор голов			
	лошадей	рогатого скота	мелкого скота	маралов
Щербаковское	ок. 4	12	св. 21	–
Знаменка	5	ок. 7	4	0,7
Даниловка	5	10	5	0,15
Грязнухина	4	7	1	2,6
Хлебникова	3	5	2	0,62
Медведевка	св. 4	5	ок. 3	0,25
Макеевка	12	18	10	1,27
Шан	ок. 7	св. 8	св. 10	0,42
Бояровка	5	ок. 8	1	0,25
Федоровское	6	св. 6	ок. 5	0,21
По всем селениям в среднем	ок. 5	ок. 8	ок. 4	0,57

Очень похожим на этот район по хозяйствованию был Элегестинский, или Подхребтинский, район. Здесь в 1915 г. было 153 крестьянских хозяйства, которые имели 663 лошади, 1023 головы крупного рогатого скота, 485 овец и коз, 27 свиней и 12 маралов [8, с. 458].

Кемчинский район был густо заселен тувинским населением и не был объектом русской крестьянской колонизации. Все русские крестьяне на Кемчике в 1915 г. вместе с предпринимателями имели 902 лошади, 2 579 голов крупного рогатого скота, 1 443 овцы и только два марала [8, с. 466].

Таким образом, в 1915 г. в Туве русские владели 11 298 головами лошадей, 14 431 головами крупного рогатого скота, 3 231 овцой, 258 свиньями и 965 маралами [8, с. 467].

Данные переселенческой организации в 1916 г. по количеству маралов не слишком отличаются от данных 1915 г. [8, с. 468] (табл. 1.21).

Таблица 1.21

Сведения о хозяйственной деятельности
русских поселенцев в Туве (1916)

Район	Хозяйств	Десятин		Лошадей, голов	КРС, голов	Мелкого скота, голов	Маралов, голов	Торговый оборот, руб.
		пашни	покосы					
Элегестинский	153	603,6	665	663	1023	485	12	26 300
Турано-Уюкский	236	2313,2	3682,5	5903	6039	3458	744	32 000
Малоенисейский	267	1728,6	853,1	1390	2046	1032	141	26 900
Кемчикский	94	276,6	340,7	902	2579	1443	2	251 700
Улуг-Хемский	189	539	1104	1384	1399	1480	25	422 500
Тоджинский	53	20,7	711	759	1041	119	91	27 800
Итого	992	5481,7	7356	11011	14 127	8 017	1 015	786 990

Русские колонисты стремились осваивать Туву ради обогащения через торговлю и мараловодство. Были примеры, когда зажиточные крестьяне не переезжали в Туву, а заводили здесь только хозяйство с наемными работниками. В.И. Дулов приводит пример Хабарова из с. Верхне-Усинское, который на р. Уте в Туве имел заимку с 80 лошадьми, 60 головами КРС, 5 маралами. Его русские работники ежегодно заготавливали здесь до 5 тыс. пудов сена [8, с. 470].

Царская власть всячески поощряла освоение Тувы крепкими, зажиточными крестьянами, которые без посторонней помощи способны были развивать свое хозяйство в основном через создание хуторов. В.И. Дулов приводит конкретные факты такой политики государства: «Топограф урянхайской межевой партии Рогалинский 5 октября 1914 года отвел хутор по р. Шалдыкбору кулаку Т.П. Турову, имевшему крупное хозяйство, сельско-

Маралы в парке в период активного роста пантов

хозяйственные машины и большое количество скота, свой маральник и т.п. В.П. Ширин получил право на хутор по ключу Б. Колбан-Маим; в заявлении об отведении ему хутора он указывал, что его хозяйство состоит из 20 маралов, 10 маралух и пяти телят маральих, 90 голов крупного рогатого скота, 30 двухлеток и 30 телят, 50 кобылиц, 30 лошадей-подростков, 20 жеребят, 100 овец. Его брат Илья Ширин, тоже кулак, имевший 10 голов рогатого скота, 10 двухлеток, пять телят, 10 кобылиц, 10 подростков-лошадей, пять жеребят, восемь маралов и 50 овец, также получил по соседству с ним участок для хутора. А.И. Ширнин из того же с. Турана при хозяйстве в 20 маралов, 16 голов крупного рогатого скота и 15 мелкого, 25 лошадей и 30 овец получил землю под хутор на р. Бляликке. Права на хутора получили М.Н. Поспелов с хозяйством в 25 лошадей, 40 голов рогатого скота, 10 овец и 10 маралов. И.И. Михайлов, имевший 50 голов рогатого скота, 86 лошадей, двух маралов и 55 голов мелкого скота. Черепанов — владелица большого количества построек, мукомольной мельницы, стада рогатого скота в 25 голов, 15 лошадей, 17 маралов с маральником, 40 овец и другой живности» [8, с. 412–413].

Появление в начале XX в. в Туве китайского торгового капитала способствовало переходу русских от торговли к занятию производством. «Наиболее типичными для зажиточного хозяйства, — писал В.И. Дулов, — являлись такие, например, хозяйства, как хозяйство С.Ф. Потылицына, имевшего 20 десятин посева, 15 лошадей, 29 голов крупного рогатого скота и семь маралов; или хозяйство его сына Ф.С. Потылицына, у которого было 18 десятин посева, восемь лошадей, 17 голов крупного рогатого скота и 10 маралов. Не уступали или мало уступали этому хозяйству хозяйства и других сыновей С.Ф. Потылицына. Н.Е. Ведерников в 1918 году посеял всего 4 десятины хлеба, но убрал сено с 40 десятин покоса, в его хозяйстве

насчитывалось 80 лошадей, 60 коров, 40 овец и девять маралов. П.А. Жирнов посеял 2,7 десятины, имел 20 десятин покоса, 49 лошадей, 66 голов крупного рогатого скота, 15 овец, двух верблюдов и 13 маралов. Д.Н. Иванов посеял в 1918 году 23,3 десятины хлеба, собрал с 20 десятин сено и имел 25 лошадей, 50 коров и четыре марала» [8, с. 427–428].

В начале XX в. китайские купцы успешно скупали в Туве продукцию как тувинца-скотовода и охотника, так и русского хозяйства, и особенно рога маралов. «Панты маралов были одной из самых крупных статей китайского вывоза из Тувы и русских пограничных областей (Усинский край, Алтайский округ). Однако в продаже этих продуктов посредниками между русскими мараловодами и китайскими купцами выступали русские купцы, которые были и сами владельцами больших стад одомашненных маралов, благодаря чему и удерживали свое положение в тувинской торговле» [8, с. 518].

В Туве, таким образом, к 1917 г. появились крупные предприниматели-мараловоды. Большое хозяйство на Уюке, например, имел А.П. Сафьянов. По данным В.И. Дулова, у него было до 4 тыс. лошадей и около 100 маралов [8, с. 521–522]. Золотые прииски на р. Тапсе, кожевенный завод, водяную мельницу, собственные посеы пшеницы, овса и других культур в Туве имел еще один Г.П. Сафьянов вместе с торговлей стадами скота, пашнями, мельницами, рыбной ловлей, лесными вырубками. В шутку его часто называли «уряньхайским губернатором» или «уряньхайским королем» [26, с. 509–513]. На заимке в Тодже Г.П. Сафьянов имел 2266 лошадей, 190 голов крупного рогатого скота, 150 овец и коз, 95 маралов. У А.Ф. Сафьяновой в 1918 г. только на Уюке было лошадей 528 голов и 134 марала. У Медведева в Тодже было 563 лошади, 310 голов крупного рогатого скота, восемь маралов. У другого Медведева — 263 лошади, 140 голов крупного рогатого скота, 220 овец и коз и 36 маралов. К.Ф. Шепелин имел в Тодже 280 лошадей, 780 голов крупного рогатого скота, 150 овец и коз, 35 маралов. У Вавилина были 121 лошадь, 696 голов крупного рогатого скота, 95 маралов. П.Г. Шепелин на Уюке имел 75 лошадей, 231 голову крупного рогатого скота и 26 маралов [8, с. 522–524].

Распределение скота, в том числе оленей, по слоям русского населения выглядело следующим образом [8, с. 538] (табл. 1.22).

Таблица 1.22

Сведения о распределении скота в Туве
среди русских поселенцев по степени зажиточности (1915), %

Категория хозяйства \ Виды скота	Лошади	КРС	Овцы и козы	Маралы
Богатое хозяйство	68,3	75,7	80,5	55
Среднее хозяйство	31,3	22,9	18,4	36,9
Бедные хозяйства	0,4	1,4	1,1	7,1

В.И. Дулов обращал внимание: «Предпринимательское хозяйство русских купцов сочетало разные направления: торговля комбинировалась со скотоводством (Вавилин, Медведев), чаще всего с разведением крупного рогатого скота и мараловодством или коневодством и мараловодством (А. Сафьянов), иногда она сочеталась с золотопромышленностью и скотоводством (Чирков, Сафьянов, Окулов, Леонов). В силу того, что мараловодство было исключительно товарной отраслью производства, им занимались все русские купцы в Туве» [8, с. 523].

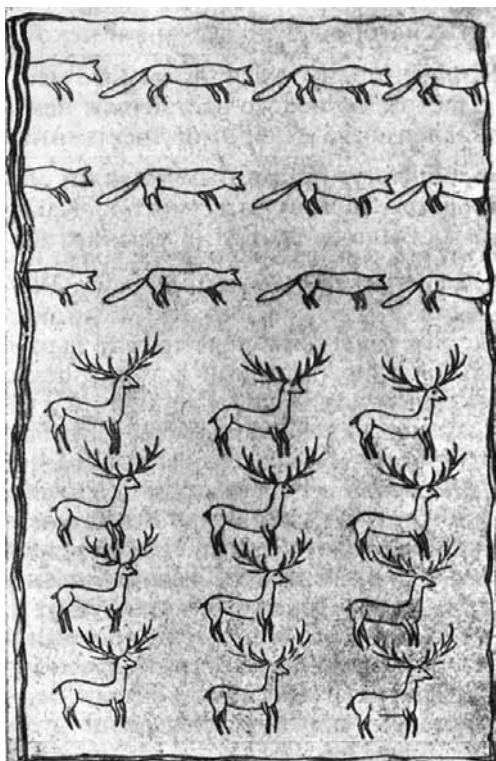
Ни у В.И. Дулова, ни у других исследователей Тувы мне не удалось найти примеры разведения маралов в неволе коренными тувинцами. Всеволод Иванович сообщал только о тувинском богаче Ачикае, который занимался торговлей скотом, скупкой пушнины, хлеба. «В восточных районах Тувы он скупал рога маралов и продавал их через Монголию в Китай. Для сушки этих рогов у него была специальная сушилка» [8, с. 545–546].

Таким образом, мараловодство в Туве до 1917 г. было тем видом хозяйственной деятельности, которым занималось только русское население и особенно его зажиточная часть. Мараловодство успешно развивалось как у богатых предпринимателей, так и среди зажиточных крестьян. Мараловодство естественным образом «вписывалось» в природно-климатические условия горной территории Тувы и имело все условия для его перспективного развития на долгие годы.

Енисейская губерния («Саянский край»)

Если русские поселенцы Туву начали осваивать во второй половине XIX в., то в верховья Енисея с его многочисленными притоками они пришли намного раньше. Уже в 1613 г. казаки собрали первый ясак с тубинцев и моторов, живших по р. Енисею и р. Тубе. С основанием Красноярска в 1628 г. началось более сильное колонизационное воздействие русских на народы Минусинского края.

Русское население Присаянского района, осваивая его, быстро ориентировалось в окружающей обстановке и, наряду с сельским хозяйством, активно развивало охотничьи и другие, связанные с лесом промыслы. Особенно это удавалось старообрядцам, пришедшим в саянские леса из лесов пермских, вятских, оренбургских. К.Д. Соловьев отмечал в 1915 г.: «Будучи постоянно в тесном общении с лесом и его обитателями, старообрядец, вполне естественно, вырабатывал в себе наклонность к промыслово-охотничьей деятельности, — полюбил лес, сроднился с ним, приобрел навыки охотника и выработал свои приемы и орудия промысла. Постоянные странствования, необходимость искать новые места, где можно было сохранять и проявлять в полной мере свои религиозные запросы, завели старообрядцев и в Саяны. Дикость местности, большой лесной простор, отдаленность от «мира» — давали удовлетворение в смысле тех условий, какие требуются от новой местности старообрядцами» [30, с. 34].

Могильный камень с изображением маралов. Рисунок из книги Г.Ф. Миллера «История Сибири», т. 1

В XIX в. Саянский район являлся одним из тех уголков Сибири, где сохранялось еще достаточно много маралов (в Саянском районе расположена зона перехода подвида благородного оленя «марал» в подвид «изюбрь», хотя китайцы, например, их никогда не делили и называли одинаково «ма-лу». — Н.Ф.), добыча которых всегда являлась важной частью охотничьего промысла. Уже с середины XIX в., а может и раньше, охотники-аборигены и русские зверопромышленники добывали маралов и изюбрей ради пантов, шкуры и мяса. В начале XIX в. в Канско-Нижеудинском, Минусинском и Усино-Урянхайском районах рассматриваемой территории ежегодно в среднем добывалось этих зверей соответственно 172, 440, 370 голов убитыми и живыми.

В 1908–1911 гг., например, маральего «сырого товара» продавалось здесь достаточно много [30, с. 414] (табл. 1.23).

Таблица 1.23

Сведения о продаже пантовой продукции в отдельных центрах Саянского края (1909–1911 гг.)

Пункты продаж	Рогов маральных в сыром виде	Шкур маральных в сыром виде
Минусинск	До 3000 пар	1000 штук
Канск	До 100 пар	60 штук
Н.-Удинск	До 50 пар	40 штук

О появлении мараловодства в Саянском крае литературных данных совсем немного. Так, А.А. Силантьев в 1897 г. отметил коротко, что «разводят маралов в Минусинском округе по р. Усу и кое-где еще в долинах Саянских гор» [28, с. 528].

Заваривание пантов. Фото из книги «Азиатская Россия»

А.А. Ярилов в 1899 г., анализируя хозяйство кызыльцев, писал: «В Ачинском округе изюбри скрываются в дремучих тайгах, по Белому и Черному Уюсам, и на верховьях Чулыма. Севернее верховьев Уюсов, Чулыма и Абакана изюбррей нет». Далее он добавил, что «маральник с прирученными маралами в ведомстве всего один (р-н Чебаков), в нем 15 самок. Маральник приносит большую пользу владельцу, но никакой — ведомству» (д. Чебаки, Ширинский р-н, Хакасия. — *Н.Ф.*) [34, с. 255–256].

П. Головачев в 1905 г. сообщал: «По верхнему течению Енисея, по лесистым предгорьям Саян, водится вид благородного оленя, называемый на Алтае «маралом». В Минусинском уезде «сыном», а в Забайкалье «изюбрем». . . В Усинском крае (за южной границей Минусинского уезда) уже довольно давно возник особый местный промысел — полудомашнивание маралов в особых «маральниках», или «изюбрятниках» [4, с. 246].

Сибирский торгово-промышленный ежегодник 1914–1915 гг. информировал своих читателей: «В отчетном году в Енисейской губернии насчитывалось 2 006 581 голова скота, в том числе в Усинском пограничном округе лошадей — 19 997, рогатого скота — 15 023, овец — 3 878, свиней — 240, коз — 560 и маралов — 1454. . . В Усинском пограничном округе добыто было разного зверя 49 757 штук на сумму 41 391,6 рубля, в том числе маральих рогов на сумму 11 908 рублей» [27, с. 31–32].

И только Д.К. Соловьев с помощниками, изучая в 1914–1915 гг. состояние соболя в Саянском крае, провел подробное обследование мара-

ловодства на этой территории. Все следующие данные об этой отрасли в Минусинском, Канском уездах и Усинском крае я почерпнул из отчета этой экспедиции.

По Д.К. Соловьеву, мараловодство здесь возникло в конце XIX столетия и «занесено» сюда с соседнего Алтая. «Первые маральники завели «кержаки» заимки «Теренса», расположенной на границе Томской и Енисейской губерний, в полосе Кузнецкого и Минусинского округов (уездов), по речке Теренса (приток р. Томи), где вершина р. Теренсы сходится с вершиной р. Уйбат (приток р. Абакана)». Староверов этой заимки часто посещали многие минусинские староверы для религиозного общения. Опыт содержания в скотном дворе пойманных маралов для выращивания и продаже китайцам пантов не мог не заинтересовать минусинцев, которые стали «пробовать завести у себя то же самое» [30, с. 438].

Минусинцы, хотя и первыми узнали о возможности содержания пантовых оленей в неволе, но не смогли активно развить это направление хозяйственной деятельности. Это сделали усинские староверы — упрочили новую отрасль, показали ее выгодность. После этого население Кнышенской, Никольской и Паначевской волости Минусинского уезда вновь обратилось к мараловодству.

В 1915 г. по сведениям, собранным экспедицией, в крае было уже почти 1400 домашних маралов (изюбрей) (табл. 1.24).

Таблица 1.24

Сведения о количестве домашних маралов в Саянском крае в 1915 г.

Район	Маралов		
	самцов	самок	всего
Усинский край	816	243	1059
Минусинский уезд	236	52	288
Канский уезд	38	9	47
Всего	1090	304	1394

Количество маралов Усинского края, указанное в таблице 1.24, включает в себя какое-то количество оленей, находящихся в Туве, но принадлежащих усинским зажиточным крестьянам и торговцам [30, с. 439].

Очевидно, что в разведении маралов усинцам благоприятствовало как соседство с Монголией, через которую приезжали китайские покупатели пантов, так и «земельный простор» для содержания этих животных. В основном маралов даже в начале XX в. отлавливали в горах [30, с. 439] (табл. 1.25).

Таблица 1.25

Сведения о пополнении маральников Саянского края в 1915 г.

Район	Пойманы на воле и помещены в маральник			Родились и выросли в маральнике		
	самцы	самки	всего	самцы	самки	всего
Усинский край	702	160	862	114	83	197
Минусинский уезд	213	35	248	23	17	40
Канский уезд	34	7	41	4	2	6
Всего	949	202	1151	141	102	243

Мараловодством занималось «почти исключительно» русское и главным образом староверческое население, а центром мараловодства являлся Усинский край. В Усинском крае маралы входили «в состав скота» большей частью староверческого населения. По данным заведующего Усинской казенной дачи Шушенского лесничества, в 1915 г. в Усинском пограничном округе насчитывалось 33 маральника с 619 оленями; еще 120 маралов содержалось по «дворам при хозяйстве» [30, с. 441]. Всего в 1914–1915 гг. в Усинском пограничном округе в неволе насчитывалось 1454 пантовых оленя [26, с. 31]. В 11 маральниках Урянхайского края (Тува) усинцы содержали на заимках еще 320 пантовых оленей [30, с. 441].

В Минусинском уезде мараловодством занимались также в основном староверы [30, с. 441–442] (табл. 1.26).

Таблица 1.26

Сведения о количестве домашних маралов в Минусинском уезде (1915)

Волости Минусинского уезда	Содержится всего маралов	В том числе содержится в маральниках
Кнышевская, Паначевская, Никольская, Комская и Даурская	153	47
Ермаковская	74	18
Бейская	30	12
Иудинская	9	–
Каптыревская	11	–
Имисская, Кужебарская и Маторская	11	–
Всего	288	77

В Канском уезде по р. Агулу в 1915 г. был маральник с 24 оленями. Все маралы в этом уезде распределялись по волостям следующим образом [30, с. 442] (табл. 1.27).

Таблица 1.27

Сведения о количестве домашних маралов в Канском уезде (1915)

Волости Канского уезда	Количество маралов
Ирбейская	27
Тальская	9
Агинская	4
Вершино-Рыбинская	7
Всего	47

В Усинском крае в маральниках содержалось в 1915 г. 89% оленей, в Минусинском — 27%, а в Канском — 51%. Остальные маралы содержались в крестьянских дворах. По размерам земельных участков под маральниками основные районы различались следующим образом: Усинский край — от 3 до 40 десятин под одним маральником, Минусинский уезд — от 2 до 10 десятин. В Усинском крае были маральники количеством до 40 оленей, а в Минусинском уезде — только до 15 животных [30, с. 443].

Выгодность мараловодства по районам существенно различалась еще и по такому важнейшему фактору, как время нахождения оленей на подножном корму. Если в Усинском крае марал находился на подножном корму 6–8 месяцев в году, то в Минусинском и Канском уездах только 5–7 месяцев. В соседнем Урянхайском крае в некоторых местностях марал содержался на естественных кормах круглый год. Члены экспедиции 1915 г. в Саянском крае оставили подробное описание нескольких маральников. В 5 верстах от с. В.Усинского по р. Макаровке, например, располагался маральник Ивана Захарьевича Иванова. В нем на площади в 10 десятин содержалось 24 марала, в том числе 9 самцов. На прокорм животных заготавливалось 300 копен сена. В маральнике был свой станок. Маралы наловлены самим владельцем. В 1914 г. было снято рогов 106 фунтов и выручен 371 руб. В местности р. Уюк на площади 5 десятин располагался маральник Давида Николаевича Иванова с 17 маралами, в том числе 12 самцами-оленьями. Сам он добыл 10 маралов и 7 купил. Сена заготавливал 320 копен. Маральник находился при заимке. В 1914 г. было снято рогов на 100 фунтов и выручено 350 руб. [30, с. 446–447]. В местности р. Уюк на площади в 4 десятины существовал маральник Савелия Кузьмича Измествьева с 28 оленьями, в том числе 18 самцами. Сам хозяин поймал 15 оленей и 6 купил. В 1914 г. снято рогов на 140 фунтов на сумму 490 руб. В 15 верстах от Нижне-Усинска на р. Таловке был расположен маральник Василия Осиповича Лоскутова с 15 оленьями, в том числе 8 самцами. Сам владелец поймал 5 оленей. В 1914 г. снято рогов на 70 фунтов и выручено 262,5 руб.

Необычным был маральник инородца (сагая) Федора Николаевича Мохова из 20 оленей, в том числе 8 самцов. В этом маральнике телята от-

нимались от матерей и не менее полугода вскармливались искусственно. «Зимой и весной Мохов выпускает своих маралов на волю, и они бродят в окрестностях по займищам р. Енисея и по окрестным горам, но далеко не отходят, временами навещая свой маральник с целью полакомиться хлебом из рук хозяев». В срезку 1914 г. он получил пантов весом 80 фунтов стоимостью 280 руб. [30, с. 448]. На р. Ашпан, впадающей в р. Ус, был маральник, принадлежащий Анне Николаевне Моховой и ее сыну Прокопию Мохову. Здесь на 36 десятинах земли содержалось 30 оленей, в том числе 16 самцов. Станка для срезки пантов не было, и рога срезали, связывая марала. В срезку 1914 г. получено рогов на 140 фунтов стоимостью 490 руб.

В Минусинском уезде в с. Малыя-Кныши был маральник из 10 оленей, в том числе 8 самцов у Ивана Григорьевича Лазарева. Маралы им покупались у местных охотников, содержались в особом дворе с помещениями-навесами. Весной при росте рогов маралы подкармливались овсом и, как лакомством, соленой капустой. В 1914 г. было снято два пуда рогов на сумму 320 руб. Иван Григорьевич занимался скупкой рогов у соседних мараловодов и охотников. Маральник в селе Викулов Ключ принадлежал совместно охотникам-мараловодам с. Чердаки и с. Викулов Ключ. Он был создан в 1907 г. Из 12 маралов 7 было поймано. Урожай пантов в 1914 г. из 80 фунтов был продан за 320 руб. [30, с. 449].

Партия пантов, скупленная старообрядческим священником.
Фото из работы А.К. Соловьева «Саянский промыслово-охотничий район
и соболиный промысел в нем»

В Канском уезде около с. Агульского на р. Агулу в 1914 г. крестьянин Василий Степанович Лупковский управлял маральником из 24 оленей, в том числе 18 самцов. В начале 1909 г. В.С. Лупковский поймал живого марала-быка на р. Кеси и загородил маральник у пос. Мариинского. На следующий год охотники отловили ему еще трех бычков и двух коров (маралух. — *Н.Ф.*). Далее на деньги канского купца Якова Леонтьевича Шмулевича было куплено у охотников еще 16 маралов и построен новый маральник у села Агульского. Для развития маральника местная власть отвела 20 десятин земли и еще 16 десятин покосов сдала в аренду на льготных условиях по 60 коп. с десятины. Д.К. Соловьев утверждает, что в 1914 г. этот маральник принадлежал уже купцу Я.Л. Шмулевичу [21]. С этого маральника выручка от продажи рогов в 1914 г. составила 500 руб.

Исследуя данные по конкретным маральникам, авторы обследования пришли к выводу, что «выгоды, получаемые мараловодами от занятий мараловодством, весьма не существенные» [30, с. 449].

Основными расходами в мараловодстве этого края были следующие:

- устройство маральника (от 50 до 300 руб.);
- кормление одного марала (от 5 до 20 руб. в год);
- общественный налог (от 0,5 до 1,5 руб. с головы);
- аренда казенной земли (0,5 руб. за десятину);
- охрана («окарауливание») маральника (от 50 до 100 руб. в год).

В 1914 г. в Саянском крае было заготовлено 260 пудов сырых пантов, в том числе:

- Усинский край — более 200 пудов на 300 00 руб.;
- Минусинский уезд — 50 пудов на 7500 руб.;
- Канский уезд — 10 пудов на 1500 руб.

Всего: 260 пудов на 39 тыс. руб.

Центром скупки пантов для Усинского и Минусинского районов являлся г. Минусинск, куда ежегодно в июле приезжали за пантами китайские торговцы и увозили рога через Красноярск во Владивосток.

Среди местных скупщиков пантов были сами мараловоды, русские купцы и даже старообрядческий священник. «Чистая прибыль, получаемая от занятий мараловодством, — писал Д.К. Соловьев, — в небольших размерах, исчисляется на одного марала в среднем 10–25 рублей в год» [30, с. 454].

В 1914 г. мараловодство Саянского края, особенно Усинского округа, уже приобрело характер устойчивого вида деятельности определенной части населения, который оправдывал вложения в него и имел перспективы развития. Количество домашних маралов достигло 1400 голов. Самой восточной точкой перед Байкалом, где разводили пантовых оленей даже в городских условиях, был г. Иркутск [28, с. 528]. В Иркутске живой изюбрь содержался, например, у купца Зубова [9].

Забайкалье

Освоение русскими территории Забайкалья началось с середины XVII в. С середины XVIII в. решением Екатерины II за Байкал начали переселять семьи старообрядцев как наиболее приспособленных к колонизации новых земель, хотя сама колонизация русскими этого края была заметна уже в конце XVII в.

У охотников Забайкалья изюбрь являлся важным объектом промысла. В 1854 г. статский советник Гагейместер в статистическом обозрении Сибири записал об изюбре, что «зверь этот долго не имел значительной ценности в промысле, но лет тридцать назад открылся сбыт его рогов в Китай... В Китай выходит (продается. — Н.Ф.) в год от 175 до 250 пар... Высокая цена заохочивает звероловов употреблять все усилия достать как можно больше рогов, и бедные изюбри гибнут сотнями... Можно полагать, что звери эти истребляются в диком состоянии и сделаются домашними. Теперь многие расплодили изюбрей дома... При высокой цене на рога, которая возвышается с каждым годом, очень выгодно содержать изюбрей дома... В год содержание его стоит не более 25 рублей серебром» [3, с. 329]. Итак, уже в 1854 г. в Забайкалье многие расплодили

Олень-пантач после срезки пантов и гона.

Срезанные панты ценились
значительно дешевле лобовых.

Фото из Музея алтайского марала (г. Бийск)

изюбрей дома, отмечал Леонтий Адрианович.

В 1856 г. П.П. Корнилов также рассматривал значение изюбря в статье «Олени Восточной Сибири» и отмечал, что забайкальские крестьяне и зверовщики держат домашних изюбрей. Он уже называл конкретные фамилии: «В деревне Мухиной крестьянин Батков имеет до 12 ручных изюбрей; в слободе Мухор-Шибаре крестьянин Кузнецов имеет их до 15; в деревне Шаралдае и других крестьяне также держат по немногу изюбрей, как и всякую домашнюю скотину...» [13, с. 492]. Автор статьи рассказывал со слов П.А. Кельберга, что в Мухор-Шибаре у одного владельца, домашние изюбри паслись на свободе в открытом поле без надзора и сами возвращались домой к ночи. В хлев их

запирали только в период гона. «От пяти самцов, — отмечал П.П. Корнилов, — которые потребляют сена в течение зимы, много если на 20 рублей серебром, хозяин может получить пять пар хороших пантов, за которые он приобретет не менее 500 рублей» [13, с. 493]. Однако при всей выгоде содержания изюбрей в домашних условиях «эта новая и любопытная отрасль сельского хозяйства очень мало и медленно распространяется между забайкальскими крестьянами» из-за предрассудков [13, с. 494].

Несколько позже, в 1867 г., известный писатель А.А. Черкасов в своей работе «Записки охотника Восточной Сибири» заметил следующее: «Дороговизна пантов заставила хитрых сибиряков подняться на выдумки; именно многие промышленники держат при домах изюбров, быков и маток; первые приносят ежегодно панты, а последние — телят, которые, в свою очередь, впоследствии награждают хозяев пантами и телятами. Так, например, казаки, живущие по р. Ингоде, и богатые крестьяне по р. Чикою держат изюбрей по несколько десятков при домах, во дворах, и на зиму заготавливают им сена. Весною снимают с самцов панты и меняют китайцам на товары. Но странно, что панты домашних изюбров ценятся дешевле диких, добытых промыслом в тайге» [31, с. 352].

В 1889 г. Н.В. Кириллов показал, что только в Верхне-Удинском округе было не менее 600 домашних оленей, в том числе по деревням двух волостей [11] (табл. 1.28).

Таблица 1.28

Сведения о домашних изюбрях в Коротковской
и Красноярской волостях, 1889 г.

Деревня	Поймано в лесах		Приплод
	Самцов	Самок	
Коротковская волость:			
Шимбилик	7	6	—
Осиновка	6	3	—
Захаровка	25	5	3
Фомичева	12	2	1
Дурнова	6	—	—
Большакова	6	2	—
Коротково	10	4	2
Борозоево	10	—	—
Красноярская волость:			
Краснояр	18	5	2
Архангельское	30	3	3
Малоархангельское	11	1	1
Шибартуй	3	—	—
Итого	144	31	12

В обзоре Приамурского края за 1895 г. сообщалось, что в верховьях рек Чикоя и Ингоды содержится до 100 маралов. На Нижегородской выставке в 1896 г. были опубликованы данные, что в Верхнеудинском округе насчитывался 401 изюбрь и в Троицкосавском — 75 [28, с. 530].

А.А. Силантьев в 1896 г. собрал данные по изюбководству в Забайкалье и записал следующее: «Более всего маральников мы встречаем в Троицкосавском и Верхнеудинском округах Забайкальской области, хотя относительно первого из них нет, к сожалению, более точных указаний на те поселки, где занимаются мараловодством; что же касается второго верхнеудинского, то здесь можно привести целый список деревень, в которых встречаются ручные маралы, преимущественно в бассейне рек Чикоя и Хилка, а именно: держат по многу изюбров Кочены, Укиршоной, Манда и Хилкотой; держат изюбров понемногу — Байкор, Выезжая, Шинки, Тарбачатай и Кули; держат всего по 1–4 изюбра — Новая Брянь, Талицы, Мухоршибари, Мухортал, Петровский завод и Хараус...» [28, с. 528].

Примерно в то же время (1897), когда А.А. Силантьев обследовал состояние мараловодства на Алтае, в Забайкалье политический ссыльный, организатор отделения Приамурского географического общества Алексей Кириллович Кузнецов изучал практику разведения изюбрей в Забайкальской области. По его данным, первым стал держать в неволе изюбрей в Танге на р. Ингоде Аким Андреевич Нескромный, который «в 1843 году устроил до 150 ям, при помощи которых поймал 23 зверей (изюбрей. — *Н.Ф.*). И с тех пор разведение изюбрей все более и более распространяется с верховьев р. Ингоды вниз по течению и привлекает внимание вообще крестьян Забайкальской области» [15, с. 95].

В 1898 г., по данным Н.В. Кириллова, в Забайкалье 300 хозяев содержали более 1000 изюбрей, в том числе 100 маток и около 100 телят.

По округам это выглядело следующим образом [15, с. 130] (табл. 1.29).

Таблица 1.29

Сведения о способах пополнения маральников
по округам Забайкалья в 1915 г.

Округ	Пойманных в ямах		Домашний приплод		Итого
	самцы	самки	самцы	самки	
Читинский	149	41	44	26	260
Верхнеудинский	574	–	–	–	574
Селенгинский	16	–	–	–	16
Троицкосавский	79	–	–	–	79
Баргузинский	3	–	–	–	3
Акшинский	30	9	–	3	42
Нерчинско-Заводской	1	–	–	–	1
Всего	852	50	44	29	975

Больше всего домашних изюбрей содержалось в Верхнеудинском округе — 574 оленя. Сравнение отдельных волостей округа представлено в таблице 1.30 [15, с. 133–134].

Таблица 1.30

Сведения о количестве домашних изюбрей по отдельным волостям Верхнеудинского округа, 1915 г.

Название волости	Количество домашних изюбрей
Кульская	2
Петровско-Заводская	1
Брянская	3
Никольская	2
Мальгинская	5
Нижненарымская	13
Байхорская	34
Красноярская	212
Коротковская	236
Укырь-Шандуйская	66
Всего	574

Изюбредовы этого округа не держали вообще ни одной самки и, следовательно, вообще не имели приплода. Теперь, по истечении времени можно утверждать, что все-таки это было, в отличие от Алтая, например, «усеченное», или упрощенное, изюбредовство. Только один из семи округов области — Читинский — имел из 260 изюбрей 70 оленей выращенными от домашнего приплода. По отдельным селениям изюбредовство в Читинском округе выглядело следующим образом [15, с. 130–133] (табл. 1.31).

Таблица 1.31

Сведения об изюбредовстве в Читинском округе по отдельным поселениям, 1915 г.

Селения	Владельцев изюбрей	Количество изюбрей
с. Новые Ключи	4	4
с. Ново-Салиевское	3	3
с. Тангинское	21	96
с. Ново-Павловское	10	26
с. Урино (Шехалан)	3	9
с. Дешулан	4	11
с. Старые Ключи	3	3
с. Николаевское	3	3
с. Гарика	6	11
с. Гарикицан	5	11
с. Доронинское	4	9

с. Аблатукан	6	11
с. Чункурук	1	1
с. Аргинское	6	12
с. Улетуевское	2	3
с. Хадактинское	2	9
с. Черемухово	1	2
с. Татаурово	1	9
с. Старо-Кукинское	1	1
с. Елизаветино	1	1
с. Новотроицкое	1	3
с. Тыргетуевское	2	5
Заимки по рекам Нижний и Верхний Жаргей	н/д	19
	92	260

Список фамилий изюбредов Читинского округа Забайкальской области приведен в приложении 10.

Изюбредовство внутри округов «распределялось» крайне неравномерно. В Троицко-Савском округе, например, из 79 изюбрей 75 содержались в Мензинской волости, а в Акшинском округе из 42 оленей 29 животных содержались в одном поселке Букукунском:

- Казанцев Яков — 16 изюбрей;
- Казанцев Семен — 6 изюбрей;
- Шеломенцев Фотий — 2 изюбря;
- Забелин Прокопий — 2 изюбря;
- Шульгин Андрей — 2 изюбря;
- Шульгин Афанасий — 1 изюбрь [15, с. 134].

Лучшие изюбрятники (по 2 десятины у каждого) были у братьев Писаренковых с верховьев р. Ингоды. В Кадахте А.И. Кривоносенко для 12 изюбрей огородил 3 десятины земли с речкой и солончаками. Зверей кормили сеном, овсом, печеным хлебом как лакомством, ягодами, грибами, осиновыми и таловыми прутьями, делали болтушку с мукой и солью. Хорошее кормление давало хорошие панты. Так, священник Карнаков из «п. Гарики по р. Ингоде получил сырые панты весом 1 пуд 13 фунтов (21,2 кг. — *Н.Ф.*). Священник в поселке Кочены по р. Чикою получил панты весом 1 пуд 5 фунтов, но такие результаты получали, когда держали по одному изюбрю и кормили их хлебом, овсом, картофелем и т.п. Были изредка среди изюбрей и совершенно ручные звери: в с. Новотроицком, в с. Татаурове у Бобовского Григория. На одного изюбря даже надевали узду и водили по улице» [15, с. 99].

У изюбревода Рубинштейна по р. Чикою было 26 быков-олений. В 1893 г., например, он продал 107 пар пантов на 13 тыс. руб., так как еще занимался скупкой пантов у других изюбредов. В 1890-х гг. в Забайкалье заготавливали ежегодно до 3000 пантов, в том числе 1000 — от домашних изюбрей.

А.К. Кузнецов писал в 1898 г.: «В настоящее время всего в Забайкалье 300 хозяйств содержат в полудомашнем состоянии более 1000 изюбрей, в числе которых 100 маток и около 100 телят» [15, с. 95]. Однако в это время в Забайкальской области уже просматривалось существенное сворачивание изюбредовства. Если тот же Аким Нескромный (Нескоромный) начинал

с 23 изюбрей, то в 1898 г. у него был уже только один олень. Дело в том, что в 1893 г. решением губернатора в Забайкалье был наложен запрет на ловлю изюбрей ямами, а это был единственный способ пополнения поголовья этих полудомашних зверей. А.К. Кузнецов писал, что «запрещение ловли зверей при помощи ям настолько было неожиданно и непонятно для изюбредов долины р. Ингоды, что они поняли циркуляр как требование выпустить всех изюбрей, содержащихся в неволе» [15, с. 127]. Более тысячи человек лишилось перспектив выгодного промысла. По данным Сибирского ежегодника, в 1913 г. в Забайкалье было домашнего скота КРС — 882 154 голов, лошадей — 581 074 головы, овец — 1 287 403, коз — 152 548, свиней — 106 708, верблюдов — 10 272 и только 23 домашних изюбря [27, с. 44]. Это говорит о полном упадке изюбредовства в Забайкалье уже перед войной 1914 г.

Самка марала. В Забайкалье самок маралов (изюбрей) почти не содержали в неволе. Фото из Музея алтайского марала (г. Бийск)

Приморье

Изучение русскими Дальнего Востока современной России началось в далеком 1638 г., но активная фаза его колонизации начата с середины XIX в. Как и везде, в числе первых колонистов оказались староверы. В 1865 г., например, крестьянами-переселенцами с низовий Амура было основано с. Шкотово. Д.И. Шрейдер, исследовавший Дальний Восток

в 1891–1893 гг., назвал переселенцев Шкотово «какими-то вечными странниками», которые жили когда-то в Вятской губернии, но затем решили перебраться в Минусинскую степь, но попали в низовье Амура. Здесь их поселение смыло наводнение, и они оказались в районе залива Святой Ольги и только потом в районе Шкотово. Переселенцы первой волны занятию земледелием предпочитали «погоню за легкой наживой, главным образом, добычу пантов. Раньше, когда тайга подходила к самому Шкотову, «пантачей» в ней водилось немало, и старожилы зарабатывали, бывало, в иное лето до 800 рублей на душу одной продажей пантов» [32, с. 315]. В этом-то Шкотовском районе вместе с другими старообрядцами жил и имел свою заимку Семен Яковлевич Поносов. Здесь, по данным К.Г. Абрамова, в 1867 г. он и начал свое «оленоводческое дело» [1, с. 20].

Другой специалист пантового оленеводства Л.П. Рященко писал в 1976 г.: «Первым оленеводом в Приморье считается Семен Яковлевич Поносов. Имея заимку в Шкотовской районе, С.Я. Поносов в 1867 году огородил небольшой участок леса изгородью из ивовых прутьев, куда выпускал оленей, купленных у охотников и пойманных им самим. Опыт содержания и разведения оленей в неволе вполне удался. Олени Поносова получили большую славу за свой рост и развитие, а панты этих оленей высоко ценили на рынке» [25, с. 5–6].

Правда, П.В. Митюшов с соавторами в 1950 г. отмечали, что «впервые их (пятнистых оленей. — *Н.Ф.*) стал разводить в Приморье С.Я. Поносов в 1871 году» [18, с. 8].

До этого в 1930 г. Г.А. Менард отметил уже совсем другие даты: «Крестьянин С.Я. Поносов переселился в край в 1883 г. С 1888 г. имел заимку по речке Сице Шкотовского района, где первый и начал разведение в небольшом домашнем питомнике оленей. Первых оленей он достал из ям китайской лудевы, существовавшей еще в то время неподалеку от его заимки. Часть зверя доставлялись ему также его единоверцами-промышленниками» [16, с. 29].

Семен Яковлевич Поносов – первый оленевод-старовер на Дальнем Востоке

Все цитируемые авторы не указывают свои источники информации, поэтому какой год — 1867, 1871 или 1888-й — является достоверным пока установить не удалось.

В 1899 г. у Поносовых на Сионском хуторе было оленье стадо в 30 голов [19, с. 10–11]. Братья Поносовы Семен и Афанасий были яркими сторонниками старой веры, а их родители, скорее всего, являлись даже наставниками среди старообрядцев. Староверы были прекрасными колонизаторами Приморья, но по религиозным воззрениям не терпели соседства с православными крестьянами. Хабаровский съезд (IV) в 1903 г. отметил, что «селить сектантов совместно с православными в одних селениях против их воли нежелательно, во избежание раздоров между односельчанами на религиозной почве», но на практике к этим рекомендациям практически не прислушались [19, с. 11–12].

Это, видимо, было основной причиной переезда Поносовых в 1907 г. на новое место — в падь около бухты Валентин в Ольшанском районе. По данным И.И. Миролюбова, здесь он огородил свой оленеводческий участок уже проволочной сеткой и содержал оленей на искусственном кормлении из-за небольшой площади оленника. «В 1909 году в хозяйстве Поносова насчитывалось до 200, а в 1912 году до 500 оленей» [17, с. 10–11].

Столь быстрое наращивание количества пятнистых оленей возможно было, конечно, только при активной ловле диких животных. Газета «Далекая окраина» в 1911 г. сообщала: «Помещик П. (Поносов. — *Н.Ф.*), проживающий у поселка святого Валентина, для ловли оленей нанимал артели китайцев. Ими поймано 40 штук». В 1907 г. П. Бордакову, спутнику В.К. Арсеньева, пришлось случайно на небольшом кораблике пересечься со старообрядцем Поносовым. «Его загорелое лицо с орлиным носом и серебристой бородой дышало энергией, практическим умом и непоколебимой уверенностью, — вспоминал П. Бордаков, — это один из лучших хозяев края. У него есть заимка, названная им Новым Сионом, где ведется интенсивное хозяйство и разводятся для пантов пятнистые олени. Говорят, он очень богат, хотя ведет жизнь простого крестьянина, вставая с восходом солнца и работая наравне со своими сыновьями и батраками. Старообрядцы считают его столпом веры». Поносов в разговоре сказал П. Бордакову: «Получил я от казны болото да камни, а теперь многие смотреть приезжают обзаведение мое. А все потому, что живем по заветам отцов — в трудах и в трезвости. Нет у нас ни курения этого мерзейшего, ни чаев разных, ничего другого подобного. Встаем и ложимся с петухами, цельный день в заботах, в праздники Господни не пьянствуем, не озорничаем, а мирно беседуем о писании, очищая оным сердца наши и помышления. Поэтому нет у нас и послабления душевного».

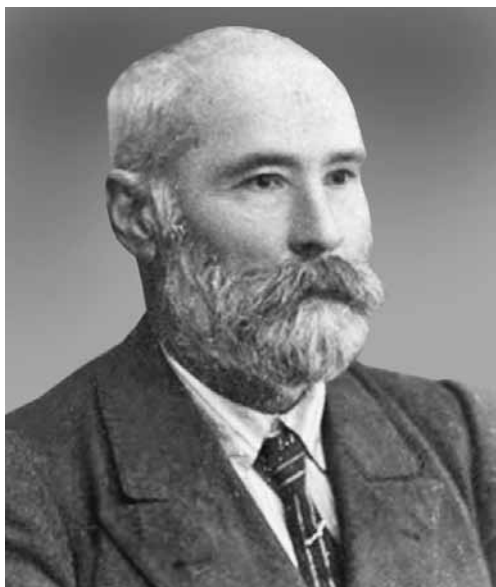
Советской власти в 20-е гг. XX в. от Поносовых «достались» возделанный участок земли почти в 400 десятин, дома, кузница, бондарная мастерская, мельница, оранжерея, пасека, библиотека, которую уничтожили и, конечно, прекрасный оленник, а также многое другое. Хозяйство Поносовых было разграблено, оленепарк был разворован. Судьба самого Семена Яковлевича Поносова неизвестна. Видимо, в память о Поносове

на современной карте Приморья есть бухта Оленевод и урочище Первый оленевод. Благодаря примеру С.Я. Поносова, оленеводством занялись многие крестьяне-староверы. Начинающие оленеводы получали от Поносова ручных оленей. Г.А. Менард утверждает также, что и станок для срезки пантов был изобретен у Поносова [16, с. 29–30].

На заимке у Т. Кириллова в Ольгинском уезде в 1910 г. было стадо в 10 оленей [22]. Небольшие стада пятнистого оленя и изюбря держали крестьяне-старообрядцы Федор Казаков, Гребенщиков, Диев в д. Батюково [23]. На хуторе Бортниковых недалеко от с. Амчу долгое время существовал оленник в 122 головы, объединявший несколько оленьих стад, принадлежащих старообрядцам и китайцу [12, с. 204].

Известными оленеводами в Приморье были Худяковы. Прибыла семья старообрядца Леонтия Дмитриевича Худякова с сыновьями Федором, Павлом, Иустином, Александром, Афанасием, Парфентием и Федотом в Приморье из Томской губернии в 1877 г. добровольно. Обосновались на р. Кедровке, недалеко от села Раздольного, занимались хлебопашеством, пчеловодством, садоводством, морским промыслом, сбором дикоросов, охотой и разведением оленей. В.К. Арсеньев отмечал про Худяковых в начале XX в.: «У них мы находим теперь один из лучших питомников пятнистых оленей». Три поколения Худяковых добросовестно и успешно трудились в Южно-Уссурийском крае около 50 лет, но в 1930 г. все хозяйство «передали» советской власти, в том числе 500 голов оленей [25, с. 7].

Следует отметить, что главными оленеводами Приморья до 1917 г. были все-таки не крестьяне, а предприниматели разных национальностей, оказавшиеся разными судьбами в этом крае в конце XIX — начале XX в. Наиболее яркой фигурой среди них, по общему мнению, был М.И. Янковский, поляк по национальности, но истинный патриот России по делам своим. О Михаиле Ивановиче Янковском написано очень много. Родился он в сентябре 1842 г. в польской семье дворянского сословия, учился в земледельческом институте, но за участие в Польском мятеже 1863 г. был сослан в Восточную Сибирь на 8 лет каторжных работ. Прошел по этапу пешком до г. Иркутска и далее на Сиваковский завод. В 1866 г. срок каторжных работ ему сократили вдвое, в сентябре 1868 г. он отбыл каторгу и был причислен на поселение в Бадайскую волость Иркутского округа. В 1872–1873 гг. Михаил Иванович принял участие в официальной экспедиции Русского Императорского географического общества по р. Амуру. В 1874 г. он подписал контракт с Владивостокским купцом Кустером и стал управляющим золотым прииском на острове Аскольд. Здесь, на острове, М.И. Янковский приобрел достаточные навыки управления сложным хозяйством, заработал неплохие средства и принял решение об организации своего дела на полуострове Славянском в урочище Сидеми. На о. Аскольд, помимо других многочисленных дел, он охранял и изучал пятнистых оленей. При этом М.И. Янковский

Михаил Иванович Янковский —
крупнейший оленевод на Дальнем Востоке
до 1912 г.

оставался в состоянии бывшего политического ссыльного. На Сидеми (теперь это полуостров Янковского) он создал уникальное многоотраслевое хозяйство, в структуре которого было коневодство, пантовое оленеводство, выращивание женьшеня, садоводство. Михаил Иванович принимал участие в рыбных промыслах и даже занимался книжной торговлей. В 1914 г. во Владивостоке на улице Светланской был книжный магазин товарищества «Янковский и Трусов» [26, с. 128].

О разведении М.И. Янковским пятнистых оленей рассказывал в докладе «Оленеводство в Южно-Уссурийском крае» в 1912 г. его сын Ю.М. Янков-

ский: «На полуострове Янковского оленей начали разводить и охранять с 1888 года, когда туда случайно забрело стадо из нескольких голов... За период времени от 1888 по 1908 годы количество оленей на полуострове достигало 700 голов... С 1888 г. по 1897 г. олени на полуострове только сохранялись от истребления их браконьерами и хищными зверями... С 1897 года начались опыты по их приручению... В 1908 году часть полуострова Янковского площадью в 2000 десятин была огорожена проволочной оцинкованной сеткой в 4 аршина высоты... В настоящее время в огороженном парке насчитывается до 1100 голов полудиких оленей, ручных оленей-самцов 160 голов и приплод этого года достигает 400 ягнят (оленят. — *Н.Ф.*). За последние 15 лет было убито с пантами 240, на мясо 200 голов и было продано и роздано более 200 голов для устройства оленьих хозяйств в крае и до 50 голов для зоологических садов Германии и Англии» [33, с. 292–293].

В 1909 г. М.И. Янковский заболел и уехал лечиться в г. Сочи, где скончался в октябре 1912 г. За 60 лет своей жизни Михаил Иванович, талантливый предприниматель, оставил выдающийся вклад не только в развитие Приморья, но и в мировую культуру как географ, орнитолог, энтомолог и археолог. Открытая М.И. Янковским на Дальнем Востоке археологическая культура с 1972 г. носит его имя.

М.И. Янковский в своем завещании не разрешил наследникам делить хозяйство на части, и продолжателем дела стал его второй сын Юрий

Михайлович Янковский. Наивысшего расцвета хозяйство Янковского достигло в 1917 г., когда стадо оленей насчитывало 2000 голов, ежегодный убой на лобовые панты достигал 100 голов и столько же пар пантов получали путем их срезки [25, с. 7]. В 1922 г. Янковские эмигрировали в Корею, а олени, основная часть из 600 лошадей, плантация женьшеня из 60 тыс. корней, сад и вся недвижимость достались новой советской власти. Янковские являлись не первыми, но самыми крупными оленеводами в Приморье до 1917 г.

Выгодность пантового оленеводства понимали и другие предприниматели этого края. Крупное оленеводческое хозяйство было у А.Д. Старцева, который купил у казны в 1883 г. остров Путятин. На острове водились дикие олени. В 1915 г. здесь насчитывалось уже 1500 оленей, но в 1918–1922 гг. почти все они были уничтожены браконьерами. На конец 1922 г. в диком состоянии оленей на острове оставалось только около 90 голов [25, с. 7–8]. Алексей Дмитриевич Старцев (1838–1900) был купцом первой гильдии, сыном декабриста Николая Бестужева и бурятки Н. Сибилаевой, усыновленным и воспитанным селенгинским купцом Д.Д. Старцевым. Алексей Дмитриевич, помимо оленеводства, занимался на острове земледелием, пчеловодством, шелководством, разводил породистый скот, имел кирпичный и фарфоровый заводы. Его именем названы мыс и гора на острове Путятина [10].

Дух свободы и предприимчивости в Приморье притягивал сюда немецких, швейцарских, датских, английских, французских предпринимателей, которые активно занимались торговлей, промышленностью, сельским хозяйством и оленеводством в том числе. В.К. Арсентьев пишет о финнах, например, которые «переселились в край в восьмидесятых годах и осели по берегам залива Петра Великого, променяв рыбный промысел на более выгодное в то время занятие — охоту за пантами» [2].

На полуострове Песчаный (Амурский залив. — *Н.Ф.*) семья швейцарцев Симона и Карла Конрадов занимались разведением оленей и племенного голштинского скота. С.И. Конрад начинал оленеводство в своем хозяйстве с покупки в 1909 г. 60 оленят-сосунков у Янковского и Общества любителей охоты. По данным Ю.М. Янковского, в 1912 г. у С.И. Конрада было 90 оленей [33]. В 1920 г. у него насчитывалось, по данным И.И. Миролубова, уже 378 оленей [17, с. 12]. А.Г. Грузит писал даже о 500 оленях [5]. В 1921 г. С.И. Конрад, пытаясь, видимо, приспособиться к советской власти, передал всех оленей в артель «Сосновые скалы» на мысе Гамов [17, с. 12].

Обрусевший француз Август Менард купил земли на острове Попова, устроил ферму на 50 коров и успешно обеспечивал Владивосток молочными продуктами и даже вывел собственную породу — менардскую [10]. В 1912 г., по данным Ю.М. Янковского, у А. Менарда было 120 оленей. Сын его, Г.А. Менард, написавший в 1930 г. книгу «Пантовое хозяйство»,

рассматривая появление пантового оленеводства в Приморье по политическим соображениям, видимо, фамилию своего отца уже не называет.

Другой предприниматель, купец и востоковед М.Г. Шевелев, имел на берегу бухты Суходол (или Кангауз) оленник. По данным В.Ю. Янковского, у Михаила Григорьевича под оленником было занято «примерно 200 десятин земли на две сотни пятнистых оленей». По крайней мере, в 1912 г. у него было уже 40 оленей [33, с. 12]. Около 90 оленей имело хозяйство Дмитриенко на мысе Гамова, 40 оленей имел Пауэрс и т.д.

Основной доход от разведения оленей на острове Аскольд получало созданное в 1887 г. Владивостокское общество любителей охоты. Общество вело активную борьбу с браконьерами и распространило свою деятельность на острова Русский, Попова, Рикорда и Римского-Корсакова. С о. Аскольд в 1905 г., например, на о. Русский завезли 227 оленей, о. Римского-Корсакова принял 30 оленей, о. Рикорд — 65 оленей. Только на о. Аскольд в 1918 г. общество имело под охраной 2500 оленей [14, с. 8]. В 1912 г., по данным Ю.М. Янковского, оленеводческое хозяйство общества имело 80 домашних оленей, а в 1914 г., по данным А.А. Кравченко, 95 оленей: 42 самца, 31 самку и 22 олененка. В годы становления советской власти почти все олени были уничтожены браконьерами. На о. Аскольд к 1922 г., например, осталось 60–70 диких оленей. На о. Рикорд в 1919 г. в ноябре-декабре перебили, ранили и разогнали по льду более 300 оленей солдаты генерала Розанова и т.д. [5, с. 226]. Опыт этого общества и сегодня мог бы успешно использоваться охотничьими хозяйствами и мараловодческими фермами в предоставлении платных услуг охоты на оленей.

Пантачи в оленнике Ю.М. Янковского. Фото 1916 г.

Юрий Михайлович Янковский — в своем оленнике
на полуострове Сидеми. Фото 1917 г.

В июле 1917 г. на полуострове Гамова была создана первая в России оленеводческая артель «Сосновые скалы». Пайщиками ее были Ян Михайлович Янковский, Григорий Августович Менард, Владимир Михайлович Шевелев, Карл Федорович Филлипек. В 1921 г. в артель вошел С.И. Конрад. «Держатели акций» арендовали около 2000 десятин земли, перегородив полуостров сеткой длиной в две версты от бухты Астафьева до бухты Витязь. Построили дома и сторожки, провели телефонную связь и телеграф, приобрели моторный катер, лошадей, рабочих быков и сами трудились на совесть. Ян Янковский оленей в качестве пая привез из Сидеми, В.М. Шевелев перевез оленей из имения своего отца в Кангаузе. С.И. Конрад в 1921 г. свой пай также вносил оленями в количестве 378 голов [17, с. 12].

Сколько оленей держала эта артель в пик своего развития, точно неизвестно, но П.В. Митюшов, ссылаясь на Г.А. Конрада, отмечает: «Когда в «Сосновых скалах» на 1800 га земли оказалось 1000 голов оленей и стали замечаться признаки их вырождения, к парку было пригорожено еще 3000 га» [18, с. 10]. На рождество 1919 г. скоропостижно скончался Я.М. Янковский, его жена с детьми в 1922 г. переехала в Корею и их доля в артели, видимо, перешла в собственность государства. В 1922 г. артель насчитывала 580 оленей. В 1924–1928 гг. ее активность стала постепенно сворачиваться (табл. 1.32).

Таблица 1.32

Продажа пантов артелию «Сосновые скалы» в 1919–1928 гг. [16, с. 70]

Год	Количество проданных пар пантов	Средняя цена продаж
1919	3	650
1920	9	400
1921	19	420
1922	14	400
1923	16	375
1924	26	410
1925	40	521
1926, 1927, 1928	128	512

В марте 1929 г. артель «Сосновые скалы» была реквизирована советской властью и передана в ведение Госторга.

В государственном архиве Приморского края в 2013 г. нам удалось найти материалы Всероссийской сельскохозяйственной поземельной переписи 1917 г. крестьянских хозяйств по Приморскому областному земству, которое включало в себя Николаевско-Уссурийский, Иманский, Ольгинский и Хабаровские уезды. По этим данным, 52602 крестьянских хозяйств держали более 456 тыс. голов животных, в том числе: лошадей — 64683; крупного рогатого скота — 178505; овец — 12770; коз — 2507; свиней — 174684; оленей — 895.

По отдельным уездам и волостям поголовье оленей у крестьян представлено в таблице 1.33.

Таблица 1.33

Распределение оленей в Приморье по волостям и уездам

Уезд или волость	Кол-во оленей	Уезд или волость	Кол-во оленей
Адиминская волость	3	Маргаритовская волость	35
Раздольнинская волость	94	Петровская волость	15
Янчихинская волость	3	Сучанская волость	112
Никольск-Уссурийский уезд	101	Фроловская волость	18
Успенская волость	2	Цемухинская волость	44
Киевская волость	45	Ольгинский уезд	412
Ключевская волость	43		

По данным Г.А. Менарда, который ссылается на сведения Приморского окрземууправления по поголовью домашних оленей на начало 1928 г., оно выглядело уже иначе [16, с. 9] (табл. 1.34–1.35).

Таблица 1.34

Сведения о количестве оленей в домашних оленниках, 1927 г.

Домашние оленники	Самцов	Самок	Всего
Ольгинский район	85	111	196
Сучанский район	111	208	319
Шкотовский район	н/д	н/д	301
Посъетский район	н/д	н/д	291
Суйфунский район	н/д	н/д	550
Всего			1657

Таблица 1.35

Сведения о количестве оленей в парках, 1927 г.

Парки с домашними оленями	Самцы	Самки	Всего
Совхозы «Сидима» и «Рикорд»	н/д	н/д	2067
Остров Путятин	н/д	н/д	100
Остров Аскольд	н/д	н/д	100
Артель «Сосновые скалы»	н/д	н/д	1500
Остров «Римский-Корсаков»	н/д	н/д	30
Остров Попова	н/д	н/д	40
Всего			3837

Всего, по Г.А Менарду, поголовье в 1927 г. составляло 5494 оленя. Некоторые данные в таблицах 1.34-1.35 вызывают вопросы. Как, например, артель «Сосновые скалы», имевшая в 1922 г. 580 оленей, в 1928 г.

Пятнистый олень был основным в оленеводстве на Дальнем Востоке

уже насчитывала 1500 голов? В целом же оленеводческие хозяйства Приморья, конечно, в 1917 г. имели гораздо больше оленей, чем в 1928 г., т.е. значительно больше 6000 животных.

К.Г. Абрамов в своей работе «Пятнистый олень» (1930 г.) приводит данные обследования «крестьянского пантового оленеводства» Владивостокским товариществом охотников в 1928 г. Было выяснено, что «во Владивостокском округе имелось 107 хозяйств (не считая островных Гамова и Сидеми) и одно хозяйство в Хабаровском округе» [1, с. 21] (табл. 1.36).

Таблица 1.36

Темпы создания оленеводческих хозяйств
крестьянами Приморья в 1901–1917 гг.

Год	Число хозяйств	Год	Число хозяйств
1901	1	1910	1
1902	–	1911	1
1903	–	1912	11
1904	1	1913	3
1905	–	1914	1
1906	1	1915	2
1907	1	1916	1
1908	1	1917	3
1909	–		

С 1917 по 1928 г. в Приморье было создано 76 крестьянских хозяйств из 107, но это был десятилетний всплеск крестьянской инициативы, которая к 1930 г. захлебнулась в море преобразований новой власти Советов.

Таким образом, вероятнее всего, в период расцвета в 1917 г. оленеводческая отрасль в Приморье имела около 8000 оленей в неволе. Большая часть оленей была в собственности предпринимателей, но и крестьяне в совокупности владели примерно 2000 домашних оленей.

Библиографический список к параграфу 1.3

1. Абрамов К.Г. Пятнистый олень. — Владивосток, 1930.
2. Арсеньев В.К., Титов Е.И. Быт и характер народностей Дальневосточного края. — Хабаровск ; Владивосток, 1923.
3. Гагейместер Л.А. Статистическое обозрение Сибири. — СПб., 1854. — Ч. 1.

4. Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. — М., 1905.
5. Грузит А.Г. Оленеводство в Приморской губернии. Приморье его природа и хозяйство. — Владивосток, 1923.
6. Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. — СПб., 1914. — Т. 1.
7. Даржа В. Традиционные мужские занятия тувинцев. — Кызыл, 2009. — Т. 1.
8. Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX в. — М., 1956.
9. Журнал коннозаводства и охоты. — 1854. — №10.
10. Касьянов Н.В. Приморские имения в окрестностях Владивостока на рубеже XIX–XX веков // Русская усадьба. — 2005. — №11.
11. Кириллов Н.В. Изюбри в Забайкалье // Охотничья газета. — 1894. — №11.
12. Кобко В.В. Янковские и старообрядцы // Региональная научно-практическая конференция. — Владивосток, 2007.
13. Корнилов П.П. Олени Восточной Сибири // Вестник естественных наук. — 1856. — №16.
14. Кравченко А.А. Отбор в пантовом оленеводстве. — Уссурийск, 1986.
15. Кузнецов А.К. Изюбриный промысел и разведение изюбрей в Забайкальской области // Записки Читинского отделения ИРГО. — Чита, 1898.
16. Менард Г.А. Пантовое хозяйство. — М. ; Л., 1930.
17. Миролюбов И.И., Рященко Л.П. Из истории возникновения и развития пантового оленеводства в Приморском крае // Сборник научных трудов Приморского сельскохозяйственного института. — Вып. 20, ч. 1. — Уссурийск, 1972.
18. Митюшов П.В. и соавт. Пантовое оленеводство и болезни пантовых оленей. — М., 1950.
19. Михайлов Г.П. Староверы как колонизаторы Уссурийского края // Сибирские вопросы. — 1905. — №1.
20. Попов В. Через Саяны и Монголию. Ч. 1 : Очерк путешествий. — Омск, 1905.
21. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). — Ф. 398. — Оп. 75. — Д. 987. — Л. 1–6.
22. РГИА. — ДВ ОР. 702. — Оп. 5. — Д. 272. — Л. 96.
23. РГИА. — ДВ ОР. 702. — Оп. 5. — Д. 422. — Л. 4, 29.
24. Родевич В.М. Урянхайский край и его обитатели, — СПб., 1912.
25. Рященко Л.П. Пантовое оленеводство в Приморском крае. — Владивосток, 1976.

26. Сибирский торгово-промышленный ежегодник. — СПб., 1914–1915.
27. Сибирский торгово-промышленный ежегодник. — СПб., 1913.
28. Силантьев А.А. Марал и его будущая роль в хозяйстве сибирских крестьян // Сельское хозяйство и лесоводство. — 1897. — №3.
29. Смирнов М.Н. Благородный олень в Южной Сибири : монография. — Красноярск, 2007.
30. Соловьев Д.К. Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нем. — Петроград, 1920.
31. Черкасов А.А. Записки охотника Восточной Сибири. — М., 1990.
32. Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток. — СПб., 1897.
33. Янковский Ю.М. Оленеводство в Южно-Уссурийском крае. Отчет о съезде сельских хозяев Приморской области 11–14 ноября 1912 года в г. Никольск-Уссурийском. — Хабаровск, 1913.
34. Ярилов А.А. Кызыльцы и их хозяйство. — Юрьев, 1899.

1.4. РЫНОК ПАНТОВОЙ ПРОДУКЦИИ

Разговор о появлении рынка пантовой продукции мы уже начали в материале об охоте на пантовых оленей, когда коснулись продажи мяса пантовых оленей, шкур, лутая и, наконец, пантов. Отметим, что родиной рынка пантов является Китай. Прежде чем сосредоточиться на анализе развития рынка пантов как основного товара, закончим информацию о других видах пантовой продукции хотя и менее заметных, но все еще существующих на рынке даже в наши дни.

Лу-Тай. Так называется выпорток плода стельной матки оленя, используемый для изготовления лекарств в Китае и Корее. Выпорток

плода сначала варили в горячей воде, затем из мяса выбирали кости, сушили их и перетирали в порошок, из которого делали пилюли [2, с. 141–142]. Для мужчин предназначались выпоротки пятнистого оленя, а для женщин — изюбря. В начале XX в. выпоротки стоили 7–8 руб. и 3–4 руб. за штуку соответственно. Добывались они в основном на Дальнем Востоке, Маньчжурии и Корее, ближе к специалистам по их консервации.

Лу-дзинь. Это жилы с задних ног пантовых оленей. Использовались вместо ниток в самой России и как пищевой продукт в Китае. Перед употреблением жилы долго размачивали. До 1902 г. из Уссурийского края, например, ежегодно вывозилось до 1200 пудов жил почти на 17 тыс. рубл. В 1910 г. вывоз сократился до 100 пудов в год, но цена возросла до 80 копеек за фунт (454 г. — *Н.Ф.*) жил.

Лу-бянь. Так назывались олени пенисы, которые в виде пилюль из порошка использовались как средство против полового бессилия. В конце XIX в. в Уссурийском крае продавалось ежегодно 15 тыс. этих оленьих половых органов по цене 3–4 руб. за фунт (олени) и 1,2 руб. за фунт (изюбриные).

Лу-и-ба. Так китайцы называли олений хвост, который они ценили за его гастрономические свойства. В начале XX в. хвост пятнистого оленя стоил 10–11 руб., а изюбря — 4–5 руб. [2, с. 142].

Гань-цзао-цзы. Это сухие рога пантовых оленей, которые китайцы и корейцы покупают до сих пор для употребления в китайской медицине. Объемы их вывоза были большие. Так, в 1895–1899 гг., по данным В.К. Арсентьева, только с Уссурийского края их вывозилось за границу более 500 пудов. В 1910 г. фунт сухих рогов пятнистого оленя стоил 3–4 руб., а изюбря — 60–70 коп. [2, с. 143].

Таким образом, мясо оленей, шкуры и живые олени в конце XIX в. являлись товаром внутреннего рынка, а панты, сухие рога и органы — выраженным экспортным товаром.

Теперь более подробно рассмотрим рынок пантов и коснемся рынка живых оленей. Панты могли продаваться охотниками как в сыром виде, так в консервированном. Китайцы в целом неохотно раскрывали технологию консервации (сушка. — *Н.Ф.*) пантов и предпочитали покупать их сырыми, но получалось это нечасто. Н.А. Байков отмечал, что русские зверопромышленники, как и гольды, «не умея обрабатывать панты, продают их в свежем виде китайцам за полцены или портят при неумелой выделке» [3, с. 72].

Развитие рынка пантов было невозможно без передачи технологии консервации пантов охотникам и мараловодам, и это происходило достаточно активно. Н.А. Байков описывал, что панты, снятые вместе с лобной

частью (лобовые панты. — *Н.Ф.*), обрабатывались следующим образом: «Спиленные панты сейчас же слегка подсушивают на легком огне, затем вешают в сушилках, сараях, выстроенных на скорую руку из накатника. Здесь они подвергаются действию сквозного ветра и высушаются окончательно, не подвергаясь гниению, через три недели. От насекомых избавляются благовонными травами и дымокурами. Кроме того, в холодное сырое лето, когда высушивание идет медленно, рога смазываются особым составом, составляющим секрет промышленников. Высыхающие панты издают сильный запах, для непривычного нестерпимый, он слышен бывает за полверсты. Вполне высушенные, готовые для продажи панты не должны иметь противного запаха; они должны быть упруги, не хрупки и тверды на ощупь. Цвет рогового вещества бывает черный и темно-малиновый» [3, с. 71].

Значительно раньше, в 1856 г., П.П. Корнилов отметил, что «отпиленные концы (панты.— *Н.Ф.*) промышленники защемляют в деревянные вязки, или жомы, и потом просушивают, повесив недели на две ветвями вниз, в сухом месте и на сквозном ветру. У русских панты просушиваются под навесом, а ясачные инородцы сберегают их в своих юртах, где панты коптят в дыму. Забайкальские буряты и крестьяне, опасаясь, чтобы панты не прокисли и не попортились, спешат отвезти их в Маймачен (рядом с Кяхтой. — *Н.Ф.*) или продают с большой уступкой странствующим купцам. Рога вместе с лобовой костью китайцы покупают преимущественно перед прочими» [23].

А.А. Черкасов в 1867 г. рассказал в своей книге «Записки охотника Восточной Сибири», что свежие панты варят в соляном рассоле: кладут панты в горячий рассол и дают ему два или три раза хорошенько вскипеть и только потом вынимают и сушат [45].

Л.П. Потапов, тщательно исследуя охотничье хозяйство Горной Шории, в начале XX в. также писал: «Убив марала-рогача, немедленно отрубали ему голову и снимали рога, подвешивая вниз концами, и замазывали серой пихты, листовенницы, чтобы не вытекала ценная жидкость. Потом снимали шкуру, разрубали мясо. После этого рога варили в подсоленном чае. Варка рогов требовала большого опыта. Их все время нужно было обмакивать в кипящий состав различными частями, держа в нем не больше 2–3 минут, проделывая это в течение получаса. Сваренные рога сушили, повесив под дерево. Сохли они один или два дня. Вес сушеных рогов колебался, в зависимости от размера, от 2 до 12 килограмм» [35]. На Алтае такие панты «варили» вначале в соленой воде, иногда с добавлением чая, а чаще — листьев бадана. Процесс консервации пантов описан многими другими авторами (А.Г. Грузит, К.Г. Абрамов, Яковлев и др.), но по сути до настоящего времени он остался китайским в различных вариациях.

Цены на панты упоминаются в той или иной степени подробности у достаточно многих исследователей XIX–XX вв. Очень интересные данные по отдельным сторонам существовавшей уже с середины XIX в. системы продажи пантов оставили Г.Н. Потанин (1876), М.В. Певцов (1883), И. Волосатов (1885) А.А. Силантьев (1897), А. Кузнецов (1898), В.К. Арсеньев (1910), Ф.Г. Добржанский (1928), Г.А. Менард (1930). Этим известным людям надо признать первыми исследователями мирового рынка пантовой продукции.

Обобщить данные этих исследователей за 100 лет по времени и от Восточного Казахстана до Дальнего Востока по огромной территории Азии оказалось достаточно непростой задачей. Во-первых, пришлось проанализировать десятки первоисточников, и в том числе архивных материалов, и составить литературный обзор цитат, отражающих существовавшие цены на панты и живых оленей с 1826 по 1917 г. (см. приложения 1 и 2). Во-вторых, надо было разобраться с причинами имевших место случаев резкого падения цен на панты в контексте общеполитических событий того времени. В-третьих, следовало выявить все пути движения пантов как товара от охотника до конечного потребителя и разобраться в правилах продажи пантов в центрах торговли.

Сопоставляя свои данные по ценам на панты с 1826 по 1917 г. с данными указанных авторов, полностью соглашусь с выводами А.А. Силантьева, сделанными в 1896 г.: «Сравнивая между собой эти данные, мы будем поражены царящим в этой области разногласием; иначе, однако, и не может быть, раз сумма, платимая за пару рогов, является результатом взаимодействия целой массы привходящих условий, как то: размером рогов, степени их спелости, добротности консервировки, обилия животных в данной местности, расстояния от границы и даже, как мы увидим ниже, в значительной степени от самого способа продажи. Так как цены приводятся из разных мест Сибири, разными лицами и в разные годы, причем, в большинстве случаев, даются лишь предельные суммы, платимые за пару рогов, без указания размеров последних и того, касается ли это продажи рогов сухих или свежих, то очевидно, что степень сравнимости подобных данных весьма ничтожна» [41].

Существовало около 20 факторов, так или иначе влияющих на стоимость пантов. Часть из них описал в 1930 г. Г.А. Менард. Он выделил следующие факторы:

1. Время появления пантов на рынке. Первые, или ранние, панты при прочих равных условиях расценивались выше из-за дефицита рынка, пока он не насыщен массовым предложением.

2. Стадия роста пантов. Наиболее ценились панты, когда набухало место второго раздвоя пантов («когда панты на вторых шишках»). Но в разных районах Китая это правило действовало не всегда.

3. Толщина и сочность пантов была устойчивым фактором их стоимости. Обычно самые сочные панты покрыты «коротким волосом, как бархатом».

4. Высокая постанка надглазного отростка у пантов пятнистого оленя повышала их стоимость.

5. Симметрия пантов также повышала их стоимость.

6. Расстояние между коронками (видимо, у лобовых пантов) было обратным условием их стоимости (чем меньше, тем дороже).

7. Качество волоса, которым покрыт пант, также влияло на его стоимость.

8. Неправильность форм, наросты и повреждения существенно снижали стоимость пантов.

На стоимость пантов также влияли размеры отростков, цвет пантов, развал пантов, возраст оленей, свежесть пантов [24, с. 64–69].

По видам оленя самыми дорогими являлись панты пятнистого оленя. Цена их превосходила панты марала (изюбря) в 2–4 раза. Ю.М. Янковский сообщал в 1912 г., что «ценность пантов (пятнистого оленя. — *Н.Ф.*) на рынке возросла за последние 10 лет на 100 процентов». Если в 1900 г. 320–350 руб. стоили лишь редкие, выдающиеся экземпляры, то в 1909 г. «хорошие панты ценились в среднем от 500 до 700 руб.» [48, с. 296].

В 1910 г., по данным Юрия Михайловича, староверы продали китайцам одну пару за 1050 руб. и еще одну — за 1200 руб., но это были единичные случаи [48, с. 295].

«Выше приведенная ценность пантов настолько громадная, что выгода оленеводства была бы даже тогда, — утверждал Ю.М. Янковский, — если почему либо, цены упали до одной трети их стоимости настоящего времени. При настоящем положении дела доходность от оленеводства стоит много выше всех остальных отраслей животноводства в крае» [48, с. 296]. Следует подчеркнуть, что панты пятнистого оленя составляли небольшую долю общего рынка пантов. В 1908 г., например, среди всех проданных пантов только 300 были от пятнистых оленей [48, с. 296].

Основную массу пантов на рынок давали маралы и изюбри. Цена на «маральи рога» (так раньше называли панты маралов. — *Н.Ф.*) также зависела от очень многих факторов, в том числе и уже указанных. Добавим еще несколько.

1. Лобовые панты (да еще снятые с живого оленя) стоили в 2–3 раза дороже срезных. И. Волосатов в 1886 г. писал, что «рога (с цельным лбом) ценятся вдвое дороже и если их в партии в 30 пар есть хотя бы 2–3 пары, то они имеют большое влияние на цену всей партии. Подобные рога китайцы называют «ти-шоу» (головка); их иногда продают отдельно от партии

по несколько пар, тогда они достигают сумасшедшей цены» [6, с. 140]. Правда, в дальнейшем с преобладанием срезных пантов из маральников эта разница в цене постепенно сокращалась.

2. При прочих равных условиях цены на панты маралов и изюбрей зависели от регионов обитания оленей. По словам И. Волосатова, «дороже других ценятся рога, привозимые из Хобдо (Кобдо. — *Н.Ф.*) и Улясутая, как лобовые, так и пиленые, последние из Бийского и Минусинского краев; ниже их ценятся чикойские или кяхтинские, а хуже всех ценятся рога, привозимые с запада: из Верного, или из Тарабагатая». Разница каждый раз составляла 7–10% [6, с. 139].

А.А. Силантьев подчеркивал, что «панты — товар весьма капризный, стоимость которого обуславливается множеством причин, как то: размерами их в связи со своевременностью снятия с животного, способом консервирования, большей или меньшей удаленностью от границы и многими другими» [41].

Выгоднее всего зверопромышленнику было продать китайцам «свежие», т.е. сырые панты, так как китайцы гораздо выше ценили собственную консервацию, а пантоварам своим платили процент от продажных пантов, стимулируя их к качественной консервации. Однако такую продажу могли осуществить в основном отдельные зверопромышленники Забайкалья рядом с Кяхтой и на Дальнем Востоке в связи с близостью китайцев. Остальные зверопромышленники и мараловоды, конечно, были вынуждены учиться консервировать панты. Делали это они с разным уровнем качества и получали разные цены. И сейчас цена российских пантов достаточно сильно зависит от качества их консервации и в целом остается проблемой российского мараловодства, хотя технология консервации существует почти 200 лет.

Все мараловоды по-своему решали вопросы качественной консервации пантов. М.И. Янковский на Дальнем Востоке, например, осуществлял консервацию пантов в своем оленнике силами китайских пантоваров по договору с китайской фирмой, которая их и закупала. Можно предположить, что в центрах мараловодства на Алтае (Бухтарма, Уймонская долина), в Забайкалье (р. Чикой, р. Ингода) могли быть пантовары, которые специализировались только на консервации пантов, но прямых доказательств этого пока не найдено.

Очень сильно для зверопромышленника и мараловода цена на панты зависела от чисто экономических условий. Так, должник всегда отдавал панты кредитору по более низкой цене, чем экономически независимый мараловод. Цена еще уменьшалась при расчете не деньгами, а товаром, причем иногда почти вдвое за счет завышения цены на ситец, чай и др. Чтобы читателю легче было воспринимать стоимость пантов того же марала (не говоря уже о пятнистом олене), составим небольшую таблицу (табл. 1.37).

Таблица 1.37

Сравнительная стоимость пантов марала (изюбря)

Источник	Одна пара пантов	Меновая стоимость
Данилкин	Одна пара 40–300 руб.	Дойная корова — 4–22 руб., рабочий конь — 2–35 руб.
Смирнов	Одна пара пантов	Равна стоимости 3–5 быков или 50–90 овец
Павлов	Одна пара сырых пантов	Равна стоимости 20–50 годовалых бычков (каждый — 5 руб.)
Самойлов	Одна пара 150–200 руб.	Стоимость коровы — 5 руб., стоимость рабочего коня — 7 руб.

На Дальнем Востоке скот стоил значительно дороже, но и панты пятиного оленя стоили в несколько раз больше. Панты были одним из самых ликвидных товаров и позволяли торговцам зарабатывать большие деньги. А.П. Потапов со ссылкой на Радлова приводит пример обычной купеческой «комбинации», когда за одну пару пантов (75 руб.) торговцы получали 50 кирпичей чая (150 руб.). Чай торговец променивал алтайцам за 80 телят и оставлял их на докорм, а через три года забирал уже 80 взрослых быков стоимостью 800 руб.

С появлением домашнего пантового оленя выгодным товаром стал и сам живой олень. Стоимость оленей по данным нескольких авторов представлена в таблице 1.38.

Таблица 1.38

Обзор стоимости живых пантовых оленей

Источник	Год	Содержание
А.А. Силантьев	конец 1870-х	Марал стоил 30–50 руб., маралуха 25–20 руб.
Г.Н. Потанин	1876	Марал 30–50 руб., маралуха 15–20 руб.
А.А. Черкасов	1885	Марал 75–200 руб., маралуха 15–40 руб. Марал стоил в 6–7 раз больше лошади
А.А. Силантьев	1889	Марал стоил от 80 до 100 руб.
А.А. Силантьев	1891	Марал 100–125 руб., маралуха 50 руб.
Ледебур	1892	Марал 100 руб., маралуха 60 руб., теленки 50 руб.
П. Головачев	1905	Марал 26–130 руб., изюбрь 50 руб.
Яковлев	1906	Марал 150–200 руб., маралуха 50–70 руб., теленки до 30 руб.
В.П. Штейнфельд	1911	Марал 75–100 руб., маралуха 35–40 руб.
Сибирская Советская энциклопедия	до 1917 г.	Марал до 130 руб, маралуха 75–100 руб., теленки 25–50 руб.

Крестьянин с маралом на Чуйском тракте.

Рисунок-реконструкция старого фото.

Художник З.М. Ибрагимов. Из фондов Музея алтайского марала (г. Бийск)

Из таблицы 1.38 видно, что стоимость маралов на рынке постепенно росла, причем стоимость самок росла несколько быстрее.

Анализируя цены на живых оленей, следует рассказать и о существовавших способах ловли живыми этих зверей. Пантовых оленей ловили живыми для следующих целей:

1. Докармливание оленей до созревания пантов и получения лобовых или срезных пантов. В основном такой лов оленей с помощью лудев был распространен на Дальнем Востоке среди китайских звероловов, которые селились в максимальной близости от мест обитания тех же пятнистых оленей. Вот как описывает это в своей работе «Люди и нравы Дальнего

Востока» в 1901 г. Г.Т. Муров: «Прежде чем рыть яму, зверолов выслеживает путь зверя на водопой, на солонцы и т.д. Если место выбрано удачно, то и лов будет хороший. Из всех зверей зверолову будет особенно приятно, если в яму его попадает изюбрь или олень. В таких случаях он бежит в свою молельню и, поблагодарив своего идола за посланную добычу, созывает своих домашних (работника, если он есть у него, или временных жильцов), вместе с ними бережно (чтобы не сломать ему рога, в которых вся суть для зверолова-китайца) вытаскивают зверя из ямы и ведут его к себе. Около фанзы тотчас устраивают дворик, куда и помещают добычу. С этого времени главная забота зверолова и его домашних обращена на живого зверя. Для последнего ежедневно собирается трава, которую любит есть изюбрь или олень. Для питья дается ему чистая вода. Подстилка в его дворик ежедневно меняется. Как только старые рога отпадут и покажутся новые, зверя убивают, мясо и молодые рога (панты) везут в город к купцу-благодетелю, в уплату долга. Если зверя в последнее время содержали хорошо, то и его молодые рога будут лучше и стоить будут дорого, несколько сот рублей. Такие звероловы встречаются во всех лесах Уссурийского края» [26].

Практика ловли и дорасщивания оленей пришла из Маньчжурии и Кореи. Мы уже подробно рассказали об охотниках-кавандо, которые, научившись ловить живых оленей, не приручали и не разводили их. Стельных маток кормили, пока не разовьется весенний плод (по-китайски «лутай». — *Н.Ф.*) — одно из самых дорогих средств восточной медицины. Когда плод созревал, матку убивали, а эмбрион варили до состояния густой мастики. Мясо оленихи съедали, из шкуры получали замшу. Самца растили до первых пантов и тоже убивали. Об этом подробно рассказывает В.Ю. Янковский [50]. В работе «Описание Кореи» также сообщается следующее: «Пойманных оленей охотники держат в изгороди близ своих хижин. Во время роста пантов (молодых рогов оленя, вырастающих летом) корейцы убивают часть самцов, чтобы срезать панты с черепом. А у остальных панты спилюают» [27]. В. Даржа рассказывает, что и в Туве «маралов ловили и содержали в неволе полгода, максимум до первых холодов. В середине июня у них срезали панты, затем поздней осенью маралов забивали на зимнее мясо — чиш, как обычный домашний скот» [15]. На Алтае такие примеры в исторической литературе обнаружить не удалось.

2. Содержание оленей в неволе для получения пантов и другой продукции. До конца XIX в. отлов пантовых оленей живыми был практически основным способом пополнения оленников и развития новой отрасли. В этом случае оленей выбраковывали по старости или при наличии очевидных дефектов (плохие панты, болезнь, перелом и т.п.). Алтайские мараловоды, например, закупали живых оленей даже в Монголии. В.В. Сапожников сообщал в 1895 г., что «в Монголии не устраивали «садов» для приручения марала, и молодых пойманных животных транспортируют в Русский Алтай» [38].

В конце XIX в., по данным А.А. Силантьева, на русском Алтае было четыре маральника только для перепродажи живых оленей. Многие охотники специализировались на ловле живых оленей для продажи.

Когда в 1893 г. в Забайкалье запретили отлов изюбрей, то это повлекло сначала резкое сокращение, а затем и исчезновение изюброводства в этом регионе России.

Были отдельные случаи ловли пантовых оленей и для их дальнейшего содержания в зоопарках и (чаще) охотничьих хозяйствах.

Ловля оленей живыми была сопряжена с большими трудностями, осуществлялась коллективно и отличалась в зависимости от территории различными приемами. На Дальнем Востоке и в Забайкалье, например, живых оленей в основном ловили ямами. А.А. Кузнецов считал этот способ достаточно гуманным, так как «случаи повреждения при падении в яму крайне редки». Он писал, что изюбрей из ямы извлекали несколькими способами: «Если есть на лицо много народу и зверя

можно увезти домой, то над ямой ставят козлы в сажень вышиной, связывают изюбрю глаза, пропускают под брюхо веревки с потниками и вытаскивают зверя воротом. Когда он будет уже наверху, связывают ноги накрест (иногда обматывают их потниками) мягкой ременной веревкой, затем еще раз кушаками выше колен и кладут его на дровни или на телегу, подослав сена или травы. Если изюбрь стоял в яме несколько дней, то перед тем, как вынимать, дают ему воды с солью, сена или травы. В тех случаях, когда дорога для вывозки зверя «неспособна», или мало народу, устраивают около самой ямы высокую городьбу, а с той стороны, куда зверь стоит головой, подкапывают землю, вынимают креп, и зверь выходит во двор, где его кормят, пока соберутся отвезти домой» [21, с. 90].

Из этой длинной цитаты очевидно, что ловля оленей ямами была не очень рискованным, но трудоемким занятием.

В горной местности Алтая и Саян больше практиковался способ ловлей оленей в снегу. В 1877 г. Н.М. Ядринцев писал: «Зимой их (оленей. — *Н.Ф.*) загоняют в сугробы снега, берут здесь живыми, связывают и иногда увозят на санях, чтобы пустить в приготовленную изгородь. В гористых местах при сопротивлении пойманного марала, его одевают кожей, заматывают в кошму (войлок) и бережно спускают на веревках со скал, затем также бережно увозят на санях в деревню» [47].

Директор музея г. Турана Т.Е. Верещагина любезно предоставила из архивов рассказ непосредственного участника ловли марала в Туве, который я привожу здесь с очень небольшими сокращениями: «Старшим нашей артели был Тимофей Семенович Спирын, примерно ему было 25–26 лет, житель поселка Усть-Уса, среднего роста, физически крепкий, плотного телосложения, в походах изумительно выносливый, в тайге умелый, имел богатый опыт, характером спокойный, артельный, пользовался доверием, в разговорах и в обращении вежливый, честный, правдивый, доброжелательный, все его уважали. Пожалуй, в Кашпале он был самым сильным и опытным охотником по отлову живых маралов. Каждую зиму не раз, а по несколько раз он выходил на отлов живых зверей. В те годы в наших краях, особенно в Усинском районе, начинались массовые разведения и содержания живых маралов для получения от них ценных рогов-пантов как лекарственного средства в медицине. Строились изгороди (маральники) с большим охватом территории для их содержания. Для отлова этих ценных зверей к Тимофею Семеновичу как к лучшему, опытному охотнику всегда обращались жители Усинского района с просьбой отловить ему живого марала. Вот и на этот раз Тимофей собрал нас сельчан, и мы вышли в тайгу на отлов марала одному крепко зажиточному жителю села Верхне-Усинска — Данковцеву Ивану Дмитриевичу.

Каждый из нас имел камусовую лыжу из конских лап, которые считались лучшими и надежными в тайге, крепления из сыромятной кожи, под ступни ног монтировалась берестовая кора, она хорошо защищает от налета снега и настыва льда под ступнями ног. Имели десятисуточный запас продуктов, чашки, ложки, топор, котелки, два аркана; у каждого — охотничий нож; одеты в полушубки, шапку-ушанку, ватные брюки, бродни-ичиги, у каждого кочма-войлочек для подстила под себя при ночлегах.

Лучшим временем ловли живых маралов всегда считались февраль-март месяцы, так как в это время в тайге снег становится глубоким и устойчивым, дни становятся теплее и длиннее, у зверей наступает свищевый период, который значительно утомляет и ослабляет силы зверя. Охоту мы начали в первых числах марта месяца по речке Тукеек (Таловка), левый приток Енисея. К исходу первого дня без особых трудностей в среднем течении речки Тукеек нам удалось обнаружить до десятка свежих маральных следов. Следы по своим величинам были разные: большие, средние и малые. Мы облюбовали и избрали след самого крупного зверя, он нами был тщательно изучен: длина, ширина и размах его шагов, объем и форма копыт и другие характерные особенности.

В тот день с утра шел снег с холодным ветром, в горах бушевала снежная пурга. Это были седьмые сутки нашей таежной романтики. Во второй половине дня в редком лесу, в двухстах метрах от нас показался могучий красавец-марал, за которым вот уже добрую неделю мы усердно гонялись. Марал стоял боком, он был выше нас. Громадного роста, с шестнадцатью отростками рог, с черной гривой на шее, на вид бодрый и гордый, он внимательно смотрел на своих преследователей, потом медленно, не торопясь, подался в гору... Наконец-то мы плотно окружили и прижали зверя к скале. Марал стоял гордо, строго смотрел на нас, фыркал ноздрями, копытил передней ногой... Тимофей и Гриша приготовили ременные арканы на рога и тихо подходили к нему. Точным броском Тимофей накинул аркан на рога, аркан затянулся петлей, и зверь, почуввав веревку, с силой рванулся. Тут же последовал второй бросок, который сделал Гриша, и двумя арканами мы притянули могучего зверя к стволу большого дерева.

...Было решено выводить зверя по речке Кара-Хем, так как она ближе других речек, устьем впадает в Енисей, по самой речке меньше завалов, а с половины ее начинается тропа до устья. На голову зверя одели недоуздок, который смонтировал Гриша, он был мастер по этому делу, в подбородок концом привязали пятиметровый шест, который служил как средство сдерживания — торможения при налете его на человека. Как полагалось, что зверь заводным не пойдет. Он всячески сопротивлялся, кидался во все стороны, упирался, вперед не шел, прыгал, заскакивал за деревья, кусты, залезал в заросли, цеплялся,

путался, бросался под откос и на человека. Все это доставляло нам большие трудности и хлопоты: вперед почти не двигались, топтались на месте. При всем этом главная забота была — не допустить травмы и ушиба зверя. Долго непокорный зверь изматывал наши силы.

— Гнаться и ловить марала, куда легче, чем его выводить из тайги, — к такому выводу пришел Иван Сергеевич.

— Да, это так, но я все же верю, что наш марал постепенно смирится, обглядится на нас, поймет наши муки, несомненно, поймет, — сказал Тимофей в ответ Ивану.

Долго он нас еще мучил, долго мы с ним еще возились и вот наконец-то он усмирился, успокоился; казалось, что он действительно понял, что его сопротивление бесполезно, и он помалу начал идти заводным, где поуросит, посопротивляется и снова начинает идти, а в дальнейшем, на удивление, пошел хорошо, и наше продвижение стало успешным, мы к концу вторых суток вышли на устье р. Кара-Хем, то есть на Енисей...

Пойманный нами марал чувствовал себя прекрасно, хорошо ел корм, быстро привыкал к рукам. Хозяин, которому ловили этого быка, Данковцев, видя хорошее и доброе состояние зверя, не стал ждать срока карантина, забрал его к себе и на санях увез в с. Верхне-Усинск. За пойманного зверя от Данковцева мы получили восемнадцать пудов пшеничного хлеба — такой заработок в те годы был довольно неплохим. Для меня эта охота была «крещением», где практически испытал эту таежную романтику, многое узнал, хорошее и плохое, а главное — выдержал это испытание».

А.К. Соловьев отмечал, что при таком способе лова много зверя пропадало зря — или «задохнется» от трудного бега по глубокому снегу, а бывает, что и умирает от испуга, когда подходит человек. Пойманному зверю надевали недоуздок с прикрепленной недлинной палкой, свободный конец которой привязывали к «вертлюгу» — зарубке вокруг ствола дерева, по которой свободно вращается веревочная петля. Доставляли маралов в маральники посредством той же палки, подвязанной к недоуздку, за которую его тянули, не давая в то же время бросаться вперед; сзади другой охотник подгонял зверя. Иногда особенно обессилевших маралов связывали и тащили волоком, положив на лыжи.

Он приводил пример, когда в январе 1915 г. три промышленника из Н. Усинска быстро поймали 15 маралов, но живыми доставить удалось только 8, остальные погибли [43].

При ловле оленей в снегу часто использовали собак. Особенно ужасной была ловля оленей по весеннему насту, когда израненных настом оленей просто изводили под корень, и только единичные звери остава-

лись живыми. «...На каждого пойманного и живым доставленного на место зверя, смело можно положить 20 убитых» [19].

В Семипалатинской области в конце XIX в., по информации врача Яковлева, крестьяне артелью в ноябре-декабре гоняли маралов сутки и более, верхом на лошадях, пока олень не утомится, и тогда его легко ловили арканами и отдохнувшего с завязанными глазами на санях перевозили на место содержания [48].

В Приморье у русских переселенцев практиковался способ ловли оленей в море. Обычно охотники разделялись для этого на две партии. К.Г. Абрамов рассказывал, что одна партия направлялась к морю, спускала лодки и поджидала появление оленей с арканами и путами, а другая партия с собаками отправлялась в сопки. Олени, преследуемые собаками, спасались в море, где их догоняли охотники на лодках и заарканивали. Оленям при транспортировке завязывали глаза и укрывали от простуды одеялами [1].

В конце XIX — начале XX в. образованные мараловоды, как, например, М.И. Янковский, активно практиковали ловлю недавно рожденных оленят как самый безопасный способ.

С 1898 г. на Алтае отлов маралят оставался единственно разрешенным государством способом расширения маральников. Пойманных оленей перевозили не только в специальных санях, телегах, но даже на плотах (стоя), а иногда и ввели в поводу. Плечо доставки иногда достигало 100–150 верст.

Подробное рассмотрение способов и сложности отлова живых оленей позволяет лучше понять высокую и постоянно растущую стоимость этих зверей на внутреннем рынке.

Понятие «рынок пантовой продукции» — это вся совокупность экономических отношений, базирующихся на регулярных обменных операциях между производителями товаров и их потребителями. Более того, так как практически единственным покупателем пантов в XIX — начале XX в. был Китай, то речь идет о международном рынке хозяйственных отношений, в котором активную роль играли не только мараловоды, купцы с обеих сторон, потребители пантов, но и сами государства — Россия и Китай, отношения между которыми развивались очень непросто.

Торговые отношения русских с китайцами возникли в 1654 г. В 1689 г. Нерчинским трактатом торговля была определена в двух пунктах: Царяхтуре и Кяхте. До 1728 г. с русской стороны это была казенная торговля, в основном пушниной, но она себя не оправдала. С 1728 г. было разрешено российским купцам торговать в Пекине, но караваны отправлялись всего раз в три года. Только в 1762 г. указом Екатерины II «допущена вновь свободная торговля с Китаем для частных предпринимателей» [18]. С 1762 по 1858 г. весь оборот русско-китайской официальной торговли был сосредоточен в слободе Кяхта, хотя неофициальная меновая торговля уже всюду велась практически по линии всей границы России и Китая.

Мы уже знаем, что важным центром охоты на маралов ради пантов был Бухтарминский край, который с юго-востока граничил с Китайской

империей. В эти дикие места с XVII в. активно начали самовольно селиться беглые работники с алтайских рудников, сторонники старой веры, которые появились «в предгорьях Алтая задолго до известного горнопромышленника Демидова» [14, с. 20]. Георгий Дмитриевич Гребенщиков писал в 1914 г. об этих людях, что «колоссальная сила воли и богатырское терпение преодолевали все, люди шли на промысел, ловили в капканы первого попавшегося зверя, запасали из него пищу, и на самодельных лыжах, с топорами за опояской, прокрадывались к китайским пикетам... не обратно к русским границам, где жестокие розги страшнее голодной смерти, а к чужим иноверным китайцам...» [14, с. 27].

Притворяясь заблудившимися звероловами, русские бродяги выменивали у китайцев на пушнину муку, соль, ножи, оружие, огнива, ткани, нитки. По словам Г.Д. Гребенщикова, китайцы помогали русским обзавестись хозяйством даже после того, как узнали, что последние стали селиться в их владениях оседло. «Так, первым бегунам, заселившимся на реке Белой, Шарыповым (посмотрите фамилию первого мараловода Бухтармы. — *Н.Ф.*), Лысовым и другим было выдано китайцами по одной живой свинье и по одной козлухе на каждую семью — на «племя» [14, с. 26].

В 1792 г. Екатерина II своим указом «узаконила» всех беглых Алтая и приравнивала их к коренным народам, обязав платить ясак. Меновая торговля на пикетах только усиливалась, так как крестьяне наряду с продуктами охоты стали предлагать на обмен муку, зерно, выделанные кожи, изделия из металла, мед и т.п. Деревня Фыкалка в Бухтарме, например, находилась всего в 35 км от Чингистайского пикета со сторожевым китайским пограничным отрядом. Возможно, и потому тоже именно в этом поселении старообрядцев на Алтае первыми стали содержать маралов в неволе.

В 1809 г. Г. Спасский в своем путешествии по южным Алтайским горам описал подробно меновую торговлю с китайскими пограничниками, обратив внимание, что последние получали жалование товарами (шелк, посуда, чай, ножи, огнива и т.д.) и выгодно меняли их на «русские» товары [44].

В 1824 г. К.Ф. Ледебур, путешествуя по Алтайским горам и предгорьям, впервые записал, что уймонские крестьяне главный доход получают от охоты на маралов, «которая происходит ранней весной, пока рога у маралов еще одеты мочкой и имеют мягкие верхушки... охотники продают их китайцам... от 50 до 100 рублей за целые рога» [22]. Уймонский край находился в 200 верстах от Бухтарминского, и жители этих территорий всегда поддерживали самые тесные отношения. Г.Д. Гребенщиков писал: «Однако ежегодно к Петрову дню туда или оттуда отправляются громадные кавалькады. Нынче, например, едут беловцы или язвинцы и фыкаляне на Уймон, а на будущий год уймонцы на Бухтарму» [14, с. 39].

Несомненно, что охота за пантами марала пришла в Уймон из Бухтармы, где контакт с китайцами начался намного раньше, и где не было двоеданничества, как в Горном Алтае. На русском Алтае купцы стали проникать в горы наездами с целью торговли в алтайских стойбищах с конца

XVIII в. Уже в 1820-х гг. они добрались до границы с Китаем в местности Кош-Агач, где «вначале торговля велась на пограничных китайских пикетах» [36, с. 192]. Здесь возникла ярмарка на ручье Бураты, которая в начале 1860-х гг. уже имела оборот 200 тыс. руб. В ней принимали участие русские торговцы, тувинцы, монголы-халха, дербеты; приказчики китайских купцов, монгольские солдаты, алтайцы [36, с. 193]. В меновой торговле этого района активно участвовали китайские пикеты Юстюд, Как-Куль, Суок, Табыты. В 1869 г. оборот чуйской торговли доходил до 300 тыс. руб. в год, при этом маральих рогов продавалось уже на 10000 руб. [17].

Чиновник Министерства финансов Яцкевич в этом же 1869 г., изучая состояние торговли в Кош-Агаче, писал, что «крестьяне, братья Ошлаковы (см. первых мараловодов Нижнего Уймона. — *Н.Ф.*), не имеющие никакого права на производство заграничных операций», активно торгуют в Кош-Агаче. Таким образом, уймонские мараловоды активно участвовали в чуйской торговле [11].

Интересно, что китайские пограничники не пускали на пикеты своих купцов и сами вели выгодный товарообмен. Например, в 1878 г. М.В. Певцов встречался на р. Ойгон с китайским офицером — начальником пикета и так писал об этом: «Солдаты же пикета — монголы из разных отдаленных местностей. Мы узнали после от местных жителей — урянхаев, что этот офицер занимался, между прочим, с ними торговлей: покупал в Кобдо чай, металлические изделия, табак и ткани, а потом променивал все это урянхам на пушнину и маральи рога» [30, с. 75].

Восточнее Кош-Агача постоянная меновая торговля с китайцами велась на Кара-Коле и Алаше (верховья Чульшмана) и около пограничного знака Шабин-Добага. К этому знаку добирались для товарообмена уже инородцы и русские жители Минусинского края.

О деятельном участии в торговле монгольских пограничных караулов в Урянхайском крае писал В.И. Дулов. П.И. Кропоткин в 1867 г. отмечал, что тункинские купцы обыкновенно отправляются по караулам и ведут меновую торговлю. Еще раньше, в 1835 г., А.П. Степанов подробно описывал старинный обычай казаков Енисейской губернии — надзирать за границей. Отряд в 21 человек от четырех форпостов в марте выезжал, например, на пограничный знак Бом-Кемчуг. Казаки «вели с собой вьючных лошадей с провиантом, фуражом и товарами для мены с Монголами... церемония продолжается попойкою, дело заканчивается меною товаров» [45]. По линии границы с Китаем с обеих сторон стояли сотни и сотни пограничных пикетов, и чем более удаленными были пикеты, тем дольше сохранялась на них меновая торговля, в том числе и пантами оленей.

Таким образом, меновая торговля на пограничных пикетах была самой первой и значительной формой международной торговли пантами и сохранялась до начала XX в.

Во второй половине XIX в. торговля пантами активизировалась. Этому способствовало стечение сразу нескольких обстоятельств.

1. После договора 1869 г. русско-китайская торговля стала возможной на всей территории Монголии.

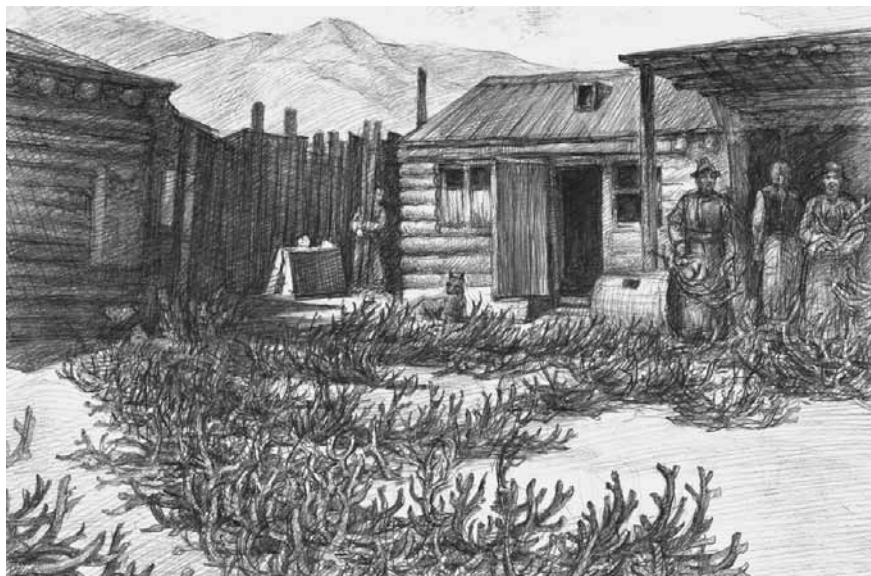
2. После 1850 г. правительство Китая сняло запрет своим купцам торговать в Монголии.

3. Покупкой и продажей пантов в России стали профессионально заниматься торговцы в рамках международной торговли с Китаем.

4. Быстро развивалась новая отрасль — разведение оленей, и, как следствие, предложение пантов увеличивалось.

Концентрация торгового капитала в руках предприимчивых людей требовала появления более крупных рынков сбыта, в том числе и пантовой продукции. Торговля только на пикетах уже была не способна ответить на эти потребности рынка.

Известно, например, что русские купцы с 1746 г. охотно торговали с Джунгарией, которая затем стала территорией Китая. С 1754 г. действовала Семипалатинская таможня, а с 1765-го — Усть-Каменогорский и другие меновые дворы. После Кульджинского торгового договора 1851 г. наши купцы стали торговать в китайских городах Чугучак и Кульджа. Однако восстание мусульман в г. Урумчи, Кульджа и других в 1864–1865 гг. заставило китайских торговцев спешно свернуть свою деятельность, и торговля Бухтарминского края переориентировалась на Алтае на Кош-Агач и г. Кобдо в Монголии. В это время у мараловодов Бухтармы значительно упали цены на панты [39].

Рога маралов во дворе китайской торговой фактории на р. Кемчик (Хемчик).

Рисунок-реконструкция старого фото. Художник З.М. Ибрагимов.

Из фондов Музея алтайского марала (г. Бийск)

Бийские купцы-чуйцы, несмотря на огромные трудности, успешно развивали во второй половине XIX в. торговлю с Монголией. А.А. Силантьев в 1897 г. назвал г. Бийск центром продажи пантов на Алтае. Во второй половине XIX в. сюда в основном «стекались» панты с Бухтармы, русского Алтая и даже Урянхая и Усинского края. Купив панты по 6–10 руб. за фунт на месте, китайцам их можно было продать уже за 15–20 руб. Поэтому через Онгудай и Кош-Агач панты везлись в монгольские города Кобдо и Улясутай для продажи китайским торговцам. Город Кобдо был центром богатого округа Северо-Западной Монголии. Здесь с 1762 г. действовал буддийский монастырь Шара-Сумэ. В Кобдо активно работали несколько крупных китайских фирм с общим капиталом почти 27 млн руб. [40]. Они активно кредитовали монгольских князей, за которых расплачивалось население, с процентной ставкой 36% годовых. Русские торговцы, братья Гилевы, братья Бодуновы, Котельников и другие, успешно выменивали панты практически на любой китайский товар. Помимо названных торговцев, в Кобдо успешно работали Н.И. Ассанов, К.Д. Кузнецов, Я.Е. Мокин, С.Г. Корольков, братья Кряжевы, А.С. Попов, С.Г. Шадрин и др. [40, с. 213].

Административным центром Западной Монголии являлся город Улясутай. Здесь располагалась администрация китайского генерал-губернатора (цзянь-цзиня) этой части Монголии. Китайских фирм в Улясутае действовало около 60 с общим годовым оборотом более 2 млн руб. Этот город был значительно дальше от Кош-Агача, чем г. Кобдо. В этом округе торговали до 200 русских, в основном мелких торговцев, но были и крупные — К. Борисов, М.Ф. Минин, В.И. Юрганов, Л.Н. Котельников, А.С. Попов, В.С. Сафронов, М.Н. Шабалин и др. [40, с. 481]. В 1877 г., например, по данным Г.Н. Потанина, в Улясутай было вывезено Котельниковыми — 80 пар пантов, Щетининым — 70 пар, Бодуновыми — 76 пар. Еще больше вывезли Гилевы и Ошлыковы [34, с. 83–84]. Панты в Монголии пошлиной не облагались, но транспортные расходы по доставке их в г. Кобдо (от Онгудая — 900 верст) и г. Улясутай (1200 верст) были в размере 17–20 руб. на пуд [7].

По мнению Г.Н. Потанина, «перенесение торговли из Кош-Агача внутрь Монголии, в города Кобдо и Улясутай, принесло ту пользу, что устранило в этой торговле лишнего посредника — торгующего монгола или китайского купца...» [34, с. 96].

Торговцы Урянхайского и Усинского краев к концу XIX в. также стали привозить на двухколесных тележках маральи рога в г. Улясутай. Таким образом, панты из казахского Алтая, русского Алтая, Урянхайского и Усинского краев, в основном продавались китайским торговцам в города Кобдо и Улясутай.

У промышленников Забайкалья выраженным центром продажи пантов являлась Кяхта, основанная в 1727 г. и в 1743 г. ставшая торговой

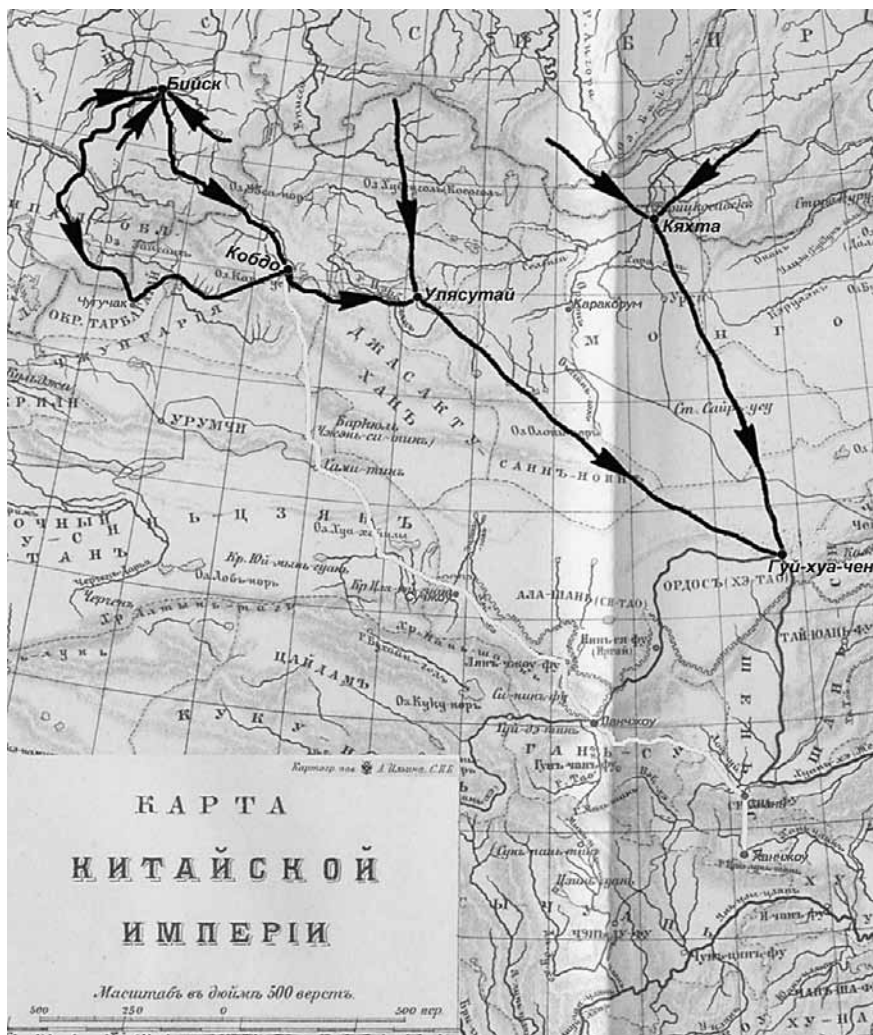
слободой. Китайцы в 1730 г. «в ста саженьях от Кяхты... выстроили свое торговое местечко Маймачен» [29]. Кяхтинская торговля в целом знала годы своего процветания (1850-е) и годы упадка (конец XIX в.), но панты здесь всегда продавались успешно. А. Кузнецов писал в 1898 г., что в Забайкалье «ингодинские скупщики (р. Ингода. — *Н.Ф.*) возят панты или чикойским купцам (р. Чикой. — *Н.Ф.*), собирающим большие партии, или чаще сами ездят в Кяхту для продажи пантов в Маймачене китайцам или русским богатым торговым фирмам. Чикойские панты скупаются местными купцами, которые продают их китайцам или в Кяхте, или фирмам, ведущим торговлю с Китаем, например Басову, Коквину и другим. В Кяхте и Маймачене за лучшие панты платят до 11–12 руб. за фунт спиленных и до 22 руб. за лобовые. Китайцы в Кяхте сортируют панты очень строго: за маленькие панты до 5 фунтов цену назначают ниже; панты от старых изюбрей ценятся вполтину, а уродливые вовсе не берутся; но зато лобовые, снятые рано, ценятся вдвое дороже, а те из них, которые красиво развиты и равномерно покрыты гладкой, лоснящейся густой, бархатной, серебристо-серой шерстью, достигают баснословных цен в 150–200 руб. за пару» [21, с. 116].

Не все панты Забайкалья продавались китайцам в Кяхте-Маймачене. Например, казаки и крестьяне станицы Мензинской Троицкосавского округа ежегодно отправляли их в г. Ургу, где только в 1895 г. ими продано 22–25 пудов пантов по 4 руб. за фунт [21, с. 117].

Цена на панты в г. Кобдо, г. Улясутай, т.е. Кяхты и др., напрямую зависела, по данным Г.Н. Потанина, от спроса на них в г. Куку-хото. Китайское название этого города Гуй-хуа-чен («Западный проход»). Хотя этот город находился на 200 ли (100 км. — *Н.Ф.*) за внешними пределами Великой Китайской стены, но считался внутренним китайским городом и имел важное торговое значение в обеспечении Монголии товарами. По данным И. Волосатова, именно в Гуй-хуа-чене ежегодно в начале декабря проводилась продажа пантов до 4000 пар, привозимых из городов Верного, Усть-Каменогорска, Кобдо, Улясутая, Гу-ченя, Нинь-ся, Туркестана, Калгана и Долой-нора. Панты привозили сюда на верблюдах тюками по 20 пант, обернутых войлоком и зашитых в сырую кожу. Каждый тюк для сохранности вкладывался еще в деревянный решетчатый остов. Перед ярмаркой продавцы сортировали панты по партиям от 30 до 40 пар, «так чтобы в каждой партии были рога всякой величины и качества» [6, с. 132].

В специальных комиссионных лавках Гуй-хуа-ченя селились как продавцы, так и покупатели пантов из Внутреннего Китая. За очень редким исключением куплю-продажу вели уже только китайские фирмы по четко установленным правилам.

1. Заранее составлялись списки продавцов пантов, и очередность продажи устанавливалась по жребию. Не успевшие продать панты за день становились в повторяющуюся очередь.

Карта Китайской империи.

Пути движения пантов для продажи в г. Гуй-хуа-чене (Китай)

2. Продажи велись публично, как с аукциона, но цену покупатели предлагали негласно, договариваясь на пальцах «рука в рукаве». Не зная цены других, покупатели боялись продешевить. Так достигалась оптимальная цена.

3. Оплату осуществляли наличными (серебром) или банковскими аккредитивами.

4. Гостиницы-посредники, в которых останавливались торговцы, получали твердо установленные комиссионные с обеих участников сделки и всячески содействовали этому процессу торговли [6, с. 138–140].

Сделки проводились быстро, а «не с обычными китайскими увертками да церемониями», — писал И. Волосатов. За покупкой пантов приезжали шан-сийские и кантонские купцы, хотя в г. Кантоне ежегодно проводилась практически такая же ярмарка. Оценку рогов кантонцы при покупке определяли не на вес, а по наружному виду, и иногда большие, с восемью отростками рога и вдвое более тяжелые рога ценились гораздо дешевле, чем с пятью отростками. Особенно ценилось в пантах обилие крови.

В декабре 1886 г., например, ярмарка в Гуй-хуа-чене собрала 20 продавцов и столько же покупателей, которые разместились в шести комиссионных лавках. Было выставлено на продажу 3760 пар пантов. Среди продавцов пантов была одна русская фирма «Коковин и Басов», которая продала 685 пар пантов, т.е. почти 18,5% всех пантов на этой ярмарке [6, с. 141–144]. Средняя цена одной пары пантов на ярмарке составила около 52 руб., однако при этом лучшие панты, которые продавались отдельными парами, стоили в среднем 114 руб. за пару, т.е. в 2 раза дороже. Таких пантов было всего 1,6% от их общего числа. Расчет цены был сделан в рублях по соотношению 1 лан = 1,86 руб., хотя в разные годы за 1 лан давали от 1,7 до 2,4 руб. На ярмарку в Гуй-хуа-чень панты привозились только целыми, однако немного пантов на юг Китая мимо ярмарки китайцы отправляли распиленными для удобства транспортировки. Продажи пантов в этом городе вне ярмарки были возможны, но всегда по менее выгодным ценам [6, с. 145].

Еще раз о времени проведения ярмарки. Г.Н. Потанин писал, что «в Гуй-хуа-чене в октябре бывает ярмарка маральими рогами; в сентябре приезжают сюда купцы из Кантона, в октябре покупка кончается [33]. В другой своей работе он уже отмечал: «Рог должен поспеть в Хуху-хото (Гуй-хуа-чен. — *Н.Ф.*) в декабре месяце, когда будто бывает ярмарка, почему высокие цены на рог в Улясутае удерживаются только до конца сентября, а позже цены падают...» [34].

Известный исследователь Монголии и Китая М.В. Певцов сообщал, что «в Гуй-хуа-чене ежегодно в течение ноября бывает торг маральими рогами, за которыми туда съезжаются к этому времени из разных мест Внутреннего Китая гуртовые их покупатели» [30, с. 143]. И. Волосатов, являясь участником этой ярмарки, писал: «Торговля изюбренными рогами обыкновенно открывается с 15-го числа XI луны (XI стоянка луны в китайском календаре с 16 по 28 декабря. — *Н.Ф.*) [6, с. 93]. Возможно, с годами время проведения ярмарки постепенно передвигалось.

Торговый дом «Коковин и Басов», торговым представителем которого являлся И. Волосатов, был одним из крупнейших в Забайкалье и торговал пантами в Гуй-хуа-чене, в иные годы до тысячи пар. Однако уже в 1874 г. бийские купцы начали изучать возможность организации торговли в Гуй-хуа-чене, минуя г. Кобдо и Улясутай. Летом 1878 г. ими

был отправлен первый караван только с «маральими рогами». Купцы-доверители уполномочили своего представителя Е.Г. Антропова продать панты в Гуй-хуа-чене, на вырученные деньги купить чай и собрать подробные сведения об этом городе» [30, с. 93]. «На первый раз в 1878 году, — писал М.В. Певцов, — они послали рогов на 11 380 рублей. По прибытию в Гуй-хуа-чен Антропов, благодаря живому участию господина Спленера, продал эти рога за 21 000 руб., выручив, таким образом, 84% барыша, несмотря на то, что в 1878 году цена на них была очень низкая...» [30, с. 93]. В 1879 г. еще один караван с пантами и верблюжьей шерстью также был удачно реализован в Гуй-хуа-чене этими же купцами. К концу XIX в., по данным А. Позднеева, объемы ярмарки пантов в Гуй-хуа-чене «значительно упали», так как этот товар стали больше продавать в Калгане [32].

Умение продавать панты было далеко не всем по силам, потому что это занятие было связано с рисками, необходимостью знания языка и другими навыками. В 1878 г. Г.Н. Потапов заметил: «Сами владельцы маралов не возят свой товар прямо в Улясутай, боясь лишних расходов. Впрочем, три года назад Шарапов повез 60 пар рогов в Улясутай, но по дороге уже в пределах Монголии был ограблен неизвестными людьми» [34, с. 88].

А. Кузнецов также отмечал в 1898 г., что «некоторые из торговцев внутренних рынков, как, например, Г. Копылов из Красноярской по р. Чикюю, отправил несколько лет назад более 100 пар пантов непосредственно в Китай, но неудачно. Г. Лагоцкий из Читы отправил небольшую партию в Благовещенск и также потерпел убыток... Он же рассказал о двух крестьянах — торговцах пантами из Томской губернии, которые 4,5 месяца везли рога в Гуй-хуа-чен, прожив там два месяца, товар не продали из-за низкой цены. Затем через Калган добрались до Пекина и далее в Тянь-цзинь. Прошло семь месяцев их путешествия, но далее они двинулись в центр торговли пантами — Кантон. Было это в 1896–1897 гг., а результат их поездки остался неизвестным [21, с. 117–118].

А.А. Силантьев несколько наивно предполагал в своих работах, что торговца пантами можно и нужно исключить из процесса продвижения этого специфического товара на китайский рынок.

Интересную заметку в 1913 г. опубликовала одна из газет Алтайского округа Змеиногорского уезда под названием «Маральи рога»: «Здесь купцы и некоторые из купцов Бухтарминского края занимаются скупкой маральных рогов, которые затем и сбываются в Китай. За скупкой маральных рогов сюда почти ежегодно наезжают бийские купцы — Кривцов, Копылов и др. За последнее время сбытом рогов в Китай занялись бухтарминские купцы. Они набирают партию рогов и затем транспортируют их в Восточную Сибирь, совершая сделки по сбыту рогов во Владивосток, Никольско-Уссурийск и Кяхту. Из Зырянского рудника ездили в Восточную Сибирь купцы — Веревкин и Лузин. Последний отвез в

прошлом году партию маральных рогов в 120 пудов, которые и продал с выгодой. Не всегда, впрочем, рога дают барыш. Тот же Лузин в одну из своих поездок в Восточную Сибирь понес от продажи рогов убытку семь тысяч рублей. Последнее обстоятельство объясняется тем, что не всегда маральи рога имеют спрос. В этом случае торговцы, отправляющиеся с рогами «на авось», нередко несут убыток, как, например, Лузин. Нынче из Бухтарминского края повез во Владивосток партию маральных рогов свыше семидесяти пудов купец села Сенновского Сорокин. Цена на рога на месте в Бухтарминском крае — ныне 7 рублей 60 копеек фунт. Сорокин отправился в Восточную Сибирь в надежде сбыть свой товар с большей выгодой, нежели чем мог бы получить таковую на месте, перепродавая рога русским скупщикам» [12].

Успешные продавцы пантов, как правило, были незаурядными личностями. В той же заметке «Маральи рога» упоминается, например, фамилия скупщика пантов Копылова.

Павел Андреевич Копылов родился в 1839 г. в г. Бийске, служил чиновником и в начале 1870-х был титулярным советником. Вышел в отставку еще молодым человеком. Тонкости торгового дела он осваивал на службе у купцов Гилевых, которые активно торговали в Монголии. Некоторое время П.А. Копылов возглавлял отделение фирмы в Кош-Агаче, а затем стал торговать самостоятельно. Б.Х. Кадиков пишет, что «торговал он удачно, и, что любопытно, честно, на него никогда не было нареканий...» [20, с. 81]. Разбогател он очень быстро и стал одним из ведущих «купцов-чуйцев». По собранным А.В. Старцевым данным, первые сведения о его самостоятельной торговле в Монголии относятся к 1885 г., в котором Павел Андреевич вывез из Монголии товара на 1710 руб. [8]. Торговый статус его до конца не известен: в 1894 г. он значился «бийским купцом 2-й гильдии», в 1900 г. — «отставным титулярным советником», в 1910 г. его называли «бийским мещанином». Оборот мануфактурной лавки А. Копылова в Кош-Агаче в 1894–1895 гг. составлял уже 20 тыс. руб., а прибыль — 2,2 тыс. руб. [8]. Если в 1896 г. он вывез в Монголию товара на 15 тыс. руб., то «в 1897 году он скупил их (пантов. — *Н.Ф.*) уже до 80 пудов, приблизительно на 22,4 тыс. рублей по ценам на Алтае». Копылов в это время вел торговлю «специально маральими рогами» и скупал их «главным образом в Уймоне и Бухтарме, а также в Чуе и Улагане у охотников» [10]. В 1899 г. Павел Андреевич через Онгудайскую таможенную вывез товара в Монголию на 27 170 руб., в том числе на 22 720 руб. маральных рогов весом 81 пуд [9]. В 1901 г. П.А. Копылов вывез в Монголию пантов уже на 25 тыс. руб. Для сравнения: известный бийский купец Г.Г. Бодунов в этом же году вывез пантов на 15 тыс. руб. [9].

В 1904 г. совместно с купцами А.Д. Васеневым и Г.Г. Бодуновым Павел Андреевич организовал фирму «Русско-монгольское товарищество», которая просуществовала до 1907 г. В 1905 г. Б. Герасимов отме-

чал, путешествуя на Рахмановские ключи (Бухтармы): «Лет пять тому назад в Медведке открылось мараловодство... Рога маралов продаются бийским купцам Копылову и Кривцову» [37]. Ветеринарный врач Яковлев в своем описании мараловодства в Семипалатинской губернии в 1910 г. отмечал, что скупкой пантов активно занимаются «бийские мещане Копылов, Кричевцев, Ошлагов (Ошлаков. — *Н.Ф.*) [48, с. 7]. Таким образом, П.А. Копылов работал по всему огромному Алтаю с большим размахом. В материалах Московской торговой экспедиции в Монголию также записано, что русские купцы, работающие в Монголии, главным образом Ассанов, Кузнецов, Копылов и Попов, скупают рога у русских крестьян и сдают их китайцам под шерсть будущего года» [25, с. 272]. В последние годы Павел Андреевич кредитовал других предпринимателей. Так, в 1911 г. у него кредитовались И.Г. Бобров, В.И. Юрганов, А.О. Бусыгин, Л.А. Козловский и др. [25].

П.А. Копылов подолгу жил в Кош-Агаче, но имел в Бийске несколько крупных усадеб. Б.Х. Кадилов сообщал, что «по своим делам Павлу Андреевичу иногда приходилось выезжать далеко за пределы Бийска и даже России. Известно, что он бывал в Берлине, Гамбурге, Париже». Чистых капиталов в финансовом выражении было у него более 600 тыс. руб. По тем временам это являлось очень крупной суммой [20, с. 92].

Скончался П.А. Копылов в 1911 г., возвращаясь в Бийск из Монголии, и похоронен на старом Вознесенском кладбище. В своем завещании он выделил крупные суммы на благотворительность. На деньги Павла Андреевича его племянником и наследником Антоном Петровичем Копыловым построены Народный Дом (ныне Бийский драматический театр), двухэтажное кирпичное здание мужской гимназии, двухэтажное кирпичное здание учительской семинарии, кирпичное здание добровольного пожарного общества [20, с. 92].

Рассматривая продвижение пантов в Китай на Дальний Восток, отметим, что в этом районе во второй половине XIX — начале XX в. была своя специфика рынка пантов. Вспомним еще раз, что зверопромышленниками на Дальнем Востоке были коренные народы (гольды и др. — *Н.Ф.*), русские поселенцы и особенно старообрядцы, китайские и корейские охотники, которые через условную границу свободно проникали в дальневосточную тайгу. Во-первых, несмотря на то, что с 1860 г. весь Уссурийский край принадлежал России, коренные племена продолжали считать себя маньчжурскими подданными и исправно платили дань маньчжурским чиновникам пушниной и пантами на караулах. А. Брылкин в своем очерке о туземцах Уссурийского края писал в 1864 г.: «Все Уссурийские ходзены платят ясак по одному соболю с души (мужской); они освобождены от других государственных (маньчжурских. — *Н.Ф.*) повинностей и состоят под ведением особого чиновника, начальника караула...» [5, с. 4].

Свободные от ясака товары охотничьего промысла, в том числе панты, эти народы по возможности старались вывозить на ежегодные ярмарки в маньчжурские города Гири и Сан-Син. Гирин являлся в начале XX в. самым крупным городом на р. Сунгари, имел 150–200 тыс. жителей, 1430 лавок и магазинов, 550 заводов и мастерских и 500 гостиниц, харчевен, постоянных дворов. Сан-Син насчитывал около 20 тыс. жителей, но ежегодно в июне-июле становился крупной ярмаркой для охотников. Из этих городов, отмечал А. Брыкин, «в южную Маньчжурию и Харбин вывозятся, преимущественно зимой, — меха, звериные шкуры, рыбий клей, золото, жемчуг из Тавань-хэ и олени рога» [5, с. 237].

Во-вторых, в конце XIX в. в Уссурийской и Приморской тайге постоянно зверовали до 50 тыс. китайцев и корейцев. Ради пантов убивалось ежегодно 15–20 тыс. оленей. За этими охотниками стояли китайские купцы, которые снабжали звероловов всем необходимым в обмен на товары охотничьего промысла. Будучи чрезвычайно организованными, они всю территорию расписали на районы, во главе которых стояли так называемые цай-дуны, которые безраздельно правили на «своей» территории. Железную дисциплину поддерживали через добровольно принятые и безукоризненно выполняемые всеми правила-законы, которые тщательно скрывались от посторонних. Вот несколько примеров таких законов, описанных В.К. Арсеньевым:

- «Если торгующий в горных долинах имеет меха, женьшень и панты и кто-либо украдет, и кто-либо сообщит Да-Е, то бросить преступника в реку! Прощения нет!»;

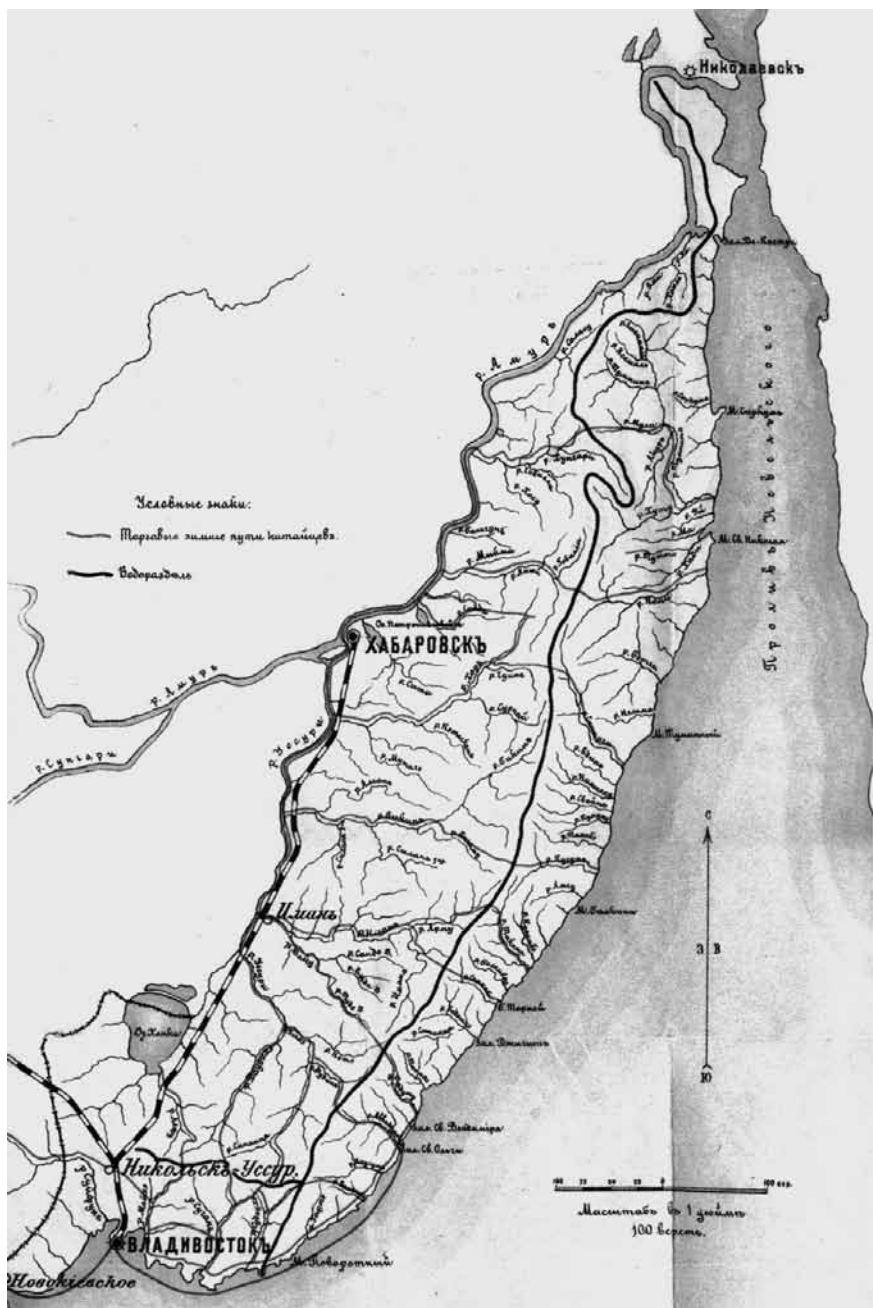
- «За тайную от цай-дуна куплю пантов — 40 палок»;

- «Всякий, кто украдет олени рога (панты), будет ли это в горных заимках или в посадке, подлежит зарытию живым в землю. Ни в коем случае не должно быть изъятий из этого закона»;

- «Если инородцы (да-цзы) вместе с членами братства достанут панты, то не разрешается им присваивать их одним; не разрешается также эти олени рога секретно продавать. Виновный в покупке их платит тройную их стоимость, панты отбираются, а виновные да-цзы подлежат сорока палочным ударам».

В.К. Арсеньев приводил пример, когда «китаец, владелец фанзы Йолайза, является цай-дуном (хозяином реки). Все туземцы, живущие на реке Фудзине, получают от него в кредит опиум, спирт, продовольствие и материал для одежды. За это они обязаны отдать ему все, что будет добыто на охоте: соболей, панты, женьшень и т.д.» [2].

Панты, скупаемые в огромных количествах китайскими купцами без всякого учета, вывозились в Китай как морем, так и сухопутными контрабандными тропами. Китайские купцы доминировали в торговле по всей Южно-Уссурийской границе. Во Владивостоке, Хабаровске и других городах активно действовали крупные торговые фирмы Китая, ко-

Карта-схема торговых зимних путей китайцев.
Из собрания сочинений В.К. Арсеньева

торые на месте скупали оптом панты у русских торговцев и владельцев парков с пятнистыми оленями. У меня пока нет данных, чтобы русские купцы и владельцы оленников Дальнего Востока самостоятельно возили панты на продажу в Маньчжурию или Внутренний Китай.

Наконец, в-третьих, на рынке пантов Дальнего Востока не было периодов очень резкого падения цен. Если на Алтае, Туве и Забайкалье было зафиксировано резкое падение цен (в два раза) в 1870-е гг. в период дунганского восстания и в 1912–1913 гг. (с 10 до 2–4 руб. за фунт) в период отделения Монголии от Китая, то в Уссурийском крае и Приморье существовал постоянно растущий спрос на панты, особенно пятнистого оленя, с относительно небольшим колебанием цен. Объективные условия для развития пантового оленеводства здесь были до 1917 г. самыми благоприятными.

Следует еще раз подтвердить правоту А.А. Силантьева, который написал в 1897 г., что панты — это «товар, никакого значения иным путем не имеющий», т.е. это товар только китайского рынка потребления. Очень точно и красиво об этом написал В.Ю. Янковский: «Нетерпеливее всех таежных ценностей ждали внешне бесстрастные, с каменными лицами и далеко запрятанными огоньками рысьих глаз прожженные купцы-аптекари. Сидя, как паук, в центре раскинутой на сотни верст невидимой паутины, в пропахнувшей чесноком и тибетскими снадобьями полутемной лавке, аптекарь задумчиво сипел опийной или булькал фильтрующей никотин табачной трубкой, либо, обжигаясь, тянул зеленый чай и ...ждал все с большим напряжением, опасаясь своих новых конкурентов. Он твердо знал: каким бы потом и кровью не были добыты панты, лутай, меха, женьшень или пуп кабарги, даже то, что побывало в лапах хунхузов, все равно приплывет в руки самого дальновидного и хитрого коммерсанта. А уж от него, разумеется, втридорога отправится за море: в Южный Китай, Гонконг, Сингапур, Тибет, Таиланд, Бирму и даже Индию. Ибо во все времена всемогущие магнаты Востока жаждали владеть вырванными у природы эликсирами здоровья, молодости и красоты, и никогда не жалели и не жалеют на это золота...» [51].

Анализируя рынок пантов в XIX — начале XX в., желательно было бы осветить и объемы пантовой продукции, ежегодно вывозимой из России в Китай, однако уже в 1928 г. Ф.Г. Добржанский отмечал: «Какое количество рогов и на какую сумму вывозились ежегодно их в Китай из Южного Алтая и даже вообще из России, установить совершенно невозможно. Для выяснений этого вопроса Силантьевым (1897–1898) были собраны все наличные литературные данные, но все же достойных доверия цифр получить не удалось» [16].

Действительно, А.А. Силантьев в 1896 г. в ходе подготовки работы «Обзор промысловых охот» собрал огромное количество информации, в том числе о пантах, но выводы об объемах продажи этой продукции сделать не смог. Например, официальные данные о продаже пантов через Кяхту в 1852–1882 гг. содержали информацию о маральих (изюбревых) и сайгачьих рогах вместе (см. табл. 2.2). Органы управления из губерний давали отрывочную информацию, причем в разных измерениях (пуды, пары, рубли). Пример такой информации найден мною в архивном деле А.А. Силантьева (табл. 1.39).

Таблица 1.39

Сведения о количестве маральих рогов, вывезенных в Китай по русско-китайской границе за 1893–1897 гг. [37]

Таможни и места торговли	Вес и счет	Годы				
		1897	1896	1895	1894	1893
Туркестанский таможенный округ		–	–	–	–	–
Семипалатинский таможенный округ:						
Онгудайская таможня (маральих рогов)	пуды	178	115	77	72	83
Хоргосский переходный пункт (рогов и копыт всяких)	пуды	7	3	–	24	–
в том числе рогов маральих	пуды	1	–	–	–	–
В Земле Урянхайской	пуды	3	77	40	50	–
рогов маральих	пары	15	–	–	–	33
В г. Улясутай	пуды	36	68 ½	–	–	21
рогов маральих	пары	80	–	–	30	30
В г. Кяхте	пуды	–	32	–	–	–
рогов маральих	пары	7	–	179	11	160 ½

Конечно, это были очень заниженные данные. Ф.Н. Белявский писал, например, что «в поселке Урыльском (Бухтарма. — *Н.Ф.*) несколько лет уже ведется бийскими купцами скупка маральих рогов, отсюда они отправляются крупными партиями в Китай: оборот торговли Урыля колеблется от 15 до 20 тысяч рублей в год» [4]. Если пересчитать 20 тыс. руб. на 10 руб. за фунт, то в одном поселке продавалось 50 пу-

дов, а г. Улясуйтай в эти годы продавал максимум 68 пудов. Объективной информации, особенно от зверопромышленников, получить было невозможно вообще. Никто не смог бы посчитать объем продаваемых пантов на пограничных пикетах, а этот оборот длился около 100 лет и занимал, на мой взгляд, в первой половине XIX в. до 70% оборота, а во второй половине — до 30%.

В конце XIX в. российская таможня стала учитывать вывоз пантов за границу. Вот, например, как выглядела статистика экспорта пантов на Алтай через Кош-Агачскую таможню (табл. 1.40).

Таблица 1.40

Вывоз рогов марала в Монголию по Чуйскому тракту
за период с 1892 по 1907 г.
(по материалам Памятной книжки Томской губернии на 1910 г.)

Год	Рога марала		% стоимости маральных рогов в общем объеме товарооборота
	количество в пудах	стоимость в рублях	
1892	55	19 801	11,3
1893	82	27 742	12,4
1894	71	21 283	8,1
1895	76	19 188	5,5
1896	115	27 609	4,6
1897	178	54 778	9,8
1898	135	50 792	10,3
1899	158	47 528	10,3
1900	105	36 203	8,6
1901	14 пуд. 30 ф.	5 856	0,7
1902	85 пуд. 23 ф.	32 020	5,7
1903	101	36 322	6,9
1904	82	28 313	9,5
1905	143 пуда 10 ф.	51 155	9,0
1906	136 пудов 12 ф.	52 918	8,3
1907	97 пудов 18 ф.	48 928	8,3

Однако и эти данные, конечно, являются значительно заниженными, так как, по мнению очевидцев тех лет, только очень ленивый не мог провести товар мимо таможни или не уменьшить его цену. Заранее понимая, что

сводные данные об объемах продажи русских пантов в Китай предоставить читателю по указанным причинам не удастся, часть официальных данных я, тем не менее, использовал в тексте, а часть поместил в приложениях. Вот, например, какие данные удалось найти из литературных источников по Кяхте (табл. 1.41).

Таблица 1.41

Вывоз пантов через Кяхту в XIX в.

Год	Информация	Источник
1847–1849	Рогов изюбренных 709	Гагемейстер Л.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. II. С. 258.
1862	507 штук пантов на 17,38 тыс. руб.	Носков И. Кяхтинская торговля за последние 8 лет. СПб., 1870. С. 11.
1863	228 штук на 7,481 тыс. руб.	
1864	227 штук на 8,372 тыс. руб.	
1865	318 штук на 15,717 тыс. руб.	
1866	381 штук на 21,280 тыс. руб.	
1867	314 штук на 15,768 тыс. руб.	
1868	134 штук на 6,342 тыс. руб.	
1869	360 штук на 15,300 тыс. руб.	

Здесь тоже неясно, как считают исследователи объемы пантов — парами или отдельными рогами. Я уже отмечал, что на границе России с Маньчжурией панты вывозились практически без какого-либо учета. Отдельные официальные статистические данные только подтверждают этот логический вывод (табл. 1.42).

Таблица 1.42

Ввоз в Маньчжурию в 1891–1895 гг. рогов звериных и пантов через таможи [28, с. 24–39]

Годы	Полтавская погранзаства		Хунь-Чуньская погранзаства		Верхне-Мангучайская погранзаства	
	рога зв.	панты	рога зв.	панты	рога звер.	панты
1891	–	–	–	–	–	–
1892	50 пар 10000 р.	–	120 пар 2400 руб.	–	1 пара 25 руб.	–
1893	½ пары 12,5 руб.	1 пара 280 руб.	–	–	–	–
1894	118 пар 590 руб.	7 пар 1960 руб.	150 пар 3000 руб.	–	–	–
1895	10 пар 60 руб	–	55 пар 380 руб.	–	–	–

Эти данные скорее свидетельствуют об объемах контрабанды и сильном занижении рыночных цен пантов на пунктах учета. В этой же работе есть информация, что «из Маньчжурии в Китай через порт Инь-цзы вывозили рогов маралых в 1893 году 1670 пар на сумму 159 000 рублей, в 1894 году — 1380 пар на 39 500 тыс. рублей и 1895 году — 560 пар на 12 700 рублей» [28, с. 47]. Сравнив данные 1893 г. в этой цитате с данными 1893 г. в таблице, можно с уверенностью утверждать, что даже с учетом того, что какое-то количество пантов добывалось в самой Маньчжурии, абсолютное большинство пантов на этой границе не учитывалось.

То же самое было и в Приморье. Посмотрим данные о вывозе пантовой продукции из г. Владивостока за 1877–1879 гг. (табл. 1.43).

Таблица 1.43

Вывоз пантовой продукции из г. Владивостока во время навигации [42]

Товар	1877 г.		1878 г.		1879 г.	
	пудов	рублей	пудов	рублей	пудов	рублей
Пантов	87	9050	174	25500	112	12660
Рогов оленьих	500	2000	–	170	132	400
Оленьих жил	–	–	2	15	5,5	115

Представленные данные также не соответствуют реальному объему экспорта этой продукции из Владивостока. По сведениям В.К. Арсеньева, только китайцы ежегодно убивали ради пантовой продукции 15–20 тыс. оленей.

Г.А. Менард писал в 1930 г.: «По сведениям, заслуживающим доверия, сообщенным нам китайскими фирмами, давно торгующими пантами в Приморье, ежегодный вывоз из России в Китай в довоенное время выражался следующими цифрами:

Минусинский округ	5000 кг резанных сухих пантов марала;
Бийский округ	850 кг резанных сухих пантов марала
Забайкальский округ	6500 кг резанных сухих пантов марала;
Алтайский округ	100 пар резанных сухих пантов изюбра;
Южно-Уссурийский округ	300 пар лобовых пантов пятнистого оленя.

Принимая стоимость 400 г резанных сухих изюбриных или мараловых пантов равной 10 руб. или 25 руб. за кг и стоимость пантов пятнистого оленя в 500 руб. за пару, получим цифру вывоза, достигающую полмиллиона рублей» [24].

Возможно, что ежегодный объем продаж пантов в 500 тыс. руб. в год также является заниженным, но дело даже не в этом. Главное состоит в том, что гигантский пантовый рынок Китая практически монополично принадлежал России, у которой были очень большие шансы закрепить это положение дел на долгие годы, если бы не переворот 1917 г., но это уже другая история.

Библиографический список к параграфу 1.4

1. Абрамов К.Т. Копытные звери Дальнего Востока и охота на них. — Владивосток, 1963.
2. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. — М., 2004.
3. Байков Н.А. В горах и лесах Маньчжурии. — Владивосток, 2011.
4. Белявский Ф.Н. Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII — начала XX веков. — Барнаул, 2005.
5. Брылкин А. Краткий очерк о туземцах Уссурийского края // Записки СО ИРГО. — Кн. VII. — Иркутск, 1864.
6. Волосатов И. Некоторые сведения о Гуй-Хуа-Чене. Труды русских торговых людей в Монголии и Китае. — Иркутск, 1890.
7. Сибирская жизнь. — 1902. — №204 (19 сент.).
8. Государственный архив Алтайского края (далее — ГААК). — Ф. 192. — Д. 17.
9. ГААК. — Ф. 192. — Оп. 1. — Д. 59.
10. ГААК. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 2447. — Л. 32–34, 38–45.
11. ГАТО. — Ф. 3. — Оп. 11. — Д. 1127. — Л. 147–160.
12. ГААК. — Ф. 86. — Оп. 1. — Д. 51. — Л. 33.
13. Герасимов Б. Поездка из Семипалатинская на Рахмановские ключи священника Бориса Герасимова. — Усть-Каменогорск, 2011.
14. Гребенщиков Г.Д. Алтайская Русь. Историко-этнографический очерк // Образ Алтая в русской литературе. — Барнаул, 2012. — Т. 2.
15. Даржа В. Традиционные мужские занятия тувинцев. — Кызыл, 2009. — Т. 1.
16. Добржанский Ф.Г. Очерк мараловодства на Южном Алтае. Домашние животные Семипалатинской губернии. — Ленинград, 1928.
17. Записка «О торговле Бийских купцов с китайцами и монголами на Кош-Агаче в долине реки Чуи // ГАТО. — Ф. 3. — Оп. 11. — Д. 1127. — Л. 115–140.
18. Зинченко Н. Россия и Китай. Краткий исторический очерк русско-китайской торговли. — СПб., 1899.
19. Из описания естественных условий хозяйства и населения Чемальского отделения Алтайской духовной миссии» (с. Чемал) // ГААК. — Ф. 81. — Оп. 1. — Д. 77. — Л. 5об.–7.
20. Кадиков Б.Х. Хочу рассказать. — Бийск, 2012.
21. Кузнецов А.А. Изюбриный промысел и разведение изюбрей в Забайкальской области // Записки Читинского отд. ИРГО. — Вып. III. — Чита, 1898.
22. Ледебур К.Ф. Путешествие по Алтайским горам и предгорьям Алтая. Слово об Алтае. — Кн. III, ч. 1. — Горно-Алтайск, 2004.
23. Корнилов П.П. Олени Восточной Сибири // Вестник естественных наук. — 1856. — №16.

24. Менард Г.А. Пантовое хозяйство. — М ; Л., 1930.
25. Московская торговая экспедиция в Монголию. — М., 1912.
26. Муров Г.Т. Люди и нравы Дальнего Востока. — Томск, 1901.
27. Описание Кореи. — СПб., 1900. — Ч. 1.
28. Описание Маньчжурии. — СПб., 1897. — Т. 2.
29. Осокин Г.М. На границе Монголии. — СПб., 1906.
30. Певцов М.В. Путешествия по Китаю и Монголии. — М., 1951.
31. Певцов М.В. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая. — Омск, 1883.
32. Позднеев А. Монголия и монголы. — СПб., 1898.
33. Потанин Г.Н. Тангутско-Тибетская окраина Китая и центральная Монголия. — М., 1950.
34. Потанин Т.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. — Вып. 1. — СПб., 1881.
35. Потапов Л.П. Очерки по истории Шории. — Ленинград, 1935.36. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. — М. ; Л., 1958.
37. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63. — Д. 125. — Л. 76.
38. Сапожников В.В. По русскому и Монгольскому Алтаю. — М., 1949.
39. Северцев Н. Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня. — СПб., 1873.
40. Сибирский торгово-промышленный ежегодник. — СПб., 1913.
41. Силантьев А.А. Марал и его будущая роль в хозяйстве сибирских крестьян // Сельское хозяйство и лесоводство. — 1897. — №3.
42. Скальковский. Русская торговля в Тихом океане. — СПб., 1883.
43. Соловьев Д.К. Саянский промыслово-охотничий район и соболинный промысел в нем. — Петроград, 1920.
44. Спасский Г. Каменщики или первые русские насельники Горного Алтая. Слово об Алтае. — Кн. III, ч. 1. — Горно-Алтайск, 2004.
45. Степанов А.П. Енисейская губерния. — Ч. 1. — СПб., 1835.
46. Черкасов А.А. Записки охотника Восточной Сибири. — М., 1990.
47. Ядринцев Н.М. О мараловодстве на Алтае // Зап. Зап.-Сиб. отд. ИРГО. — Кн. 1. — Омск, 1879.
48. Яковлев. Мараловодство в Семипалатинской области. — Омск, 1911.
49. Янковский Ю.М. Оленеводство в Южно-Уссурийском крае. — Хабаровск, 1914.
50. Янковский В.Ю. Потомки нэнуни : повести и рассказы. — М., 1986.
51. Янковский В.Ю. Пактусан // Охота и охотничье хозяйство. — 1984. — №3-4.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ — ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ

Заканчивая главу, я попытаюсь сделать некоторые выводы из первых 100 лет развития пантового оленеводства России и приложить их к современным проблемам развития этой до сих пор уникальной отрасли животноводства. Конечно, далеко не все будут готовы согласиться с моими выводами, но, по крайней мере, это будет приглашение к разговору заинтересованных людей о состоянии дел в современном пантовом оленеводстве Алтая.

В текучке дел мы как-то забываем, что современное пантовое оленеводство, как говорится, «свалилось не с куста», а является результатом огромных усилий многих и многих поколений наших предков, имен которых, к сожалению, мы в большинстве не знаем. Наградой за труд, риски и лишения этим первопроходцам может быть только память о них. Моя работа является скромной попыткой создать такую традицию. Я намерен по возможности продолжить изучение истории пантового оленеводства в России, но желательно, чтобы этим занимались также хоть в какой-то степени наши ученые-историки, краеведы, специалисты ВНИИПО, сотрудники архивов. Тогда из небытия появятся личности, на которых не стыдно равняться и сегодня, спустя почти 200 лет с момента появления этой отрасли.

Наградой и памятью тем, кто создавал пантовое оленеводство, также должно быть сохранение и дальнейшее развитие отрасли в настоящее время, как бы трудно это ни было. Нашим предкам-мараловодам приходилось не в пример сложнее решать свои проблемы. Просить дотации и субсидии, как теперь, никому бы и в голову не пришло. Участием государства было разрешение на отлов маралов, отвод земли, отпуск лесоматериалов, а остальное — это заботы и риски самого мараловода.

Решение проблем в своем бизнесе есть прямая обязанность самих владельцев и управляющих мараловодческих фирм. Чем скорее каждому из нас удастся осознать, что главные ресурсы развития хозяйств заключаются в нас самих, тем быстрее начнется процесс улучшения дел в хозяйствах. Главная проблема кризиса в пантовом оленеводстве — это неготовность многих владельцев искать причины кризиса в себе, в своей стратегии развития хозяйств, в стиле управления и т.п. Это есть важнейший исторический урок, усваивать который всем нам хотя и очень сложно, но жизненно необходимо.

Наши предки уже 150 лет тому назад умели, объединившись, решать многие проблемы, с которыми не под силу справиться в одиночку. Мост через речку, например, крестьяне-староверы строили сообща и обслуживали его десятилетиями, помечая каждое бревно за конкретной семьей. В современном российском пантовом оленеводстве пока нет даже проблесков кооперативной формы движения вперед. Сегодня стало очевид-

ным, что ни государство, ни бюджеты регионов, ни крупные фармацевтические компании, ни другие «непрофильные» организации в ближайшие годы не будут инвестировать в отрасль. Остается рассчитывать только на внутренние небольшие ресурсы, концентрировать которые мы так пока и не научились.

В Южной Корее, например, эффективно действуют ассоциация оленеводов, ассоциация продавцов пантов, ассоциация врачей корейской традиционной медицины, крупный государственный научный центр изучения природного сырья и пантов в том числе. Проводятся ежегодные праздники, конкурсы, неформальные встречи. В Новой Зеландии, Китае производители и продавцы пантов не менее структурированы и объединены общей идеологией и целью развития. У нас же пока нет ни штаба отрасли, ни стратегии ее развития, ни общей газеты или сайта, как у корейцев, и, как результат, уже несколько лет нет движения вперед. Исторический урок состоит в том, что крайне необходимые в современном бизнесе умения объединять усилия в отрасли мы не приобрели, не стремимся к освоению передового опыта и поэтому продолжаем отставать в организации пантового оленеводства в целом.

Хозяйственная деятельность практически всех первых мараловодов была основана на личном, в первую очередь, физическом труде. Огромное значение в работе с оленями имел личный опыт и информация, которую можно было почерпнуть от других. Самым сложным в пантовом производстве всегда был земельный вопрос. Мараловоды и тогда испытывали острую нехватку земли. Мне уже приходилось на общекраевых совещаниях мараловодов не один раз подчеркивать, что вновь наступило время, когда земельный вопрос становится краеугольным в бизнесе мараловода. Однако и этот исторический урок нами усваивается плохо, а практика показывает, что уже несколько мараловодческих хозяйств на Алтае несут серьезные убытки из-за неурядиц с землей. Испытания «землей» предстоит пройти всем без исключения мараловодческим фирмам на Алтае.

Вот уже почти 200 лет наша работа с пантовыми оленями строится по китайским и корейским правилам, которые все больше ужесточаются. По мере насыщения мирового рынка пантами из Новой Зеландии, Австралии, Китая, США, России, Канады и Южной Кореи цена на российские панты постепенно, пятилетними циклами, но очень последовательно снизилась с 750 долл. США в 1991 г. до 250–300 долл. США в 2013 г. Цены двигаются по принципу «вверх-вниз, вверх-вниз», но всегда вниз больше, чем вверх. Тактика корейцев и китайцев — торговать с русскими мараловодами раздробленно, но заранее согласованно — до сих пор успешно действует на алтайских производителей пантов. Исторический опыт показывает, что во все времена китайцы активно практиковали разные правила торговли: одни для работы с русскими производителями и продавцами пантов и другие для товарообмена между собой. Используя

наши национальные черты: не доверять, обманывать, «подставлять» друг друга (о чем пишут практически все исследователи XIX в.), китайские торговцы стремились всячески разобщить наших продавцов пантов, также они действуют и сейчас, формируя личные контакты покупателя и продавца. Однако продажа пантов во Внутреннем Китае проходила по тщательно выверенным и четко организованным правилам на специальных аукционах с настоящей конкуренцией. Нам необходимо искать более современные и эффективные способы продвижения пантовой продукции на внешний рынок.

В мараловодческих хозяйствах Алтая постепенно происходит процесс смены собственников этого специфического бизнеса. На смену директорам-владельцам, которые изнутри выросли в этом производстве, приходят люди с высшим образованием, но для которых мараловодство не является сердечной привязанностью. Если мараловоды первых поколений видели в своем деле трудный, но очевидный путь к успеху, достатку, признанию в обществе, то сейчас многие не прочь бы сменить этот бизнес на более простую и предсказуемую деятельность. В этой ситуации бизнесу необходимы новые моральные стимулы от власти, пропаганда значимости этого вида деятельности, которая при всей мощи сельскохозяйственного сектора экономики Алтая является его изюминкой, значение которой необходимо оценивать уже на духовном уровне. Без этого невозможно претендовать на особую роль Алтая для здоровья и счастья земляков, соотечественников и гостей нашей малой родины.

Глава II

ДЕЛО А.А. СИЛАНТЬЕВА

ВВЕДЕНИЕ

Работая в 2008–2009 гг. над книгой «У истоков пантового оленеводства», я просмотрел много материалов по становлению мараловодства и в очередной раз столкнулся с именем Анатолия Алексеевича Силантьева. Консультации показали, что даже работающие в области мараловодства современные исследователи не держали в руках работ А.А. Силантьева и ссылаются иногда на него через третьих лиц. Желание получить информацию о состоянии мараловодства на Алтае в конце XIX в. из материалов самого Анатолия Алексеевича только усилилось. К сожалению, ничем не помог интернет-ресурс. Пришлось заказать копирование нужных архивных материалов в Российском государственном историческом архиве и ждать целый год.

Каково же было разочарование, когда в присланных архивных материалах не оказалось ни одной работы ученого! Однако за полтора года все-таки удалось разыскать его основные статьи по мараловодству, и за бумагами вдруг открылся такой серьезный исследователь Алтая и удивительный человек, что не написать о нем просто невозможно. При этом важным было не повториться, поскольку в 1990 г. О.А. Егоров опубликовал замечательную работу о жизни Анатолия Алексеевича Силантьева.

Я с удовольствием цитировал ученого, чтобы сохранить авторство его идей, донести до читателя его великолепный слог, получить удовольствие от стилистических особенностей его текстов. Наконец, я понимал, что современные студенты, мараловоды-практики, управленцы в данной отрасли вряд ли сами доберутся до первоисточников, поэтому в первую очередь для них и написана эта работа.

В организации перехода современного пантового оленеводства России с экстенсивного пути развития на рельсы современной экономики и инновационных технологий всякий исторический опыт оказывает позитивное влияние. В этом смысле работа, конечно, претендует на определенное экономическое значение, но судить об этом лучше уважаемому читателю.

2.1. ОСНОВАНИЯ ДЛЯ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАССЛЕДОВАНИЯ» ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.А. СИЛАНТЬЕВА

В декабре 1899 г. управляющий одним из имений Самарской губернии И.М. Лисовский обратился в Департамент земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ с просьбой следующего содержания: «В №3 журнала «Наше хозяйство» за 1898 г. (с. 53) написано о выходе ... брошюры А.А. Силантьева «Марал и его будущая роль в хозяйствах сибирских крестьян» ... Позволяю себе обратиться в Департамент Земледелия и покорнейше просить указать мне, где и от кого можно приобрести брошюру А.А. Силантьева. ... в Департамент Земледелия обращаюсь, потому что г. Силантьев для исследования мараловодства был командирован Министерством Земледелия. Ученый, управляющий Лисовский [4]. Департамент земледелия не смог выполнить эту просьбу.

В 1910 г. журнал «Сельское хозяйство и лесоводство» отказывает Управлению государственных имуществ Енисейской губернии в предоставлении одного экземпляра отчета «о маральниках» по командировке на Алтай А.А. Силантьева, необходимого для решения вопросов, связанных с образованием специально для разведения маралов оброчных статей. Одновременно Департамент земледелия сообщает в Енисейское управление, что «управлению земледелия отчет А.А. Силантьева по командировке в 1897 году на Алтай все еще не представлен; лишь в журнале «Сельское хозяйство и лесоводство» в книге №3 за 1897 г. помещена статья Силантьева «Марал и его будущая роль в хозяйствах сибирских охотников». Для нужд Управления (Енисейского. — *Н.Ф.*) Департамент может указать на брошюру А. Кузнецова 1899 г. «Изюбриный промысел и разведение изюбрей в Забайкальской области» [5].

В 1912 г. в Департамент земледелия обращается правительственный агроном Приморской области А.Я. Эггенберг: «Имею честь просить выслать мне работу Силантьева о мараловодстве». Департамент вновь рекомендует искать этот материал в журналах «Сельское хозяйство и лесоводство» №3 за 1897 г. и «Охотничье хозяйство» №30 и №31 за тот же год [6].

Что же такое важное и новое опубликовал в этих журналах А.А. Силантьев, что вызвало такой интерес специалистов в разных концах Российской империи?

Постараемся выяснить вначале кое-что о личности самого А.А. Силантьева и обратимся к информации О.А. Егорова, который тщательно исследовал жизнь и деятельность Анатолия Алексеевича [1].

Внук бывшего крепостного крестьянина, Анатолий Алексеевич Силантьев родился в марте 1868 г. в Петербурге. Лишившись родителей на первом году жизни, он воспитывался в семье родственников. Учить мальчика начали рано — с пяти лет. «Жизнь ребенка была расписана по

часам и никаких послаблений не допускалось. Это выработало в нем ряд ценных качеств: усердие в труде, исполнительность и пунктуальность», — пишет О.А. Егоров [1].

С 1877 по 1885 г. А.А. Силантьев получал образование в Петербургском коммерческом училище, где изучал в том числе три иностранных языка. Успешно окончив училище, он решил серьезно заняться зоологией и в 1886 г. поступил в Лесной институт. Уже в студенческие годы под влиянием блестящих учителей А.А. Холодковского и В.В. Докучаева будущий ученый увлекся исследовательской работой, участвовал в научных экспедициях. Затем А.А. Силантьева, получившего звание ученого лесоведа, оставили при институте на два года для более глубокого изучения вопросов лесосохранения и лесной зоологии в качестве «стипендиата высшего оклада» [1].

В 1893 г. Анатолий Алексеевич был принят на работу младшим запасным лесничим в Лесной департамент Министерства земледелия и продолжал вести в Лесном институте практические занятия по биологии лесных зверей и птиц «с упором на их прикладное значение». «Такая направленность научных занятий Силантьева в какой-то мере и предопределила его интерес к вопросам охотоведения и охраны животных» [1].

В 1892 г. в России введен новый закон об охоте, но уже в феврале 1897 г. была образована особая подготовительная комиссия для выработки предложений о его изменении. А.А. Силантьев как представитель Министерства земледелия был привлечен к работе в комиссии, так как с весны 1896 г. он по поручению Департамента земледелия уже начал собирать материал для обзора промысловых охот в России. Для подготовки обзора Анатолий Алексеевич использовал «до полутора тысяч отдельных изданий, статей, заметок, а также материалов, хранившихся в архивах различных министерств... разработал специальную анкету для выяснения действительного состояния промысловой охоты... получил шестьдесят шесть ответов от губернаторов и четыреста пятьдесят семь ответов от лесных ревизоров и лесничих» [1].

В декабре 1896 г. А.А. Силантьев пишет в Департамент земледелия, что при составлении «Обзора промысловых охот в России» выяснилась необходимость выделения из всех видов животных марала и пятнистого оленя из-за их особого значения для экономики. «Специальные мероприятия» по охране этих животных, по мнению Силантьева, нужно провести, не дожидаясь «общего пересмотра законов об охоте». «Ввиду означенного я имею честь представить в Департамент Земледелия на рассмотрение записку «Марал и его будущая роль в хозяйстве сибирских крестьян» (с картой), в которой произведена сводка всего, имеющего значение для данного вопроса, и покорнейше просить о напечатании ее особо от составленного мною «Обзора промысловых охот», — пишет Анатолий Алексеевич [7].

Статья А.А. Силантьева «Марал и его будущая роль в хозяйстве сибирских крестьян» вышла в журнале Министерства земледелия и государ-

ственных имуществ «Сельское хозяйство и лесоводство» в марте 1897 г. В ней автор отмечает, что «крупный вид сибирского оленя, похожий на европейского обыкновенного оленя, ...а еще более на американского, от которого он почти не отличим», обитает вдоль всей южной границы Азиатской России. Он пишет, что этого оленя в Западной Сибири зовут марал, на Алтае — зверь, в Минусинском округе — сын, или сым, а в Восточной Сибири — изюбрь. Различия между ними А.А. Силантьев в этой статье не рассматривает и далее упоминает только марала, который «...неутомимо преследуется сибирскими охотниками ради мяса, ...по отзыву многих, весьма вкусного и питательного, или ради шкуры, ...или, наконец, из-за рогов: молодые, не затвердевшие еще рога марала весьма дорого ценятся китайцами, почему и составляют главную приманку для охотника» [2].

Рассматривая различные способы охоты на марала, А.А. Силантьев выделяет следующие:

- 1) «охота на трубу» в брачный период;
- 2) «зимнее преследование оленя на лошади, а чаще на лыжах с собаками или без них с тем, чтобы загнать животное в ложину, набитую снегом, в которой он тонет и попадает в руки промышленника... Нередко охотнику приходится гнаться за зверем верст двадцать и более, не отставая и ни на шаг не приближаясь к нему, пока тот не истомится»;
- 3) по насту: «Возмутительнейшая по существу охота... При удачном насте повсеместно в Сибири происходит самая ужасная и бессмысленная резня, какую только можно себе представить; в несколько дней убивают десятки тысяч коз, лосей, маралов и оленей... Население моментально обращается в какого-то ненасытного, алчущего крови зверя»;
- 4) ловля зверя в ямы: «Способ добывания также для него весьма губительный... Значительный процент свалившихся в яму зверей пропадает обыкновенно для промышленника непроизводительно»;
- 5) через «настораживание самострелов и самопалов в воротах городьбы или на тропах»;
- 6) на «любимых солонцах» марала [2].

А.А. Силантьев отмечает, что «правильно поставленный, законный и вполне своевременный промысел мало-помалу, силою обстоятельств обращается в хищничество и разбой». Истребление зверя ямами и по насту привело к резкому сокращению диких маралов, и «нередко целые партии промышленников, исколесив сотни верст, возвращаются домой с пустыми руками или даже совсем бросают промысел».

Далее Анатолий Алексеевич делает принципиально важный вывод: «Теперь как раз самая пора, если местами уже не слишком даже поздно, принять меры к охранению марала, как одного из самых ценных промысловых животных Сибири; пройдет еще несколько лет, и пантовка отойдет во многих пунктах Сибири в область преданий, а население лишится вместе с тем весьма солидного заработка» [2].

Никто до А.А. Силантьева не увязывал необходимость охраны дикого марала с перспективами развития новой отрасли хозяйствования для крестьянства. Делает он это очень глубоко и всесторонне, анализируя огромный фактический материал. Во-первых, он тщательно рассматривает данные по стоимости пантов в России и Китае за 50 лет; во-вторых, исследует пути движения пантов от «зверопромышленника» до Пекина, «центра потребления их, где цена на панты достигает баснословных размеров»; в-третьих, стремится уточнить количество продаваемых пантов из разных районов Российской империи в Китай. Наконец, ученый систематизирует полученные данные о «новой отрасли животноводства, разведении маралов». Только после этого А.А. Силантьев позволяет себе делать выводы и давать практические рекомендации о «прозябающей до сих пор выгодной отрасли хозяйства» [2].

Данные по стоимости пантов, собранные Анатолием Алексеевичем, настолько исторически и экономически ценны, что мы приводим их только с незначительными изменениями в оформлении таблицы.

Таблица 2.1

Таблица стоимости «маральных пантов» (1847–1896 гг.)

№	Год	Территория	Цена			Литературный источник
1.	1847	Восточная Сибирь	Хорошие рога в Кяхте стоят до 100 руб. серебром. Цена возвышается с каждым годом.			Щукин
2.	1767–1869	Приморский и Уссурийский края	За пару рогов на месте платят 60, 80, 100, а иногда и 120 серебряных руб.			Пржевальский
3.	1854	Восточная Сибирь	Китайцы дают за пару рогов 100–150 руб.			Черепанов
4.	1855	Приморский и Уссурийский края	За рога, снятые весной, китайцы платят 100–200 руб. ассигнациями за пару			Маак
5.	1858	Алтай	Рога марала ценятся до 50 руб. серебром			Попов
6.	1859	Алтай	Цена за пару рогов на реке Чуе (Алтай)			Ананьин
			Число отростков	Панты без гнезд	Панты с гнездами	
			1	10	20	
			2	20	40	
			3	30	50	
			4	60	80	
			5	70	90–100	
6						

Продолжение таблицы 2.1

7.	1863	Восточная Сибирь	Свежие рога на второй день в Кяхте 230 руб. пара (с 7–9-летнего изюбря). Лучшие сохраненные: 2–4 вершины — 3 и 5 руб. 8–16 вершин — 30–60 руб.	Щукин
8.	1865	Алтай	Пара рогов на р. Чуе оценивается в 150 руб.	Пранц
9.	1866	Восточная Сибирь	Китайцы платят за пару 100–200 руб.	Щукин
10.	1869	Алтай	См. данные Ананьина за 1859 г.	Вербицкий
11.	1873	Восточная Сибирь	В Баунте на ярмарке рога продаются по 50–0 руб. пара, по сравнению с югом Сибири	Поляков
12.	1874	Семиреченская область	Большие рога ценятся до 150 руб. за пару	Загряшский (г. Верный)
13.	1875	Семиреченская область	За 24 пары заплачено 1000 руб. (до 41 руб. за пару)	Хорошхан (г. Мазор)
14.	1875	Алтай	Пара рогов стоит 40–100 руб.	Звериный промысел на Алтае
15.	1876	Алтай	Пара рогов стоит от 30 до 150 руб.	Швецов
16.	1879	Алтай	Пара рогов стоит 50–50 руб.	Поляков
17.	1880	Алтай	Купцы скупают по 15–50 руб. за пару	Плотников
18.	1886	Приморский и Уссурийский края	На месте пара — от 20 до 250 руб. средняя цена — 78 руб.	А. С. Ш.
19.	1888	Приморский и Уссурийский края	Панты — 80–175 руб. из первых рук, непременно с лобной костью, а без нее — лучше всего 80 руб.	Надаров (Уссурийский край)
20.	1889	Алтай	Пара рогов (сухих) весит 5–0 фунтов, продается по 12 руб. за фунт. Стоимость — от 60 до 240 за пару	Обзор Томской губернии, 1889 год
21.	1889	Восточная Сибирь	Рога с домашних маралов продаются китайцам по 4 руб. за фунт	Кириллов
22.	1890	Алтай	Весною на месте (Мариинский округ Тобольской губернии) цена за пару пантов 75–250 руб.	Карачаров

Окончание таблицы 2.1

23.	1890	Алтай	Спиленные рога — по 4 руб. за фунт, с лобной костью — по 6–8 руб. за фунт. Максимальный вес — 60 фунтов пара (могут стоить 400 руб.), средний вес — 30 фунтов пара	По поводу статьи Карачарова
24.	1890	Алтай	В Бийском округе платят по 15 руб. за фунт, и каждый рог стоит от 150 до 200 руб.	Краснов
25.	1891	Алтай	В конце 1970-х гг. рога взрослых ценились по 50–60 руб. пара (по 4 руб. за фунт), а в 1890-х — по 100–120 руб. и более за пару (11–12 руб. за фунт)	Головачев
26.	1891	Алтай	Рога продаются в Китай по 80–100 и до 150 руб. пара.	Мэн
27.	1891	Алтай	Чаще всего попадают панты по 30–80 руб. пара, пудовые стоят 300 руб., попадают по 400 руб. за пару, но редко	С. Ю. (Из газеты «Сибирская жизнь»)
28.	1891	Тянь-Шань	Пара рогов в Кульдже стоит 100–180 руб.	Алфераки
29.	1891	Приморский и Уссурийский края	Пара пантов — до 175 руб.	Васильев
30.	1892	Восточная Сибирь	В южной части области продают иногда по 300 руб. за пару, а то и более	Обзор Забайкальской области, 1892 г.
31.	1882–1894	Сибирь	Пара рогов стоит 50–60 руб.	Обзор Семиреченской области
32.	1894	Приморский и Уссурийский края	Панты продаются в Китай по 50–200 руб. за пару	Грум -Гржимайло
33.	1895	Приморский и Уссурийский края	Панты изюбря продаются до 150 руб. за пару	Обзор Приамурской области за 1895 г.
34.	1896	Алтай	Рога до 1,5 аршина длины весом пара до 50 фунтов — цена от 15 до 20 руб.	Верещагин

При очень значительном разбросе цен, тем не менее, можно утверждать, что наблюдался стабильный рост цен на панты. Росло количество данных о торговле ими. Панты относились к товарам очень высокой потребительской стоимости. Однако в самом Китае цены на панты резко возрастали. А.А. Силантьев сообщает, что в 1859 г., по данным Ананина, простые панты из Сибири, стоящие 60 руб. за пару, в Китае продавались уже за 250 руб., а панты «с гнездами о 5–6 отростках» с 90–100 руб. дорожали до 350 руб. и более.

В 1889 г. Г.Н. Потанин отмечал, что «пара пантов в китайских лавках стоит иногда 600 руб.», чуть позже, в 1891 г., по данным Головачева, панты в Китае продавались практически на вес серебра (1 фунт = 11 лан = 22 руб.), а в Пекине цена возрастала до 100 руб. за фунт [2].

Таким образом, китайские цены были стабильно в 2,5–4 раза выше сибирских, что также говорило о высокой перспективности развития домашнего мараловодства.

А.А. Силантьев отмечал, что «торговля пантами производится весьма различным путем, в зависимости от местности». Выгоднее всего было продавать китайцам свежие панты, но большинство пантов продавалось уже обработанными. «Промышленник или мелкий скупщик прикрепляет к себе на спину в виде крыльев, просушенные и тщательно обернутые сеном и холстом панты, и пробирается верхом со своей драгоценной ношей через горы и лесные чащи до населенных мест, чтобы продать их с барышом» [2]. Русские торговцы, сообщал А.А. Силантьев, ездили за 200–300 верст и более в глубь тайги для закупки пантов.

Анатолий Алексеевич отмечал основные центры скупки пантов в России.

1. В Уссурийском крае «панты скупаются в большом количестве в селе Никольском».

2. В Забайкальской области «главным местом сбыта пантов является Кяхта».

3. На Алтае «главным центром торговли пантами является г. Бийск», хотя часть товара китайцы скупают прямо в Уймоне, а часть пантов — на ежегодной ярмарке на Чуе.

4. В Семиречье сначала сбывали панты в Китай через города Кульджа и Урумчи, но к концу XIX в. панты приобретали в городе Верном, а затем отправляли почтой через всю Сибирь в Кяхту и затем уже в Китай.

Далее панты попадали в китайские лавки в городах Маймачен, Кобдо, Калган, Долон-Нор, Урга, Улясутай, Нань-Си. Крупным центром продаж пантов на ежегодных ярмарках был город Гуй-хуа-чень, который принимал панты из всех названных городов [2].

А.А. Силантьев не раз подчеркивал, что «торговля пантами с Китаем обставлена весьма невыгодно для самих зверопромышленников и мелких торговцев, получающих лишь крохи по сравнению с тем огромным барышом, который уделяет себе большее или меньшее количество посредников» [2].

· Бийск — центр торговли пантами на Алтае.
Фото из фондов Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки

Остается добавить, что китайцами к концу XIX в. была выстроена стройная система продвижения пантовой продукции на рынок Китая, и подчеркнуть, что основную нагрузку оплаты многочисленных посредников принимал на себя китайский покупатель.

Справедливый Анатолий Алексеевич невольно выдвинул идею недостаточной оплаты за панты торговцами-посредниками, которая оказалась живучей до настоящего времени, хотя, безусловно, является спорной с экономической точки зрения.

Анализируя «Обзоры внешней торговли России» с 1852 по 1882 г., А.А. Силантьев составил таблицу вывоза сайгачьих и изюбровых рогов через Кяхту в Китай за период (табл. 2.2).

Таблица 2.2

Объемы внешней торговли рогами в 1852–1882 гг.

Год	Число рогов	Год	Число рогов	год	Число рогов
1852	107000	1862	–	1872	62000
1853	125000	1863	146000	1873	94000
1854	437000	1864	246000	1874	127000
1855	200000	1865	69000	1875	175000
1856	227000	1866	101000	1876	103000
1857	198000	1867	56000	1877	114000
1858	200000	1868	45000	1878	116000
1859	99000	1869	119000	1879	94000
1860	99000	1870	61000	1880	152000
1861	126000	1871	71000	1881	128000
				1882	106000
За 10 лет	1818000	За 10 лет	914000	За 11 лет	1271000

За 30 лет только через Кяхту официально было продано в Китай 4 млн экземпляров рогов. Конечно, в этом объеме большинство составляют рога сайгака, но, тем не менее, ежегодные продажи рогов изюбря (а контрабанда составляла и тогда не менее 50%) измерялись в среднем десятками тысяч штук в год [2].

Данные по продаже маральных рогов, собранные А.А. Силантьевым, также говорят об активном экспорте пантов маралов в 1870–1895 гг. По Семиреченской области эти данные (по Зенкову) выглядят следующим образом (табл. 2.3).

Таблица 2.3

Продажа пантов маралов в Семиреченской области

Год	Число пантов	Стоимость
1873	120 пар	4900 руб.
1874	180 пар	н/д
1875	447 пар	11845 руб.
1875	До 1000 пар	30000 руб.
1877	н/д	20000–30000 руб.
1882	400 пар	22000 руб.
1883	100 пар	6191 руб.
1884	н/д	10145 руб.
1885	н/д	4848 руб.
1886	н/д	6746

Из других источников Анатолий Алексеевич получил следующие данные о добыче оленей (табл. 2.4).

Таблица 2.4

Сведения о добыче оленей по А.А. Силантьеву

Территория	Год	Число добытых оленей
Семиреченская область (маралы)	1890	1195
	1891	302
	1892	341
	1893	334
	1894	360
Иркутская область (изюбри)	1861	98
	1862	109
	1863	30
Забайкальская область	1849	Более 800
	1863	Ежегодно до 250 пар рогов в Китай
Приамурский край	1886	60 пар на 10000 руб.

Ярким примером активности рынка является то, что «в 1887 году в г. Гуй-хуа-чен только купец Басов из Забайкалья продал 600–700 пар пантов на 38 000 рублей» [2].

Никаких серьезных данных по Алтаю в литературных источниках А.А. Силантьеву собрать не удалось, но он отмечал, «что в особенности на Алтае пантовка играет далеко не последнюю роль и результаты ее не могут выражаться такими мизерными числами».

Очень важный профессиональный вывод об экономической перспективе разведения пантовых оленей сделал Анатолий Алексеевич:

– во-первых, панты — это «товар, никакого значения иным путем не имеющий»;

– во-вторых, это товар, «получаемый со сравнительно небольшого количества животных»;

– в-третьих, это товар, общий оборот которого «простирается до нескольких сот тысяч рублей» [2].

А.А. Силантьев отмечает, что в начале XIX столетия возникла новая отрасль животноводства — разведение маралов. В Уймонской инородческой управе Бийского уезда «прочные основания этой отрасли положил в конце двадцатых годов Афанасий Чернов». В 1891 г. его сыновья имели уже более сотни оленей. Маралов ловили ямами или загоняли по глубокому снегу, накидывали на шею или рога веревку и вели домой сразу или выводили из леса весной, «временно содержали их на привязи в тайге» [2]. На третий-четвертый день плена даже взрослый марал брал хлеб и другую пищу из рук хозяина.

Вначале мараловодство проявлялось в следующих формах разведения животных:

- содержание 1–3 самцов в конюшне или во дворе при доме хозяина;
- содержание одних самцов на огороженных участках;
- содержание самцов вместе с самками (для получения приплода) за высокими загородками.

Последняя форма содержания встречалась еще редко, но была самой рациональной и определяла смысл понятия «мараловодство». Чаще всего выращивали только самцов, а поодиночке их держали даже в городах (Иркутск, Верный).

Анатолий Алексеевич установил по литературным источникам, что содержание маралов не было затратным — от 3 до 6 руб. на одну голову зимой. Как сообщает А.А. Силантьев, «по данным Щукина, в 1847 году содержание марала в год стоит не более 25 рублей, причем чистый доход с него равен 85 рублей. В 1875 году... доход от 24 ручных маралов определяется в 1000 рублей» [2].

Панты срезали разными способами:

- животное связывали веревками и валили на землю;
- марала со связанными ногами поднимали на воздух при помощи веревок, продетых под брюхо;
- использовали станок, в котором ковали лошадей;
- марала загоняли в суживающий забор [3].

А.А. Силантьев выявил два района, «густо покрытые маральниками»:

1. «Бийский округ Томской губернии, являющейся колыбелью мараловодства».
2. «Троицкосавский и Верхнеудинский округа Забайкальской области, лежащие по соседству с Кяхтой» — главным центром формирования цен на маральи рога.

От А.А. Силантьева мы узнаем, что «мараловодство издавна сосредоточено на уймонских и старых бухтарминских деревнях». Центром мараловодства считались деревни Язовая, Белая, Фыкалка и Сенная. Был маральник между деревнями Берель и Урыльская. В Кузнецком округе в 1860 г. разводили маралов около улуса Кузедеева. В деревне Шебалино у А.С. Попова с 1877 г. от пары маралов за 18 лет стадо достигло 40 голов [2].

А.А. Силантьев сообщает очень важные сведения по Забайкальской области. В Верхнеудинском округе, например, в бассейнах рек Чикай и Хилка держали изюбров в деревнях Кочены, Укир Шоной, Манда, Хилкотой, Байкор, Выезжая, Шинки, Тарбачатай, Кули, Новая Брянь, Талицы, Мухорширбари, Мухортал, Петровский завод, Хараус.

Еще более точные данные приводит Анатолий Алексеевич по двум чикойским волостям.

Таблица 2.5

Количество маралов в Коротковской и Красноярской волостях

Название деревень	Число пойманных в лесах		Число расплодившихся дома
	самцов	самок	
Коротковская волость			
Шимбилик	7	6	—
Осиновка	6	3	—
Захаровка	25	5	3
Фомичева	12	2	1
Дурнова	6	—	—
Большакова	6	2	—
Короткова	10	4	2
Борозоево	10	—	—
Красноярская волость			
Краснояр	18	5	2
Архангельское	30	3	3
Малоархангельское	11	1	1
Шибартуй	3	—	—
Итого:	144	31	1

Маральники встречались к востоку по рекам Шилка и Онон, а в Уссурийском крае — оленники в бухте св. Ольги и в долинах рек Сици и Суган [2].

Таблица 2.6

Данные А.А. Силантьева о количестве «домашних» маралов

Год	Источник	Содержание
Алтай		
1878	Ядринцев	В Бийском округе 235 маралов, включая самок и молодняк
1879	Поляков	В Бийском округе до 200 маралов, в т. ч. стадо сыновей Афанасия Чернова — до 70 голов
1882	Никольский	В Бийском округе не менее 330 маралов, в том числе: у Чернова в Уймоне — около 100; у Шарыповых в Фыкале — около 100; у Лубягина в Язовой — около 100; у крестьянина в заимке на реке Талице — около 20; у Кудрявцева на заимке близ Красноярки — около 10

Обзор Томской губернии		
1889		Томский округ по волостям: Алтайская, 2 деревни — 22 марала; Сростинская, 1 деревня — 17 маралов; Смоленская, 1 деревня — 35 маралов; Ануйская, 1 деревня — 81 марал Итого: 155 голов
1891	Головачев	В Бийском округе — 300–350 и более
1896	Нижегородская выставка	В четырех горных округах Алтая до 200 маралов В дер. Шебалино у А. С. Попова — 40, у Шадрина — 13
Забайкалье		
1849	Львов	Василий Акудинов держит 200 маралов
1889	Кириллов	В Верхнеудинском округе не менее 600 маралов
1895	Обзор Приамурского края	В верховьях реки Чикоя и Ингары содержится до 100 маралов
1896	Крюков	В Верхнеудинском округе 401 изюбр, в Троицком — 75. Итого: 476 голов
Южно-Уссурийский край		
1896	Крюков	В бухте св. Ольги и на Сучане содержится до 40 оленей

В конце 70-х гг. XIX в. маралы на Алтае стоили относительно дешево: самка — до 20 руб. и самец — до 50 руб., но за последующие 10 лет цена на оленей возросла. Уже в 1891 г. в Бийском округе за самку платили до 50 руб., а за самцов — 100–125 руб. В 1889 г. самцы стали еще дороже — от 80 до 200 руб. [2]. Можно утверждать, что такой рост цен на оленей был вызван не только ростом стоимости пантов, но и резко сократившейся возможностью отлавливать диких животных, которых становилось все меньше.

А.А. Силантьев первым сумел «приподняться» над собранными им многочисленными данными по разведению пантовых оленей и сделать выводы государственной важности. «Незвирая на доходность мараловодства, эта отрасль хозяйства весьма плохо развивается по весьма разнообразным причинам. Если мы проследим историю маральников, то увидим, что главный корень зла заключается в отсутствии каких бы то ни было законов, воспрепятствующих бесконтрольное истребление маралов в течение всего года всеми способами» [2].

Логика ученого состоит в следующем: чем меньше маралов продается, чем выше цена на них, тем меньше возможности «устройства новых маральников мелкими предпринимателями» и тем больше вероятность монополизации этой отрасли «немногими богачами-монополистами»,

больше опасность исчезновения отрасли «от каких-нибудь случайностей». Правительство, считал он, должно принять мараловодство «под свое покровительство». А.А. Силантьев предлагал следующие «мероприятия правительства»:

1. «Признание марала животным, заслуживающим безусловной охраны, и вытекающее отсюда воспрещение абсолютно всякого рода охоты на него в продолжение круглого года» [2]. Никакие другие решения, по его убеждению, результата не принесут. Несерьезным является аргумент, что «население лишится вкусной и здоровой пищи», так как остается охота на козулю и лося. В то же время «отсутствие прилития свежей крови диких экземпляров» может способствовать вырождению маралов или сокращению плодовитости.

2. Одновременно с запрещением охоты и «строгим наказанием за преследование маралов» население должно получить определенные льготы по разведению маралов:

– «бесплатный отвод необходимого для устройства маральника пространства земли»;

– «бесплатный отпуск леса для первоначального устройства и ежегодного ремонта изгороди маральника»;

– «объявление мараловодам, что ни теперь, ни впредь никаких налогов с них за эту отрасль хозяйства взиматься не будет».

«Причем покровительствовать следует не столько отдельным предпринимателям, сколько целым крестьянским обществам», — считал Анатолий Алексеевич [2].

3. Отлов маралов должен быть разрешен только по глубокому снегу (но не по насту) или ямами по письменному заявлению общества о желании создать маральник. Отлов необходимо контролировать по времени и месту «под непосредственным надзором и при участии лесной отрасли или чинов сельской полиции», а ямы обязательно по окончании отлова нужно зарывать. А.А. Силантьев считал наилучшим развитие мараловодства на «артельных началах».

4. Должна быть продолжена активная работа по дальнейшему изучению марала и развитию мараловодства. «Имея довольно скудные сведения о жизни марала на воле, мы в то же время не знаем в точности ни числа существующих маральников и количество содержащихся в них животных, ни размеров нашего отпуска пантов в Китай» [2].

Анатолий Алексеевич предлагал изучить устройство маральников, кормление, срезку пантов, их консервацию, «чтобы вызываемая нами к жизни, прозябающая до сих пор выгодная отрасль хозяйства, основываясь на точных указаниях науки и практики, могла служить действительным подспорьем для сибирского крестьянина, а не являлась бы предприятием, построенным на приблизительных соображениях по скудности или фантастичности имеющихся у нас сведений» [2].

2.2. ПОЕЗДКА А.А. СИЛАНТЬЕВА В ЮЖНУЮ СИБИРЬ ДЛЯ ОБСЛЕДОВАНИЯ МАРАЛОВОДСТВА НА АЛТАЕ

Записка А.А. Силантьева от 8 декабря 1896 г. о публикации материала «Марал и его будущая роль в хозяйстве сибирских крестьян» послужила началом его подготовки к поездке в Южную Сибирь для более подробного обследования мараловодства на Алтае. Это следует из помеченного на записке мнения министра. В 1897 г. А.А. Силантьев начинает готовиться к поездке:

– 8 апреля 1897 г. просит разрешить ему «воспользоваться для практики имеющимся фотографическим аппаратом, ввиду предстоящей... поездки на Алтай» [8], однако уже 24 апреля он возвращает его «за негодностью к употреблению» [9];

– 19 апреля запрашивает через департамент «материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири, необходимые для предстоящей... поездки на Алтай для правильного решения многих вопросов по мараловодству, имеющему тесную связь с экономическим бытом населения» [10];

– в апреле – мае решает многочисленные организационные и финансовые вопросы (покупка карт, приборов и пр.). Департамент земледелия направляет письма губернатору Семипалатинской области, томскому и омскому губернаторам с просьбой оказать содействие А.А. Силантьеву «для успешного выполнения возложенного на него поручения» [11].

20 мая А.А. Силантьев получает командировочное свидетельство от Министерства земледелия, а 22 мая — Открытый лист от министра внутренних дел, обязывающий сотрудников министерства оказывать помощь исследователю. В конце мая Анатолий Алексеевич выезжает в Барнаул. Здесь он знакомится с материалами по мараловодству, составляет опросную анкету для владельцев маральников и через полицию рассылает ее каждому мараловоду. В Барнауле А.А. Силантьев находит взаимопонимание с начальником Алтайского округа Василием Ксенофоновичем Болдыревым (1850–1916) [1].

Уже 17 июня Анатолий Алексеевич направил в Департамент земледелия рапорт о том, что реальные расходы настолько превысили ожидаемые, что «я понял всю безвыходность моего положения с теми средствами, которые мне ассигнованы на производство исследований». В этом рапорте он также отмечает, что «месяц тому назад приехал в горы князь Демидов Сан-Доминго с компанией англичан и забрал более 200 лошадей и все приспособления для перевозки багажа...» [12]. Богатый путешественник едва не сорвал командировку ученого.

Четыре месяца работы на Алтае оказались для А.А. Силантьева серьезным испытанием. «Надо, однако, признаться, — писал Анатолий

Главное Управление Землеустройства и Земледѣлія.

ДЕПАРТАМЕНТЪ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ.

По IV Отдѣленію

По 3 Столу

По Архиву

№ 28.

Разрѣз.

№ 125

Д Ъ Л О

1806 года.

О командированіи г. Силантьева
въ южную Сибирь для изслѣ-
дованія мѣстныхъ марало-
водства

Началось 19 года

Кончилось 19 года

На листахъ.

ЦГИА СССР
Фонд 398, к. 63, л. 17
125

Титульный лист дела А.А. Силантьева. Документ из фондов РГИА

Алексеевич, — что выполнение предназначенного маршрута далось нам не без некоторых усилий; неоднократно, под влиянием разных неблагоприятно складывающихся обстоятельств, случалось, что мы с моим спутником отчаивались совершить задуманное и чуть было не решили, махнув рукой на обозрение чудных картин природы, избрать более торный путь...» [3].

Знакомство с архивами поездки А.А. Силантьева на Алтай показывает, что это был очень организованный человек огромного трудолюбия и высокой порядочности, а такие люди всегда доводят начатое дело до конца. Например, уже через год после поездки на Алтай, 1 мая 1898 г., он писал в Департамент земледелия: «Имею честь довести до сведения Департамента Земледелия, что во время моей поездки летом 1897 года на Алтай мараловодом деревни Нижний Уймон, Нестером Ивановичем Ошлыковым, была убита по моей просьбе, безвозмездно, старая маралуха для изучения внутренностных паразитов, за что мною обещано было ему выхлопотать письменную благодарность командировавшего меня начальства» [13]. 11 июня 1898 г. такая благодарность от имени министра была отправлена Н.И. Ошлыкову в Мульту [14].

Предварительное сообщение об итогах работы на Алтае Анатолий Алексеевич сделал в статье «Исследование мараловодства на Алтае» (журнал «Сельское хозяйство и лесоводство». 1900. №4).

Вначале он дал определение новой отрасли: «Мараловодством называется содержание маралов и изюбров живыми на огороженных высокой изгородью пространствах — маральниках (изредка на дворе), с целью ежегодного отпиливания в первой половине лета молодых, не окостеневших еще рогов, так называемых пант, за выгодную цену сбываемых в Китай, где эти панты идут на приготовление целебных средств» [3].

Три месяца (с 13 июня по 10 сентября) понадобилось, по словам автора статьи, на исследование, в котором ему помогали студент Лесного института А.В. Серебряков и бийский стражник Коновалов.

Вначале пути были обследованы маральники «Шадрина в Мыюте, Попова в Шебалиной, калмыка зайсана Манджи Кульджина близ Тенгинской почтовой станции и Котельникова — в Онгудае» [3]. Затем изучались маральники по рекам Катуни, Чарышу, Бухтарме и др. Всего они «посетили 116 маральников из 201, существовавшего на Алтае, опросили 174 хозяина маральников». Через полицейское управление провели параллельный контрольный опрос для точности и полноты информации. Подобного обследования ни до А.А. Силантьева, ни в последующие 100 лет после него никто не проводил, и этим уже многое сказано о сложности и важности проделанного труда.

В ходе обследования маральников Анатолий Алексеевич изменил свое прежнее мнение о пионерах-мараловодах. Он сообщил после бе-

сед с Шарыповыми, что «мараловодство на Алтае зародилось на реке Бухтарме, в деревне Фыкалке в начале тридцатых годов. Дело началось с того, что некто Савелий Игнатьевич Ушаков, поймав живого марала бычка, держал его у себя в садочке (маральнике). Бычка этого купил у Ушакова... Авдей Парфенович Шарыпов, завел свой маральник и стал пополнять его новыми, добываемыми на воле зверями. Взяв себе в жены дочь Егора Васильевича Лубягина из деревни Язевой, Шарыпов познакомил своего тестя с новым способом эксплуатации маралов, продал ему несколько зверей и положил, таким образом, начало мараловодству в деревне Язевой» [3].

Черновы в Верхнем Уймоне, по данным А.А. Силантьева, не отрицали эту версию, ее подтверждал в 1882 г. и А.М. Никольский («Путешествие в Алтайские горы»).

Весь русский Алтай с точки зрения мараловодства исследователь разделил на четыре района:

1. Южный, или Бухтарминский, — самый старый и обильный маральниками, обнимающий собой бассейн реки Бухтармы.

2. Центральный, или Уймонский, — второй по давности заведения маралов, обнимающий реку Усть-Коксу и часть реки Катунь в ее течении с Запада на Восток, до устья реки Аргут.

3. Северо-Западный — занимающий систему рек Чарыша и Ануй и левых притоков Катунь в ее течении NNW (включая село Онгудай).

4. Северо-Восточный, или Улалинский, к которому отнесены все маральники, расположенные к востоку от рек Катунь и Оби [3].

Общие статистические данные, которые автор считал «преуменьшенными, так как, кроме всего прочего, в них заведомо не вошли маралы бийского купца В.Г. Бодунова (у него в 1894 г. было 20 голов маралов)», он свел в таблицу (табл. 2.7).

Таблица 2.7

Разведение маралов

Районы	Год начала мараловодства	Открыто маральников за 10-летие						Было в районах в 1897 г.		
		1830–1839	1850–1859	1860–1869	1870–1879	1880–1889	1890–1897	маральников	мараловодов	маралов
Южный	1835	1	1	4	6	53	43	115	163	1854/1787
Центральный	1857	–	1	3	3	20	19	46	65	741/734

Северо-Западный	1872	–	–	–	5	7	12	25	27	417/417
Северо-Восточный	1880	–	–	–	–	9	5	15	17+4*	168/163
		1	2	7	14	89	79	201	276	3180/3101

Примечание. В последней графе «маралы» числитель — данные по опросам автора, а знаменатель — данные по анкетам, полученным через полицию. Звездочкой (*) обозначены перекупщики маралов [3].

Число мараловодов больше количества маральников, так как у отдельных маральников было несколько владельцев, а некоторые мараловоды держали маралов в чужих маральниках. По девяти маральникам исследователю не удалось установить год их образования, поэтому они не попали в разбивку по десятилетиям.

В ходе обследования в Центральном (Уймонском) районе установлено, что «наиболее известными» являются братья-мараловоды Леон Родионович и Иван Афанасьевич Черновы, «отцы которых завели маралов в Верхнем Уймоне в конце 50-х годов. Однако приоритет Черновых оспаривался богатым мараловодом и торговцем Андреем Трифоновичем Ошлыковым, живущим в Нижнем Уймоне» [3].

Интересно, что маральники Черновых играли роль «торговых питомников», где бычки и матки не только приобретались за деньги, но и «в приданое за одной из многих родственниц Черновых ... В 1897 году один из уймонцев сначала загородил маральник, а уже потом начал свататься к Черновым» [3].

Пионерами-мараловодами Северо-Западного района, как установил Анатолий Алексеевич, были три брата: Лазарь, Никифор, Илларион Федоровичи Фоминых, организовавшие в 1872 г. на Чарыше, близ деревни Талицы, общий маральник. В 1897 г. у каждого из них были уже свои маральники, «а у Лазаря Фоминых даже два». Это были самые «солидные и дельные мараловоды Северозападного района» [3].

Маральники на северо-востоке появились лишь в 1880 г. в окрестностях Увалы, Тайной, Абабково и других деревень. Крестьянин С.Ф. Лапин в 1894 г. завел маральник в селе Среднекрасиловском Барнаульского округа, за 300 верст в стороне от остальных алтайских маральников. На Алтае действовали посредники по скупке и перепродаже маралов, например, от инородцев Прителецкой черни улалинским мараловодам. У некоторых из них имелись даже маральники для временного содержания оленей [4].

По концентрации маралов в собственности одного владельца были получены данные, приведенные в таблице 2.8.

Таблица 2.8

Количество маралов по отдельным хозяйствам

Число маралов	Число мараловодов по районам				Всего
	Южный	Центральный	Северо-Западный	Северо-Восточный	
1–9 голов	103	32	12	7	157
10–19 голов	21	11	9	4	45
20–29 голов	14	14	1	2	21
30–39 голов	4	2	2	1	9
40–49 голов	5	4	1	–	10
50–59 голов	3	–	1	–	4
60–69 голов	–	1	1	–	2
70–79 голов	–	1	–	–	1
80–89 голов	1	–	–	–	1
90–100 голов и более	1	–	–	–	1

Преобладал «мелкий промысел», так как из 251 владельца:

- у 157 лиц (62,5%) — менее 10 маралов;
- у 66 лиц (26,3%) — от 10 до 29 маралов;
- у 19 лиц (7,6%) — от 30 до 49 маралов;
- у 9 лиц (3,6%) — свыше 50 маралов.

Никакого монополизма в разведении оленей в то время, конечно, не было.

По площади преобладали следующие маральники: 45 маральников (41%) занимали каждый менее 5 десятин земли; 27 (24%) — 5–10 десятин; 24 (21,4%) — 10–20 десятин.

Более 56% маральников имели от 0,25 до 0,75 десятин на одного оленя. А.А. Силантьев пришел к выводу, что «на одного марала в среднем потребно около половины десятины для прокормления его на подножном корму с ранней весны до Покрова (1 октября)» [3]. Качество сена, овса, хлеба и соли, необходимых для зимнего содержания животных, так же, как и стоимость содержания их и затраты на «обзаведение маральником», очень разнились и обобщению не поддавались.

«Бесспорным является только тот факт, — подчеркивает автор, — что промысел этот весьма выгоден, и что многие семьи, раздобыв когда-то каким-нибудь способом мараленочка или бычка, благодаря получавшейся ежегодно с его головы жатве, стали на ноги, не говоря уже про тех, кому удалось, не ограничившись одним маралом, завести их несколько. Случается, что один такой удачный бык дает за всю свою жизнь хозяевам до 1000 и даже более рублей» [3].

По данным таможи, «в 1897 году с Алтая было вывезено в Китай 180 пудов сухого рога на сумму около 50 000 рублей... почти по 7 рублей за фунт...». Цены в конце 1880-х гг. доходили до 10–12 руб. за фунт, но в 1889 г. уже равнялись 8 руб., а в 1890 г. упали до 5 руб.,

и так продержались до 1894 г. После этого в 1897 г. цены поднялись до 7 руб. [3].

Данные о стоимости самих маралов по итогам 1895–1897 гг. А.А. Силантьев обобщил следующим образом (табл. 2.9).

Таблица 2.9

Данные о стоимости маралов (1895–1897 гг.)

Пол животного	Возраст животного, лет	Цена, руб.	У кого куплено
Самец	5–10	130	Матвеева в Катанде
Самец	2	100	Нагибина в Терехте
Самец	1	50	Коновалова в Язевой
Самка	Взрослая	100	Леона Чернова в Верхнем Уймоне
Самка	Взрослая	75	Нагибина в Терехте
Самка	2	57	Зайцева в Белой
Самка	2	40	Зайцева в Белой
Самка	1	50	Леона Чернова в Верхнем Уймоне
Самка	1	30	Зырянова в Белой
Самка	9 месяцев	45	Ивана Чернова в Верхнем Уймоне
Самка	2 месяца	26	Фомы Никулина в Язевой

А.А. Силантьев сообщает, что, «посетив в Улале старого мараловода Михаила Матвеевича Бодунова, решившего по случаю болезни прекратить занятие мараловодством, я узнал, что он крайней ценой считает гуртом быков по 100 рублей, маток — по 50 рублей и телят приплода 1897 года по 20 рублей за голову» [3].

В заключение своей статьи Анатолий Алексеевич делает вывод, что «для усиленного процветания и развития этой ценной отрасли животноводства на Алтае и для того, чтобы население могло полнее воспользоваться плодами своих трудов, необходимо:

1. Сохранение на Алтае маралов в диком состоянии как источника для прилива свежей крови к содержимым в маральниках животных.

2. Организация постоянных наблюдений и опытов в области техники мараловодства достаточно подготовленными для этого лицами, на обязанности которых должно лежать ознакомление мараловодов с более рациональными приемами, подача технических советов, равно как и ограждение их интересов.

3. Урегулирование торговли пантами» [3].

2.3. ПРАКТИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ А.А. СИЛАНТЬЕВА ПО ЗАПРЕЩЕНИЮ ОХОТЫ НА МАРАЛОВ В АЛТАЙСКОМ ОКРУГЕ

А.А. Силантьев не собирался ограничиваться только публикациями в защиту марала. «По пути домой, — сообщает О.А. Егоров, — он задержался в Барнауле, где подготовил для начальника Алтайского округа доклад «О мерах по охране диких маралов и поощрению мараловодства», который тот от своего имени должен был представить в кабинет царя... Сам А.А. Силантьев по возвращению после обработки материала подал доклад в свои инстанции» [1].

Уже 17 ноября 1897 г. обращение начальника Алтайского округа в Кабинет его императорского величества вернулось к министру земледелия на заключение. «Имея в виду, что маралы кроме Алтайского Округа водятся и в других частях Восточной и Западной Сибири, ведомство Министерства Земледелия и Государственных Имуществ, охрана в коих маралов от истребления имеет для вверенного Вам Министерства весьма важное значение, я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство, — пишет управляющий Кабинетом, — не отказать в сообщении Вашего заключения по поводу проектируемого Начальником Алтайского округа издания обязательного постановления о безусловном воспрещении охоты на марала» [15].

Заключение поручается готовить А.А. Силантьеву [16]. Уже 3 декабря 1897 г. он составил обстоятельное заключение, в котором утверждал:

1. Мараловодство на Алтае имеет действительно важное экономическое значение, являясь промыслом, постепенно растущим и имеющим... все шансы на широкое развитие в будущем.

2. При отсутствии прилива крови вновь пойманных диких животных начинают проявляться признаки вырождения в форме значительного понижения плодovitости... есть необходимость пополнения маральников родившимися на воле экземплярами, только при наличии их в том районе, где занимаются мараловодством.

3. Во всех главнейших центрах развития мараловодства на Алтае ... вследствие несвоевременной охоты и нерациональных способов ловли маралов для содержания в неволе... животное окончательно исчезло или стало чрезвычайно редким... Дикий марал на Алтае должен быть животным неприкосновенным, которого нельзя убивать ни под каким видом.

4. Ловлю маралов какими бы то ни было способами следует, безусловно, воспретить... и предоставить населению право искать в тайге молодых, только что родившихся маралят. ...во избежание истребления всего приплода, такие поиски могут быть разрешены через год [17].

Свое заключение Силантьев заканчивает словами: «Мною будут доставлены в скором времени сведения о том, в какой форме именно должно быть выражено содействие мараловодству на Алтае, и вообще все, могущие интересовать местную администрацию подробности касательно этого промысла» [17].

Распространенный ранее по всему Алтаю марал в конце XIX в. стал встречаться только в самых недоступных местах. Карта из фондов Бийского краеведческого музея им В.В. Бианки. Художник В.К. Заборский

Государем императором 16 апреля 1898 г. в пределах Алтайского округа была запрещена охота и ловля маралов и разрешено населению ловить молодых маралов в сроки, определяемые Главным управлением Алтайского округа [18].

Чтобы запрет на охоту и отлов взрослых маралов можно было реализовать в условиях существовавшей полицейской и судебной практики контроля, понадобились правила ловли маралов, которые А.А. Силантьев разработал по просьбе начальника Алтайского округа в конце июля 1899 г.

Правила добычи диких (польских) маралов и содержания их в маральниках на землях Алтайского округа Кабинета Его Величества

1. *Всякого рода охота на диких (польских) маралов и маралух и телят, равно как и ловля их живыми в какое бы то ни было время года, в пределах Алтайского округа Кабинета Его Величества, совершенно воспрещается, за исключением случаев, указанных во 2-й статье этих правил.*

2. Для пополнения маральников добытыми на воле зверями разрешается с 1 мая до 15 июня разыскивать на местах, где водятся маралы, только что родившихся, не бегающих еще маралят (первые 3–4 дня их жизни), брать их себе живыми, продавать в чужие маральники или держать в своем собственном.

3. Всякий пойманный в законное время живой мараленок, содержащийся в маральнике, метится в первое же лето, до 1 сентября, пока он еще пятнист, какой-нибудь постоянной, не исчезающей со временем меткой, например, вырезкой на ушах, наложением тавра и т.п. Равным образом в течение 1899 года все прочие маралы, маралухи и телята их, содержащиеся уже в маральниках, должны быть перемечены своими хозяевами, кто из них как желает. С 1 января 1900 года всякий зверь, убежавший из маральника и снова туда загнанный или добровольно вернувшийся, должен уже иметь старую метку, вследствие чего с этого срока все маралы и маралухи (кроме только что родившихся телят), приводимые в маральник без метки, будут считаться добытыми незаконно и облагаться соответствующим штрафом.

4. Продажа, покупка, промен и перевозка живых меченых зверей всех возрастов разрешаются во всякое время года, не меченых же маралят можно продавать и покупать только до 1 сентября.

5. Молодые рога марала (панты) могут поступать в продажу только спиленными, почему каждый, у кого найдутся рога с лобной костью, будет оштрафован, не входя в рассмотрение того, сам ли он убил марала или перекупил рога у кого-нибудь другого.

6. За поимку на воле или содержание у себя незаконно пойманных зверей взывается штраф в размере 50 рублей с каждого марала и маралухи годовалого возраста и старше, и 25 рублей с мараленка по первому году (с 15 июня по 1 мая следующего года). Помимо взыскания штрафа, отбираются также и сами незаконно добытые звери и отпускаются на волю или же продаются в пользу Управления Алтайского округа.

7. За убой маралухи во всякое время года, а марала с 1-го мая по 1-е июля взывается по 100 рублей с головы, если промышленник уже успел продать панты и за марала по 50 рублей, если у него последние конфискованы. За марала, убитого с 1-го июля по 1-е мая, и мараленка по первому году до 1-го мая, взывается по 50 рублей [19].

Министр земледелия и государственных имуществ Ермолов 6 февраля 1901 г. поддержал проект правил добычи диких маралов, и эти правила стали действовать на территории Алтайского округа.

Более того, по сообщению О.А. Егорова, «для поощрения развития мараловодства казенные лесничества получили указание выделять в аренду казенную землю на длительный срок на самых льготных условиях, а также отпускать бесплатно лес на устройство изгородей, станков, строений и прочего. Новая отрасль не облагалась налогом» [1].

Решение о запрете на охоту и отлов маралов на практике иногда пытались обойти, в том числе и обращениями на самый верх власти. Изучая архив А.А. Силантьева, мы разыскали, например, заказное письмо.

*Его Высокопревосходительству
Господину Министру Внутренних Дел
инородца Томской Губернии Бийского Уезда,
Коксинской инородной управы,
проживающего в селе Мыютинском
Мыютинской инородной управы,
Николая Филимоновича Козлова*

Прошение

Желая иметь домашних маралов, я намерен устроить их ловлю собственнo для приплода, но без всякой гонки и другого для них вреда, а исключительно прикормом солью, устройством пригона, последний должен быть не более 10 квадратных аршин, вышины в 4 аршина... место ловли предполагаю иметь в Бийском уезде — 1-ой Мыютинской тайге.

А потому осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство разрешить мне произвести собственнo для развода маралов выше сказанным не могушем им принести никакого вреда способом и о распоряжении, какое следует благоволить дать мне знать через Мыютинскую инородную управу. Апреля 24 дня 1901 года, к сему прошению своеручно подписуюсь. Инородец Н.Ф. Козлов [20].

20 мая 1901 г. министр внутренних дел получает заказным письмом прошение, а 23 мая 1901 г. его переправляют в Министерство земледелия, 29 мая 1901 г. письмо поступает к А.А. Силантьеву для подготовки заключения, который служит в Министерстве земледелия исполняющим обязанности специалиста по прикладной зоологии и промысловой охоте.

На основании заключения А.А. Силантьева от 18 июня 1901 г. прошение начальнику Алтайского округа своим рапортом от 5 сентября 1901 г. руководство Алтайского округа в Кабинет сообщает о том, что «не представляет возможности предоставить заключение по ходатайству Козлова». В то же время заведующий земельно-заводским отделом Кабинета генерал Болдырев отвечает, что «полагал бы означенное прошение инородца отклонить, о чем и имеет честь предоставить на благоусмотрение Вашего Превосходительства». Прошение окончательно отклонено министром 15 ноября 1901 г. [21].

Для понимания точки зрения Анатолия Алексеевича мы воспроизведем его заключение в полном объеме.

«На запрос Департамента Земледелия от 29 мая 1901 года за № 14789, по поводу прошения инородца Томской губернии Бийского округа, селения Мыюта, Николая Козлова имею честь предоставить следующее заключение.

1. Бийский округ входит в состав Алтайского горного округа Кабинета Его Величества, на землях которого, по представлению Начальника Алтайского округа (на основании моих исследований в 1897 году), удостоившегося по всеподданнейшему докладу Министра Императорского Двора, 16 апреля 1898 года Высочайшего Соизволения совершенно воспрещена в пределах округа стрельба и ловля какими бы то ни было способами взрослых маралов, ловля же телят их предоставлена населению, для содержания в маральниках, в определяемые Главным Управлением Алтайского округа сроки. Кабинет Его Величества настолько строго преследует цель ограждения диких маралов на Алтае от истребления, в интересах мараловодства, что отказал даже в разрешении стрелять маралов с научной целью экспедиции господина Игнатова, отправившейся на Алтай весной 1901 года.

2. Ловлю взрослых диких маралов, по моему мнению, нельзя разрешать никому, даже самыми безобидными ловушками, потому что при удовлетворении одного ходатайства направляются десятки других, для отклонения которых не будет уже никакой логической причины, после чего всякий контроль станет невозможен и в результате будет преждевременно повальное истребление зверя.

При существующем же на Алтае порядке население вовсе не лишено возможности пополнить свои маральники и заводить новые добыванием маралов и притом наиболее разумным и безопасным для их жизни способом. Временно исполняющий обязанности старшего специалиста по прикладной зоологии и промысловой охоте А. Силантьев» [22].

Отношение к мараловодству усилиями Анатолия Алексеича постепенно менялось. Если, например, в апреле 1896 г. обращение в Кабинет крестьянина Томской губернии Бийского округа Алтайской волости деревни Чечулиха Федора Головина «о бесплатном отпуске леса на устройство маральника ввиду значительной доходности названного промысла» по рекомендации начальника Алтайского округа Болдырева было отклонено [23], то в 1901 г. в описании маральника крестьянина Лупковского Канского уезда Енисейской губернии мы находим, что «для разведения маралов в питомнике государство выделило ему безвременно 20 десятин земли, 16 десятин сдало на льготных условиях под покосы» [24].

Проблемы у мараловодов, конечно, оставались. Наиболее сложно решались вопросы развития маральников в окружении общинных земель. Крестьянину деревни Большой Башелак Бийского уезда Семену Быкову 9 октября 1903 г. было отказано в отводе участка земли под маральник, так как он уже находился в границах общего землепользования [25].

Все прошения мараловодов, тем не менее, разбирались долго и тщательно. Степан Семенович Лубягин, мараловод из деревни Язовой Верх-Бухтарминской волости Томской губернии, 22 мая 1892 г. послал прошение на имя министра земледелия о разрешении содержания маралов

Фото семьи мараловода Быкова из Б. Башелака.

Из фондов Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки

около деревни Язовой, которое окончательно было разобрано только в декабре 1906 г., так как касалось его взаимоотношений с земельными интересами общества [26]. Выделить земли под маральник из общинных земель не разрешалось [27].

В июне 1909 г. известный алтайский мараловод А. Попов из деревни Шебалиной просил министерство торговли и промышленности уладить в его пользу земельные споры с местным крестьянским обществом, сообщая при этом, что «сельское общество д. Шебалиной, к которому он принадлежит, облагает лиц, занимающихся мараловодством, сбором, увеличивая его ежегодно и доведя в 1909 году до одного рубля с каждого марала, в том числе и самок, никакого дохода не дающих». Кроме того, А. Попов жаловался также, что «калмыцкое население» во всякое время года продолжало «истреблять маралов» [28].

В целом в Сибири «всякая охота на марала» не была запрещена, да и на Алтае было немало нарушителей закона, но принятые меры дали свои положительные результаты. Газета «Сибирская жизнь» (№4, 19 сентября 1902 г.) в статье «Мараловодство в Горном Алтае» сообщала, что «мараловодство в Горном Алтае со времени издания запретительного закона об уничтожении и ловли маралов до известного возраста начало привлекать к себе все более и более внимание сельского населения и отдельных маралопромышленников». Горный Алтай стал давать около половины (4800 кг) всего экспорта пантов России в Китай [29].

2.4. УСИЛИЯ А.А. СИЛАНТЬЕВА ПО РАЗВИТИЮ ПАНТОВОГО ОЛЕНЕВОДСТВА В СИБИРИ

А.А. Силантьев совершенно обоснованно подчеркивал необходимость «организации постоянных наблюдений и опытов в области техники мараловодства». Отрасль находилась в стадии начального этапа развития, когда энтузиазм, коммерческий интерес и личный опыт мараловода определяли успех дела.

В.К. Анфилов в статье «Наше оленеводство», которая вышла 16 ноября 1911 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости», отмечал: «...не в лучших условиях находится наше хозяйничание над восточным оленем — маралом... Надо сознаться, что алтайские крестьяне занялись мараловодством хотя и по собственной инициативе, однако ведут это дело далеко не вдумчиво и вовсе не умело. Нужно удивляться, как еще при таких условиях идет у них производство. «Хозяйственные» маралы у них помещаются в тесных огорожах, а то и в темных коровьих хлевах... Пастбища для маралов плохие, «вытолченные», без всяких прикрытий от палящего солнца, оводов, мошки и прочего «гноса»... Без сомнения, такое слишком простое ведение хозяйства сильно отзывается на результатах дела... А, между тем, мараловодство, будучи поставлено на надлежащую высоту, обещает немалые барыши. ...Ведь даже и теперь, при ведении этого хозяйства самым примитивно-варварским образом, алтайские крестьяне и то охотно платят за самцов-маралов от 75 до 200 рублей за голову... Эта отрасль отечественной зоопромышленности, хотя и не имеет большого государственного значения, а служит лишь местной экономии, но, во всяком случае, прямо-таки вопиет к правительству об организации хотя бы одного парка или питомника, способного готовить практиков-мараловодов, необходимых на роли инструкторов... Ах, как много у нас дела на этом интересном и важном поприще! Сколько захватывающих перспектив, и какая масса благодарного материала для их достижения. Не может быть, чтобы не нашлось у нас и людей, готовых посвятить себя разработке этого дела. ...Не хочется этому верить!» [30].

А.А. Силантьев, без сомнения, понимал, что наилучшим вкладом его в дело улучшения технологии мараловодства было бы издание книги, обобщающей все результаты его исследований, и предпринял активные действия по подготовке такой книги. Уже 3 февраля 1898 г. он обратился письмом к своему министру, в котором предложил разрешить ему обсудить с начальником Алтайского округа генералом Болдыревым вопрос «о совместном издании «Исследования мараловодства на Алтае» Министерством земледелия и Кабинетом Его Величества». Анатолий Алексеевич деликатно отмечал, что «на практике же подобные большие работы предварительно печатаются за гонорар в каком-нибудь журнале, и потом уже в печатанном виде предоставляются в Министерство. ...я покорнейше прошу Ваше Превосходительство разрешить мне получение из Каби-

нета Его Величества ... гонорара за предстоящий труд по мараловодству в таком размере, в каком Кабинет признает это возможным... На окончание работы потребуется годичный срок...» [31].

В начале мая 1898 г., работая над книгой, Анатолий Алексеевич через свой департамент дополнительно запрашивал в Министерстве финансов информацию о том, «сколько пар маральных рогов, какого веса, кем именно и откуда (а также, по возможности, куда) было вывезено по каждому из таможенных пунктов нашей азиатской границы за последние пять лет (если возможно, то лучше и за больший срок)» [32].

В это же время Анатолий Алексеевич предоставил в департамент следующее оглавление будущей книги: «Программа исследования мараловодства на Алтае в 1897 г. по поручению Министерства Земледелия и Государственных Имуществ, произведенного А.А. Силантьевым».

Предисловие

Часть 1. Иллюстрированный очерк поездки на Алтай летом 1897 года для изучения мараловодства

Маршрут с картой. Путевые заметки о наиболее интересных посещениях пунктах местной природы, животных, населения и охотничьем промысле, иллюстрированные многими чертежами и фотографическими снимками. Маршрут: Барнаул, Бийск, Алтайское, Шебалина, Онгудай, Теньга, Казрыльк, Верхний Уймон, Котонда, Кокса, Абай, Чечулиха, деревни по р. Бухтарма от Пихтовки до Черновой, Березовка, Карагем, Курай, Курайская степь, р. Башкаус, р. Чулышман, Телецкое озеро, Кебезень и возвращение в г. Бийск.

Часть 2. Естественная история марала

Глава 1. Описания и изображения маралов разных возрастов, отличия их от других близких видов оленей. Развитие и форма рог[ов] в зависимости от возраста животного.

Глава 2. Периодические явления в жизни марала — течка, беременность, рождение телят и развитие последних, отступление от нормы. Смена рог[ов] и развитие новых. Линька. Пища и болезни маралов.

Глава 3. Районы современного обитания маралов в диком состоянии на Алтае.

Часть 3. Мараловодство

Глава 1. Исторический очерк мараловодства на Алтае. Центры развития этого промысла и статистика современного мараловодства на Алтае. Экономическое значение промысла и отношение к нему населения. Охота на диких маралов.

Глава 2. Маральники. Обзаведение маральником. Разные способы добычи маралов живыми. Выбор места под маральник. Разные системы изгородей и урочные данные для устройства их. Площадь нормального маральника при разных условиях. Планы и фотографические снимки осмотренных маральников. Уход за маралами в неволе — кормление, водопой и защита от климатических влияний.

Глава 3. Эксплуатация домашних маралов. Приспособления для спиливания рогов — загоны и станки. Спилка рог[ов] без станков. Наилучший тип пилы. Заживление среза. Сроки спиливания рог[ов]. Заваривание, сушка, вес и размеры пант.

Глава 4. Торговля пантами. Условия сбыта пант местными мараловодами. Скупщики мелкие и оптовые. Цены. Укупорка и трансформирование пант в Китай. Размеры вывоза.

Часть 4. Заключение

Меры, необходимые для сохранения марала и других промысловых животных на Алтае и для возможного содействия местному мараловодству.

А. Силантьев [33]

Зная глубину других работ А.А. Силантьева, можно утверждать, что работа стала бы настольной книгой мараловодов на десятилетия вперед.

Затраты на издание книги были оценены в 3000 руб., и 5 октября 1898 г. «Управляющий Кабинетом Его Величества признал возможным принять на счет Кабинета Его Величества половинную часть расходов на издание труда Силантьева «Исследование мараловодства на Алтае»..., но не более 1500 рублей и с предоставлением Кабинету 100 экземпляров этого издания» [34].

По техническим причинам издание книги было перенесено вначале на 1901 г., а затем в связи с финансовой волокитой сроки печатания стали неопределенными.

В архиве есть черновик письма Департамента земледелия от 24 ноября 1910 г. старшему специалисту по прикладной зоологии А.А. Силантьеву следующего содержания: «В апреле 1905 года Департамент Земледелия уведомил Вас, что по существующим в Кабинете Его Величества правилам сумма, необходимая на покрытие принятой Кабинетом половины расходов на издание труда Вашего «Исследования мараловодства на Алтае», может быть отпущена в распоряжении Департамента земледелия лишь по изданию упомянутого труда и по сообщению Кабинету Департаментом общей суммы произведенных на издание расходов. Просим Вас при этом известить, когда же можно рассчитывать на окончание и предоставление Вами вышеуказанного труда» [35]. Скорее всего, возник замкнутый круг, когда Кабинет не мог оплатить свою часть заранее, а подготовить работу к изданию без половины ее стоимости также не предоставлялось возможным. В этом смысле ничего не изменилось в нашем государстве и 100 лет спустя.

В августе 1898 г. А.А. Силантьев специальным рапортом убедил Департамент земледелия «уступить приобретенные мною на Алтае на счет авансов образцы шкур промысловых животных, рог[ов] козлов и маралов и маралью трубу в устраиваемый при Санкт-Петербургском Лесном институте кабинет охоты, для которого эти предметы составят ценный вклад» [2, л. 78]. Он стремился донести полученные в экспедиции материалы до студентов в частности и до широкой аудитории в целом, содействовал пропаганде возможностей мараловодства любыми доступными средствами.

Важнейшим условием успешного развития мараловодства ученый считал «урегулирование торговли пантами». Можно предположить, что этот пункт его программы возник как результат общения с большинством мараловодов в ходе экспедиции 1897 г. на Алтай, однако сопоставление цен при их закупке на местах и продаже уже в Китае также приводили Анатолия Алексеевича к мысли искать более справедливые механизмы продвижения пантовой продукции на китайский рынок. Уже упомянутая нами газета «Сибирская жизнь» в статье «Мараловодство в Горном Алтае» отмечала, что «один фунт сухих рогов на месте производства стоит от 8 до 9 рублей, а на месте их сбыта в Китай до 14 и более рублей ... Доход от одного марала колеблется в пределах 25–100 руб. на месте производства, в пределах 42–168 руб. в пределах сбыта (Китай)». При годовой выручке за 300 пудов алтайских маральных рогов в 170 000 руб. почти 70 000 руб. доставались посредникам [29].

А.А. Силантьев предполагал, что роль справедливого посредника могло бы взять на себя государство, но развития этого тезиса в работах ученого найти не удалось. Мне представляется, что у Анатолия Алексеевича объективно не могли появиться тогда реальные практические мероприятия в этом направлении.

Во-первых, он не мог еще зафиксировать, что рынок пантов при его росте, тем не менее, являлся «дышащим рынком». Например, газета «Новое время» 7 июля 1915 г. в Санкт-Петербурге опубликовала заметку «Мараловодство», в которой сообщила из Бухтармы, что «политические события в Монголии и Китае отражаются весьма вредно на алтайском мараловодстве. За отсутствием сбыта пантов... Прежде продавали по 12 руб. за фунт, ...ныне случайные китайцы предлагали ...лишь по 2 рубля за фунт. Скупщиков нет. Многочисленное... население лишается главной статьи дохода. Следовало бы организовать сбыт без посредников через Дальний Восток в Китай» [37].

На Алтае снижение спроса на панты отмечалось еще раньше — в 1912 г. Если бы на такое падение цен «угодил» один монопольный продавец, то разорился бы и он, и большинство мараловодов. До настоящего времени механизм распределения рисков на пантовом рынке между мараловодами и посредниками в основе своей не изменился.

Во-вторых, в то время схема продажи пантов была меновой и многоступенчатой: вначале в Монголии рога меняли на китайское серебро в слитках, затем это серебро меняли в Монголии же на чай, шерсть, кожи, скот и уже этот товар реализовывали в России за рубли. Такие схемы позволяли экономить на ввозных пошлинах, но требовали специальных знаний и объективно были по силам только торговому капиталу с его постоянной готовностью рисковать за высокий доход.

Вопросы, связанные с развитием мараловодства, постоянно оставались в поле зрения А.А. Силантьева. За материалы по биологии марала и мараловодству в январе 1898 г. на юбилейной выставке Общества правильной охоты он получил малую серебряную медаль.

В 1902 г. в шестом томе «Полной энциклопедии русского сельского хозяйства» была помещена статья Силантьева «Оленеводство и мараловодство».

В июне 1908 г. была реализована инициатива ученого о введении обязательного курса «Биология лесных зверей и птиц в связи с промысловым охотоведением» в Лесном институте [1].

«Особой гордостью А.А. Силантьева был созданный им кабинет охотоведения, насчитывающий около 6000 предметов», — отмечает О.А. Егоров [1].

В феврале 1911 г. в Министерстве земледелия по инициативе Анатолия Алексеевича было создано специальное Делопроизводство по охоте, он стал руководить этим отделом. Когда в апреле-мае 1911 г. встал вопрос о сдаче с торгов 12 маральников в Алтайском лесничестве, то Департамент земледелия рекомендовал не выставлять на торги уже существующие маральники, а «взимать с владельцев за пользование землей без торгов по справедливой оценке...» [38].

Уже 20 июня этого же года А.А. Силантьев подготовил письмо в Управление земледелия Министерства земледелия, в котором отметил, что «озабочиваясь правильной постановкой полезных для сельского населения малонаселенных областей Сибири подсобных промыслов и намереваясь в ближайшем будущем принять меры к возможному развитию весьма выгодной отрасли животноводства — мараловодства и изюбредоводства», Департамент земледелия нуждается в статистических данных о современном распространении маральников и «просит собрать через посредство лесных ревизоров и лесничих материал по прилагаемой программе» для «наилучшего содействия возможно быстрому развитию этой отрасли...» [39].

К письму прилагалась «Программа вопросов о состоянии мараловодства (изюбредоводства):

1. Число маральников.
2. Где находится (уезд, лесничество, ближайшие селения и расстояние от него), каждый из них.
3. Площадь каждого из них.
4. Кому принадлежит.
5. Когда устроены.
6. Сколько содержится животных — самцов, самок и приплода 1911 года.
7. Сколько из них: поймано на воле взрослыми, выкормлено из найденных на воле телят, куплено из чужих маральников и получилось собственного приплода.
8. Какая стоит цена на живых самцов, самок и телят.
9. Почем за фунт скупают панты, кто скупает и куда они идут. Не понижается ли спрос на панты.
10. На чьей земле устроен маральник и сколько платится за это в год аренды.
11. Есть ли у населения стремление заводить новые маральники и что препятствует осуществлению этого» [40].

Запросы были направлены в Туркестанск, Иркутск, Енисейск, Акмалин, Приамурск. В это же время Анатолием Алексеевичем был подготовлен запрос министру иностранных дел с просьбой через консулов помочь собрать следующие сведения:

«1. В каких городах Китайской империи сосредоточен оптовый торговый пантами, кем и откуда доставляются партии, в какое время года и по какой цене приходят на рынки, куда окончательно направляются, равно как и все данные, освещающие условия торговли этим товаром в Китае.

2. В каком виде и для какой надобности потребляются панты в Китае... каким образом выделяются из них дальнейшие продукты. Весьма желательно получить образцы всех таковых продуктов (за исключением самих пантов в неизменном виде) с указанием их цен, назначения и с переводом надписей на них с китайского языка на русский.

3. Нет ли на китайском книжном рынке сочинений на иностранных или китайских языках, касающихся вопроса об употреблении самих пантов и получаемых из них продуктов, равно как и о способах их переработки, и не известны ли местным консулам какие-нибудь сведующие по данному вопросу лица, к которым можно было бы обратиться за специальными разъяснениями.

4. Не наблюдается ли в настоящее время с появлением в Китае стремлений примкнуть к европейской культуре, тенденции утрачивать веру в действительность традиционных народных средств, каковыми являются панты, и не предвидится ли поэтому в ближайшем будущем прекращения спроса на этот товар» [41].

Постановка данных вопросов показывает, как глубоко и на перспективу Анатолий Алексеевич просматривал развитие пантового оленеводства. Такому маркетингу не стыдно поучиться и сто лет спустя.

Архивы не сохранили ни результаты обследования мараловодства и изюбредоводства в 1911 г., ни материалы так и не изданной книги об исследовании мараловодства на Алтае, но уважительное отношение к маралу и мараловодству, и в первую очередь в Алтайском округе, А.А. Силантьеву сформировать удалось. В марте 1915 г. начальник Алтайского округа обратился в Министерство земледелия с предложением изучить возможность запрета охоты на марала и в соседней Енисейской губернии, так как и маралы, «отыскивая себе пищу, периодически два раза в год переходят из одного лесничества в другое, и охотники, получая билеты в Енисейской губернии, заходят за маралом в пределы Алтайского округа, подрывая запрет 1898 года» [42].

В дальнейшем Анатолий Алексеевич активно поддерживал идею промышленного звероводства (марал, соболь, лиса и др.), читал лекции о пантовом хозяйстве Сибири, готовил своих учеников, ставших в будущем знаменитыми учеными, организовывал изучение зарубежного опыта звероводства, разрабатывал меры по сохранению соболя и упорядочиванию соболиного промысла. «Главным итогом деятельности А.А. Силантьева в период 1911–1916 годов следует признать создание им первой отечественной школы охотоведения», — писал О.А. Егоров [1].

В сентябре 1917 г., в период деятельности Временного правительства, Анатолий Алексеевич возглавил отдел охоты, подготовил доклад «Охота как отрасль народного хозяйства России», в котором определил основные направления политики ведомства по организации государственного охотничьего хозяйства России в предстоящий период, или, как определил его А.А. Силантьев, в «эпоху великого переустройства России на новых началах».

К сожалению, эпоха эта оказалась потерянным временем, но Анатолий Алексеевич об этом так и не узнал. 21 (8) марта 1918 г. он скончался в Петрограде от крупозного воспаления легких [1].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Удивителен Алтай. Внимание выдающихся людей притягивает он к себе! Однако и сам Алтай раскрывается во всем величии своих возможностей благодаря таланту наших соотечественников. К ним, конечно, относится и Анатолий Алексеевич Силантьев, блестящий ученый и удивительный человек, о деле которого следовало бы знать и помнить современному поколению.

Совершенно точно отмечает писатель О.А. Егоров, что «А.А. Силантьев первым не только обратил внимание на важное государственное значение мараловодства, но и осуществил первое в России промыслово-охотничье обследование, в результате которого им был собран ценный биологический материал и детально освещена целая отрасль народного промысла, а также намечен ряд мер для дальнейшего его развития» [1].

Многие замечательные писатели-исследователи, особенно А.А. Черкасов, Н.М. Пржевальский, В.К. Арсеньев, подарили нам исключительную информацию о жизни марала, изюбря и пятнистого оленя, охоте на них, но только Анатолий Алексеевич сумел увидеть в пантовых оленях будущий государственный интерес России, перспективы целой новой отрасли сибирского народного хозяйства и обосновать это с научной точки зрения. Более того, он добивался того, чтобы «Министерство земледелия всегда поддерживало эту отрасль хозяйства, всячески поощряло ее развитие и в других районах» [1].

Сто лет спустя нам вновь пришлось добиваться создания региональных программ по развитию мараловодства на Алтае, формированию отечественного рынка продукции из пантового сырья, продвижению пантолечения в интересах здоровья нации, но первым в этом направлении был Анатолий Алексеевич Силантьев.

Очень важно, что Анатолий Алексеевич разработал методические подходы к организации исследовательской работы. Его удивительная по глубине книга «Обзор промысловых охот в России», по мнению видного охотоведа Д.К. Соловьева, составила «эпоху в истории изучения рус-

ской охоты», положив начало системному изучению охотничьего дела» [1]. Казалось бы, переработав полторы тысячи источников, можно делать любые научные выводы, но ученый организовывал экспедиции и сам участвовал во многих из них, стремясь получить как можно больше личного опыта по исследуемой теме. Благодаря этому его научные работы содержат обстоятельные практические меры по улучшению дел, в частности, в разведении маралов.

Его подходам по изучению мараловодства не грех поучиться всем нам, кто в настоящее время имеет какое-либо отношение к пантовому оленеводству. В 1911 г. А.А. Силантьев начал, но по объективным причинам не закончил свое последнее обследование пантового оленеводства. Было бы правильно теперь, сто лет спустя, в память об этом человеке и в интересах отрасли провести такое исследование.

Можно ответственно утверждать, что мараловодство на Алтае сформировалось в отрасль народного хозяйства в значительной степени благодаря усилиям А.А. Силантьева. Именно он инициировал запрет всякой охоты на маралов в Алтайском округе в 1898 г., что послужило сохранению дикой популяции животных, а также ускорило создание маральников.

Анатолий Алексеевич первым отметил в своих работах, что для дальнейшего развития мараловодства надо усилить изучение биологии животного, совершенствовать кормление и охрану здоровья маралов, улучшать срезку и консервирование пантов, оптимизировать технологию содержания оленей в условиях парков. Он хорошо понимал, что для успешного развития отрасли надо глубоко разбираться в особенностях китайского рынка потребления пантов, знать все его тенденции и уметь профессионально продавать панты в интересах «маралопромышленников». Нам этого так не хватает в настоящее время!

За свою тридцатилетнюю исследовательскую деятельность Анатолий Алексеевич опубликовал более 80 научных работ по всем отраслям прикладной зоологии. В его лице «счастливи соединились таланты ученого и организатора-практика» [1]. Нам на Алтае следовало бы найти возможность переиздать его работы по мараловодству и учредить премию имени А.А. Силантьева за лучшую работу по мараловодству по итогам года с вручением ее 18 марта, в день рождения Анатолия Алексеевича.

Библиографический список к главе 2

1. Егоров О.А. Анатолий Алексеевич Силантьев. — М., 1990.
2. Силантьев А.А. Марал и его бурная роль в хозяйстве сибирских крестьян // Сельское хозяйство и лесоводство. — 1897. — №3.
3. Силантьев А.А. Исследование мараловодства на Алтае. Предварительное сообщение // Сельское хозяйство и лесоводство. — 1900. — №4.

4. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 101–103.
5. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 145, 147, 148, 153.
6. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 166, 167.
7. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 1.
8. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 5, 125.
9. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 9.
10. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 7.
11. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 21–22.
12. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 35.
13. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 65.
14. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 69.
15. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 486.
16. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 49.
17. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 50–53.
18. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 63.
19. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 106.
20. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 4, 45.
21. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 2, 3, 5.
22. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 126, 127.
23. РГИА. — Ф. 468. — Оп. 24. — Д. 226. — Л. 1, 4.
24. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 75. — Д. 987. — Л. 1–6.
25. РГИА. — Ф. 468. — Оп. 24. — Д. 506. — Л. 1–7.
26. РГИА. — Ф. 468. — Оп. 22. — Д. 1058. — Л. 5–6.
27. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 134–135.
28. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 140.
29. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 130.
30. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 398 (ч. 1–3).
31. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 55–56.
32. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 64.
33. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 61–62.
34. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 87.
35. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 151, 152.
36. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 78.
37. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 17.
38. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 156, 157.
39. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 159.
40. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 160.
41. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 161.
42. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 : 1896 г. — Д. 125. — Л. 172–175.

Глава III

АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ ПОПОВ

ВВЕДЕНИЕ

Работая над материалами по истории развития пантового оленеводства в России, я сталкиваюсь с судьбами удивительных людей, стоявших у истоков создания этой отрасли в нашей стране. О чрезвычайно интересной и трагической судьбе самых крупных оленеводов Приморья Михаила Ивановиче и Юрии Михайловиче Янковских и их семьях подробно, достоверно и талантливо написал в своих книгах В.Ю. Янковский. Вместе с тем мы практически ничего не знаем о большинстве пионеров пантового оленеводства: Авдее Парфеновиче Шарыпове из деревни Фыкалки (Казахский Алтай), Родионе Агафоновиче Чернове из деревни Верхний Уймон (Русский Алтай), Акиме Андреевиче Нескромном из села Танга (Забайкалье), Семене Яковлевиче Поносове из Приморья.

Сосредоточив на Алтае в настоящее время главное стадо (80%) пантовых оленей России, основную отраслевую науку в лице Всероссийского НИИ пантового оленеводства, Алтайского государственного аграрного университета и других научных организаций, мы не изучаем личностей самих мараловодов, их судьбы, мотивацию их труда и при этом удивляемся, что не можем преодолеть экстенсивный характер развития пантового оленеводства на современном этапе. Как будто не для нас подчеркивал знаменитый историк В.О. Ключевский, что изучение исторического прошлого любого народа своими конечными выводами подходит вплотную к практическим потребностям текущей минуты. Незнание прошлого, по В.О. Ключевскому, не только вредит познанию настоящего, но и ставит под угрозу всякую попытку действовать в настоящем [28].

В этой главе сделана скромная попытка рассказать о предпринимательском пути самого крупного мараловода Алтая дореволюционного периода Алексея Степановича Попова из горного алтайского села Шибалино и на его примере показать величие и трагическую судьбу первых поколений крестьян, стоявших у истоков пантового оленеводства в нашей стране.

Надеюсь, что материалы о жизни А.С. Попова послужат дополнительной мотивацией для успешной работы современным руководителям мараловодческих хозяйств, бригадирам маральников и тем, кто готовится работать в этой отрасли, потенциал которой и значение для здоровья нации еще не оценен обществом в полной мере.

Благодарю за помощь и поддержку д.и.н., профессора А.В. Старцева, д.м.н., профессора А.А. Попова и краеведа С.И. Яжанкину.

Очень надеюсь, что найдутся заинтересованные люди, которые продолжат изучение судьбы и других известных мараловодов в память о наших предках и интересах современного развития уникальной отрасли народного хозяйства.

3.1. НА ВЕЧНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В СИБИРЬ, ШЕБАЛИНО

Крепостной крестьянин одного из помещиков Саратовской губернии Попов Василий (1805–1870), по неточным данным, имел четырех сыновей и трех дочерей, в том числе Степана 1825 г.р. Как сообщает Николай Степанович Попов, «после долгих колебаний и обсуждения братья вместе с несколькими другими крестьянскими семьями решили порвать со своей общиной и податься в Сибирь. Для осуществления своего плана им пришлось пойти на отчаянный поступок: подожгли помещичью усадьбу и по суду были приговорены на вечное поселение в Сибирь. Этого они и добивались. В 1861 г. мужики своим ходом тронулись в Сибирь, на Алтай». Примерно в 1862 г. Поповы поселились в деревне Верхая (Мокруша) — от с. Маймы в сторону с. Алтайского. Братья уже имели большие семьи, работать было кому [41].

У Степана Васильевича, по воспоминаниям родственников, к моменту переселения на Алтай было три сына:

- Алексей Степанович 1845 г.р.,
- Игнат Степанович 1847 г.р.,
- Иван Степанович 1857 г.р.

Уже на Алтае родились еще дети:

- Мария Степановна 1865 г.р.,
- Андриан Степанович 1867 г.р.,
- Парасковья Степановна 1870 г.р.,
- Василий Степанович 1875 г.р.

Дальнейшее изучение архивных материалов покажет несовпадение этих дней рождения. Так, Алексей Степанович по переписи 1917 г. родился примерно в 1857 г., а Василий Степанович — примерно в 1877 г., но эти неточности не мешают нашему исследованию.

Повзрослевшие сыновья Алексей и Игнат подошли к моменту женитьбы и выделения в самостоятельное хозяйство. По словам Н.С. Попова, «с Алексеем вопрос решился просто. Когда ему было еще лет 17, сразу после приезда в Сибирь одна из богатых местных девиц — уже засидевшаяся в девках Фелонида, обронила в ручей кольцо и предложила игравшим поблизости ребятам найти его. Вызвался Алексей, нашел кольцо, и в шутку она сказала ему: «Ну вот и жених теперь у меня есть!». Когда встал вопрос о женитьбе Алексея, собрался совет мужиков (Степан, Яков, Николай и др.), и начали выбирать ему невесту, обсуждать кандидатуры. Оказавшийся поблизости Алексей прервал все дебаты, категорически объявив: «Невеста у меня уже есть — женюсь на Фелониде» [41].

«Отец Фелониды Петровны не поспешил на приданое для невесты, оказавшейся старше жениха, и, обладая деловой хваткой, и каким-то начальным капиталом, Алексей энергично взялся за дело», — отмечает Б.Н. Попов [41]. В это время весь род Поповых жил уже в селе Шебалино.

Приведем некоторые сведения о селе Шебалино — современном районном центре Республики Алтай. Известный специалист по истории Ал-

тая А.П. Потапов в середине XX в. сообщает нам, что русские купцы стали ездить в Алтайские горы в последние десятилетия XVIII в. Вначале купцы посещали алтайские стойбища наездами, но исключительная выгодность торговых операций с алтайцами привела их к устройству складов товаров и заимок для пастьбы выменного скота внутри Алтайских гор. Первая русская купеческая заимка была устроена на реке Сема, где в 1860 г. образовалась русская деревня Шебалино [43].

В 1898 г. С.П. Швецов так описывал появление села Шебалино: «Лет 80 назад двое или трое бийских купцов начали ездить с товаром по алтайским горам; русские поселения тогда доходили только до северных предгорий Алтая и село Алтайское было крайним русским поселением на юге. Когда торговля в Алтае более развилась, один из бийских купцов построил домик на реке Семе, где ныне деревня Шебалина, и завел здесь склад товаров и заимку, где выкармливал купленный им в Алтае скот; сюда приезжали теленгуты из Алтая, но сам купец далее Катуня не ездил» [68].

Еще раньше, в 1884 г., о Шебалино упоминает Г.Н. Потанин: «Бийские купцы ездили с русским товаром по стойбищам алтайцев, но до Чуи далеко не доезжали; один из них построил домик на р. Семи, где ныне деревня Шебалино, и завел здесь склад товаров; сюда к нему стали приезжать двоеданцы с выменным на Буратынской ярмарке китайским товаром и обменивали его на русский. Таким образом, двоеданцы стали посредниками в обмене русских товаров на китайские и разбогатели» [42].

Наконец, В.В. Радлов, исследуя Алтай в 1860 г., 22 мая рассказывает, что после деревни Черги и «миссии Муйту (Мьюта. — *Н.Ф.*) добрался до заимки калмыка Балгасаина. Его жилище напоминает большой крестьянский дом... Вокруг заимки стоят 12–14 строений. В одних живут крещеные и некрещеные алтайцы, другие служат нашему хозяину (Балгасаину. — *Н.Ф.*) амбарами, и все они в равно жалком состоянии. О возникновении заимки я узнал вот что: наш хозяин Балгасаин при крещении выговорил себе разрешение поселиться в этой долине; так он и поселился здесь десять лет назад с дюжиной семейств. Балгасаин считался богатым, у него довольно большие стада. Остальные алтайцы кормились его богатством; в селении царил страшнейшая нищета. Здесь нашлись только две ломаные телеги. Проезжая по этой долине в следующий раз (1870 г. — *Н.Ф.*), я обнаружил здесь довольно большую русскую деревню Шебалина... Эти люди осели здесь, не имея на это ни малейшего права, а калмыки отступили из страха...» [45].

Приведенные данные позволяют сделать следующие выводы:

1. Будущая родина купца А.С. Попова — с. Шебалино — начало обустройства примерно в 1850 г. как алтайское поселение «калмыка Балгасаина». В 1860 г. здесь еще не было никаких строений, кроме алтайских.

2. Активное развитие Шебалино произошло между 1860–1870 гг. В этом одновременно участвовали как русские переселенцы, так и бийские купцы. И те, и другие поначалу строились самовольно. Архивных

данных о том, что первые склады здесь построил бийский купец Шебалин (Шабалин), найти не удалось.

3. А.С. Попов в опросном листе Всероссийской сельскохозяйственной земельной и городской переписи 1917 г. указывает, что в Шебалино он поселился из «Томской губернии в 1860 году». Видимо, все-таки в 1860 г. он как переселенец с семьей прибыл в Горный Алтай, но в Шебалино Поповы переехали между 1860–1870 гг. [13].

По мере развития торговли с отдаленными районами Горного Алтая, а затем и Монголии такие заимки появились в нескольких местах. От одного из современников этого времени мы узнаем: «По дороге через село Онгудай в некоторых местах заведены зажиточными купцами заимки, а именно, за деревней Шебалиной, в самом селе Онгудай и в 19 верстах за Онгудаем. На заимках содержится вьючный и скупной скот и, кроме того, заимки эти служат складочными пунктами товаров как отправляемых из Бийска на Чу, так и вывозимых обратно в Бийск» [25].

Однако не все заимки впоследствии переросли в крупные населенные пункты, а Шебалино состоялось как один из центров хозяйственной жизни Горного Алтая. Для его становления удачным можно считать совпадение следующих обстоятельств:

1. Вполне удовлетворительные природно-климатические условия окружающей Шебалино местности, позволяющие заниматься крестьянам земледелием и животноводством с получением товарных излишков для дальнейшего обмена.

2. Хорошие возможности для занятий в свободное время звероловством, сбором кедрового ореха, ягод, трав и т.п. Результаты этого труда были хорошо востребованы.

3. Расположение села Шебалино непосредственно на торговом пути позволяло крестьянам зарабатывать на перевозке грузов, хранении товаров и, что особенно важно, быть в курсе торговой жизни Алтая.

Г.Н. Потанин, исследуя в 1876–1877 гг. Западную Монголию, отмечал сложность торгового пути для русских купцов на этот рынок: «Товар доставляется из Бийска до Онгудая на саях, из Онгудая до Кош-Агача на вьючных лошадях, а от Кош-Агача до Кобдо на верблюдах. В лето 1877 года впервые были наняты возчики из Онгудая прямо до Кобдо на вьючных лошадях — нанимались крестьяне деревни Шебалино» [42].

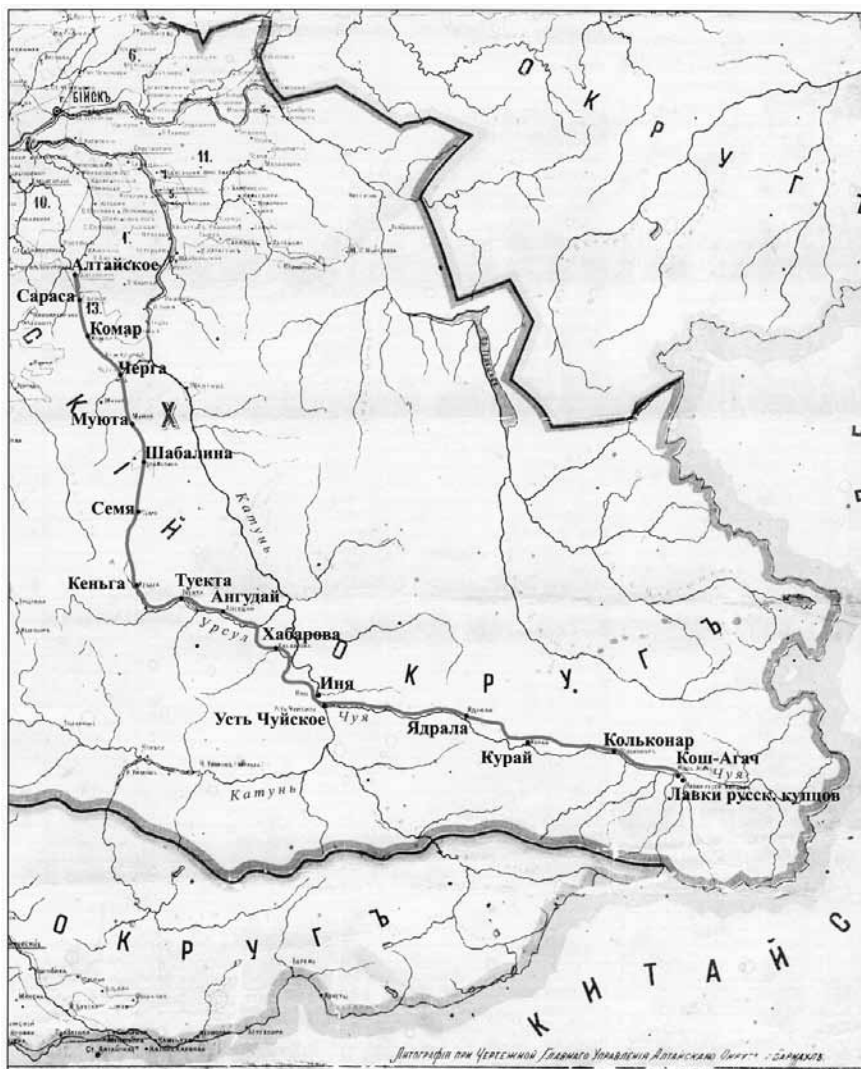
Таким образом, уже в эти годы шебалинцы должны были вполне разбираться в особенностях торговли с Монголией, включая г. Кобдо, где активно присутствовали китайские купцы.

Для оказания услуги по перевозке грузов недостаточно было иметь необходимое количество подготовленных для вьючной работы лошадей. Нужны были также и проводники физически и эмоционально сильные и готовые к риску. «Чтобы иметь представление о современном пути на Кош-Агач, — сообщал в 1869 г. бийский исправник Е. Замятин, — нужно видеть его в натуре, каждое же сравнение может показаться невероятным, как, напри-

мер, на чуйских бомах есть места, где вьючные и верховые лошади прыгают с камня на камень... по временам ударяясь боком о скалу, поднимающуюся вверх по тропинке. Проезжая по таким путям, самый искусный верховой ездок рискует на каждом шагу упасть с лошади и убится до смерти» [64].

Не удалось разыскать данных, как оплачивался на Чуйском тракте труд перевозчиков в 70-е гг. XIX в., но в 1898 г. С.П. Швецов анализирует уже достаточно подробно труд перевозчиков грузов на Чуйском торговом пути в Монголию. По его словам, из России в Китай первые караваны с товарами отправляются во второй половине марта — в начале апреля, смотря по тому, когда придут на Алтай, собственно в деревню Шебалину [68]. Перевозка одного пуда товара до Кош-Агача в это время стоила 90 коп. — 1 руб. 10 коп. «Сдавши товары в Кош-Агаче, те же возчики возвращаются обратно с китайскими товарами, провоз которых уже дешевле — обыкновенно 80 коп. за пуд» [68]. Второй раз караваны шли в мае до Кош-Агача 8 дней порожняком, затрачивая 8 дней, обратно же — с китайскими товарами. Стоимость провоза — 80, реже 90 коп. с пуда [68]. В третий раз караваны шли с конца августа до сентября. Еще раз грузы усиленно перевозились из Кош-Агача в декабре по обледенелой дороге, и цены повышались на 10–20 коп. Обычно на лошадь «навьючивали до 6 пудов груза и на 4 таких вьючных лошади приходился один верховой проводник без груза. До последнего времени главными возчиками являлись крестьяне... преимущественно деревни Шебалиной» [68]. По мнению С.П. Швецова, в конце XIX в. для обслуживания торгового пути требовалось самое малое 3 000 лошадей и 600 проводников, а «заработок местного населения от передвижения товаров Чуйским трактом выразится в 655 тыс. руб. (для 1896 года) в год. Даже с продолжением колесного пути в 1877 г. до «Ангудая» большинство вьючных караванов формировались в д. Шебалиной, так как именно здесь можно было гарантированно нанять возчиков» [68]. В начале XX в. исследователь Алтая В.В. Сапожников сообщал: «Цены на лошадей и проводников неустойчивы: как среднюю норму можно принять следующую: верховая или вьючная лошадь — 10–12 руб. в месяц или 50 км в день; главный проводник — 30–40 руб. в месяц или 1–1,5 руб. в день, остальные проводники — 20 руб. в месяц. Содержание проводников при больших экскурсиях за счет нанIMATEЛЯ» [54].

Можно уверенно утверждать, что такой тяжелый и рискованный труд шебалинцев оплачивался хорошо. «Вот это и было одной из статей дохода моих дедов, особенно Игната, — перевоз товаров и грузов по Чуйскому тракту, сначала чужих, а затем частично и, видно, своих», — пишет их потомок Н.Б. Попов [41]. «Игнат свои самостоятельные дела вел больше по извозной части». Игнат Степанович Попов, видимо, был сильной личностью. Свою жену Варвару Севастьяновну Шадрину выкрал у ее отца-старовера. Вместе они родили тринадцать детей. Игнат был среднего роста, весил, по рассказам, 11 пудов и умер, не дожив до 70 лет. 2 октября 1916 г. похоронил свою жену, а уже в декабре этого же года «принимал участие в погрузке товаров в с. Алтайском, напился холодной колодезной

Чуйский тракт — торговый путь в Монголию.

Фрагмент карты Алтайского округа, составленной в 1896 г.

воды, схватил воспаление легких и на девятый день 28 декабря 1916 года скончался в с. Шебалино» [41].

Исследователь П.А. Голубев сообщает следующие сведения: «В 1780 году на Алтае возникает тайная пограничная торговля между русскими купцами, казаками и китайскими караулами, при посредстве местных инородцев» [1]. Таким образом, к 1870 г. Алтай уже более 90 лет вел меновую торговлю с Монголией и китайцами, проживающими в этой стране.

А во время, когда Поповы только осваивали Шебалино, пограничная торговля между Россией и китайской Монголией была уже официально разрешена Пекинским договором 1860 г. и «Правилами сухопутной торговли» 1862 г.

Знарок российско-монгольской торговли профессор А.В. Старцев отмечает, что в 60–80-х гг. XIX в. наиболее крупно торговали в Монголии бийчаны И.П. Котельников, Г.Г. Бодунов, братья В.А. и М.В. Гилевы, которые также «кредитовали предпринимателей помельче» [61].

По сведениям Бийского окружного исправника от 19 января 1869 г., «ежегодные торговые обороты русских, монгольцев, тибетцев и сасицев (саянцев и хакасов)» составляли примерно 178 тыс. руб., в том числе: 4000 голов крупного рогатого скота на 46 тыс. руб.; 1000 голов лошадей на 15 тыс. руб.; 200 соболей на 2 тыс. руб.; маральи рога на 10 тыс. руб. [19].

В списке лиц торгового сословия, предпринимающих поездки на Кош-Агач в ярмарочное время, на 10 апреля 1869 г. числился 21 человек. Примечательно, что вместе с известным купцом И.И. Котельниковым торговали: бийский крестьянин Иван Ошлаков, бийский крестьянин Борис Ошлаков, владимирский крестьянин Михаил Бодунов [20].

Братья Ошлаковы были, скорее всего, потомками богатого мараловода и торговца Андрея Трифионовича Ошлакова, одного из пионеров-мараловодов Уймонской долины. Михаил Матвеевич Бодунов был также мараловодом. Его, в 1897 г. уже старого человека, посещал исследователь мараловодства на Алтае А.А. Силантьев [57]. По данным того же А.А. Силантьева, на Алтае к 1860 г. существовало уже 10 маральников, и активно формировался рынок пантов. В качестве доказательства этого приведем частичные табличные данные по Алтаю, собранные А.А. Силантьевым (табл. 3.1).

Таблица 3.1

Стоимость маральных пантов [57]

	Год	Территория	Цена			Литературный источник
1.	1858	Алтай	Рога марала ценятся до 50 руб. серебром			Попов
2.	1859	Алтай	Цена за пару рогов на реке Чуе (Алтай)			Ананьин
			Число отростков	Панты без гнезд	Панты с гнездами	
			1	10	20	
			2	20	40	
			3	30	50	
			4	60	80	
			5	70	90–100	
			6	–	–	
3.	1865	Алтай	Пара рогов на реке Чуе оценивается в 150 руб.			Принтц

Мог ли не знать об этом Алексей Степанович Попов, который в свои 30 лет был уже самостоятельным вдумчивым человеком и лидером среди братьев? Конечно, знал!

3.2. НАЧИНАЮЩИЙ МАРАЛОВОД А.С. ПОПОВ

В своей экспедиции через Алтай в Монголию в 1877–1878 гг. Г.Н. Потанин записал, что «район разведения домашних маралов не ограничивается центральным Алтаем. Он с каждым годом расширяется, и теперь появляются домашние маралы даже около Бийска, например, в деревне Шебалиной (в вершинах реки Семы)» [42].

По информации С.И. Орлова, изучавшего мараловодство в Центральном и Южном Алтае в 30-е гг. XX в., «начало мараловодства в Шебалинском аймаке относится к 1873 году, когда купец Попов приобрел первых быков, пойманных в ближайших урочищах» [38].

Однако Н.М. Ядринцев, собиравший сведения о мараловодстве на Алтае, показывал следующее количество маралов в Бийском округе в 1878 г. (табл. 3.2).

Таблица 3.2

Количество маралов в Бийском округе (1878 г.) [72]

Территория	Маралов			
	Самцов	Самок	Подростков	Приплод в 1877 г.
Всего в округе	139	54	26	16
В том числе в д. Шебалино Ануьской волости	2	1	1	–

Получается, что за пять лет у А.С. Попова (а то, что указываются его маралы, сомнений нет) количество маралов-быков не приросло ни на одну голову, а это вряд ли возможно. А.А. Силантьев, командированный Департаментом земледелия Министерства земледелия в 1897 г. в Южную Сибирь для исследования мараловодства зафиксировал: «В деревне Шебалино у А.С. Попова с 1877 г. от пары маралов за 18 лет стадо достигло 40 голов» [57].

Таким образом, по сведениям Н.М. Ядринцева и А.А. Силантьева, первым мараловодом в Шебалино можно считать Алексея Степановича Попова, который в 1877 г. приобрел двух маралов-самцов.

По рассказам родственников, Алексей Степанович «был главой всех дел в семье». Остальные братья исполняли различные вспомогательные

должности при Алексее в соответствии со своими наклонностями и способностями [41]. Внучатый племянник Алексея Степановича Н.С. Попов сообщает: «Алексей не пил зелья, ... все изучал досконально и всегда сам принимал все ответственные решения. Весь управленческий аппарат он представлял в единственном числе. Говорят, вставал затемно в 4–5 часов и час проводил за своей конторкой в комнате» [41].

От П.А. Голубева в 1890 г. стало известно: «Так в 82 году в д. Шибалихе Алтайской волости было уже целое стадо маралов в 30 штук» [1]. С.Т. Нейштубе уточняет: «Так в 1882 году в деревне Шабалиной (Алтайская волость) у крестьянина Попова имелось уже стадо маралов в 30 штук» [36].

За пять лет Алексей Степанович увеличил свое поголовье маралов в 15 раз. Он тщательно изучал работу по содержанию оленей, время срезки пантов, технологию их приготовления и т.п. Как правило, такие предприимчивые люди, как А.С. Попов, успевали везде: в земледелии, разведении крупного рогатого скота и лошадей, мараловодстве, торговле. Крутились сами «от темна и до темна». Не обходились и без наемного труда.

Н.С. Попов пишет: «Я далек от их (Алексея и Игната. — *Н.Ф.*) идеализации, но с кем бы мне не пришлось говорить уже в 70-х годах, с родственниками или с совершенно чужими людьми, но помнящими их, все уверяли, что деды были «добрые до народа, никогда не обижали наемных рабочих, хорошо платили за труд, помогали солдаткам и другим семьям в неурожайные годы дотянуть до лета» [41].

Следует отметить, что такой активный рост поголовья в своем маральнике А.С. Попов мог обеспечить в первую очередь за счет скупки оленей и охотников, которые активно занимались с начала XIX в. «пантовкой», а несколько позже и ловлей маралов. Этот промысел одинаково хорошо освоили как коренные жители Горного Алтая, так и русские переселенцы. П.А. Чихачев, например, путешествуя еще в 1842 г. по Туве, Алтаю и Казахстану, отмечал, что «все усилия охотников направлены исключительно на добычу молодых маралов, которых они преследуют с необыкновенным ожесточением и терпением. Порой целое семейство исчезает на несколько месяцев, захватив с собой лишь немного чая и бараньего сала. Испытав невероятные трудности, охотники возвращаются, часто не сделав ни одного выстрела» [67].

Способы ловли пантовых оленей описаны многими исследователями. Вот как это делает П.Е. Васильковский в статье «Олени»: «Для помимки маралов охотники при помощи собак загоняют животных зимою в ущелье с глубоким снегом и, приближаясь к ним на лыжах, накиды-

вают на оленей арканы, на которых и ведут в загородню. Но так как при подобном способе ловли животные сильно калечатся и гибнут, то вместо взрослых стараются в начале лета разыскать молодых оленят. Матку убивают, а детенышей берут в маральники и выпаивают коровьим молоком» [6].

В 1879 г. Н.М. Ядринцев напечатал свою статью «Сведения о мараловодстве на Алтае», в которой сообщает следующие подробности лова: «При нынешних условиях хозяйства видно, что большинство хозяев маралов предпочитает приобретать их дикими, так как расположение их в неволе и сохранение маленького мараленка требует особых забот и умения. Ловля маралов производится следующим образом. В весеннее время, по пути прохода маралов к солонцам, копают ямы, прикрытые хворостом, куда и попадают маралы. Зимой их загоняют в сугробы снега, берут здесь живыми, связывают и иногда увозят на санях, чтобы пустить в приготовленную изгородь. В гористых местах при сопротивлении пойманного марала его одевают кожей, заматывают в кошму (войлок) и бережно спускают на веревках со скал, затем так же бережно увозят на санях в деревню. Некоторые маралы позволяют себя увести в поводу» [72].

В 2008 г. ученый охотовед В.В. Гапонов рассказывал мне следующее: на Дальнем Востоке пойманному изюбрю для снятия стресса даже вливали чекушку водки в горло, однако в целом смертность оленей при отлове была очень высокой. А.А. Силантьев, обследовавший в 1898 г. мараловодство на Алтае, добился, чтобы с 1898 г. отлов оленей в Алтайском округе был запрещен, но А.С. Попов уже успел к этому времени заложить крепкое мараловодческое хозяйство.

Во второй половине XIX в. панты или, как их называли на Алтае, «маральи рога» становятся все более ликвидным экспортным товаром. По данным В.В. Радлова, бывшего на реке Чуя в 1860 г., «главные товары, которые привозились и сбывались русскими купцами, составляли на первом месте юфтовые кожи (до 40% вывоза), затем маральи рога... Маральи рога шли внутрь Китая, прочие же товары туда не достигали и предназначались и расходились исключительно среди монголов» [45].

Этот вывод подтверждается и Г.Н. Потаниным, изучавшим Алтай в 1877–1878 гг.: «Прочный сбыт в Китай имеют маральи рога, по-китайски «лудзон»; они собираются байскими купцами у алтайских охотников и мараловодов... Собранный рог преимущественно отправляется в Улясутай. Пара рогов продается от 8 до 40 рублей; цена зависит от спроса в Куку-хото, куда рога доставляются китайскими купцами... Пара больших рогов весит до 18 фунтов, с молодых бывает

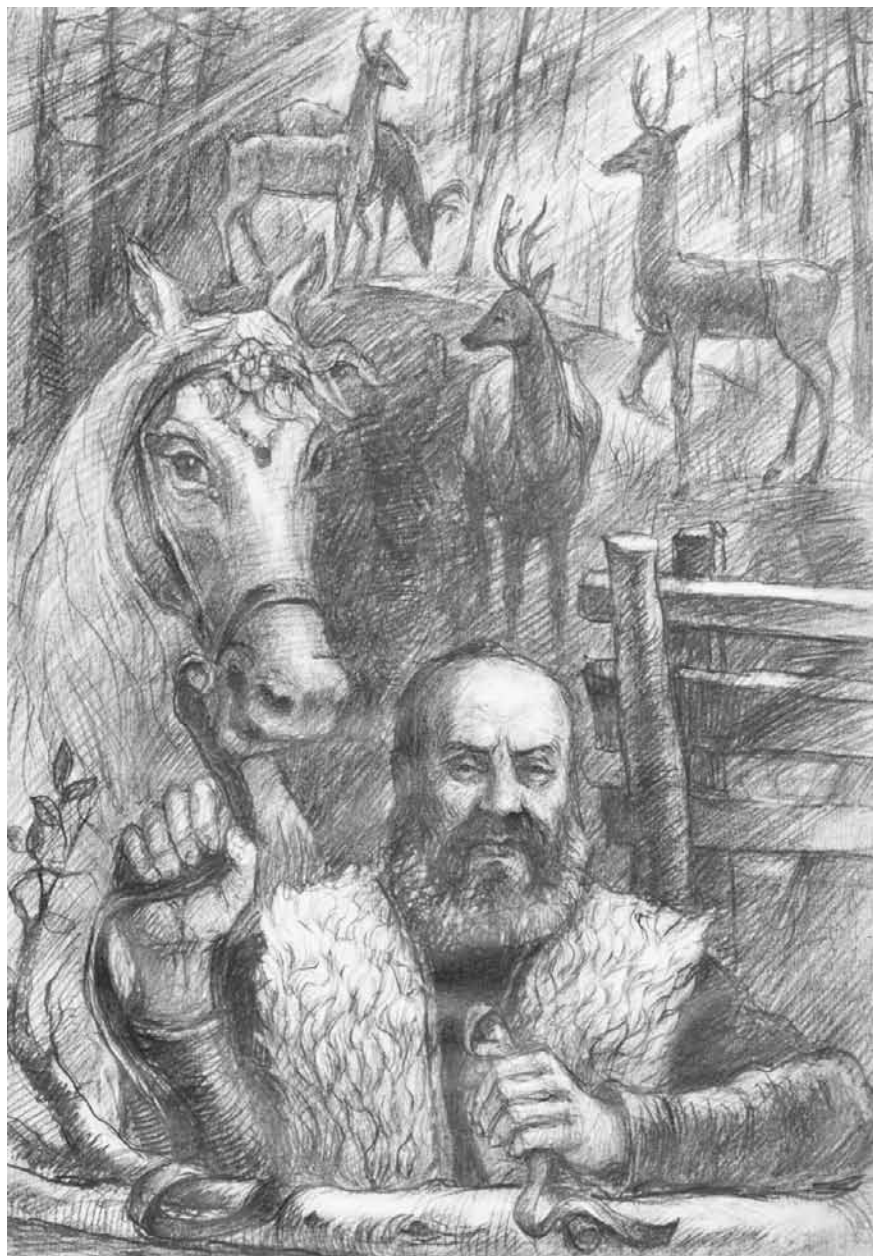
легче до 2 фунтов» [42]. Григорий Николаевич уточняет, что в 1877 г., когда А.С. Попов еще только приобрел первых маралов, «было вывезено у Котельниковых 80 пар, у Щетининых 70 пар, у Будуновых 76 пар», «о количестве рогов, вывезенных главными продавцами рога Гилевыми и Ошлыковыми, сведений не добыл». Всего в эти годы, по данным исследователя, с русского Алтая ежегодно вывозилось более 400 пар рогов [42].

Более того, уже с 1874 г. бийские купцы, понимая, что панты марала являются товаром китайского рынка, начали изучать возможность их продажи непосредственно в китайском городе Куку-хото (Гуй-хуа-чен) с тем, чтобы миновать купцов-посредников из городов Кобдо и Улясутай. М.В. Певцов как прямой свидетель пишет: «Бийские купцы, торгующие в Монголии, ... решили вместе с нами отправить в Гуй-хуа-чень караван с рогами... На первый раз они послали рогов на 11380 р., ... продали эти рога за 21000 руб., выручив таким образом 84% барыша (только от продажи без посредников-китайцев. — *Н.Ф.*), несмотря на то, что в 1878 году цена на них стояла очень низкая... Осенью 1879 года бийские купцы, по примеру предшествовавшего года, отправили снова г. Антропова с маральими рогами в Гуй-хуа-чен, присоединив к ним еще транспорт верблюжьей шерсти» [40].

Надо иметь в виду, что продажа пантов не только в Гуй-хуа-чене, Кобдо и Улясутае, но даже в Кош-Агаче приносила немалый доход. Тот же П.А. Голубев сообщает, что в 1890-е гг. «бийские скупщики забирают эти рога по 5–7 и даже 9 р. за фунт, смотря по величине рогов (средний вес сырых рогов 20 фунтов) и числу ветвей на нем, сами же продают их в Китай по 25–35 р. за фунт: китайцами рога употребляются как лекарство. При такой выгодности мараловодства животные эти ценятся очень высоко: самец от 75 до 200 р., а самка 25–40 р.» [1].

Несмотря на колебания цен на китайском рынке, панты на Алтае были, говоря современным языком, дефицитным товаром. В сентябре 1892 г. бийский купец Васенев, торговавший в Улясутае, пишет после поездки на Алтай управляющему российским консульством в Урге В.Ф. Люба: «Поездка моя, однако, вышла неудачной. Маральих рогов по случаю высоких цен у нас на Алтае купить мне не пришлось. В Китае же, как известно, цены на этот товар понизились» [56].

Не удалось найти архивные документы или свидетельства очевидцев о том, как развивал свое дело Алексей Степанович Попов в 80-е гг. XIX в., однако можно предположить, что, как человек от земли, но с явной предпринимательской жилкой, он стремился участвовать во

Алексей Степанович Попов, крупнейший мараловод
дореволюционного Алтая.

Рисунок З.М. Ибрагимова. Из фондов Музея алтайского марала (г. Бийск)

всех бизнес-направлениях, где это выгодно. У профессора А.В. Старцева есть такая информация: «В Урянхайском крае (соседняя с Алтаем Тува. — *Н.Ф.*) особенности организации торговли заключались в том, что для русских она играла подчиненную роль по сравнению с другими хозяйственными занятиями. Как отмечал начальник Усинского пограничного округа штабс-капитан А.Х. Чакиров, «все русские без исключения занимаются сельским хозяйством, скотоводством, коневодством, мараловодством и торговлей» [61].

В равной степени эти слова, видимо, можно отнести и к деятельности крестьян-предпринимателей на Алтае и А.С. Попову в том числе.

Правда, жизнь в с. Шебалино на самом торговом тракте, постоянное общение, в том числе, с бийскими купцами вряд ли способствовали тому, чтобы у Алексея Степановича торговля «играла подчиненную роль». Только успешная торговля могла позволить А.С. Попову зарабатывать быстрые деньги и активно наращивать поголовье маралов, постепенно догоняя старых мараловодов Уймоны и Бухтармы.

В эти годы крестьянин А.С. Попов сам еще не торговал пантами в Монголии, но вполне мог скупать их у охотников, вместе со своими продавать бийским купцам и учиться у них одновременно вести дело. Феномен бийских купцов-чуйцев того времени отмечают многие исследователи. «В 1876 г. постоянную торговлю в Кобдо вели 4 купца, в Улясутае в 1879 г. насчитывалось 9 русских лавок» [61].

Алексей Степанович не мог не знать лично большинство бийских купцов, так как жил в Шебалино на их пути, торговал с ними, оказывал услуги транспортные и т.д. Он, кстати, «не пил зелья», но страшно любил поесть — сообщает его внучатый племянник Н.С. Попов. В этом они соперничали с братом Игнатом: по слухам, первый из них весил 9 пудов и был высокого роста; Игнат весил 11 пудов и ростом был немного поменьше. Рассказывают, что однажды Алексей с Игнатом приехали в Бийск по делам и на постоялом дворе заказали хозяйке пельмени с условием: «Если накормишь нас — пристяжную отдадим». Хозяйка скормила им все имеющиеся у нее пельмени, заняла у соседки и спрашивает: «Ну как, накормила?». «Еще бы сотни две и было бы как раз», — отвечал Алексей. Так и не досталась пристяжная незадачливой кухарке [41].

Появление в 1891 г. Онгудайской таможни позволило хотя бы приблизительно начать накапливать статистику торговли с Монголией, в том числе и пантами.

На основе данных Томского губернского статистического комитета составлена таблица 3.3 о торговле с Монголией в 1892–1896 гг.

Таблица 3.3

Торговля с Монголией в конце XIX в. [39]

Год	Бывезено в Монголию товара				
	Количество, пуды	Стоимость, рубли	В том числе маральных рогов		
			Количество, пуды	Стоимость, руб.	% от общей стоимости товара
1892	5 393	174 638	55	19 801	11,3
1893	7 427	224 677	82	27 742	12,4
1894	8 579	261 855	71	21 283	8,1
1895	9 724	346 060	76	19 188	5,6
1896	14 054	604 209	115	27 609	4,6

«Скачки» в объемах продаж пантов объясняет А.А. Силантьев: «Цены в конце 80-х доходили до 10–12 рублей за фунт, но в 1889 году они уже равнялись 8 рублям, а в 1890 году упали до 5 рублей. И так держались до 1894 года. После этого в 1897 г. цены поднялись до 7 руб.» [58].

В стоимостном выражении доля маральных рогов в общем объеме экспорта была небольшой и постоянно снижалась. В эти годы пока еще более половины пантов заготавливается не с домашних, а с убитых диких маралов, поголовье которых в Алтайских горах быстро сокращалось.

От Л.М. Юхнева известно, что на территории Горного Алтая в 1896 г. было заготовлено 6600 шкур и 1116 пар пантов маралов [71]. Сравнивая эти цифры с данными таблицы 3.3, можно сделать вывод, что далеко не все проданные панты указаны в отчетности, так как и в то время уже была широко распространена контрабандная торговля.

В списке населенных мест Бийского округа за 1893 г. «Шебалинское село стоит на ключе Шебалинке и речке Семе, имеет 64 крестьянских и 6 некрестьянских дворов с числом жителей 227 мужского и 213 женского пола и 528 десятин обрабатываемой земли». В селе есть «церковь, церковно-приходская школа, хлебозапасный магазин, две лавки и 3 кожевенных завода» [4].

Из материалов Нижегородской выставки известно, что в 1896 г. в деревне Шебалино у А.С. Попова было 40 маралов и у Шадрина 13 маралов [72]. Бросается в глаза, что если с 1877 по 1882 г. (за 5 лет) поголовье маралов у Алексея Степановича увеличилось на 28 животных, то с 1882 по 1896 г. (за 14 лет) — только на 10 животных. Видимо, возможности по покупке диких («польских») маралов уже резко снизились, цена на них решительно возросла, а домашнее воспроизводство оленей еще оставалось слабым.

В маральниках содержали больше самцов. Так, по данным Н. Ядринцева, в 1878 г. в Бийском округе из 193 взрослых маралов только 54 (39%) были самки, а выход телят составлял всего 30% [44].

Интересным для анализа развития мараловодства на Алтае является 1897 г., хотя и он, по А.С. Попову, дает отрывочные сведения. Летом 1897 г. через Алтай в Монголию с целью охоты на архаров проехал с женой и друзьями живущий постоянно в Италии потомок знаменитой семьи Демидовых князь Сан-Донатто. В своих заметках об этом путешествии он пишет: «...Теперь мы были в центре Алтая. В полдень мы направились в Шебалино. Дорога была уже лучше, местность более гористой. В деревне мы остановились в хорошем и чистом домике, принадлежащем местному торговцу-мараловоду. Рядом с домом был большой «маральник». В нем было около 150-ти маралов. Животные были почти ручными, по зову хозяина подходили к нему и брали у него из рук хлеб и овес. Некоторые из них выросли в неволе, другие были отловлены в горах алтайцами. Зимой, когда снега глубоки, с помощью собак ловят маралов. Торговец рассказал, что один марал перепрыгивает через высокий забор, уходит в горы, но через несколько дней возвращается, снова перепрыгнув через забор маральника. Таких маральников много на Алтае, особенно в восточной его части и в них находится около шести тысяч маралов. Срезанные рога тщательно высушиваются и посылаются в Китай, где цена на них очень высока — от 100 до 120 рублей за пару. Наш хозяин сказал, что одни очень хорошие рога он продал за 180 рублей» [44].

Это упоминание об А.С. Попове (нет никаких сомнений, что речь идет о нем. — *Н.Ф.*) сразу ставит очевидный вопрос: неужели в 1896 г. у Алексея Степановича было 40 маралов, а в 1897 г. — уже около 150? Князь также отмечает, что на Алтае находится около шести тысяч маралов. Цифры очень впечатляющие и потому требуют проверки!

Мараловедам Алтая очень повезло в том, что известный русский исследователь Анатолий Алексеевич Силантьев, работая в 1896 г. над фундаментальным трудом «Обзор промысловых охот в России», выделил из всех видов животных марала и пятнистого оленя из-за их особого значения для экономики. Специальные мероприятия по охране этих животных, по мнению А.А. Силантьева, нужно было провести, не дожидаясь «общего пересмотра законов об охоте» [50].

Интересно, что 17 июня в своем первом рапорте Департаменту земледелия он сообщает: «Месяц тому назад приехал в горы князь Демидов Сан-Доминго с компанией англичан и забрал более 200 лошадей и все приспособления для перевозки багажа...» [53]. Богатый путешественник очень осложнил командировку ученого, особенно финансовую ее

сторону. Тем не менее А.А. Силантьевым при участии студента А.В. Серебрякова и бийского стражника Коновалова вначале были обследованы маральники «Шадрина в Мыюте, Попова в Шебалиной, калмыка зайсана Манжи Кульджина близ Тенгинской почтовой станции и Котельникова — в Онгудай» [57].

Как уже отмечалось, Анатолий Алексеевич по итогам обследования мараловодства в Северо-Западном районе Алтае (это система рек Чарыша, Ануя и левых притоков Катуня в ее течении северо-северо-запад, включая село Онгудай) составил таблицу, часть из которой выделим самостоятельно (табл. 3.4).

Таблица 3.4

Создание маральников в Северо-Западном районе Алтая

Год начала маральника	Открыто маральников						Было в 1897 г.		
	1830–1839	1850–1859	1860–1869	1870–1879	1880–1889	1890–1897	маральников	мараловодов	маралов
1872	–	–	–	5	7	12	25	27	417

Он установил, что пионерами-мараловодами Северо-Западного района были три брата: Лазарь, Никифор и Илларион Федоровичи Фоминых, организовавшие в 1872 г. на Чарыше близ деревни Талица общий маральник. В 1897 г. у каждого из них были уже свои маральники, «а у Лазаря Фоминых даже два». Это были самые «солидные и дальние мараловоды Северо-Западного района» [57]. Ученый не отмечает в этом году А.С. Попова среди самых крупных мараловодов этого района. Это видно также и из другой его таблицы (табл. 3.5).

Таблица 3.5

Число маралов у одного владельца (Северо-Западный район Алтая)

Число голов маралов	1–9	10–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	70–79	80–89	90–100 и более
Число мараловодов	12	9	1	2	1	1	1	–	–	–

Таким образом, все-таки у Алексея Степановича Попова в 1897 г. не могло быть еще более 50 маралов. В этом году на всем Алтае только у 9 человек было свыше 50 маралов у каждого, а по размеру площади только 24 маральника (21%) занимали территорию от 10 до 20 десятин, а более 20 десятин маральников не было вообще [57].

Остается неизвестным, как князь Демидов Сан-Донато насчитал у А.С. Попова «около 150 маралов», общее число маралов на Алтае он также преувеличил почти в два раза, но вот назвал Алексея Степановича «торговцем-мараловодом» он, скорее всего, точно. В современном районном центре Шебалино Республики Алтай рядом с большим домом Попова все еще стоят добротные сделанные им амбарные постройки для хранения разного товара. В 1897 г. Алексей Степанович являлся одним из многих в России крепко стоящих на ногах торговцев-мараловодов, у которого все основные события в жизни были еще впереди.

Для общего восприятия рынка пантов в эти годы приведем архивные сведения о торговле пантами по Семипалатинскому таможенному округу, куда входила и территория Горного Алтая (табл. 3.6).

Таблица 3.6

Сведения о количестве маральных рогов, вывезенных в Китай
по русско-китайской границе за 1893–1897 гг.
(Семипалатинский таможенный округ)

		Годы									
		1893		1894		1895		1896		1897	
		Пуды	Пары	Пуды	Пары	Пуды	Пары	Пуды	Пары	Пуды	Пары
1.	Онгудайская таможня, рогов маральных	83	–	72	–	77	–	115	–	178	–
2.	Хоргосский переходный пункт, рогов и копыт всяких	–	–	24	–	–	–	3	–	7	–
3.	В земле Урянхайской, рогов маральных	–	33	50	–	40	–	77	–	3	15
4.	В г. Улясутай, рогов маральных	21	30	30	–	–	–	68	–	36	80
5.	В г. Кяхте, рогов маральных	–	160	–	11	179	–	–	–	–	7

В 7 пудах рогов и копыт на Хоргосском переходном пункте в 1897 г. только 1 пуд был маральных рогов (на этом пункте, видимо, больше проходили рога сайгака. — *Н.Ф.*) [52].

Из таблицы 3.6 видно, что Алтай в 1897 г., по мнению А.А. Силантьева, являлся выраженным центром торговли пантами маралов, а на самом Алтае «главным центром торговли пантами является г. Бийск, хотя часть товара китайцы скупают прямо в Уймоне, а часть пантов сбывают на ежегодной ярмарке на Чуе» [58].

«Горный Алтай в конце XIX — начале XX вв. продолжал оставаться аграрным регионом России, основными занятиями населения были ско-

товодство, земледелие, промыслы», — отмечала профессор Н.Ф. Иванцова. На каждое из имеющихся 15 362 хозяйств приходилось по 32,8 головы скота (при общей численности 504 тыс. голов), что было больше, чем в Сибири и в России в целом, и только по 3 десятины пашни. До 50% населения занимались различными видами промыслов: охотничьим, ореховым. В среднем на одно хозяйство по отдельным районам добывалось 120 белок, 4 кабарги, 1,4 соболя, 2 марала и заготавливалось до 30 пудов ореха. 6% семей инородцев и 12% русских занимались пчеловодством. Развивалось маслодельное, мукомольное, кожевенное производство. Широко развито получает кредитная, производственная, потребительская кооперация, членами которой становится до 80% населения Шебалина, Малой Черги, Черги, Мьюты, Камлака и др. сел» [4]. Эти слова — свидетельство того, что даже в далеком отсталом Горном Алтае на рубеже веков постепенно пробивалась и ширилась деловая жизнь со всеми ее плюсами и серьезными упущениями, так же, кстати, как и сейчас — 100 лет спустя.

В газете «Сибирская жизнь» за 1902 г. неизвестный автор под инициалами «Ю.Г.» в статье «Мараловодство в Горном Алтае» пишет следующее: «Некоторые более или менее значительные мараловоды (Варвинский — с. Онгудай, Попов — д. Шебалина, Шадрин — с. Мьюта) составили себе от маральников весьма приличное состояние для крестьянского быта; имеются в Горном Алтае и еще несколько маральников более мелкого размера, так в селе Онгудай — два маральника, в д. Шебалиной — 4 маральника, в селе Мьюте — два маральника...

В общем, количество сухих маральих рогов, доставляемых в Китай из Горного Алтая и Минусинского уезда, как нам передавали марало-промышленники, достигает 660 пудов ежегодно, из коих половина, 300 пудов, падает на Горный Алтай, что при переводе на звонкую монету, составляет почтенную сумму около 100 тыс. рублей на месте получения рогов и около 170 тыс. рублей на месте сбыта — в Китае (Кобдо) и др. места Монголии» [33].

Таким образом, по официальным данным Онгудайской таможни, в 1902 г. в Китай с Алтая вывезено чуть более 85 пудов сухих рогов марала на 32020 руб. [39]. Значит, более 200 пудов рогов марала в этот год прошло мимо таможни, и это неудивительно, так как один из специалистов того времени говорил, что не объезжает таможню только тот, кто не хочет этого делать. Для нас в цитируемой статье есть интересные строки: «Главными скупщиками маральих рогов на месте их добывания — в Горном Алтае — являются сами мараловоды — Попов (д. Шебалино), Варвинский (с. Онгудай), отчасти же бийские купцы, ведущие меновую торговлю с Монголией» [33].

Вновь подтверждается, что Алексей Степанович не только активно продолжает развивать свое мараловодческое хозяйство, но и стремится

Старое фото ярмарки в Монголии.
Здесь на панты выменивался любой товар

ся к расширению торгового дела, так как то и другое вместе приносят ему очень хорошие доходы. В начале февраля 2012 г. известный на Алтае художник-график З.М. Ибрагимов восстановил образ А.С. Попова-мараловода. Он изобразил его уже немолодым, однако внешне крепким и сильным человеком, похожим на брата Игната.

3.3. КРЕСТЬЯНИН-ТОРГОВЕЦ А.С. ПОПОВ

В 1905 г. Алексей Степанович уже на равных торговал в Монголии с бийскими купцами. У профессора А.В. Старцева есть данные за 1905 г., на базе которых составлена таблица 3.7.

Таблица 3.7

Оборот купца А.С. Попова в торговле с Монголией в 1905 г. [61]

	Вывоз в Монголию		Ввоз в Монголию		Всего		
	Торговые обороты, руб.	Прибыль, руб.	Торговые обороты, руб.	Прибыль, руб.	Торговые обороты, руб.	Прибыль, руб.	Норма прибыли, %
Попов А.С.	–	–	28 250	5 765	28 250	5 765	20,4
Всего 26 торговцев	470 520	51 803	1 268 600	176 923	1 739 120	228 728	13,2

Из таблицы 3.7 следует, что А.С. Попов в 1905 г. ничего не ввозил в Монголию, что вряд ли возможно. Скорее всего, он просто не показывал все свои торговые обороты.

Проанализируем данные о торговле с Монголией за рассматриваемые 11 лет — с 1897 по 1907 г. (табл. 3.8).

Таблица 3.8

Торговля с Монголией через Онгудайскую таможенную
в 1897–1907 гг. [39]

№	Год	Вывоз всего			В том числе маральных рогов		
		штук	кол-во, пудов	стоимость, руб.	штук	кол-во, пудов	стоимость, руб.
1.	1897	–	13 201	561 856	–	178	54 778
2.	1898	950	16 099	491 746	–	135	50 792
3.	1899	–	18 645	462 017	–	158 п. 22 ф.	47 528
4.	1900	150	14 469	423 285	–	105	36 203
5.	1901	–	17 149	810 863	–	14 п. 30 ф.	5 856
6.	1902	–	19 257	564 276	–	85 п. 23 ф.	32 020
7.	1903	–	21 674	526 041	–	11	36 322
8.	1904	–	17 938	299 739	–	82	28 313
9.	1905	735	200 945	568 183	–	143 п. 10 ф.	51 155
10.	1906	388	29 397	796 141	–	136 п. 12 ф.	52 918
11.	1907	810	32 250	591 738	–	97 п. 18 ф.	48 923

При всей «условности» учета на таможене в те годы можно утверждать, что падение объемов поставок маральных рогов в 1901–1904 гг. связано с резким снижением добычи пантов диких маралов, охотиться на которых было уже запрещено. Наметившийся с 1905 г. рост продаж маральных рогов отражает, видимо, возрастание производства пантов в «домашнем мараловодстве» Алтая.

В очередной раз фамилия А.С. Попова встречается в архивных документах 1909 г. (табл. 3.9).

Таблица 3.9

Вывоз пантов в Монголию в 1909 г. [55]

№	Фамилия продавца	Количество, пудов и фунтов	Общая стоимость, руб.
1.	Асанов Н.И. (бийский купец)	1 пуд	400
2.	Зырянов И.И. (крестьянин дер. Чечулиха)	4 пуда	1 360
3.	Копылов П.А. (бийский мещанин)	16 п. 18 ф.	6 588
4.	Казанцев В.Г. (инородец д. Усть-Кокса)	11 пудов	4 000
5.	Кудрявцев В.И. (инородец Уймонской управы)	15 п. 20 ф.	5 000
6.	Попов А.С. (крестьянин шебалинский)	56 п. 9 ф.	22 490

Из всех заявленных в 1909 г. на таможне при продаже в Монголию 115 пудов маральих рогов на сумму 39 838 руб. Алексей Степанович зарегистрировал 56 пудов 9 фунтов рогов на сумму 22 490 руб., или 56,5% от общего объема экспорта. При этом в списках таможни он значится как крестьянин с. Шебалино.

В литературе советского периода А.С. Попов упоминался в основном или как кулак, или как купец. Кем же он был на самом деле не по «советским понятиям», а по действовавшим в то время правилам?

С января 1863 г. в России действовало «Положение о пошлинах на право торговли и других промыслов», по которому торговые (купеческие) права предоставлялись всем подданным через приобретение патентных и билетных торгово-промышленных сборов [62].

А.В. Старцев и Ю.М. Гончаров отмечают: «Открывать и содержать торговые и промышленные заведения можно было только после получения гильдейских свидетельств. Свидетельство 1-й гильдии давало право производить оптовую торговлю российскими и иностранными товарами на всей территории империи, содержать фабрично-заводские заведения и принимать повсеместно подряды без ограничения суммы. Соответственно, купец 2-й гильдии мог производить розничную торговлю в пределах города и уезда, содержать фабрично-заводские заведения и принимать подряды на сумму не более 15 тыс. рублей» [62]. Для ведения молочной торговли можно было приобретать (выбирать) свидетельства 3-го разряда.

В материалах 1863–1897 гг. А.С. Попов нигде не упоминается как купец, а значится как крестьянин или торговец-мараловод. В эти годы ему для ведения дела достаточно было приобретения торгового патента (свидетельства), например, 2-го разряда, за которое взималось от 25 до 65 руб. в год.

«Именоваться купцом имел право только человек, выкупивший условное гильдейское свидетельство» [62].

После реформы 1898 г. купцами могли становиться граждане России, вообще не занимающиеся каким-либо предпринимательством. «На последнем этапе развития сибирского предпринимательства (1890–1917 гг.) были сняты ограничения на занятия торгово-промышленной деятельностью, введена четкая система налогообложения предпринимателей» [62].

Таможенники в 1909 и 1911 гг. не могли записать просто так А.С. Попова «крестьянином с. Шебалино». Значит, он действительно не состоял в купеческой гильдии.

Предприниматели на местах и в России в целом в начале XX в. уверенно приобретали все больший социальный вес в обществе и без наличия купеческих званий.

С развитием хозяйственной деятельности шебалинцев росло и Шебалино. В 1908 г. образована Шебалинская волость, в которую входили:

- д. Шебалина;
- д. Топучая;
- с. Онгудай;

- д. Туекта;
- еще 5 селений [17; 16].

По данным Алтайской духовной миссии, в 1909 г. в с. Шебалино действует Шебалинская школа грамоты. В этом же году в ней занималось 38 мальчиков и 19 девочек. Интересно, что 30 детей были из крестьянских, а 27 детей из мещанских семей. Из 210 рублей годового содержания школы «60 руб. платило общество» [15].

Можно предположить, что А.С. Попов не стоял в стороне от забот села. Прямых данных о его пожертвованиях не удалось обнаружить, но известно, что в те годы состоятельные граждане почти все без исключения активно финансировали общественную жизнь населения.

Как все настоящие предприниматели, Алексей Степанович основные свои силы тратил на развитие своего дела. В Российском государственном историческом архиве хранится очень интересный документ, который приводим в полном объеме.

Господину Главноуправляющему Землеустройством и Земледелием

Доверенный крестьян и мещан Бийского уезда Томской губернии, занимающихся разведением маралов на Алтае для продажи их рогов в Китай, крестьянин Шебалинской волости того же уезда и губернии А.С. Попов возбудил пред Министерством Торговли и Промышленности ходатайство, в коем указывается на то, что создавшаяся на Алтае новая отрасль промышленности — разведение маралов поставлена в настоящее время в затруднительное положение, главным образом, вследствие крайне стеснительных для лиц, занимающихся мараловодством, постановлений местных сельских обществ. В силу означенных постановлений, при распределении в 1908 году принадлежащей Кабинету ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА пахотной и сенокосной земли между поселившимися на Алтае крестьянами, были сочтены за недельную землю огороженные на землях Кабинета и калмыков для пастьбы маралов участки земли, так называемые маральники, благодаря чему некоторые лица, в том числе проситель и два его доверителя, взамен причитающихся им 276 десятин душевого надела удобной земли, владеют участками земли лишь в 120 десятин, занятой под маральники, каковые участки пригодны для выпаса маралов и совершенно не могут заменить душевого надела как по качеству земли, так и по ее количеству.

Помимо сего, по указанию А. Попова, сельское общество дер. Шебалиной, к которому оно принадлежит, облагает лиц, занимающихся мараловодством, сбором, увеличивая его ежегодно и доведя в 1909 году до 1 рубля с каждого марала, в том числе и самок, никакого дохода не дающих.

Ввиду указанных стеснений со стороны сельских обществ, А. Попов ходатайствует, в интересах поддержания еще не окрепшего промысла — разведения маралов — об исключении земли, занятой под маральники,

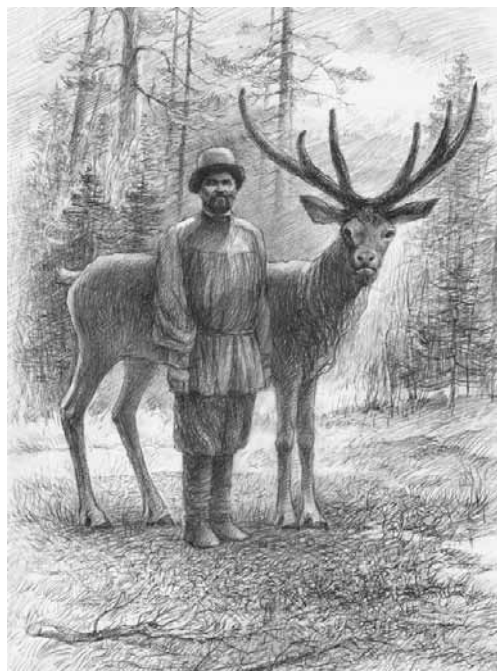
из надельной и о нарезке местным крестьянским обществом взамен ей соответствующих участков из свободных земель.

Кроме того, в виду хищнического истребления маралов во всякое время года местным калмыцким населением, А. Попов ходатайствует об издании специального закона об охоте на маралов, каким можно было бы предотвратить полное истребление маралов.

Признавая изложенное ходатайство заслуживающим внимания, имею честь препроводить Вашему Превосходительству прошение Попова с приложениями по настоящему предмету, с покорнейшею просьбой о последующем почтить меня уведомлением.

Подписал: Министр Торговли и Промышленности В. Тимирязев
Скредил: Управляющий Отделом Н. Сибилев [46].

Из этого документа следует, что в министерство Алексей Степанович обращается как крестьянин с. Шебалино. В интересах дела своего и доверителей он не стесняется писать в Министерство торговли и промышленности, его беспокоит непрекращающаяся охота алтайцев на марала. Однако самое

важное в этом архивном материале заключается в том, что в развитии мараловодства в те годы были проблемы не только внешние (цена и спрос на панты в Монголии не всегда росли, но и неожиданно падали), но и внутренние, связанные как с нехваткой земли, так и с противоречиями с сельским обществом. Платить за содержание маралов сельскому обществу приходилось больше, чем налогов государству.

На 1 января 1910 г. в Шебалинской волости значилось уже 620 дворов, 2007 жителей мужского пола, в том числе 785 человек от 18 до 55 лет. Удобной земли значилось 39 693 десятины, численность крупного рогатого скота — 11 081 голова, в том числе 4 619 дойных коров [70]. Само с. Шебалино в 1911 г. имело церковь, церковноприходскую школу, почтово-телеграфное отделение.

Крестьянин-мараловод с. Шебалино.
Рисунок-реконструкция старого фото.
Художник З.М. Ибрагимов. Из фондов
Музея алтайского марала (г. Бийск)

ние, волостное правление, сельское правление, хлебозапасной магазин, одну семидневную ярмарку с 12 по 18 декабря, два маслодельных и два кожевенных завода и три торговых лавки [4]. Хозяйственная деятельность в начале XIX в. в волости активно развивалась (табл. 3.10).

Таблица 3.10

Из списка населенных мест Бийского уезда на 1911 г. [4]

Населенный пункт	Население взрослое, всего	Кол-во земли у населения	Маслозаводов	Кожевенных заводов	Мельниц	Торговых лавок и хлебозапасных магазинов
с. Шебалинское	954	4 573	2	2	–	4
с. Чергинское	1 104	10 712	–	1	–	5
с. Камлак	439	4 963	–	–	–	3
с. Лекунар	381	3 575	–	–	2	–
с. Топучая	283	2 150	–	2	–	2
с. Туекта	405	5 214	–	3	–	3

В.П. Штейнфельд в 1911 г. отмечает в работе «Бийский уезд Томской губернии»: «Шебалина имеет 800 жителей, в ней находится волостное правление, население принимает участие в торговом движении по Чуйскому тракту в роли возчиков товаров... Около деревни раскиданы маральники...». Здесь же он уточняет: «Ярмарка проходила в с. Шебалинском с 15 по 22 декабря». Обменивались и продавались хлеб, кожи, волос, звериные шкуры, лошади, дичь, кедровые орехи [70].

В успешном в экономическом отношении 1911 г., по данным того же В. П. Шнейнфельда, «торговые обороты Бийска с Северо-Западной Монголией, развившиеся в течение последних 30 лет, достигают суммы около 3 млн руб. в год, в том числе «Ввозится в Северо-Западную Монголию:

Хлопчатобумажных тканей	230 000 руб.
Сукна разного	20 000 руб.
Кожевенных товаров	80 000 руб.
Скобяных и медных изделий	25 000 руб.
Галантерейных товаров	15 000 руб.
Сахара и бакалейных товаров	12 000 руб.
Серебра в слитках	240 000 руб.
Муки и крупы	15 000 руб.
Рогов изюбря (пантов)	120 000 руб.
Итого:	842 000 руб.

Вывозится из Северо-Западной Монголии... итого 1 790 000 руб.» [70].

По официальным данным таможни, пантов (маральных рогов) в этом году вывезено на 72 114 руб., что не сходится с данными В.П. Штейнфельда. Но нам важно, кто конкретно в 1911 г. вывозил панты (табл. 3.11).

Таблица 3.11

Список торговцев, вывозивших маральи рога в 1911 г.
через Кош-Агачскую таможню в Монголию [55]

№	Фамилия	Количество	Общая стоимость, руб.
1.	Бочкарев И. (крестьянин Уймонской волости)	11	4 400
2.	Баниторуг/Ли (китайский подданный)	3 п. 1 ф.	1 210
3.	Васильев И.А. (бийский мещанин)	2 п. 20 ф.	1 800
4.	Дятьев С.И.	6 п. 18 ф.	2 700
5.	Зырянов	10	4 000
6.	Казанцев В.Г.	13	5 200
7.	Красков Ф.Т.	2	800
8.	Ошлаков М.П. (Коксинская волость)	14	5 500
9.	Попов А.С. (крестьянин с. Шебалино)	67 п. 12 ф.	32 304
10.	Семенов Г.А.	16 п.	7 000
11.	Черепанов В.	3 п. 10 ф.	2 000

Всего вывезено более 174 пудов маральих рогов на 72 114 руб. Обращает внимание, что только три крестьянина-мараловода (И. Бочкарев, М.П. Ошлаков и А.С. Попов) вывезли более 93 пудов, или более 53% всех пантов. Доля же Алексея Степановича составила более 30% всех заявленных продаж пантов в Монголию.

Посмотрим, что вывозил в этом году в Монголию один из лучших купцов г. Бийска Н.И. Асанов (табл. 3.12).

Таблица 3.12

Сведения о вывозе товаров из России в Китай через Кош-Агачскую таможню за время с 1 июля по 31 декабря 1911 г. [55]

Наименование лица	Наименование товара	Количество		Сумма	
		пуды	фунты	руб.	коп.
Асанов Николай Иванович, бийский купец	Рога маральи	1	32	360	–
	Свечи стеариновые	50	–	600	–
	Мыло простое	72	–	288	–
	Посуда эмалированная	3	–	60	–
	Галантерейные вещи	30	–	570	–
	Гильзы папиросные	11	–	66	–
	Керосин	29	–	116	–
	Мука крупчатая	100	–	250	–
	Стекло оконное	10	–	30	–
	Вина виноградные	5	–	50	–
	Пряники	3	–	40	–
	Доски к весам	4	–	30	–
	Юфть	146	–	7 920	–
	Табак курительный	7	–	400	–
	Итого	471	–	10 780	–

В то же время крестьянин-торговец А.С. Попов вывез в 1911 г. [55]:

Наименование товара	Количество		Сумма, руб.
Маральи рога	67 пуд.	12 фунт.	32 304
Мука крупная	160 пуд.	—	2 843
Плахи	111 пуд.	—	158
Железо сортовое	6 пуд.	—	24
Пшено просяное	5 пуд.	—	22
Холст	108 пуд.	—	7 300
Итого:	457 пуд.	—	42 651

Объемы экспорта крестьянина А.С. Попова в 4 раза превосходили объемы купца Н.И. Асанова. Можно предположить, что плахи и железо Алексея Степанович вывозил не для коммерции, а для собственных строительных нужд. В 1911 г. ему было уже более 50 лет, и он продолжал активно развивать свое дело, в том числе и непосредственно в Монголии. Где-то в эти годы Алексей Степанович построил в Шебалино свой двухэтажный дом, который до сих пор, более 100 лет, служит жителям села Шебалино в качестве помещения для дошкольного образования детей. Полы, окна, двери, да и весь дом в целом сделаны настолько основательно, что, глядя на них, понимаешь: тот, кто заказывал этот дом, все делал на века.

А.В. Старцев и Ю.М. Гончаров пишут, что «купцам, так же как и людям других профессий, нельзя останавливаться на достигнутом, так как это вело к застою, а потом к кризису и краху. Успех достигался за счет мобилизации интеллектуальных, духовных и физических сил человека» [62]. Можно не сомневаться, что А.С. Попов жил и работал именно так. Еще одна небольшая таблица подтверждает это цифрами (табл. 3.13).

Таблица 3.13

Вывоз пантов в Монголию с Алтая в 1909, 1911 гг. [55]

Год	Вывоз пантов	Пудов	Стоимость, руб.	Доля, %
1909	Всеми торговцами	115	39 838	100
	В том числе Поповым А.С.	56	22 490	56,5
1911	Всеми торговцами	148	66 912	
	В том числе Поповым А.С.	67	32 304	

Из таблицы 3.13 следует, что в эти годы Алексей Степанович контролировал половину экспорта пантов в Китай через Монголию и, наверное, во многом определял цены и другие условия на пантовом рынке Горного Алтая.

Писатель Г.И. Успенский, по данным А.В. Старцева, писал, что предприниматель начала XX в. прекрасно осознавал, что капитал — сила, а прятать его в сундук — глупость, и надо делать на этот капитал оборот,

а покупать и продавать можно решительно все, что продается и покупается, получение же барыша вполне разрешено и допущено. Все это делало его «спокойным и уверенным и не боящимся ничего ни здесь, ни там» [62]. Именно таким предпринимателем видится Алексей Степанович Попов в конце первого 10-летия XX в.

Обобщим данные по вывозу товаров и пантов, в том числе за 1907–1911 гг. (табл. 3.14).

Таблица 3.14

Вывоз товаров в Монголию с Алтая в 1907–1911 гг. [39; 55]

Товары \ Год	1907		1908		1909		1910		1911	
	пудов	стоимость, руб.	пудов	стоимость, руб.	пудов	стоимость, руб.	пудов	стоимость, руб.	пудов	стоимость, руб.
Всего вывоза	32 250	591 738	16 048	452 860	20 708	666 488	20 320	739 079	н/д	842 000
В том числе, рога маралов	97 п. 18 $\frac{3}{4}$ ф.	48 923	97	43 180	120	42 591	127	54 408	148	66 912

Дом А.С. Попова в с. Шебалино.
Фото из фондов Музея алтайского марала
(г. Бийск)

Среднегодовой вывоз пантов в эти годы достиг 120 пудов, а их среднегодовой объем в рублях составил более 50 тыс. руб. Это было лучшее 5-летие развития пантового оленеводства на Алтае в до-революционный период.

Следующий 1912 г. село Шебалино встречало как активно развивающееся поселение. Томский профессор В.В. Сапожников пишет в это время: «Шебалина — большое село тоже на правом берегу Семы — довольно богатое, оно долгое время было походным пунктом для торговли с Монголией; много шебалинцев и сейчас живут

в Монголии, или торгуя самостоятельно, или состоя приказчиками... В ближайших окрестностях устроены маральники или «сады», в которых держат прирученных маралов» [54].

Обратим еще раз внимание: «Много шебалинцев и сейчас живут в Монголии, или торгуя самостоятельно, или состоя приказчиками...». Далее, в этой же работе В.В. Сапожников отмечает: «На р. Джургаланты в Монголии обнаружил русскую факторию Ивана Игнатьевича Попова из Шебалиной. Скупают шерсть. У младшего брата Александра Попова такой же пункт на притоке р. Булгуна — Тургуне. Поповы скупают до 300 пудов шерсти по 3–3,5 руб., а также пушнину. В 1909 г. Поповы переехали в Делюн» [54].

Иван Игнатьевич и Александр Игнатьевич Поповы — это сыновья Игната Степановича Попова и племянники Алексея Степановича Попова. Дела у Ивана и Александра, видимо, шли неплохо и, забегая вперед, отметим, что в архивах отмечено: «Торговый дом «Братья А. и Н. Поповы» (с. Шебалино) был основан в Монголии в 1914 г. (сословие — крестьяне)» [65]. В списке от 2 сентября 1916 г. «русскоподданных инородцев, проживающих в Кобдосском округе» числятся два служащих этого торгового дома: П.П. Артищев (21 год) и А.И. Парфенов (26 лет) [23].

Следующее поколение семьи Поповых успешно продолжало традиции отцов. Правда, до сих пор не упоминаются в документах пока дети самого Алексея Степановича, а по данным Н.С. Попова, у него было шесть сыновей (Александр, Михаил, Иван, Владимир, Петр, Василий) и одна дочь Татьяна. Видимо, в эти годы все они работали в одной команде лидера-отца.

В 1912 г. В.Я. Шишков, занимаясь исследованием торгового Чуйского тракта в качестве руководителя геодезической партии, отмечал: «Шебалино — значительное торговое село. Несколько лавок есть. Имеются маральники-сады для маралов. По всему Чуйскому тракту только в двух пунктах встречаются маральники: в Мыюте и Шебалиной. В последней — большой маральник у местного жителя Попова. Около 500 маралов. Маральник занимает огромную площадь, около сотни десятин» [69]. Точность упомянутых В.Я. Шишковым данных предстоит еще проверить, но вполне очевидно, что личность А.С. Попова становится с каждым годом более заметной. В апреле 1910 г. на столы многих российских фирм легло обращение: «Милостливые государи! Московские фабриканты и промышленники решили в первых числах мая сего года отправить торговую экспедицию для изучения торгового рынка Монголии...» [5].

Основательная московская экспедиция состоялась летом 1910 г. «Путешественники изучали банковское и кредитное дело, пригон скота, пушную торговлю, обработку шерсти, мараловодство...» [5]. В отчете этой экспедиции отмечается: «Русские купцы, работающие в Монголии, главным образом Асанов, Кузнецов, Копылов и Попов, скупают рога у русских крестьян и сдают их китайцам под шерсть будущего года» [35].

Таким образом, для А.С. Попова торговля в Монголии была фактически русско-китайской торговлей в основном с китайскими купцами,

которые знали его как одного из главных поставщиков пантов маралов на китайский рынок.

Первого декабря 1911 г. произошло историческое событие — Монголия в одностороннем порядке объявила себя страной, независимой от Китая. Борьба против китайского господства привела, по словам А.В. Старцева, к удалению из страны китайских чиновников и торговцев. Только из Улясутайского округа в течение 2–3 месяцев выехало свыше 1000 китайцев, в основном купцов и их приказчиков. Тот же процесс наблюдался и в других городах и хошунах Внешней Монголии [61].

А.В. Бурдуков как непосредственный свидетель этих событий пишет следующее: «Китайцы понемногу откапывали спрятанное серебро и сдавали Ермолину по рублю за лан с обязательством уплаты в Бийске, куда все китайцы собирались отправиться, чтобы оттуда по Сибирской железной дороге следовать дальше на родину. Кладовые Асанова и Кузнецова были переполнены всякими товарами, а ящики ломались от дешевого серебра» [3].

Отъезд китайских купцов создал благоприятную обстановку русским коммерсантам для усиления торговли в Монголии, но не для А.С. Попова и других торговцев-мараловодов. В 1912 г. через Кош-Агачскую таможенную в Монголию был вывезен для продажи всего один пуд маральных рогов бийским купцом Г.Г. Бодуновым. В 1913 г. через эту таможенную панты вообще не вывозились [55].

В Санкт-Петербургской газете «Новое время» от 7 июля 1912 г. собственный корреспондент из Бухтармы пишет, что «политические события в Монголии и Китае отражаются весьма вредно на алтайском мараловодстве. За отсутствием сбыта пантов (весенние рога оленей — маралов). Прежде продавали за 12 руб. за фунт, в прошлом году — 2,5 руб., ныне случайные китайцы предлагали в Косагае лишь по 2 руб. за фунт. Скупщиков нет. Многочисленное старожилческое население лишается главной статьи дохода. Следовало бы организовать сбыт без посредников через Владивосток в Китай» [47].

Тот же В.Я. Шишков, рассказывая о шебалинских маралах, отмечает: «Маралы ценились по 70 и даже по 100 рублей. Теперь спрос на рога прекратился, и цена на марала упала до 50–30 рублей» [69].

Можно с определенной уверенностью предположить, что ухудшение положения дел на пантовом рынке сказалось на делах А.С. Попова менее заметно, чем на большинстве более мелких мараловодов. Во-первых, как основной скупщик пантов на Алтае, он не мог не воспользоваться ситуацией и, конечно, снизил закупочные цены на маральи рога и в основном сохранил свой коммерческий интерес оптового покупателя. Во-вторых, он вел разностороннее хозяйство и торговлю, имел серьезные торговые обороты и имел достаточно оборотных средств для продолжения своего дела. Более того, младший брат Алексея Степановича, Василий, 1875 г.р., который, по обычаям того времени, как решили старшие братья, служил в царской армии за всех мужчин семьи Поповых: «В 1900 году его забрали в солдаты и по совокупности за всех братьев ему пришлось трубить

12,5 лет» [41]. «В 1912 году Василий вернулся домой в Шебалино, и Алексей Степанович выделил ему 75 маралов, помог построить маральник и наладить дело» [41].

Пока не найдены точные архивные данные, но есть большая уверенность, что А.С. Попов в 1911–1917 гг. продолжал заниматься торговлей пантами, но уже через Кяхту. От А.А. Черкасова известно, что в 80-е гг. XIX в. продавцы пантов Бийского уезда знали этот торговый путь: «Маральи рога сбываются китайцам, и их везут с Южного Алтая в Кяхту на почтовых, а, как известно, расстояние такой доставки выражается почти в трех тысячах верст — значит, стоит овчинка выделки» [66].

Конечно, потеря отлаженных каналов сбыта маральных рогов через Монголию снизила доходность алтайского мараловодства, но в разряд убыточных оно не перешло и продолжало развиваться. После начала Первой мировой войны в 1914 г. нагрузки по торговому делу, содержанию маралов и сельскому хозяйству у Алексея Степановича Попова резко возросли. Вновь забрали в армию кавалера трех Георгиев младшего брата Василия, а его 34-летней жене Анастасии Андреевне с четырьмя малолетними детьми невозможно было управиться с делами без активного участия деверя. Из материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. следует, что старший сын А.С. Попова Михаил в это время «служил у консула» в монгольском г. Кобдо, а еще четыре сына: Василий, Александр, Петр и Владимир, — были мобилизованы на войну, и помощниками по хозяйству оставались жена Фелонида, снохи Анастасия, Агния и Мария [13].

Торговая деятельность Алексея Степановича все эти годы не прекращалась. Из списка русскоподданных инородцев, проживающих в Кобдосском округе, от 2 августа 1916 г. следует, что в г. Кобдо на постоянной основе работал 34-летний Сергей Прокопьевич Зяблицкий — служащий А.С. Попова. Можно предположить, что и старший сын Михаил, работая в г. Кобдо на государственной службе, в какой-то степени «присматривал» за торговлей отца. В переписи Алексей Степанович указывает не только торговую лавку за границей, но и свое участие с 1917 г. в потребительском обществе с. Шебалино [12].

В 1915–1916 гг. конца Первой мировой войне не предвиделось, обеспечение товарами существенно ухудшилось. В Шебалинской и других волостях «большинство из лавок купцов закрылись, но некоторые еще держатся, и купцы, учитывая момент, грабят население, считая себя в то же время чуть не благодетелями» [18].

В августе 1916 г., видимо, с целью улучшения обеспечения товарами населения Шебалино три его жителя А.П. Устюжанин, Е.Е. Беспалов и Я. Бедарев обратились к томскому губернатору о регистрации Шебалинского общества потребителей «В единении сила» [22]. А.С. Попов среди первых учредителей общества не значится, но свою принадлежность к этому потребительскому кооперативу отмечает [12]. Вообще кооперация как новая форма хозяйствования в 1917 г. начала развиваться и в Шебалинской волости (табл. 3.15).

Таблица 3.15

Развитие кооперации в Шебалинской, Мыютинской
и других волостях Горного Алтая в 1917 г. [18]

Название селений	Потребительские лавки	Кредитные товарищества	Маслодельные заводы	
			артельные	частные
Шебалино	1	–	–	–
Черга	1	–	1	1
Камлак	1	–	–	1
М. Черга	–	–	–	1
Топучее	–	–	1	–
Мыюта	1	1	–	1
Барагаш	1	–	1	–
Ильинское	1	1	1	1
Мариинское	–	–	–	1
Могуйта	–	–	–	1

Из отчета о развитии кооперации на этой территории, написанного А.А. Ноняевым в 1917 г., видно, что кооперация была «...развита слабо. Потребительские лавки стали открываться только с нынешнего года, но функционируют очень плохо, нет товара и нет людей, умеющих поставить это дело... Среди населения Шебалино и Мариинского поднимается вопрос об открытии сыроваренного завода, но не нашлось мастеров, да и боязно было бы крестьянам приниматься за новое дело без опытных руководителей» [18].

Помимо торговли, был у А.С. Попова в Шебалино свой кожевенный завод и товарное сельскохозяйственное производство. На основании сельскохозяйственной переписи 1917 г. есть возможность показать масштаб этого направления деятельности Алексея Степановича (табл. 3.16).

Таблица 3.16

Перечень сельскохозяйственных животных А.С. Попова в 1917 г. [10]

Лошади	рабочие	28
	еще не рабочие	25
	всего	53
Крупный рогатый скот	буйволы	4
	быки старше двух лет	85
	коровы	6
	нетели и телята	11
	всего	106
Свиньи	взрослые	1
	поросята	8
	всего	9
Маралы	<i>всего</i>	200
Всего голов скота		368

Из таблицы 3.16 видно, что основной доход в сельском хозяйстве А.С. Попову приносили откорм быков на мясо и, конечно же, мараловодство. Лошади необходимы были для обработки земли, заготовки кормов и транспортных работ, в том числе для перевозки грузов в Монголию и обратно. Хозяйство имело шесть душевых земельных наделов, так как в семье было шесть мужчин. В «землевладении» семьи находилось около тридцати десятин земли, в том числе:

- усадьба — 2,5;
- пашня — 1,2;
- покосы — 25.

Дополнительно А.С. Поповым арендовалось 5,5 десятин земли, принадлежащих «обществу» с. Шебалино, под пашню и 732 десятины (82 десятины у «общества» и 650 десятин у «кабинета») под мараловодство. У Алексея Степановича было два маральника [12]. На пашне выращивались только ячмень и овес. Под этими посевами находилось 5,5 десятин своей пашни и 5,5 десятин арендованной. Еще 6,5 десятин пашни находилось «в залежах». Сельхозинвентарь состоял из двух «однолемешных» плугов, восьми железных борон, одной косилки, одной «жнейки-самосброски» и четырех телег [12].

Перепись позволяет уточнить некоторые данные о большой семье А.С. Попова, которые до этого я брал из материалов, собранных Н.С. Поповым в 1977–1978 гг. от оставшихся в живых родственников. Естественно, что за 80 лет XX в., прошедших в войнах и забвении, некоторые данные семейной памятью не сохранились. Я не стал исправлять отдельные факты, отдавая дань уважения огромному труду Н.С. Попова, но покажу отдельные неточности для внимательного читателя:

– по Н.С. Попову, братья Поповы поселились под селом Майма в 1862 г., и затем переехали в Шебалино, а А.С. Попов указывает в сельхозпереписи, что они поселились в Шебалино в 1860 г.;

– по Н.С. Попову, Алексей Степанович родился в 1845 г., но тогда в 1917 г. ему должно было быть 67 лет, однако в переписи ему только 60 лет.

В то же время большая часть информации Н.С. Попова о семействе Поповых переписью подтверждается. В 1917 г. в большом доме А.С. Попова проживали 19 человек:

- Алексей Степанович с женой Фелонидой;
- четыре сына: Василий — 35 лет; Александр — 30; Петр — 28; Владимир — 27;
- три снохи: Анастасия — 36 лет; Агния — 25; Мария — 27;
- четыре внука: Иван — 9 лет; Петр — 7; Степан — 8; Алексей — 5;
- шесть внучек: Ираида — 3 года; Елизавета — 6; Раиса — 5; Зоя — 2; Анна — 4; Втора — 3 [11].

Только такая незаурядная личность, каким был Алексей Степанович, могла управлять успешно крупным семейным бизнесом.

Сельскохозяйственная перепись 1917 г. позволяет сравнить А.С. Попова с другими шебалинскими мараловодами (табл. 3.17).

Таблица 3.17

Перечень крестьян с. Шебалино, имеющих в 1917 г. маралов в своих хозяйствах [9]

№	Фамилия, имя, отчество	Возраст, лет	Имел в хозяйстве, голов				Наделов земли
			лошади	крупный рогатый скот	овцы	маралы	
1.	Попов Алексей Степанович	60	53	106	–	200	6
2.	Попов Василий Степанович	40	16	6	–	65	2
3.	Попов Иван Яковлевич	43	19	10	–	40	–
4.	Попов Василий Николаевич	53	7	8	–	14	4
5.	Попов Иван Николаевич	53	10	20	5	11	2
6.	Шадрин Иван Дорофеевич	70	14	6	–	20	2
7.	Шадрин Дмитрий Иванович	47	–	–	–	8	2
8.	Шадрин Григорий Миронович	27	9	6	–	10	1
9.	Шадрин Иван Миронович	34	8	4	–	29	1
10.	Шадрин Алексей Ильич	38	4	7	–	8	1
11.	Шадрин Никанор Ильич	50	12	22	–	12	–
	Всего:		152	195	5	417	

Семья А.С. Попова владела почти таким же количеством маралов, что и остальные 11 мараловодов с. Шебалино вместе взятые. И это при том, что Василию Степановичу его 65 маралов достались от старшего брата Алексея. Кстати отметим, что не подтверждается советский миф (см.: Митюшов П.В. Пантовое оленеводство Ойротии // Ойротия. М., 1937) о том, что «этот мараловод (А.С. Попов. — *Н.Ф.*) имел в своем маральнике до 500 голов» [34].

Ближе к истине был Г.А. Никольский, который писал в 1925 г., что у 14 шебалинских мараловодов в 1917 г. было 505 оленей [37].

3.4. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.С. ПОПОВА В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Первая мировая война ухудшила положение практически всей массы населения России и шебалинцев в том числе. Были повышены налоги, призваны в армию большинство мужчин, бедным стало снабжение населения товарами, не прекращался рост цен. Закрылись многие сельские торговые предприятия, в частности в Шебалинской волости не стало лавок в с. Шебалино, с. Камлак, д. Малая Чергушка и др. [27]. Тем не менее «население Горного Алтая в большинстве своем спокойно и терпеливо

переносило тяжесть военного времени» [27]. Все начало резко меняться после Февральской революции 1917 г.:

– наиболее образованная часть населения Ойротии вновь начала борьбу за решение национального вопроса;

– на крестьянских сходах, собраниях при создании новых органов власти вновь обострились вопросы справедливого землепользования, лесопользования, орешного и охотничьего промыслов;

– особое нетерпимое отношение к существующим устоям жизни принесли вернувшиеся с войны, зараженные идеями солдаты.

Старая вертикаль власти рухнула, и началась кровавая история борьбы за новую власть. Наряду с сельскими советами, от окружной управы на местах стали появляться революционные советы от Бийского Совдепа. Уже в апреле-мае 1918 г. между ними начались вооруженные столкновения, так как Бийский Совдеп был против Каракорума — Алтайской окружной управы, с ее идеями национального самоуправления.

В Шебалино под руководством В.И. Плетнева, местного жителя и солдата-фронтовика, 29 декабря 1917 г. на сельском сходе был создан один из первых Совдепов, который сразу начал активную агитацию за революционные преобразования на селе. Сын В.И. Плетнева впоследствии писал со слов отца, что «шебалинские контрреволюционеры» во главе с крупнейшим богачом Поповым почувствовали в лице В.И. Плетнева своего кровного врага. По оценке текущих событий, между В.И. Плетневым и А.С. Поповым происходили жесткие схватки. А.С. Попов считался особо почетным в селе человеком. Он был очень солиден, с большой седой бородой. А.С. Попов призывал гнать В.И. Плетнева и других бунтовщиков в шею, и это при том, что они были родственниками. По описанию Н.С. Попова, Анастасия Андреевна Иванова, жена родного брата А.С. Попова Василия Степановича, была родной сестрой матери В.И. Плетнева. Более того, по рассказам родственников, Василий Степанович, тоже вернувшийся в 1917 г. с фронта в Шебалино, затем вступил в отряд В.И. Плетнева и «воевал в красных вплоть до своей гибели в 1919 г. в районе Белого Борма на р. Чуе. Василий вместе с двумя красногвардейцами из партизанской дивизии Третьяка был послан в разведку, попал в засаду Кайгородского карательного отряда, и все трое были зарублены шашками» [41]. Внук В.С. Попова, Александр Лаврентьевич Попов, д.м.н., живет в г. Новосибирске. Он любезно предоставил мне материалы — воспоминания о семье Поповых, собранные Николаем Степановичем Поповым. Действия В.И. Плетнева в Шебалино активно поддерживал Совдеп г. Бийска.

Население Шебалино жаловалось «на грабежи со стороны бийских красногвардейцев, а председатель исполкома Совдепа З. Двойных отвечал, что «возмущаются капиталисты и кулаки» [27].

После мятежа чехов в мае 1918 г. все лето в районе Шебалино шли бои между отрядом В.И. Плетнева, с одной стороны, и отрядами капитана Д.В. Сагунина и другими белыми формированиями — с другой. В августе 1918 г. советская власть в Горном Алтае была ликвидирована. Вторая поло-

вина 1918 г. прошла в укреплении войск Колчака, в том числе отрядов А.П. Кайгородова в Горном Алтае, за счет насильственной мобилизации молодежи. Репрессии и грабежи усилились. Зима 1918–1919 гг. была для крестьян Горного Алтая очень тяжелой: глубокие снега вызвали падеж скота, а новое Колчаковское правительство не только увеличило налоговый пресс, но даже стремилось взыскать с крестьян старые царские недоимки. Через восстания началось восстановление советской власти. В августе повстанцы заняли села Шебалино, Онгудай, Туекту, затем колчаковцы вновь восстановили контроль над Чуйским трактом. В конце сентября — октябре разрозненные отряды повстанцев объединились в партизанскую двухтысячную партизанскую дивизию И.Я. Третьяка, который организовал разгром отрядов подполковника Хмелевского (1300 человек), затем колчаковцев (около 1000 человек).

Сын В.И. Плетнева вспоминает, со слов отца, что постепенно из села разбежались все богатеи. Их добро было конфисковано и пущено на оказание материальной помощи беднякам. Для продовольственной помощи использовались маралы Алексея Попова и его хлебные закрома.

Н.С. Попов отмечает, что «в конце 1919 года Чуйский тракт был забит тысячами подвод — разбитые части колчаковцев, каракорумцев, купцы, духовенство бежало в Монголию» [41].

А.В. Бурдуков пишет, что «первое эхо Октября докатилось до Монголии лишь ранней весной (1918 г. — *Н.Ф.*) в виде перепуганных русских купцов из Урянхая, сбежавших оттуда со своими семьями, ценностями и скарбом. Весна и лето 1918 года принесли новую волну беженцев из России» [3]. Не составлял исключения и А.С. Попов, но в Монголию он отправил, скорее всего, только семью.

Николай Степанович, собирая материалы о Поповых, узнал, что «с началом борьбы за власть в Горном Алтае дед Алексей и Александр Игнатьевич (племянник А.С. Попова. — *Н.Ф.*) решили всех своих родственников отправить в Монголию, подальше от бурных и беспокойных событий» [41]. Скорее всего, это произошло в 1918 г. Часть семейства Поповых оказалась в Монголии еще раньше. О судьбе самого Алексея Степановича в этот период удалось собрать самые противоречивые данные.

1. П.В. Митюшов рассказывает, что «этот мараловод имел в своем маральнике до 500 голов, но с организацией советской власти стадо им было ликвидировано, как и другими крупными мараловодами» [34].

2. О.П. Смирнягина, бывший директор Росгосархива по Горно-Алтайской автономной области, сообщает в своей статье: «Документально отмечается, что Шебалинский маральник возник в 1906 г., и первым его владельцем был Попов Алексей Степанович. С начала революции маральник был национализирован и передан в ведение облземуправления и числился в его ведении до августа 1925 г., затем попал в распоряжение отдела сельского хозяйства». «За время гражданской войны мараловодство пришло в упадок (разрушение маральников, отсутствие сбыта, большие потери от нападения хищных зверей, из-за отсутствия оружия у хозяев-мараловодов)» [59].

3. В.П. Владимирова в своей книге об истории с. Дьяктиек, соседнего с Шебалино, со слов своих родителей, записала: «На левом берегу реки Семы, от устья речушки Куяхтонар до южного склона хребта лога Толгоека, где р. Сема близко подходит к хребту в с. Шебалино, размещались мараловодческие парки купца Попова Алексея Степановича... После победы советской власти Попов А.С. свой маральник передал государству. За годы гражданской войны маралы из парков были выпущены... А.С. Попов не только добровольно отдал государству свой парк, но и порекомендовал работников — специалистов по мараловодству. Михаил Арсеньевич Альков, по рекомендации Попова А.С. работал пантоваром... К 1928 г. стадо насчитывало 157 голов. Попов А.С. в то время в Горном Алтае был главным консультантом по мараловодству...» [7].

4. В.С. Янпольский и П.Е. Абрамов, изучая состояние дел в Шебалинском маральнике в 1928–1929 гг., отметили, что «маральник ОБЛЗУ расположен в 3,5 верстах от с. Шебалино на урочище одного из древних алтайских князей. Это маральник крупного алтайского мараловода А.С. Попова. До национализации в 1919 году у него насчитывалось до 300 голов маралов и маралух (60 рогачей, 100 маток, 140 голов молодняка разного возраста). В последний год своего владения, как передавали бывшие его служащие, им было снято и продано 80 пар рогов, 12 пудов пантов на сумму свыше 8000 руб. (16 кило им продавалось китайским покупателям за 700 рублей)» [73].

В архиве Республики Алтай мне помогли найти материалы, в которых Шебалинский аймачный комитет 04.07.1927 (№4293) сообщает о 20 шебалинцах, у которых «муниципализированы строения» (табл. 3.18).

Таблица 3.18

Список выборочных жителей с. Шебалино,
у которых были конфискованы строения [32]

Фамилия, имя, отчество	Наименование имущества	Когда «муниципализи- ровано»	Количество комнат	Что в этом доме сейчас
Попов Алексей	дом с постройками 22x18x9 (3000 руб.)	1919	10	врачебный участок
Попов Василий	дом с постройками	1919	4	школа
Попов Степан	дом с постройками	1919	6	аймисполком
Шадрин Степан	дом с постройками	1919	4	народный дом
Шадрин Иван	дом с постройками	1919	3	кредитное товарищество
Шадрин Дмитрий	дом с постройками	1919	4	интернат
Всего 20 фамилий				

Вряд ли могли в 1919 г. у А.С. Попова забрать жилой дом и оставить ему маральник, учитывая его открытое непримиримое отношение к новой власти.

Из этой достаточно разноречивой информации с определенной долей уверенности можно сделать следующие выводы.

1. До осени 1919 г. А.С. Попов находился в с. Шебалино и управлял маральниками семьи, включая оленей брата Василия. Летом этого же года он собрал последний урожай пантов и, скорее всего, принудительно передал маралов в собственность советской власти. Прямых архивных данных об этом пока обнаружить не удалось.

2. После потери маральников А.С. Попов, видимо, оставался в с. Шебалино и стремился как-то приспособиться к новым условиям жизни.

Как орган диктатуры победившего пролетариата, 14 января 1920 г. был создан Онгудайско-Шебалинский ревком с центром в с. Шебалино. До начала лета 1920 г. советская власть пока еще не ущемляла крестьянство по основным вопросам хозяйства — не было передела земли и сенокосов. В Шебалинской волости «предоставлялось засеивать земли сколько хотят» [27].

А.А. Иркитова отмечает, что «в отношении крупных землевладельцев проводилась следующая линия: на основании указаний ревкомом были взяты в свое ведение лишь хозяйства, которые были брошены на произвол судьбы бежавшими сторонниками «белых», например, хозяйство конезаводчика Бабушкина в Черге» [27]. Скорее всего, маральники А.С. Попова попали под власть ревкома, но часть других оставалась в частной собственности еще почти 10 лет.

Уже осенью 1920 г. была введена разверстка на сено, скот, домашнюю птицу, кожсырье, шерсть и другие сельхозтовары. Внедрялась трудовая повинность, и фактически ликвидировалась свободная торговля. Вместе с засухой 1920 г. все это вызвало в конце 1920 — начале 1921 г. очередные волнения среди населения Горного Алтая. Сюда были введены армейские части. Одна из них была размещена в с. Шебалино. Выборный принцип формирования ревкомов был заменен назначением. Весной — летом 1921 г. во время посева возникла острая нехватка семян, а летом разразился продовольственный кризис [27].

В августе 1921 г. были объявлены новые налоги на шерсть, мед, воск, крупный рогатый скот, что спровоцировало новые вооруженные восстания в августе 1921 – феврале 1922 г., которые были поддержаны отрядами Кайгородова из Монголии. Для борьбы с восставшими были созданы части особого назначения (ЧОН), которые в апреле 1922 г. окончательно разбили Кайгородова. Остатки восставших были разгромлены или сдались, и к осени 1922 г. советская власть окончательно утвердилась в Горном Алтае.

Гражданская война 1918–1922 гг. переломала много судеб. Досталось горя и семье А.С. Попова. О детях Алексея Степановича почти ничего не известно. Дочери Евгения и Татьяна в переписи 1917 г. за отцом уже «не числились», так как, видимо, уже обе были замужем. Сыновья Александр и Василий, по данным родственников, были «репрессированы: первый по-

раньше — кажется, не очень-то хотел расставаться с отцовским добром после революции, второй при коллективизации в 1930 г.» [41]. Действительно, Василий Алексеевич Попов, 1882 г. р., с. Шебалино, русский, грамотный, крестьянин-единоличник арестован 23.02.30 и расстрелян 10.03.30 [29].

Следы Михаила, старшего сына А.С. Попова, мелькнули в Монголии. Советская власть активно стремилась распространить свое влияние на эту страну: сразу же признала независимость Монголии от Китая, стала правопреемницей торговых дел в Монголии. Дела фактически государственной российской закупочной организации «Монголэкс» принял на себя Центросоюз. Активно стремился работать в Монголии созданный Народным комиссариатом внешней торговли (НКВТ) Сибгосторг, который был представлен там Монголгосторгом. Изучал свои возможности на монгольском рынке и Всероссийский текстильный синдикат. Не имея ни опыта, ни кадров, все они зачастую мешали друг другу.

В 1923 г. Ю.Г. Лукьянов, заведующий Алтайским отделением Всероссийского текстильного синдиката, посещал Монголию «в целях обследования монгольского рынка в отношении сбыта текстильной промышленности и заготовки шерсти и пушнины». Он еще в Кош-Агаче подметил несуразицы советской экспортной торговли: «...например, Катан-Карагайский пункт (Казахстан. — *Н.Ф.*) вывез из Кош-Агача около 30 пудов марального рога, принадлежащего Ойротской области, и предполагает продать его в Катан-Карагае с торгов» [8]. Лукьянов отмечает, что для успешной работы на монгольском рынке синдикату необходимо иметь товары с высокой меновой стоимостью: чай зеленый, кожу, маралий рог, кабарговую струю и «серебро банковское». И, наконец, пишет Ю.Г. Лукьянов: «Самым подходящим кандидатом на должность заведующего отделением ВТС в Кобдо считаю Попова Михаила Алексеевича. Это сын крупного в свое время монголиста, принимающий непосредственное участие в делах отца в Монголии. Знает хорошо монгольский язык, не только разговорный, но и литературный. Пользуется исключительным доверием и популярностью среди монголов. Хорошо сведущ в товарном и сырьевом деле» [8].

Итак, летом 1923 г. Михаил Алексеевич, старший сын А.С. Попова, находился среди русских колонистов в монгольском г. Кобдо. От родственников известно, что «от Михаила остался сын Иван, который живет (1978 г. — *Н.Ф.*), кажется, в г. Ташкенте или под ним» [41].

Сам Алексей Степанович Попов в Поселенской книге Шебалинского сельского совета 15 сентября 1923 г. записан как житель с. Шебалино. В архиве Республики Алтай есть данные о том, что в 1924 г. Алексей Степанович Попов числился в списках лишенных избирательных прав как «бывший выдающийся бандит» [31].

В 2011 г. мне предоставилась возможность прочитать отдельные материалы, находящиеся в частной собственности уже упомянутого Сибгосторга. В секретной переписке бийской конторы Сибгосторга нашелся следующий документ:

Выписка 5.Х.24 г. из протокола
Шебалинской Аймачной Комиссии
по очистке соваппарата
Сибдальгосторгу

Шебалинская Аймачная комиссия исключила без права поступления в государственные кооперативные общественные Учреждения предприятия организации Вашего служащего Попова Алексея Степановича уполномоченного Сибдальгосторга.

Высылайте заместителя.

Комиссия: Тузовских, Шарабарин, Кардаманов
Копия верна.

Шебалинская Аймачная Комиссия по очистке сов. аппарата Сибдальгосторгу.
Вашим представителем является Алексей Степанович Попов, исключенный из состава организации Вашего служащего Попова Алексея Степановича уполномоченного Сибдальгосторга.
Комиссия: Тузовских, Шарабарин, Кардаманов
из ведения Секретаря В.П.К. Грехин

Выписка из протокола Шебалинской аймачной комиссии по чистке соваппарата, 1924 г. Архив автора

16/324/
с. 8/с.

ШЕБАЛИНСКО-АЙМАЧСКОЙ КОМИССИИ ПО
ЧИСТКЕ СОВАППАРАТА.

Уважаемые Товарищи!

Сим сообщаем, что ПОПОВ Алексей Степанович не является нашим представителем с 20/IX с.г., как будучи больным и по выздоровлении таковой не будет допущен к работе в Госторге.

С Товарищеским приветом
ЗАВОТДЕЛЕНИЕМ (ВЛАСОВ)
СЕКРЕТАРЬ (ПОЛЕХ)

Письмо-ответ Шебалинской аймачной комиссии по чистке соваппарата, 1924 г.

Таким образом, Алексей Степанович Попов в 1924 г. жил в с. Шебалино и работал в бийской конторе Сибгосторга, которая имела своих заготовителей в Горном Алтае.

В сентябре 1924 г. «решением Президиума облисполкома Шебалинская волость наряду с другими была переименована в Шебалинский ай-мак», который включал в себя 8 сел, 4 деревни, 11 поселков, 43 урочища, 13 заимок, 1 выселок [27].

Видимо, Алексей Степанович был представителем бийской конторы Сибгосторга на этой большой территории. Была также и улалинская контора Сибгосторга. В Кош-Агаче находился закупочный пункт Монголгосторга, где товароведом в эти годы работал Андрей Григорьевич Бодунов, видимо, из породы известных в Бийске и Улале купцов — Г.Г. Бодунова и В.Г. Бодунова.

Все структуры Сибгосторга в это время конкурировали между собой и, как правило, имели у себя в штате специалистов из бывших торговцев-мараловодов, приказчиков и служащих купцов. Например, во главе Монголгосторга в 1923 г. был известный мараловод — торговец из Онгудая Г. Варвинский.

Из доклада начальнику облотдела ОГПУ помощника уполномоченного Иванова 22.01.1924 следует, что Монголгосторг активно использовал в работе русских колонистов, «имеющих хорошую специализированность и пользующихся авторитетом у монгольского населения». Советские торговые структуры стремились сохранить российское влияние на монгольском рынке. В том же докладе отмечается, что иностранные фирмы при помощи колонистов из России «стараятся захватить рынок в свои руки и выгнать с рынка МГТ». У фирмы «Братья Бреннер» главными поверенными в коммерческих делах, например, «являются бывшие буржуи Кряжевы из Бийска». В этом докладе «О состоянии Кобдосского рынка в Монголии» советские чекисты справедливо отмечают перспективность торговли с Монголией.

«По результатам обследования «Монголгосторга», рынок только округа Кобдо дает возможность сбыта фабрикатов до 700 тыс. довоенных рублей». Спросом на этом рынке пользуется сукно грубое красное, плис черный и голубой, бобрик, тонкое сукно, бязь, дрель и т.п., но «азиатского характера». Заготовить на этом рынке можно:

крупного рогатого скота	до 12 000 голов
баранов	до 40 000 голов
шерсти верблюжьей	до 50 000 пудов
шерсти бараньей	до 60 000 пудов
сурка	до 5 000 штук
соболей	до 200 штук
лисиц	до 1 000 штук
овчин	до 40 000 штук

«Для заготовки потребуется также серебро и маральи рога (панты)» [24].

Из доклада и других материалов совершенно очевидно, что все структуры Сибгосторга работали под абсолютным контролем ОГПУ. Согласовывались любые кадровые решения по всем должностям. По требованиям ОГПУ любого сотрудника немедленно увольняли или не принимали

на работу. Даже на самые незначительные должности «рекомендовали» своих. Приведу пример таких рекомендаций:

т. Власов.

Предъявителя сего необходимо устроить куда-либо на службу в городе, поговори с ним, парень хороший. Надо бы его устроить к вам. Сделай, пожалуйста, это.

С комприветом, уполномоченный ИР УУА100ТУ (Смирнов).

Все недостатки работы Сибгосторга в Монголии органами ОГПУ объяснялись только одним — контрреволюционной деятельностью торговых уполномоченных и сотрудников аппарата на местах.

При активной поддержке и под контролем ОГПУ работала и Шебалинская аймачная комиссия по чистке соваппарата, которая приняла решение об увольнении А.С. Попова.

16 октября 1924 г. П.Ф. Власов, заведующий Бийским отделением с 22.09.1924, ответил в комиссию 16 октября 1924 г. следующее:

Секретно

Шебалинской Аймачной комиссии

Уважаемые товарищи,

Сим сообщаем, что Попов Алексей Степанович не является нашим представителем с 20.IX с.г. как будучи больным и по выздоровлении таковой не будет допущен к работе в Госторге.

С товарищеским приветом,

Завотделением (Власов)

Секретарь (Полех)

Постепенно начиналась новая волна борьбы с врагами советской власти. Больше никаких материалов о жизни Алексея Степановича Попова найти пока не удалось, но в книгах репрессированных его нет [29]. В районном архиве Шебалинского района есть запись с чьих-то слов, что А.С. Попов скоростигжно умер за три дня до поездки на ВДНХ и похоронен на кладбище у церкви, которое уничтожено в 1981 г. при строительстве стадиона «Юность» в с. Шебалино. Всероссийская сельскохозяйственная выставка в 1923 г. действительно проводилась, но об участии в ней шебалинцев никаких данных нет. Скорее всего, Алексей Степанович ушел из жизни после болезни в 1924–1925 гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

А.В. Старцев в книге «Деловая элита Сибири» подчеркивает: «Сейчас, пожалуй, уже никто не сомневается в том, что в экономической жизни центральное место принадлежит не обезличенным «производитель-

ным силам» и «производственным отношениям», а человеку, от энергии и таланта которого зависят результаты тех или иных хозяйственных действий. «Не будь таких людей, — говорится в одном из современных изданий, — не будет и предпринимательства, какими бы выгодными ни были внешние условия его осуществления» [63].

Алексей Степанович Попов был одним из самых видных предпринимателей дореволюционного Горного Алтая и, конечно, самым крупным мараловодом Алтая до 1917 г. На двух маральниках А.С. Попова в 1912 г. было около 300 пантовых оленей. Он активно занимался внешней торговлей и в первом десятилетии XX в. был основным продавцом пантов с Алтая в Китай. Крупное хозяйство мараловода-торговца А.С. Попова имело также кожевенный завод, откорм быков на мясо и т.п.

Алексей Степанович был из тех крестьян-переселенцев XIX в., которые «сделали себя сами», но даже среди себе подобных он выделялся деловой хваткой, сильным характером лидера, в том числе и в семье. Он один из немногих практически всю жизнь возглавлял хозяйство крупной семьи, где пять сыновей трудились с семьями и жили одним большим хозяйством. Алексей Степанович был очень авторитетным человеком и в с. Шебалино, и в деловом сообществе чуйских торговцев. Революционные преобразования воспринял отрицательно, первое время пытался сопротивляться переменам, но затем, видимо, отказался от хозяйства и в 20-е гг. XX в. работал в Сибгосторге. Что было с А.С. Поповым после октября 1924 г., документально установить пока не удалось.

А.В. Старцев пишет, что, по Р. Кантильону, который ввел в оборот термин «предпринимательство» в качестве особой экономической функции, «предприниматель — это человек, подвергающий себя риску непостоянных доходов: крестьянин, ремесленник, торговец, разбойник, нищий и т.п., но не рабочий и государственный чиновник с постоянным жалованием и не земельный собственник, получающий ренту. Риск — главная отличительная черта деятельности такого предпринимателя» [62].

Много рисков пережил А.С. Попов: рисковал он вместе с отцом и братьями, когда переезжал в 60-е гг. XIX в. в неизведанную Сибирь, рисковал жизнью, когда водил и организовывал караваны с грузами по тропам Чуйского тракта, рисковал, когда начинал заниматься неизвестным ему вначале мараловодством, а затем международной торговлей пантами. Вряд ли мог он предположить, что в самом расцвете мудрости, опыта и авторитета не сможет увернуться от революционных преобразований, которые окажутся непреодолимым риском в судьбе этого талантливого предпринимателя.

Этой работой мне хотелось спасти Алексея Степановича Попова от самого страшного риска — быть забытым в памяти поколений. Может быть, знакомясь с судьбой А.С. Попова, и некоторые предприниматели — мои современники смогут взглянуть с большими надеждами и большей ответственностью перед потомками на дело, которым они занимаются. Все невечно в этом мире, кроме памяти человеческой.

Библиографический список к главе 3

1. Алтай : историко-статистический сборник / под ред. П.А. Голубева. — Томск, 1890.
2. Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. Воспоминания, письма. — М., 1969.
3. Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. — М: Наука, 1969.
4. В составе Томской губернии : сборник архивных материалов. — Горно-Алтайск, 2004.
5. Васильева С.В. Роль старообрядцев в освоении Монголии. Гуманитарные исследования внутренней Азии. — Улан-Удэ, 2008.
6. Васильковский П.Е. Олени // Азиатская Россия. — СПб., 1914. — Т. 2.
7. Владимирова В.П. Маралоферма, маралосовхоз, оленесовхоз. Дьектиек: история села, школы. — Горно-Алтайск, 2008.
8. Государственный архив Алтайского края (далее — ГААК). — Ф. Р-10. — Оп. 1. — Д. 181 (1923). — Л. 663.
9. ГААК. — Ф. 233. — Оп. 1а. — Д. 893. — Л. 127, 129, 132–133, 137–138, 173, 207, 209–210.
10. ГААК. — Ф. 233. — Оп. 1а. — Д. 843. — Л. 137.
11. ГААК. — Ф. 233. — Оп. 1а. — Д. 843. — Л. 137–138.
12. ГААК. — Ф. 233. — Оп. 1а. — Д. 843. — Л. 137об.
13. ГААК. — Ф. 233. — Оп. 1а. — Д. 843. — Л. 138.
14. ГААК. — Ф. Р-10. — Оп. 1. — Д. 181 (1923). — Л. 657.
15. Государственный архив Томской области (далее — ГАТО). — Ф. 184. — Оп. 1. — Д. 24а. — Л. 1–3.
16. ГАТО. — Ф. 10. — Оп. 1. — Д. 1177. — Л. 47.
17. ГАТО. — Ф. 10. — Оп. 1. — Д. 64. — Л. 12–13.
18. ГАТО. — Ф. 239. — Оп. 13. — Д. 5. — Л. 32.
19. ГАТО. — Ф. 3. — Оп. 11. — Д. 1127. — Л. 11.
20. ГАТО. — Ф. 3. — Оп. 11. — Д. 1127. — Л. 9–10.
21. ГАТО. — Ф. 3. — Оп. 13. — Д. 5. — Л. 32.
22. ГАТО. — Ф. 3. — Оп. 2. — Д. 6946. — Л. 2.
23. ГАТО. — Ф. 3. — Оп. 73. — Д. 36. — Л. 8–9.
24. Доклад начальнику облотдела ОГПУ помощника уполномоченно-го ВО по ЭКО Иванова «О состоянии Кобдосского рынка в Монголии» — г. Ула-ла, 22.01.1924.
25. Записка «О торговле Бийских купцов с китайцами и монгольцами на Кош-Агаче в долине р. Чуи» // ГАТО. — Ф. 3. — Оп. 11. — Д. 1127. — Л. 115–140.
26. Игнатъев В.А. Опыт перегона маралов в Шебалинском маралосовхозе // Каракулеводство и звероводство. — 1955. — №2.
27. Иркитова А.А., Соенов В.И., Яжакина С.И. Шебалинский район: история, события, люди. — Горно-Алтайск, 2006.
28. Ключевский В.О. Курс русской истории. — М., 1987. — Ч. I.

29. Книга памяти жертв политических репрессий : в 2 т. — Горно-Алтайск, 1996.
30. Комитет по делам архивов Республики Алтай. — Ф. 456. — Оп. 1. — Д. 238. — Л. 60б.
31. Комитет по делам архивов Республики Алтай.. — Ф. 51. — Оп. 1. — Д. 157. — Л. 65.
32. Комитет по делам архивов Республики Алтай.. — Ф. 63. — Оп. 1. — Д. 47. — Л. 89.
33. Мараловодство в Горном Алтае (автор Ю.Г.) // Сибирская жизнь. — 1902. — №204.
34. Митюшов П.В. Пантовое оленеводство Ойротии. Ойротия. — М., 1937.
35. Морозов И.М. Московская торговая экспедиция в Монголию. — М., 1912.
36. Нейштубе С.Т. Мараловодство. Охота и разведение особого вида оленей — маралов. — Петроград, 1919.
37. Никольский Г.А. Марал и мараловодство // Труды Сибирского ветеринарного института. — 1927. — Вып. 8.
38. Орлов С.И. Мараловодство в Центральном и Южном Алтае // Мараловодство в сибирском крае. Труды общества изучения Сибири и ее производительных сил. — Вып. 3. — Новосибирск, 1930.
39. Памятная книжка Томской губернии на 1910 г. — Томск, 1910.
40. Певцов М.В. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая. — Омск, 1883.
41. Попов Н.С. Материалы о родословной семьи Поповых (с. Шебадино), собранные в 1977–1978 гг. (машинописный текст).
42. Потанин Г.Н. Алтай. Живописная Россия. Отечество наше в земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. XI : Западная Сибирь / под ред. П.П. Семенкова. — СПб., 1884.
43. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. — М. ; Л., 1953.
44. Путешествие князя Сан-Донато — потомка знаменитого рода промышленников и благотворителей Демидовых // Бийский вестник. — 2006. — №3–4.
45. Радлов В.В. Из Сибири (страницы дневника). — М., 1989.
46. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). — Ф. 398. — Оп. 63 (1896). — Д. 125. — Л. 140–141.
47. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 (1896). — Д. 125. — Л. 171.
48. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 (1896). — Д. 125. — Л. 106.
49. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 (1896). — Д. 125. — Л. 130.
50. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 (1896). — Д. 125. — Л. 50–53.
51. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 (1896). — Д. 125. — Л. 63.
52. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 (1896). — Д. 125. — Л. 76.
53. РГИА. — Ф. 398. — Оп. 63 (1896). — Д. 125. — Л. 35.
54. Сапожников В.В. Пути по Русскому Алтаю. — Томск, 1912.

55. Сведения управляющего Кош-Агачской таможни податному инспектору Бийского участка о количестве товаров, вывезенных из России в Китай // ГААК — Ф. 192. — Оп. 1. — Д. 29. — Л. 201.
56. Сибирский купец А.Д. Васенев. Дневники / под ред. А.В. Старцева. — Барнаул, 1994.
57. Силантьев А.А. Исследование мараловодства на Алтае (предварительное сообщение) // Сельское хозяйство и лесоводство. — 1900. — №4.
58. Силантьев А.А. Марал и его будущая роль в хозяйстве сибирских крестьян // Сельское хозяйство и лесоводство. — 1987. — №3.
59. Смирнягина О.П. Маралы в Горном Алтае: как все начиналось.
60. Соколов А.Б. Пантовое оленеводство и пути его развития // Пушное дело. — 1929. — №10.
61. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX — начало XX в.) — Барнаул, 2003.
62. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предпринимательство в Сибири: исторический опыт (XVIII — начало XX вв.) — Барнаул, 2010.
63. Старцев А.В., Скубневский В.А., Зиновьев В.П. Деловая элита Сибири : исторические очерки. — Новосибирск, 2005.
64. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (далее — ЦХАФ АК). — Ф. 163. — Оп. 1. — Д. 99. — Л. 26–26об.
65. ЦХАФ АК. — Ф. 174. — Оп. 1. — Д. 418. — Л. 7, 19, 44–45об., 54об.–55, 63об.–64, 129.
66. Черкасов А.А. На Алтае // Бийский вестник. — 2003. — №1.
67. Чихачев П.А. Путешествие в Восточный Алтай. — М., 1974.
68. Швецов С.П. Чуйский торговый путь в Монголию и его значение для Горного Алтая. — Барнаул, 1898.
69. Шишков В.Я. По Чуйскому тракту // Чуйские были. — Барнаул, 1986.
70. Штейнфельд В.П. Бийский уезд Томской губернии. — Бийск, 1911.
71. Юхнев Ю.М. Кочевники Горного Алтая. — Барнаул, 1903.
72. Ядринцев Н.М. Сведения о мараловодстве // Записки ЗСО ИРГО — 1879. — Кн. 1.
73. Янпольский В.С. Абрамов П.Е. Животноводство в Ойротском крае. — Новосибирск, 1929.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Обзор цитат, отражающих цены на панты и живых оленей в 1827–1917 гг.

№	Цитата	Год	Источник
1.	Лелебур в 1826 г. на Алтае записал: «Прежде всего, много дохода доставляет им охота на оленьей весной, пока рога еще покрыты шерстью и на конце мягки. Они сушатся на воздухе, а затем продаются китайцам, которые дорого их оплачивают, давая от 50 до 100 рублей за пару...». Другие авторы указывали следующие цены: Геблер (1837) — до 120 руб. за пару, Попов (1858) — 50 руб., Ядринцев (1879) — 3–70 руб., Плотников (1880) — 15–20 руб. за пару, Головачев (1891) — 11–12 руб., Шмурло (1897) — 5 руб. за фунт.	1826–1915	Добжанский Ф.Г. Очерк мараловодства на южном Алтае // Домашние животные Семипалатинской губернии. Л., 1928. С. 228.
2.	«На воздухе рога затвердевают и охотники (д. Уймон. — Н.Ф.) продают их китайцам, которые платят большие деньги — от 50 до 100 рублей за целые рога».	1826	Лелебур К.Ф. Путешествие по Алтайским горам и предгорьям Алтая. Новосибирск, 1993.
3.	«В начале XIX века открылся рынок сбыта молодых рогов оленя в Китай, причем, хорошие рога стоили 100 рублей серебром».	Начало XIX в.	Смирнов М.Н. Марал в Бурятии // Охота и охотничье хозяйство. 1984. № 12. С. 12.
4.	«Очень дорогим и редким товаром были рога изюбря, сбываемые китайцам, которые изготовляли из них целебное средство. В 1839 году в Забайкалье было добыто всего 79 пар изюбровых рогов, в 1840 году — 85 пар. За пару рогов платили от 10 до 120 рублей серебром».	1839–1840	Шмулевич М.М. Очерки истории Западного Забайкалья XVII — середина XIX века. Новосибирск, 1985. С. 106.
5.	«Между прочим, очень ценны мясо и панты марала. Так, за пару пантов, платят от 150 до 200 франков (15–20 рублей. — Н.Ф.). Однако ценятся именно мягкие кровоточащие панты, а не окостеневшие рога».	1842	Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай. М., 1974.
6.	«Застарелые и отвердевшие рога не имеют никакой цены, которая зависит от величины и хорошей просушки и доходит до 30–60 рублей. Сбыт производится в один лишь Китай, через Кяхту и на Аргуньи».	1854	Гагемейстер Л.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. С. 328.

7.	«За пару больших и хорошо приготовленных и высушенных пантов китайцы Маймачинские предлагают товару от 50 до 100 рублей серебром и более. В Минусинском округе купцы платят промышленникам за пару лучших пантов 30 и 35 рублей серебром».	1856	Корнилов П.П. Олени Восточной Сибири // Вестник естественных наук. 1956. №16. С. 490.
8.	«Цены за пару маральных рогов на р. Чуе, следующие: На простые с отроствами на рога с гнездами 2-мя 10 руб. 3-мя 20 4-мя 30 5-ю 60 6-ю 70 90 и 100 руб. В самом Китае рога продаются: с 5 отроствами, простые до 250 руб., с гнездами от 5 и 6 отроствах — 350 руб.».	1859	Ананьин Н. О торговле маральими рогами, преимущественно отправляемые в Китай // Томские губернские ведомости. 1859. №5.
9.	«Но панты в самом прыску или соку имеют огромное значение в торговле с китацами и ценятся иногда до 150 рублей серебром за пару (два рога). В Кяхте сибирские купцы выменивают на панты у китайцев множество различных товаров, как то: байховый и кирпичный чай, китайские канфы, дабы, полушелковины, даже шитые шелковые дзямы и другие вещи».	1860	Черкасов А.А. Записки охотника Восточной Сибири. М., 1990. С. 351.
10.	«За примером обратимся опять-таки, к Радлову. Купец покупает у алтайцев за 50 кирпичей чая (стоимость 75 рублей) пару маральных пантов, привозит их на Чую и продает китайским торговцам, весьма охотно покупающим панты, ввиду их огромного спроса в Китае. За 100 кирпичей чая (стоимостью 150 рублей). Он снова едет к алтайцам и покупает на этот чай 80 телят, а через три года забирает 80 взрослых быков, стоимостью, по крайней мере, 600 рублей».	1860–1870	Потапов А.П. Очерки по истории алтайцев. М.; JL, 1953. С. 196.
11.	«Самый выгодный и трудный промысел, конечно, изюбринный, одни рога изюбрия, если они о восьми отроствах, проданот в Гунке за 45 рублей, а мясо долго кормит промышленника».	1867	Кропоткин П.А. Поездка в Окинский караул.

12.	«Такие панты весьма дорого ценятся китайцами, которые платят за них на месте 60, 80, 1000, а иногда 120 серебряных рублей за пару».	1867	Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. М., 2007.
13.	«...Содержатели маральников в случае надобности перекупают друг у друга производителей, нередко за дорожную цену или за условленную плату подпускают своих маток для случки, или же приобретают молодых самцов и самок, смотря по надобности. Так, например, в вышлепоменованных деревнях самцы продаются между хозяевами маральников от 75 до 2000 рублей, а самки от 15 до 40 рублей за штуку».	1871	Черкасов А.А. На Алтае // Бийский вестник. 2003. №1.
14.	«... до бунта дунгелей (дунган. — Н.Ф.) всего ценнее были молодые, еще мягкие маральи рога (панты) для продажи китайцам; но после разорения пограничных китайцев (1865. — Н.Ф.) инсургентами и прекращении, ими же всякой торговли Семиречья с внутренним Китаем, шедшей через Кульдшу и Урумчи, на маральи панты уже нет покупателей».	1873	Северцев Н. Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня. СПб., 1873. С. 153.
15.	«Прочный сбег в Китае имеют маральи рога, по-китайски — лудзон, они собираются бийскими купцами у алтайских охотников и мараловодов... Пара рогов продается от 8 до 40 рублей... Ценится красота, возраст и целость рога... Рога трех и четырехлеток продаются от 6 до 12 рублей, рога более взрослых маралов от 20 до 50 рублей... Самки покупаются от 15 до 20 рублей, смотря по величине; самцы от 30 до 40 и даже 50 рублей. Цена на рога в последнее время значительно упала... Другие 9 пар, по прежним ценам стоящие 250 рублей, были проданы ныне за 150 рублей (монополизация торговли)».	1876	Потанин Г.Н. Экспедиция Г.Н. Потанина в Северо-Западную Монголию. СПб., 1881. Вып. 1. С. 83–88.
16.	«Лучшими считаются не слишком старые, не начинающие еще твердеть и не слишком молодые панты. Если они притом велики, имеют, например, по пяти или шести боковых отростков, то китайцы платят за пару таких пантов от 80 до 100 рублей, иногда даже 150 рублей* (*Панты меньших размеров ценятся различно, обыкновенно от 10 до 50 рублей)».	1876	Пржевальский Н.М. Путешествие к Лобнеру и на Тибет. М., 2008. С. 336.

17.	«Выстрел, убивающий оленя с парой хороших пантов, доставляет счастью-му бедняку, за один рога от китайских купцов 150 рублей серебра (Пук говорит, что в Китае их оценивают в 150 унций серебра)».	1877	Миддендорф А. Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч. II, от. VI. Коренные жители Сибири. СПб., 1878. С. 614.
18.	«Стоимость одного кг пантов в свежем не вареном виде колеблется в среднем от 200 до 300 рублей, а вареном виде в 3,5–4 раза дороже, т.к. при варке панты теряют много воды».	1877	Миддендорф А. Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч. II, от. VI. Коренные жители Сибири. СПб., 1878. С. 614.
19.	«Цена на рога в последнее время значительно упала; мараловоды приписывают это падение монополизации торговли рогами в руках двух купеческих домов: Голевых и Ошлыковых. Родион Чернов в 1877 году за 90 рублей продал три пары таких рогов, которые несколько лет назад были бы проданы по 60 рублей за пару. Другие 9 пар, по прежним ценам стоящие 250 рублей, были проданы ныне за 150 рублей. Эту выручку следует еще уменьшить, потому что купцы расцениваются не деньгами, а товаром: дабой*, ситцами, чаем и пр., причем так расценивают свой товар, что 90 рублей нужно читать за 40, а 150 — за 80 рублей. Сами владельцы маралов не возят свой товар прямо в Улсугтай, боясь лишних расходов».	1877	Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1881. С. 83–89.
20.	«Небольшие рога ценятся от 3 до 10 рублей; большие и удовлетворяющие всем требуемым условиям до 50–70 рублей... Бийские купцы скупают их в розницу в порядочном количестве для сбыта в Китай. Цена таких рогов в Китае, при покупке от 25 до 70 ланов за пару лан — равняется двум рублям, так что китайцы покупают хорошую пару за 150, а иногда за 200 рублей. Ввиду ценного дохода от рогов, марал стоит в Алтае ныне 30 и 50 рублей, самка стоит менее — от 25 до 30 рублей».	1879	Ядринцев Н.М. Сведения о мараловодстве // Записки ЗСО ИРГО. 1879. Кн. I. С. 1–6.
21.	«Продают их (панты. — Н.Ф.) исключительно китайцам, которые извлекают из них какое-то (будто бы возбуждающее) лекарство и платят от 30 до 150 рублей за пару».	1880	Шведов И.Г. Записки Сибирского немецкого рода. СПб., 1880.

<p>22.</p>	<p>«...В этот период им важны не сами олени, а их молодые рога, так называемые панты... Пара таких рогов нередко ценится до 400 рублей, а более старые, уже отверделые, но не достигшие однако вполне своего развития, идут в продажу от 75 до 300 рублей за пару и сбываются исключительно в Китай... Но еще больше, чем олень обыкновенный, подвергается охотничьим преследованиям олень пятнистый... Его панты ценятся дороже, чем панты изюбря...».</p>	<p>1880</p>	<p>Скальковский Е. Русская торговля в Тихом океане. СПб., 1883. С. 41–42.</p>
<p>23.</p>	<p>«В 1882 году стоимость пантов (по Смирнову, 1965 — <i>Н.Ф.</i>) экспортируемых в Китай, была 50–60 рублей за пару, в последующие годы, вплоть до революции, их цена росла и доходила до 150 рублей».</p>	<p>1882–1917</p>	<p>Федосенко А.К. Марал. Алма-Ата, 198. С. 177.</p>
<p>24.</p>	<p>«Бийские купцы в 1878 году послали рогов в Гуй-Хуа-Ген на 11 380 руб., но продали эти рога за 21 000 руб., выручив, таким образом, 84% барыша, несом- три на то, что в 1878 году цена на них была очень низкая».</p>	<p>1883</p>	<p>Певцов М.В. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая. Омск, 1883.</p>
<p>25.</p>	<p>«В настоящее время половина рогов, идущих в продажу с Алтая, состоят из снятых с домашних маралов, китайцы, впрочем, ценят спиленные рога деше- ле тех, которые сняты с убитых маралов и при комле имеют остатки черепных костей. За пару хороших рогов скупишки дают промышленникам до 50 ру- блей. Из Алтая рога везут в Кобрю и особенно в Улясугтай, где они сбываются китайским купцам... Маралы рога продаются в Улясугтае от 8 до 40 рублей пара».</p>	<p>1884</p>	<p>Потанин Г.Н. Алтай // Живописная Россия, Отечество наше в земельном, историческом и бытовом значении. Т. XIX : Западная Сибирь. СПб., 1884. С. 323–324.</p>
<p>26.</p>	<p>«Китайские торговцы в поисках этих рогов посещают самые глухие уголки Алтая, и иногда предлагает за них по четыре доллара за фунт или сто долларов за одну пару больших рогов».</p>	<p>1885–1886</p>	<p>Кеннан Дж. Сибирь и сылка. Путевые заметки. 1885–1886. Т. I. СПб., 1999. С. 212.</p>

<p>27.</p>	<p>«Бийские купцы покупают маралы рога из первых рук до 5–7 и 9 рублей за фунт, а продают китайцам уже по 20–30 и более рублей за ту же единицу веса. Если принять средний вес рогов в 20 фунтов, стоимость их будет весьма солидная, — значит, — есть из-за чего и потрудиться».</p> <p>«Самцы продаются между хозяевами маральников от 75 до 200 рублей, а самки от 15 до 40 рублей за штуку. Такая цена превосходит почти в шесть или семь раз стоимость местной лошади».</p> <p>«В Забайкалье весенние рога (панты) изюбра продаются из первых рук, смотря по добротности и количеству отростков, нередко за 150 рублей и более, а ныне, говорят, цена их доходит едва ли уже до 300 рублей и более».</p>	<p>1885– 1890</p>	<p>Черкасов А.А. На Алтае. М., 2004. С. 20–22.</p>
<p>28.</p>	<p>«Достоверно известно, что рога маралов продаются промышленникам в Китае уже по 50–60 рублей за один фунт, причем промышленники получали еще при этом в оплату за каждые 12 руб. 60 коп., китайские ламы (слитки весом в 100 с лишним золотников чистого серебра)».</p>	<p>1888</p>	<p>Нейштубе С.Т. Мараловодство. Охота и разведение особого вида оленьих маралов. Петроград, 1919.</p>
<p>29.</p>	<p>«В Монголии рога маралов продаются за 20–35 рублей за фунт (цена занижена)».</p>	<p>1890</p>	<p>Нейштубе С.Т. Мараловодство. Охота и разведение особого вида оленьих маралов. Петроград, 1919.</p>
<p>30.</p>	<p>«Панты, или монгессами, достигая в среднем весом около 20 фунтов, они скупаются по 5–10 руб. за 1 фунт, а в Китае их продают по 50–60 руб. и дороже за фунт».</p>	<p>1888– 1890</p>	<p>Нейштубе С.Т. Мараловодство. Охота и разведение особого вида оленьих маралов. Петроград, 1919.</p>
<p>31.</p>	<p>«Вера в целебную силу пантов так велика, что китайцы платят за них баснословные цены: хороший скальп изюбра стоит иногда до 200 рублей серебром».</p>	<p>1891– 1893</p>	<p>Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток (три года в Уссурийском крае). СПб., 1897. С. 302.</p>

32.	«Марал (благородный олень) легко приручается, рога его стоят до 9 руб. фунт и весят до 20 фунтов; при продаже их в Китай, цена возрастает до 100–150 рублей за пару...».	1892	Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892. С. 326.
33.	«Ценность рогов марала, смотря по возрасту зверя и величины рогов, бывает от 10 до 100 и более рублей».	1892	Из описания естественных условий, хозяйства и населения Чемальского отделения Алтайской духовной миссии (с. Чемал) // ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 77. Л. 5об.-7.
34.	«Положим, за зверя, приведенного на место, можно получить: за взрослого самца рублей 100, за самку рублей 60, за теленка 15–20 р., но если принять в расчет, сколько трудов и времени стоит поимка зверя и сколько при этом гибнет его — то указанные цифры значат очень мало. При этом нужно знать, что ловля зверя живым требует и больших артелей».	1892	Из описания естественных условий, хозяйства и населения Чемальского отделения Алтайской духовной миссии (с. Чемал) // ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 77. Л. 5об.-7.
35.	«Цены, даже на срезанные панты были баснословными — от 40 до 300 рублей за пару от марала и изюбря и до 500–800 рублей — от пятнистого оленя. Для сравнения укажу, что цена дойной коровы в это время колебалась в пределах 4–22, а рабочего коня — 2–35 рублей. Случалось, что только один олень за свою жизнь приносил хозяевам более 1 тыс.».	1893	Данилкин А. Дикие, но домашние // Охота. 2008. №11. С. 33.
36.	«Мясо изюбря необыкновенно вкусное, а его панты (молодые весенние рога), конечно, не часто достояющиеся охотникам, продаются ими в Китай от 50 до 200 рублей за пару».	1894	Грум-Гржимайко Г.Е. Описание Амурской области. СПб., 1894. С. 568.
37.	«Последние годы цена на сушеные рога упала до 5 руб. 50 коп. за фунт и тем не менее, занятие это выгодное».	1895	Сапожников В.В. По Алтаю. Томск, 1897. С. 54.

38.	<p>«Убитый в известное время марал, т.е. когда он носит молодые рога, дает промышленнику прибыли от 50 до 150 руб. Но несмотря на прибыль этого животного, охота на него до сих пор ведется не только крайне неумело, но даже таким способом, при котором и количество маралов уменьшается и добыча его становится невозможной».</p>	1896	<p>Рапорт бийского окружного исправника Томскому губернатору о падении промыслов в связи с истреблением лесов в Горном Алтае и об установлении общих правил охоты на маралов // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3634. Л. 2–3.</p>
39.	<p>«В середине XIX в. стоимость пантов составляла 12–18 рублей за фунт веса, а вес пары рогов достигал 15–20 фунтов (7%-10 кг). Перекупщики еще продавали панты китайским торговцам уже по 40 рублей за фунт. В конце XIX века пара больших маралов стоила 1000 рублей».</p> <p>«В записках А. Бунге приводится случай, когда в долине Ейлагуша местные охотники убили двух маралов-самцов, затем рога (панты) продали теленгитам, живущим около монгольской границы, за 25 штук синей хлопчатобумажной материи — «китайки», причем штука считалась дороже 5 руб.».</p>	Конец XIX в.	<p>История Республики Алтай. Т. I–II. Горно-Алтайск, 2010. С. 146, 196.</p>
40.	<p>«На месте пара хороших рогов от южной породы оленя стоит до 300 руб., рога же изюбра ценятся несколько ниже. Сухие, сброшенные животными рога продаются в китайской аптеке по 50 коп. за фунт».</p>	1897	<p>Описание Маньчжурии. Т. 1. СПб., 1897. С. 208.</p>
41.	<p>«За такие рога (панты — Н.Ф.), смотря по количеству массы, промышленник охотник получает от 60 до 400 рублей».</p>	1897	<p>Свягин Н.С. По русской и китайской Маньчжурии от Хабаровска до Нингута. СПб., 1897. С. 68.</p>
42.	<p>«С развитием торговли с Китаем, сильно возросла цена на молодые рога маралов, которые в конце прошлого века, по словам А.М. Африканова (1890), составляли ... самую выгодную статью торговли... и ценились от 3 до 5 быков или 50–90 овец (за одну пару рогов. — Н.Ф.) смотря по весу и количеству от- ростков».</p>	Конец XIX в.	<p>Смирнов М.Н. Марал в Туве // Охота и охотничье хозяйство. 1988. №12. С. 9.</p>

43.	<p>«Начали разводить маралов... На Берели братья Белоусовы имеют маральники в несколько сотен голов и ведут торговлю не на один десяток тысяч рублей... Летом 1896 года в трех деревнях (на р. Кабе. — <i>Н.Ф.</i>) было всего 7 маральников из 28 голов... Пось-Каинские маральники, например, расположены на склоне горы, занимают несколько десятин пространства... продажная цена настоящих — не менее 5 рублей за фунт (сброшенные рога — 5 рублей за пуд. — <i>Н.Ф.</i>)». «Цена на рога нынче упала до 5 — 5 ½ рублей за фунт».</p>	1896	Шмурло Е. Русские поселения за Южным Алтайским хребтом на китайской границе // Записки ЗСО ИРГО. Омск, 1898. Кн. XXV.
44.	<p>«Важным продуктом сбыта в Китай является пушнина и панты. Обыкновенная цена пантов не выше 150 рублей за пару».</p> <p>«На практике в Южно-Уссурийском крае цена лучших пантов — 300 рублей, а по Хэй-лун-цзян-чу-ляо цена пантов колеблется от 30 до 80 лан (1 лан — 2 рубля. — <i>Н.Ф.</i>) за штуку, причем последние цены достигают только шэн-цзинские панты. Их вывозят для продажи главным образом в Кантон шань-сийские купцы».</p> <p>«С начала XX столетия это хаотическое разнообразие исчезает и устанавливается более или менее ровная цена в 7–8 руб. за фунт своевременно снятого и нормально обработанного рога (Яковлев, 1912; Андреев, 1915)».</p> <p>«В китайском г. Гуй-Хуа-ген ценность пары рогов стоила уже до 600 руб. (Потанин)... и даже будто бы до 1000 рублей за фунт (Головачев, 1891)».</p>	1897	Описание Маньчжурии / под ред. Д. Позднеева. Т. 1. СПб., 1897. С. 228, 465, 553.
45.	<p>«Срезанные рога тщательно высушиваются и посылаются в Китай, где цена на них очень высока — от 100 до 120 рублей за пару. Наш хозяин (это А.С. Попов. — <i>Н.Ф.</i>) сказал, что один очень хорошие рога он продал за 180 рублей».</p>	1897	Путешествие князя Сан-Донато. (Демидова) по Алтаю // Бийский вестник. 2006. № 3–4. С. 120.

46.	«Мараловодством занимается в Абае один только Поносов, купивший в [18]94 году в Катанде 3-х маралов рогачей за 100 рублей каждого и мапку в Верх-Уймоне за 50 рублей. Рогов продал в [18]97 году 26 фунтов по 7 рублей за фунт Бодунову в Ниж[ний] Уймон».	1898	Материалы по исследованию русского переселенческого и инородческого населения в Горном Алтае / сост. Швецов, Юхнев, Шерстобитов // ГААК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2457. Л. 32–34.
47.	«... За рога, снятые с зверей, убитых весной, когда они еще мягки и богаты кровеносными сосудами, китайцы платят от 100 до 200 рублей ассигнациями за пару (рога избюря. — <i>Н.Ф.</i>)».	1898	Кузнецов А. Изюбринный промысел и разведение избюрей в Забайкальской области // Записки Читинского отделения ИРГО. Вып. III. Чита, 1898. С. 81.
48.	«...Из живущих в Кош-Агаче купцов только Мокин (из Раската Нижне-Чарышской волости), да Копылов ведут заграничную торговлю, и они же более крупные торговцы. Торгуют мануфактурными и железными товарами в Монголии, а оттуда вывозят шерсть, сурка и других зверей шкуры, гоняют туры баранов и рога того скота в Иркутск, покупая его за границей и перетоня китайскими пределами. Копылов же ведет торговлю специально маральими рогами. В 1897 году он скупил их до 80 пудов, приблизительно [на] 22400 р[ублей] по ценам на Алтае. Скупает, главным образом, в Уймоне и Бухтарме, а также в Чуе и Улагане у охотников».	1898	Материалы по исследованию русского переселенческого и инородческого населения в Горном Алтае / сост. Швецов, Юхнев, Шерстобитов // ГААК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2457. Л. 32–34. С. 38–45.
49.	«Живые маралы, стоившие еще в конце 70-х гг. на Алтае сравнительно дешево, самки 15–20 р., а самцы от 30–50 р., за 10 лет значительно поднялись в цене, причем в 1891 году за самок платили в Бийском округе до 50 р. И за самцов 100–125 р., а по официальным данным 1889 года, и еще того больше, от 80 до 200 руб.».	1898	Силантьев А.А. Обзор промысловых охот. СПб., 1898. С. 391.
50.	«...В 1899 году Владивостокское общество любителей охоты за 37 пар рогов пятнистых оленей, разводимых на о. Аскольд, выручило 6760, т.е. по 183 рубля за каждые панты в среднем. Иногда же цена пантов пятнистого оленя достигала до 600 руб. за пару рогов».	1899	Михайлов Г.П. Староверы, как колонизаторы Уссурийского края // Сибирские вопросы. 1905. №1.

51.	<p>«Стоимость сырых пантов была от 5 до 8 рублей за фунт, высушенные стоили 12–18 рублей за фунт на месте, а в Уластае (Улясугае. — <i>Н.Ф.</i>) стоимость их достигала 20–24 руб. за фунт (по Дулову, 1956 г. — <i>Н.Ф.</i>). Если сравнивать цены на панты с ценами на другие товары, то становится ясно, насколько высоко они ценились. В Туве существовали свои единицы меновой торговли: «баш» — кирпич зеленого чая, на деньги 1 руб. 70 коп. «Баш» меняли на 7–8 белок. Это количество белок тоже называли «баш». Отсюда выражение «баш» на «баш». Годовалый бычок «горбак» стоил на деньги 5 руб. За пару свежих пантов весом 20–30 фунтов можно было получить от 20 до 50 «горбаков».</p> <p>«Цена на панты марала (после восстановления против китайцев в Монголии и Туве в 1912 г. — <i>Н.Ф.</i>) с 18 руб. упала до 2,5 руб. за фунт. Падение цены загормозило развитие мараловодства, хотя явление это было временное. Уже в 1914 году, когда Россия установила протекторат над Тувой, панты поднялись в цене до 10–14 руб. за фунт, а в следующем году, когда восстановилась торговля с Китаем, стоимость пантов вновь повысилась».</p>	<p>Конец XIX в.</p>	<p>Павлова А.В. Научное и практическое обоснование рационального использования продукции мараловодства в условиях Тувы : дис. ... канд. с/х наук. Барнаул, 2000. С. 13–15.</p>
52.	<p>«Цена пантов колеблется в зависимости от количества, предлагаемого на рынке. В среднем цена эта редко превышает 6 руб. за фунт; только вполне созревшие, вовремя добытые, красивой, правильной формы, покрытые гладкой шелковой шерстью пепельного цвета, панты оцениваются знатоками в 10–12 рублей; такие рога, умело препарированные, имеющие на концах плотные большие утолщения в виде головок, называются «ти-сы»... «Панты этого вида (пятнистые олени. — <i>Н.Ф.</i>) ценятся вдвое дороже изюбровых, нередко цена доходит до 15 и 25 руб. за фунт».</p>	<p>Начало XX в.</p>	<p>Байков Н.А. В горах и лесах Маньчжурии. Владивосток, 2011. С. 70, 73.</p>
53.	<p>«Так как эти панты «маа-лу», снятые с домашнего марала без черепной крышки, то цена их сравнительно невысока: рог, расположенный в середине, стоит 60 рублей, а оставшая пара рогов стоит 100 рублей. Для удобства розничной торговли они распиливаются поперек на кружки, толщиной в наш медный пятак. Пара лучших рогов сорта «маа-лу» стоит в Гирине до 300 русских рублей. Более высокий сорт пантов по-китайски зовется «мэй-хо-лу» и стоит до 600 русских рублей за пару».</p>	<p>1900</p>	<p>Завойский К.И. Медицина и врачи в Маньчжурии // Русский антропологический журнал. 1905. №1–2. С. 39.</p>

54.	«...Стоимость рогов зависит от веса: один фунт сухих рогов на месте производства стоит от 8 до 9 рублей, а на месте их сбыта, в Китае (г. Кобдо) от 14 и более рублей. ... Таким образом, доход от одного марала колеблется в пределах 25–100 рублей на месте производства, в пределах 42–168 руб. на месте сбыта (Китай). «Стоимость одного марала, пойманного на свободе, достигает 150 и более рублей».	1902	Ю.Г. Мараловодство в Горном Алтае // Сибирская жизнь. 1902. №204.
55.	«В настоящем году цена на рога стояла на Алтае от 8 до 8 руб. 60 коп. за фунт, какая цена установится в Китае еще не известно... В прошлом году в Монголии цены были такие: за пару рогов весом в 10 китайских фунтов монгольские купцы платили 80 лан (лан равняется 1 р. 42 коп. на наши деньги при самом низком курсе)».	1902	Ю.Г. Мараловодство в Горном Алтае // Сибирская жизнь. 1902. №204.
56.	«Рога сбываются по весу и натурой. В сыром виде продают по 4 рубля за фунт, в сухом (вываренные рога) 60 рублей, средние и 80 рублей лучшие. В 1896 году на Улалинской ярмарке цены на маральи рога весом в ½ пуда сырые от 40 до 80 рублей пара (средние 65 рублей)».	1903	Юхнев П.М. Горный Алтай и его население. Т. 1 : Кочевники Горного Алтая. Вып. II : Неземледельческие промыслы кочевников Бийского уезда. Барнаул, 1903.
57.	«Цена самых лучших лобовых пантов — красивых, равномерно покрытых густой лоснящейся серебристо-серой шерстью — доходит в Кяхте и Маймачене до 150–200 рублей за фунт. Стоимость этих животных на Алтае от 26–130 рублей, в Забайкалье в среднем 50 рублей, причем самец ценится далеко выше самки».	1905	Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. Изд. 2-е. М., 1905. С. 249.
58.	«...Изобретей успешно промышленяют, главным образом, из-за его молодых кроносных рогов «пантов», очень ценных китайцами на лекарство — рублей в 300 за хорошую пару».	1906	Родевич В.М. Сунгари от истока до впадения в Амур. Ч. I. П. СПб., 1906. С. 436.

59.	<p>«... Стоимость марала самца теперь 150–200 рублей, самки 50–70 рублей, теленка бычка до 70 руб., теленка самца до 30 руб. Лет 15 назад марал самец ценился в 70 руб., а самка в 25 руб., теленок 10–15 руб».</p> <p>«Сбываются панты обыкновенно на месте Бийским мещанам Копылову, Кричевцеву, Ошлагову (Ошлакову. — <i>Н.Ф.</i>) по 7–8 руб. за фунт. В 1910 году мараловоды Кабинского района продали местному богатому крестьянину Артемию Караскову рога по 8 руб. 25 коп. за фунт. В том же году осенью крестьяне Кабинских селений Кирьянов, Бобров и Сергей Шарыпов сами ездили в г. Хобезо (Монголию) (г. Кобо. — <i>Н.Ф.</i>) и получили за панты на 11 рублей за фунт».</p>	1911	Яковлев. Мараловодство в Семипалатинской губернии. Омск, 1911. С. 5, 7.
60.	<p>«Средняя стоимость пантов (пятнистого оленя. — <i>Н.Ф.</i>) до 1905–1906 года не превышала 250–300 рублей за пару, в настоящее время... поднялась до 450–500 рублей. Исключительные экземпляры в период с 1916 по 1922 год были проданы от 1000 до 1500 рублей за пару».</p> <p>«В двухлетнем возрасте появляются первые панты, их стоимость в среднем 100 рублей. В дальнейшем цены меняются примерно так: панты 3-летнего оленя — 200 рублей; 4-летнего — 350 рублей; 5-летнего — 450–500 рублей; 6–7-летнего — 550–650 рублей; 6–9 летнего — 1000 и даже 1500 рублей (выдающиеся экземпляры)».</p>	1905–1906	Грузит А.Г. Оленеводство в Приморской губернии // Приморье, его природа и хозяйство : сб. статей. Владивосток, 1923.
61.	<p>«Панты его (изюбря. — <i>Н.Ф.</i>) достигают ценности до 300 рублей».</p> <p>«Панты (молодые рога) его (пятнистого оленя. — <i>Н.Ф.</i>) достигают огромной ценности — до 1200 рублей за одну пару».</p> <p>«Самые дорогие панты дает пятнистый олень. Ценность их доходит до 1000 рублей за пару. Рога изюбря ценятся дешевле. Самые дорогие из них ценятся не более 300–400 рублей».</p>	1906–1912	Арсеньев В.К. Кигаицы в Уссурийском крае. М., 2004. С. 27, 28, 135.

62.	«Рога самцов не имеют нижних наглазных отростков, как у изюбров; панты ценятся очень высоко (от 800 до 1200 рублей пара)...».	1907	Арсеньев В.К. Дерсу Узала. М., 1989. С. 123.
63.	«Панты (молодые рога изюбря и пятнистого оленя), благодаря стачке китайцев во Владивостоке, принесли выгоду только охотникам, скупщики же еле-еле vybrали свои деньги. Всего пантов было вывезено на 6000 рублей».	1909	Пристав Савельев. Краткий обзор Ольгинского стана // Приморский архив. Ф. 702. Оп. 1. Д. 635. Л. 101–103об.
64.	«Главную приманку орочен составляют изюбры, рога которых — панты — в китайской медицине пользуются большим спросом и ценятся от 100 до 300 рублей за пару».	1910	В трущобах Маньчжурии и наших восточных окраин. Одесса, 1910. С. 246.
65.	«И все-таки китайцы искусно стали командовать русской торговлей в крае: они забрали в свои руки вывоз из Уренхая и из Усинского края рогов марала, около 1200 пудов в год; статья эта по цене 14–18 руб. фунт, или 600–700 руб. пуд, очень значительная, на сумму 700–800 тысяч; раньше эти рога возились русскими в Улясутай и оттуда привозились чай и материал для сойгогов. Теперь без рогов ездить русским так далеко не выгодно».	1910	Родевич В. Урянхайский край и его обитатели. СПб., 1912. С. 38.
66.	«Еще двадцать лет тому назад (1890 г. — Н.Ф.) дикие олени бродили по всей Приморской области... Панты в среднем продавались от 125 до 300 рублей. В двухлетнем возрасте вырастают первые панты, которые с каждым годом делаются толще и этим приобретают все большую ценность; последовательность цены, примерно, такова: в 2-летнем возрасте панты стоят 100 рублей; 3-летние — 200 рублей; 4-летние — 350 рублей; 5-летние — 500 рублей и т.д. За голову редкого оленя 8-ми лет китайцы предлагают 1100 рублей. Срезанные панты с этого оленя в течение шести лет проданы за 850 рублей. В 1910 году были панты, проданные китайцам староверами, одна пара в 1050 рублей и вторая за 1200 рублей. Они были очень крупных размеров и красивой формы».	1910–1912	Янковский Ю.М. Оленеводство в Южно-Уссурийском крае. Хабаровск, 1913.

67.	«Бийские скупщики покупают эти рога по 5,7 и даже 9 рублей за фунт, смотря по величине их и числу ветвей, сами же продают их в Китае по 25–35 рублей за фунт... Китайцами рога употребляются как возбуждающее средство и поднимаете силы лекарство. При такой выгодности мараловодства, животные эти ценятся очень высоко: самец 75–200 рублей, а самка — 25–40 рублей. Приручение марала началось уже тогда, когда он в большей части уезда был уничтожен».	1911	Штейфельд В.П. Бийский уезд Томской губернии. Бийск, 1911. С. 76–78.
68.	«Несмотря на строгую охрану леса ламами монастыря, некоторые из охотников все-таки нарушают запрет ввиду хорошей охоты или в надежде застрелить дикого марала (изюбря), голова которого с рогами оценивается китайцами до 300 рублей».	1911	Попов В.Л. Очерк Московской торговли экспедиции в Монголию. М., 1912. С. 117, 272.
69.	«Полудомашних маралов... держат ради рогов, которые снимаются еще в самом состоянии около конца июня и высушенные продаются в Китай по 8–10 рублей за фунт».	1912	Слапожников В.В. Пути по русскому Алтаю. Томск, 1912. С. 14.
70.	«Бухтарма. Политические события в Монголии и Китае отражаются весьма вредно на алтайском мараловодстве. За отсутствием сбыта пантов (весенние рога оленей-маралов). Прежде продавали по 12 руб. фунт, в прошлом году 2 р. 50 коп., ныне случайные китайцы предлагали в Косагае лишь по 2 р. за фунт. Скупщиков нет. Многочисленное старожильческое население лишается главной статьи дохода. Следовало бы организовать сбыт без посредников через Дальний Восток в Китай».	1912	Новое время. 1912. 28 июля // РГИА. Ф. 398. Оп. 63 (1896). Д. 125. Л. 171.

71.	<p>«О выгодности мараловодства свидетельствуют высокие цены, назначаемые китайскими торговцами на рога маралов. Вес живых рогов марала (самца) от 20 до 30 ф. В 1912–1913 г. цена свежего рога маралов была 5–8 руб. за фунт. Высушенные панты марала покупались по 12–18 руб. за фунт, а в Улсугтае стоимость их достигала 20–24 руб. за фунт. Таким образом, один марал приносил ежегодно несколько сот рублей прибыли, не требуя за собой большого ухода».</p>	1913	Сибирский торгово-промышленный ежегодник. СПб., 1913. С. 25.
72.	<p>«Д.Д. Каррутерс (1914) утверждал, что цена на рога маралов очень высока (до 12–18 рублей за фунт консервированных пантов, по В.С. Родевичу 1910)».</p> <p>«По данным Полякова (1873), звери подвергались усиленному преследованию в окрестностях озера Баунг, «где на бывающей ярмарке рога их стоят от 50 до 70 руб. серебром».</p>	1914	Смирнов М.А. Благородный олень в Южной Сибири. Ч. 2. Красноярск, 2007. С. 143, 150.
73.	<p>До войны (1914 г. — Н.Ф.) рога на месте сдавались русским и китайским купцам по 8–10 руб. за 400 гр. В г. Кобдо и Улсугтай... здесь за рог выручали уже 15 руб. за 400 гр., причем на эту экспедицию уходило около месяца».</p>	1914	Бломквист Е.А., Гринкова Н.А. Кто такие бухтарминские старообрядцы. Л., 1927.
74.	<p>«До войны (1914 г. — Н.Ф.) в годы высокой конъюнктуры, панты консервированные продавались по 24–29 руб. за кг. В прошлом взрослый («паровой») марал-бык стоил до 130 рублей, двухгодовалый 100 рублей, матка взрослая 75–100 рублей, двухгодовалая — 40–50 рублей, телята и сайки (быки с первыми рожками) — 25–50 рублей».</p>	1914	Мараловодство // Сибирская Советская энциклопедия : в 4 т. Новосибирск, 1929.
75.	<p>«Марал... жестокому преследованию который подвергается из-за рогов, съедяемых, как известно, по высокой цене (в среднем 180 рублей за пару) в Китай».</p>	1914	Западная Монголия. Урянхайский край / сост. Г.Е. Грум-Гржимайло. Т. 1. С. 517.
76.	<p>«Цена на рога марала с 18 руб. упала до 2 руб. 50 коп. Мараловодство замерло».</p>	1914	Минусинский край. 1914. №55.

77.	«Ценность пантов, смотря по возрасту оленя (пятнистый олень. — <i>Н. Ф.</i>) и их мягкости, доходит до 800 рублей и более за пару, средняя же цена около 200 рублей».	1914	Сибирский торгово-промышленный ежегодник. СПб., 1914–1915. С. 97.
78.	«Маральи рога ценятся от трех до девяти рублей за фунт (400 гр. — <i>Н. Ф.</i>) и весили они от двадцати фунтов до пуда с лишним. Самая большая пара рогов, привезенных в этом году в с. Усинское весила пуд двенадцать фунтов».	1915	Мешлова К. Д. Далекый край. Путешествие по Урянхайской земле. Петроград, 1915.
81.	Артель «Сосновые скалы» (полуостров Гамов) в 1917 г. имела около 300 оленей. Есть сведения, что пяти-шести-летние панты с лобной частью шли в те времена в Гонконге до 700 рублей золотом за пару».	1917	Владивосток. 2007. 23 февр.
82.	«В девятнадцатом веке консервированные панты весом до 5 кг стоили 150–200 рублей серебром за пару, а отдельные выдающиеся оценивались по 600 рублей и выше. Для сравнения: рабочий конь в то время стоил семь рублей, а корова — пять. В общем, средняя семья промыслового охотника, добывшего панты, могла безбедно прожить в течение года, не отказывая себе ни в чем».		Самойлов Е. Рассказы забайкальского охотника. Чита, 2009.

Обзор литературных данных о рынке продаж пантов в XIX — начале XX в.

Год	Содержание (цитата)	Источник
Казахский Алтай (Бухарма)		
1859	«Маральи рога во множестве покупаются в Хиву, Бухарию, Ташкент и Коканд».	Ананян А. О торговле маральими рогами, преимущественно отправляемыми в Китай // Томские губернские ведомости. 1859. №5.
1873	«...До бунта дунгений всего ценнее были молодые, еще мягкие, маральи рога (панты) для продажи китайцам, но после разорения пограничных китаев инсургентами и прекращения ими всякой торговли Семиречья с Внутренним Китаем, шедшей через Кульджу и Урумчи, на маральи панты уже нет покупателей».	Северцев Н. Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня. СПб., 1873. С. 153.
1898	«Оказалось, что в пограничные китайские пикеты, Чингистайский и др. за последнее время стали особенно часто приезжать крестьяне из «каменных деревень» деревень: Уймона, Фыкалки, Белой и др. Они привозили с собой для продажи железные изделия, маральи рога, но без установленных паспортов и являлось сомнение, не служит ли им торговля одним предлогом удобнее высмотреть места для побега за порубежную грань».	Шмурло Е. Русские поселения за южным алтайским хребтом на китайской границе // Записки ЗСО ИРГО. Кн. XXV. Омск, 1898. С. 21.
1905	«Рога маралов продаются байским кушам Копылову и Кривцову (Позднее я встретился с ними лично на Алтае)».	Поездка из Семипалатинска в Рахмановские ключи священника Бориса Герасимова. Усть-Каменогорск, 2011. С. 86.
1907	«В Урлыском поселке несколько лет уже ведется байскими кушами скупка маральных рогов; отсюда они отправляются крупными партиями в Китай; оборот торговли Урлыя колеблется от 15 до 20 тыс. рублей. От этого поселка возможен проезд далее на восток к северу, идет колесная дорога до поселка Берели первые».	Белявский Ф.Н. Русский Алтай // Белявский Ф.Н., Семенов-Тяньшанский В.П. Россия: полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 16 : Западная Сибирь. СПб., 1907. С. 476–542.

Русский Алтай (Горный Алтай)	
1869	<p>«В 1868 году русскими торговцами на р. Чуе продано маральных рогов на 10 тыс. рублей».</p> <p>«Торговля в Кош-Агаче в настоящее время производится почти без всякого с русской стороны надзора за ее правильностью... Торгующие по свидетельствам крестьяне, как, например, наименованные мне Бийского округа, с берегов реки Уймона, крестьяне братья Ошлаковы, не имеющие никакого права на производство заграничных операций и торгующие лишь по свидетельству на развозной торг, но при этом кроме лично производимых ими в Кош-Агаче торговых оборотов, посылающие туда около пяти человек своих приказчиков, не снабженных никакими торговыми свидетельствами».</p> <p>«Ныне торговля производится не на Кош-Агаче, а на пикетах посредством китайской стражи и продолжается также с марта до января месяца».</p> <p>«Маральи рога сбываются китайцам. Их везут с южного Алтая в Кяхту на потовых, а как известно, расстояние такой доставки выражается почти в трех тысячах верст, — значит, стоит овчина выделки... Кажется странным, почему алтайцы не доставляют в Кигтай маральи рога через Бийск, той горной дорогой, которая прошла по хребтам в Кобдо, для меновой торговли, разрешенной еще в 1803 году, когда в Бухтарме учреждена была торговля. На этот вопрос многие торговцы отвечали так: «Путь этот очень неудобен, хотя и короче, а кобынцы рогов не берут, потому ли, что не знают в них толку, оттого ли, что доставлять им рога в Пекин, через всю Среднюю Азию, невозможно».</p> <p>«В той же долине верхнего Ойгора, на верст пять выше пикета, стоял лагерь приказчик бийского купца Васильева, торговавшего с урянхаими. В течение пяти лет он ежегодно приезжает на это место из Бийска с товаром и торгует до наступления зимы... Взамен этих предметов, получал от урянхаев сурочьи шкуры, лисьи, куньи, немного соболей и маральи рога».</p>
1869	<p>Из донесения чиновника министерства финансов Япкевича о состоянии торговли в Кош-Агаче // ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1127. Л. 115–140, 147–160.</p>
1869	<p>ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1127. Л. 3–5.</p>
1871	<p>Черкасов А. А. На Алтае: Записки городского головы. Барнаул, 2004. С. 20.</p>
1878	<p>Певцов М. В. Путешествие по Китаю и Монголии. М., 1951. С. 75.</p>

1882	«Вывоз же наших товаров в г. Кобдо и Улясутай простирается ежегодно в действительности на сумму до 400 тыс. рублей, везут кожи, маральи рога, ситец и вообще всякий мануфактурный товар и железные изделия».	Из работы бийского окружного исправника томскому губернатору об организации государственной границы на юго-востоке уезда // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2112. Л. 8–12.
1884	«Во внутренний Китай из русского Алтая идут только маральи рога, которых ежегодно вывозят более 400 пар; этот товар отправляется из Улясутая в город Гуйхуачэн (Хуху-Хого), а оттуда он идет в южный Китай».	Поганин Г.Н. Алтай // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII — начала XX в. Барнаул, 2005. С. 329.
1892 1897	«Среди вывоза по ценности, между прочим, занимают рога маралов. Количество вывезенных рогов колебалось между 55 пуд. и 178 пуд. в год. Стоимость их между 19 тыс. руб. (1892 г. и 1895 г.) и 54 тыс. руб. (в 1897 г.) В торговле этого товара были резкие колебания».	Семьянов. Сведения о вывозе маральных рогов в Монголию в 1892–1897 годах // ГААК. Ф. 86. Оп. 1. Д. 7. Л. 89.
1899	«... В 1899 году из Улясутайского округа вывезено в Китай «рогов маральных (изюбра)» на 100 000 рублей».	Памятная книжка Томской губернии на 1910 г. С. 175.
1902	«Главными скупщиками маральных рогов на месте их добывания — в Горном Алтае — являются отчасти сами мараловоды, Попов (д. Шебалино), Варвинский (с. Онгудай), отчасти же бийские купцы, ведущие меновую торговлю с Монголией».	Ю.Г. // Сибирская жизнь. 1902. №206 (19 сент.).
1908	«В 1908 году в Монголию по Чуйскому тракту вывезено рогов марала на 40–50 тыс. рублей «годового вывоза».	Маньковский В. Итоги торговли с Монголией по Чуйскому тракту за 1908 год и ближайшие перспективы ее. Томск, 1910. С. 172.
1911	Из Бийского уезда «ввозится в Северо-Западную Монголию на 120 тыс. рогов изюбра», почти 15% всего объема экспорта».	Штейнфельд В.П. Бийский уезд. Бийск, 1911.

1912	<p>«Цена на маралы рога различна. Скупщики платят за них 6–10 рублей за фунт и перепродают китайским купцам вдвое дороже. Последние отправляют рога, главным образом, в г. Сикхоу — 300 верст от Калгана. Отсюда рога направляются в Хуху-Хого (Гуй-Хуа-Чен. — <i>Н.Ф.</i>), Нанси, на юг Китая, в аптеки. Русские купцы, работающие в Монголии, главным образом, Асанов, Кузнецов, Копылов и Попов, скупают рога у русских крестьян и сдают их китайцам под шерсть будущего года.... В 1909 г. через Кош-Агачскую таможенно было ввезено в Монголию 119 пудов 37,5 фунтов маралых рогов на сумму 42 590 рублей».</p>	<p>Морозов И.М. Московская торговая экспедиция в Монголию. М., 1912. С. 272.</p>
1914	<p>В Улясутайском округе торгует А.С. Попов, «скупающий шерсть до 10000 пудов, около 10000 штук сурка, до 500 быков и 2000 баранов, имеет собственные маральники, которые доставляют ему ежегодно до 60 пар рогов».</p>	<p>Сибирский торгово-промышленный ежегодник 1914–1915 гг. СПб., 1915. С. 481.</p>
Урянхайский край и Усинский край		
1905	<p>«Жители с. Усинского в последние годы стали вести торговлю непосредственно с г. Улясутаем. Ежегодно после сбора маралых рогов, в конце июля, они отправляются с рогами в Улясутай. Прежде рога отвозились на выюках, ныне усинцы стали ездить на двухколесных тележках и проложили очень хорошую колесную дорогу. По прибытии в Улясутай, рога сбываются китайцам и закупается чай, который тем же путем привозится в с. Усинское».</p> <p>«Мы вывозили из Урянхайской земли... маралых рогов 50 пудов на сумму около 30 тыс. рублей».</p> <p>«В 1900 году привезено в Монголию из России рогов маралых на 36 тыс. рублей».</p>	<p>Попов В. Через Саяны и Монголию. Ч. 1. Омск, 1905. С. 56, 142, 163.</p>

1910	«В 1910 году из Ярянхайского и Усинского краев вывозили 900–1200 пар маральных рогов ежегодно».	Смирнов М.Н. Марал в Туве // Охота и охотничье хозяйство. 1988. №12.
1911	«Центром скупки маральных и других продуктов охоты для Минусинского и Усино-Урянхайского районов служил Минусинск, для Канско-Нижнеудинского – Канск и Нижнеудинск. По подсчетам Д.К. Соловьева (1921), через Минусинск в среднем за год в 1908–1911 гг. проходило рогов марала в сыром виде 3000 пар, шкур в сыром виде — 1000 штук, соответственно через Канск — 100 и 60, через Нижнеудинск — 50 и 40».	Смирнов М.Н. Благородный олень в Южной Сибири. Ч. 2. Красноярск, 2007. С. 140, 155.
1912	«И все-таки китайцы искусно стали командовать русской торговлей в крае: они забрали в свои руки вывоз из Урянхая и из Усинского края рогов марала, около 1200 пудов в год; статья эта по цене 14–18 руб. фунт, или 600–700 руб. пуд, очень значительная, на сумму 700–800 тысяч; раньше эти рога возились русскими в Улясутай и оттуда привозились чай и материя для сойотов. Теперь без рогов ездить русским так далеко не выгодно».	Родевич В. Урянхайский край и его обитатели. СПб., 1912. С. 38.
1915	«Быстро минув множество русских поселков, раскинувшихся по берегу Малого Енисея, досехали мы до деревни Знаменки; через два дня подошел плот, и мы отправились к нему, чтобы ехать в Белоларск (г. Кызыл. — Н.Ф.). Поминутно спотыкаясь о кожи, олени рога и кадки с маслом..., мы добрались до шалаша (на плоту. — Н.Ф.).»	Мишлова К.Д. Далекый край. Путешествие по Урянхайской заимке. Петроград, 1915. С. 48.

Забайкальский край			
1847— 1849	«В Китай вывезено по сложности 1847–1849 г. (вместе. — <i>Н.Ф.</i>) струи кабарожьей 11478, ...рогов изюбренных 709».	Гатемейстер Л.А. Статистическое обозрение Сибири. Ч. II. СПб., 1854. С. 258.	
1854	«Сбыт (пантов. — <i>Н.Ф.</i>) производится в один лишь Китай, через Кяхту и на Аргуни. Китайские купцы стараются захватить дорогой этот товар, в одни руки, чтобы возвысить цену по своему усмотрению. В Китай выходит в год от 175 до 250 пар...».	Гатемейстер Л.А. Статистическое обозрение Сибири. Ч. I. СПб., 1854. С. 328–329.	
1867	«Спрос на оленины рога в Китае так велик, что их целыми тысячами отправляют сюда из нашей Сибири через Кяхту, куда доставляют партиями на почтовых из местностей иногда очень отдаленных. Кроме того, множество таких рогов скупается на Амуре китайцами и препровождается в Пекин через Маньчжурию».	Пржевальский Н.П. Путешествие в Уссурийском крае. М., 2007.	
1867	«В Кяхте сибирские купцы выменивают на панты у китайцев множество заграничных товаров, как то байховый и кирпичный чай, китайские канфы, дабы, полушелковицы, даже шитые шелковые азамы и другие вещи. Китайцы хорошо знают это время и все выезжают сами в известные пункты на границу, что обыкновенно бывает в Петров день или несколько раньше или позже, и променивают свои произведения на добытые весною панты».	Черкасов А.А. Записки охотника Восточной Сибири. М., 1990. С. 351–352.	
1876	«Тысячи пар пантов закупаются в различных местах нашей Китайской границы и прямо отправляются внутрь Поднебесной империи или высылаются на почтовых, в Кяхту и отсюда высылаются в Пекин».	Пржевальский Н.П. Путешествия к Лобнеру и на Тибет. М., 2008.	

1904	<p>«Пограничная торговля над Аргунем идет главным образом дорогой из Абагагуй, Старо и Ново-Дурухангуй. Но казаки не обращают много внимания на эти таможи и свободно переходят границу на всем ее протяжении для обмена скота на другие продукты. Главные ярмарки устраиваются в городах Гонгур и Хайлар... Охотно покупаются также меховые товары и оленины рога».</p> <p>«...Сунгарийские купцы, как могут эксплуатируют туземцев: гольды и орочане работают на них круглый год, приберегая к их приезду меха, рыбы и оленины рога».</p> <p>«...Большое значение имеет (в Маньчжурии. — <i>Н.Ф.</i>) также экспорт лекарственных снадобий, как женьшень и оленины рога. Последних в 1893 году вывезено 1667 пар, а в 1895 году только 565 пар».</p>	Маньчжурия. СПб., 1904. С. 56, 68, 74.
Приморье (Дальний Восток)		
1868	«В эти годы (т.е. в середине 60-х годов) по словам Завалишина, в Благовещенске были ярмарки. Открывались они ежемесячно с 14-го числа, продолжались до 22-го. Ко дню открытия сюда стекались маньчжуры со своими товарами...».	Муров Г.Т. По русскому Дальнему Востоку. Т. 1. М., 1909. С. 7.
1897	«Их (панты. — <i>Н.Ф.</i>) вывозят для продажи, главным образом, в Кантон шан-синские купцы».	Описание Маньчжурии. Т. 1. СПб., 1897. С. 465.
1890	«Обыватели (г. Николаевска. — <i>Н.Ф.</i>) ведут сонную, пьяную жизнь... Пробавляются поставками рыбы на Сахалин, золотым хищничеством, эксплуатацией инородцев продажей пантов, из которых китайцы приготавливают возбуждательные пилюли».	Чехов А.П. Остров Сахалин // Чехов А.П. Собрание сочинений : в 12 т. М., 1985. Т. 11. С. 39.

1901	<p>«Его главными торговыми операциями были поставки в Шанхай трепангов, морской капусты, дубовых грибов, женьшеня и пантов... все это он (китайский торговец. — Н.Ф.) частью скупал, объезжая побережье Японского моря Южно-Уссурийского края. Частью добывал сам, посылая своих рабочих, которые занимались промыслом, прожывая целые годы в одиноких фанзах или по Суйфуну, или среди тайги по Сихогэ-Алино, или на берегу моря».</p>	<p>Муров Г.Г. Люди и нравы Дальнего Востока. Томск, 1901. С. 49.</p>
1906 1910	<p>«Главными организаторами пушного дела в Уссурийском крае являются крупные торговые китайские фирмы во Владивостоке, Никольске-Уссурийском и Хабаровске. Агенты их, заручившись разного рода свидетельствами, билетами и удостоверениями, «салятся» в таких пунктах, где группируются инородцы и отсюда удобно снаряжать соболевщиков в горы. Китайцы эти называются цайдунами, то есть «хозяевами реки — кредиторами». Цайдуны располагаются около устьев больших рек, строят склады и открывают торговлю. Такими пунктами будут низовья рек Имана, Бикина, Хора, Ното, урочище Анучино, село Владимиро-Александровское на Сучане и Пост Св. Ольги (поселок Ши-мань). На Амуре склады цайдунов находятся вблизи гольдских стойбищ Да (р. Пихца), Найхин и Дон-дон (р. Анной) и при устье реки Хунгари».</p>	<p>Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. М., 2004. С. 115.</p>
1910	<p>«Сансин имеет большое торговое значение, как пушной рынок северной Маньчжурии. Через руки сансинских купцов проходит множество мехов и шкурок четвероногих обитателей тайги. Главнейшие предметы вывоза и торговли составляют шкурки соболей, а также панты — рога изюбря, снятые в то время, когда они еще налиты кровью».</p>	<p>В трущобах Маньчжурии и наших восточных окраин. Одесса, 1910. С. 331.</p>

1910	<p>«Панты, добытые охотниками и промышленниками, скупаются известными фирмами в Цицикоре, Сан-Сине, Нингуте, Гирине и Мукдене. Здесь они подвергаются окончательной обработке, сортируются, упаковываются и отправляются в Тянь-Цзин, откуда рассылаются уже в большие города южного Китая, где специалисты приготавливают из них лекарства в виде порошков, пилюль, настоек, эссенций, микстур и т.п.»</p>	<p>Байков Н.А. В горах и лесах Маньчжурии. Владивосток, 2011. С. 72.</p>
1914	<p>«В заливе Петра Великого (Посьет и залив Америка) особенно развит китайский каботаж. Из Суганского, Судзухинского, Шкотовского прибрежных районов китайцы постоянно отправляют свои шаланды на городской рынок (г. Владивосток. — <i>Н.Ф.</i>) с мехами, оленьими жилами и хвостами. ... получив там обменный груз, уходят снова на побережье и работают там до глубокой осени».</p>	<p>Описание Ольгинского уезда // Государственный архив Дальнего Востока. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2005. Л. 105–109.</p>

**Сведения о вывозе русских товаров в Китай
через Кош-Агачскую таможню за 1909 г.**

Ф.И.О.	Товар	Объем	Стоимость, руб.
1. Ассанов Николай Иванович [л. 64]	рога марала	1 пуд	400
2. Попов Василий Алексеевич [л. 70]	серебро	4 пуда 16 фунтов	2640
3. Попов Алексей Степанович [л. 70 об., 71]	21 товарная позиция, пантов нет	1363 пуда	25177
4. Попов Иван Степанович [л. 71]	4 товарных позиций, пантов нет	127 пудов	1355
5. Ассанов Николай Иванович [л. 73]	рога марала	5 пудов 30 фунтов	2453
6. Зырянов Игнат Иванович д. Чечулиха [л. 74]	рога марала	4 пуда	1360
7. Копылов Павел Андреевич (Отставной чиновник Бийска) [л. 74 об.]	рога марала	16 пудов 18 фунтов	6588
8. Казанцев Василий Герасимович (Усть-Кокса) [л. 75]	рога марала	11 пудов	4000
9. Кудрявцев Затей Иванович (Уймонская управа) [л. 75]	рога марала	15 пудов 20 фунтов	5000
10. Попов Алексей Степанович [л. 76, об., 77]	9 товарных позиций, в том числе рога марала	1863 пуда 56 пудов, 9 фунтов	45537 22490

Торговцы 1–4 вывозили товары до 1 июня 1909 г., а торговцы 5–10 вывозили товары с июля по 31 декабря 1909 г. — *Н.Ф.* [ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 201].

**Сведения о вывозе русских товаров в Китай
через Кош-Агачскую таможенную за 1910 г.**

Ф.И.О.	Товар	Объем	Стоимость, руб.
1. Ассанов Николай Васильевич [л. 37]	струя кабарги	1 фунт	265
2. Васильев Иван Александрович (бийский мещанин) [л. 39]	рога марала	2 пуда	1000
3. Зырянов Игнат Иванович (крестьянин д. Чечулиха) [л. 40об.]	рога марала	7 пудов	2800
4. Игнатьев Иона Григорьевич (бийский купец) [л. 40об.]	рога марала	18 фунтов	270
5. Кузнецов Разумник Иванович (бийский купец) [л. 43]	рога марала	9,2 пуда	3040
6. Кузнецов В.Г. (из Усть-Коксы) [л. 43]	рога марала	12 пудов	4800
7. Медведев Иван Иванович (крестьянин д. Топучая) [л. 44об.]	рога марала	4 фунта	40
8. Попов Алексей Степанович (крестьянин д. Шебалино) [л. 45об., 46]	41 позиция, в том числе рога марала	56 пудов 13 фунтов	26 988* (всего на 45301)
9. Чинусков Павел Андреевич (с. Майма) [л. 47]	струя кабарги	7 фунтов	435
10. Филатов Егор Андреевич (бийский мещанин) [л. 47об.]	рога марала	18	7000
11. Чупин Артамон Матвеевич (Катандинская вол.) [л. 47об.]	рога марала	20 пудов 20 фунтов	8000

Источник: [ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 201.

Приложение 5

**Сведения о вывозе товаров из России в Китай
через Кош-Агачскую таможенную с 1.01.1912 по 1.07. 1912**

Ф.И.О.	Товар	Количество, пуды	Сумма руб.
1. Баинторджи* (китайский подданный) [л. 23]	струя кабарги	20 фунтов	400
2. Бодунов Григорий Григорьевич (торговый дом Бодунов) [л. 24, 24 об.]	рога марала	1	400
3. Попов Алексей Степанович (крестьянин с. Шебалино) [л. 30]		всего 41 позиция товаров весом 1423 пуда, пантов нет	57484
4. Осипов Александр Васильевич (бийский мещанин) [л. 32]	рога марала	7	280

* Баинторджи вывоз в этот период из Китая в Россию через эту та-
можню 1 пуд рогов марала на 400 руб. [ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 201].

Приложение 6

**Сведения управляющего Кош-Агачской таможней
податному инспектору бийского участка о количестве товаров,
вывезенных из России в Китай с 31.12.1911 по 1.06.1913**

Ф.И.О.	Товар	Количество		Сумма	
		пуды	фунты	рубли	копейки
1. Ассанов Николай Иванович (бийский купец) [л. 1]	рога марала	1	32	360	–
2. Бочкарев Илларион (крестьянин Уймонской волости) [л. 2]	рога марала	11	–	4400	–
3. Баинторджи (китайский подданный) [л. 2]	рога марала	3	1	1210	–
4. Васильев* Иван Александрович [л. 3]	рога марала	2	20	1800	–
5. Затеев Семен Иванович [л. 4]	рога марала	6	15	2700	–
6. Зырянов Ипат [л. 4]	рога марала	10	–	4000	–
7. Ильков Федул (крестьянин из Черги) [л. 4]	рога марала	–	35	350	–
8. Казанцев Василий Герасимович [л. 4]	рога марала	13	–	5200	–
9. Красков Федор Тихонович [л. 4]	рога марала	2	–	800	–
10. Ошлаков Максим Пиляевич (Пилеевич) (Кокшинская вол.) [л. 5]	рога марала	14	–	5500	–
11. Попов Алексей Степанович [л. 5, 5об.]	рога марала	67	12	32304	–
12. Семенов Гавриил Атемьевич [л. 5об.]	рога марала	16	–	7000	–
13. Черепанов Василий [л. 5об.]	рога марала	3	10	2000	–

* Васильев Иван Александрович в 1911 г. ввез маральных рогов в Россию на 2 пуда 20 фунтов (1800 руб.).

Источник: ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 201.

Бодунов (торговый дом Бодунов) [л. 7об] в 1911 г. ввез маральных рогов в Россию 4 пуда на 81 руб.

**Сведения о вывозе товаров из России в Китай
через Кош-Агачскую таможенную
за период с января по 1 июля 1913 г.**

Ф.И.О.	Товар	Количество, пуды	Сумма, руб.
1. Попов Михаил Александрович [л. 122об.]	хлопчато-бумажные изделия	31	7230
2. Попов Николай Игнатьевич [л. 123об.]	7 товарных позиций	–	6542
3. Попов Александр Игнатьевич [л. 123об.]	9 позиций	–	7247
4. Попов Игнатий Степанович [л. 123об.]	4 товарн. позиции	–	507

В 1913 г. (с 1.07 по 31.12) Попов Алексей Степанович вывез из России в Монголию через Кош-Агачскую таможенную 12 товарных позиций на 16 732 руб., в том числе серебра на 9000 руб., но пантов не вывозил [ГААК. Ф. 192. Оп. Д. 201. Л. 137об.; ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 201].

**Сведения о привозе товаров из Китая в Россию
через Кош-Агачскую таможню**

Ф.И.О	Товар	Вес и стоимость
1 января – 1 декабря 1909 г.		
1. Котельников Андрей [л. 85]	шкуры марала	6 пудов на 132 руб.
2. Попов Алексей Семенович [л. 85об.]	22 товарные позиции, в том числе шерсть, быки, чай, шкуры марала, рога марала	11 пудов на 170 руб.; 17 фунтов на 25 руб.
1 января – 31 декабря 1910 г.		
1. Ассанов Николай Иванович [л. 49]	панты	7 фунтов на 3 руб.
2. Борисов [л. 50]	кожа маралья	3 фунта на 18 руб.
3. Гуляев Иван Дмитриевич [л. 51]	шкуры марала	50 фунтов на 260 руб.
4. Кряжев Павел Илларионович [л. 53]	рога марала	1 шт. на 5 руб.
5. Попов Алексей Степанович	шкуры барана — 135 штук, шерсть барана — 13 пудов, быки — 110 голов, бараны — 3100 голов, шкуры, кожи, войлок, сарлыки	96694 руб.
6. Попов Иван Степанович [л. 54об.]	шерсть, шкуры, войлок, ткани	18059 руб.
7. Штамов Иван Игнатьевич [л. 56]	шкуры марала	25 руб.
8. Юрганов Василий Иванович [л. 57об.]	кожи марала	90 руб.
9. Попов Иван Степанович [л. 87об.]	11 товарных позиций весом 1189 пудов	10000 руб.
10. Юрганов Василий Иванович [л. 89об., 90]	шкуры марала	3 пуда на 84 руб.
1 июля – 31 декабря 1912 г.		
1. Попов Яков Васильевич (Шебалино) [л. 98]	войлок, шкуры, рыба	17 пудов на 140 руб.

Окончание приложения 8

2. Попов Алексей Степанович [л. 98]	20 товарных позиций (шерсть, шкуры зверей, рыба, икра, войлок, 840 баранов, 60 коз и т.д.)	7291 пуд на 74511 руб.
3. Попов Иван Степанович [л. 98]	7 товарных позиций	767 пудов на 7732 руб.
1 июля – 31 декабря 1913 г.		
1. Попов Игнат Степанович [л. 131]	4 товарные позиции	на 7136 руб.
2. Попов Алексей Степанович [л. 131]	13 товарных позиций: шкуры, 2191 барана, 3 быка и т.д.	на 17948 руб.
3. Попов Алексей Игнатьевич (Шебалино) [л. 131]	11 товарных позиций	на 28234 руб.

**Списки крестьян-мараловодов д. Березовки, с. Черновского,
с. Берели (Южный Алтай), составленных Б. Герасимовым в 1905 г.**

Список крестьян деревни Березовки, имеющих маралов

№	Имена и фамилии	Звери		
		самцы	самки	всего
1.	Анофриев Исидор	10	15	25
2.	Анофриев Прохор	10	13	23
3.	Бедарев Ефим	1	9	10
4.	Бедарев Яков	1	9	10
5.	Белоусов Тимофей	1	3	4
6.	Болтовский Исаак	8	11	19
7.	Болтовский Тимофей	6	9	15
8.	Бородулин Полиэвт	2	1	3
9.	Екимов Назар	3	3	6
10.	Екимов Никифор	6	41	47
11.	Краснов Емельян	1	2	3
12.	Краснов Филат	8	10	18
13.	Прокопьев Евстафий	1	2	3
14.	Рахманов Арефий	6	9	15
15.	Рахманов Евгений	12	19	31
16.	Рахманов Лазарь		1	1
17.	Рахманов Леонтий	23	30	53
18.	Рахманов Нестер	2	3	5
19.	Русаков Евстафий	7	9	16
	Итого:	138	199	337

Список крестьян села Черновского, имеющих маралов

№	Имена и фамилии	Звери		
		самцы	самки	всего
1.	Анофриев Федор	1	3	4
2.	Анфилофьев Григорий	3	6	9
3.	Анфилофьев Евстигней	3	3	6
4.	Анфилофьев Ксенофонт	3	6	9
5.	Анфилофьев Петр	3	4	7
6.	Анфилофьев Трефил	1	–	1
7.	Анфилофьев Устин	4	5	9

Продолжение приложения 9

8.	Барсуков Артемий	7	12	19
9.	Васильков Мартемьян	3	8	11
10.	Евдокимова Анисья	1	2	3
11.	Екимов Евдоким	–	2	2
12.	Екимов Семен	–	2	2
13.	Екимов Сергей	–	1	1
14.	Затеев Антип	1	2	3
15.	Затеев Николай	1	–	1
16.	Затеева Евдокия	1	–	1
17.	Ионин Андрей	4	2	6
18.	Ионин Василий	1	2	3
19.	Ионин Козьма	4	4	8
20.	Ионин Павел	4	5	9
21.	Ионин Самсон	1	–	1
22.	Ионина Агафья	2	2	4
23.	Ионина Федосья	1	–	1
24.	Коробейников Иван	6	4	10
25.	Коробейникова Надежда	4	2	6
26.	Коробейникова Татьяна	1	2	3
27.	Красков Вавила	4	2	6
28.	Красков Дмитрий	10	10	20
29.	Красков Евлампий	–	3	3
30.	Красков Леонтий	2	2	4
31.	Красков Михаил	2	7	9
32.	Красков Семен	5	6	11
33.	Лаптев Артемий	20	15	35
34.	Лаптев Нестор	1	2	3
35.	Ларионов Афанасий	3	10	13
36.	Ларионов Михей	8	11	19
37.	Макаров Аким	3	3	6
38.	Макарова Ирина	3	3	6
39.	Макарова Мавра	2	8	10
40.	Медведев Елифан	15	20	35
41.	Медведев Прокопий	5	9	14
42.	Мелкозеров Даниил	3	5	8
43.	Огнев Павел	1	3	4
44.	Огнева Мавра	1	1	2
45.	Проскураков Ананий	–	2	2
46.	Рахманов Михей	8	9	17

Продолжение приложения 9

47.	Рахманов Тихон	3	3	6
48.	Русаков Потап	–	3	3
49.	Русаков Селиверст	4	8	12
50.	Рыжков Евгений	–	1	1
51.	Рыжков Максим	8	9	17
52.	Рыжков Федул	1	1	2
53.	Самойлов Андрей	2	3	5
54.	Самойлов Вахрамей	3	4	7
55.	Самойлов Макар	3	4	7
56.	Скороходов Иван	6	10	16
57.	Скороходов Иосиф	20	24	44
58.	Студенков Козьма	5	6	11
59.	Томилов Леонтий	1	1	2
60.	Трескин Абрам	8	4	12
61.	Трескин Мартемьян	1	2	3
62.	Шестков Сафон	1	1	2
63.	Шестков Филипп	28	30	58
64.	Шестков Яков	4	4	8
	Итого:	254	328	582

Список крестьян села Берели, имеющих маралов*

№	Имена и фамилии	Звери		
		Самцы	Самки	Всего
1.	Анфилофьев Алексей	10	18	28
2.	Анфилофьев Ефим	2	5	7
3.	Анфилофьев Иван	2	3	5
4.	Белоусов Александр	2	5	7
5.	Белоусов Антип	30	27	57
6.	Белоусов Давыд	44	40	84
7.	Белоусов Иван	2	4	6
8.	Белоусов Родион	41	44	85
9.	Белоусов Степан	44	67	111
10.	Белоусов Тимофей	19	17	36
11.	Данешев Матвей		2	2
12.	Китаев Дмитрий	20	28	48
13.	Краснов Федор	10	10	20
14.	Кузнецов Афанасий	6	4	10
15.	Кузнецов Константин	2	5	7
16.	Кузнецов Петр	4	26	30

Окончание приложения 9

17.	Лысов Терентий	2	8	10
18.	Медведев Лука	40	63	103
19.	Огинин Порфир	13	23	36
20.	Плотников Родион	9	15	24
21.	Плотников Устин	30	51	81
22.	Рахманов Константин	28	39	67
23.	Самойлов Инокентий	1	4	5
24.	Самойлов Поликарп	3	3	6
25.	Самойлов Степан	6	14	20
26.	Самойлов Филипп	6	9	15
27.	Сашин Петр	6	4	10
28.	Соболевский Никита	9	17	26
29.	Сосновский Кирилл		3	3
30.	Шульгин Андрей		4	4
	Итого:	391	562	953

* В этот подотчет не входят маралы, принадлежащие священнику, для которого мараловодство составляет главный источник существования.

**Список изобретоводов Забайкальской области Читинского округа,
опубликованный А.К. Кузнецовым в 1898 г.**

Селение, Ф.И.О.	Пойманные в ямы		Домашний приплод		Итого
	самцы	самки	самцы	самки	
Село Новые Ключи					
Климов Сидор	1	–	–	–	1
Трофимов Федор	1	–	–	–	1
Трофимов Евстафий	1	–	–	–	1
Акушевский Андрей	1	–	–	–	1
Село Ново-Салиевское					
Косыгин Ерофей	1	–	–	–	1
Худяков Василий	1	–	–	–	1
Худяков Степан	1	–	–	–	1
Село Тангинское					
Кривоносенко Самойло	–	1	–	–	1
Скубиев Емельян	1	1	–	–	2
Старчаков Евграф	1	1	2	2	6
Старчаков Василий	2	–	–	–	2
Писаренко Евграф	2	2	6	3	13
Писаренко Семен и Василий	–	–	6	1	7
Нескоромных Николай	2	–	3	3	8
Голубев Зиновий	1	1	1	1	4
Нескоромных Осип	–	1	1	–	2
Калашников Андрей	1	1	3	1	6
Калашников Михаил	1	1	6	2	10
Середин Никифор	1	–	2	1	4
Днепровский Николай	1	1	1	2	5
Писаренко Яков	1	–	–	–	1
Щербаков	1	1	2	2	6
Житников	1	1	–	–	2
Днепровский Родион	1	1	2	1	5
Богодухов Иван	1	1	1	–	3
Старчаков Федор	–	–	2	–	2
Калашников Федор	2	1	1	–	4
Писаренко Александр	2	1	–	–	3

Село Ново-Павловское					
Куприянов Гаврило	1	1	2	–	4
Кузьмин Василий	3	–	–	–	3
Кузьмин Афанасий	2	–	–	–	2
Климов Александр	3	–	–	–	3
Климов Тит	3	1	1	1	6
Климов Саватий	2	1	–	1	4
Якушев Алфер	1	–	–	–	1
Бамов Михаил	1	–	–	–	1
Осипов Анфим	1	–	–	–	1
Кузьмин Карп	1	–	–	–	1
Село Урино или Шехалан					
Горлачев Евстигней	2	–	–	–	2
Макаренко Александр	2	–	–	–	2
Карпов Федот	3	2	–	–	5
Село Дешулан					
Капустин Кириян	3	1	–	–	4
Капустин Агний	1	1	–	–	2
Коновалов Петр	2	1	–	–	3
Капустин Трофим	1	1	–	–	2
Село Старые Ключи					
Горунов Порфирий	1	–	–	–	1
Горунов Гаврило	1	–	–	–	1
Горунов Иван	1	–	–	–	1
Село Николаевское					
Григорьев Елизар	1	1	–	–	2
Григорьев Павел	2	1	–	–	3
Село Гарика					
№№	1				1
Шевченков Семен	1	–	–	–	1
Шальгин Иван	1	–	–	–	1
Зверобоев Дмитрий	1	–	–	–	1
Утюжников Ефим	3	1	–	–	4
Зверобоев Руф	1	–	–	–	1
Утюжников Елизар	3	–	–	–	3

Продолжение приложения 10

Село Гарикицан					
Молчанов Ефим	1	–	–	–	1
Ефимов Роман	–	2	–	1	3
Буянов Сергей	–	1	–	–	1
Днепровский Абрам	1	1	1	–	3
Днепровский Ларион	1	1	–	1	3
Село Доронинское					
Черников Михаил	3	–	–	–	3
Стромилов Дорофей	2	–	–	–	2
Носырев Иван	2	–	–	–	2
Кузьмин Никифор	2	–	–	–	2
Село Аблатукан					
Волков Федор	1	–	–	–	1
Маркевич Дмитрий	1	1	–	1	3
Маркевич Андрей	1	–	–	–	1
Лазебный Ануфрий	1	2	–	–	3
Балшикин Андрей	2	–	–	–	2
Писаренко Егор	–	1	–	–	1
На заимках по Нижнему и Верхнему Жаргею	19	–	–	–	19
Село Чункурук					
Панов Владимир	1	–	–	–	1
Село Аргинское					
Сименов	1	1	–	1	3
Просянков	1	–	–	–	1
Непомнящий	1	–	–	–	1
Бродягин	1	–	–	–	1
Коноплев	1	–	–	–	1
Горковенко	1	1	–	–	2
Село Улетуевское					
Середин Ефрем	1	–	–	–	1
Середин Егор	2	–	–	–	2
Село Хадактинское					
Кривоносенко Алексей	6	2	–	–	8
Захаров	1	–	–	–	1

Окончание приложения 10

Село Чермухово					
№№	2	–	–	–	2
Село Татаурово					
Бобовский Григорий	6	1	1	1	9
Село Старо-Кукинское					
Нескоромный Аким	1	–	–	–	1
Село Елизаветино					
Щербаков Василий	1	–	–	–	1
Село Новотроицкое					
Мешкелеев	3	–	–	–	3
Село Тыргетеуевское					
Рыбаков	2	1	–	–	3
Ланцев	2	–	–	–	2
Итого:	149	41	44	26	260

Список мараловодческих крестьянских хозяйств дореволюционного Алтая
(по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи населения 1917 г.)

№	Фамилия, имя, отчество главы хозяйства	Возраст главы хозяйства	Количество членов семьи	Количество с/х животных в хозяйстве					Количество душевых наделов земли	Дополнительные виды деятельности	Номер листа в деле
				лошадь	КРС	овцы	прочие	маралы			
	д. Фыкалка Петровской волости Змеиногорского уезда									Ф. 233–16. Д. 448	
1	Затеев Иван Кириллович	41	9	27	8	5	3	20	3	Сепаратор, пасака	Л. 6
2	Затеев Кирилл Афанасьевич	63	8	19	20	20	2	4	3	Мельница ½, ½ пасаки	Л. 7
3	Затеев Лука Агеевич	43	8	15	16	–	4	9	4	Членство в кредитном товариществе с 1911 г.	Л. 9
4	Сидоров Дмитрий Анфимович	41	6	5	11	–	1	2	1	Пасака, кузня, членство в кредитном товариществе с 1911 г.	Л. 28
5	Шарьпов Евстифей Астафьевич	40	9	23	27	–	6	12	3	–	Л. 42
6	Шарьпов Трофим Антропович	30	7	18	13	–	1	10	2	Пасака, членство в кредитном товариществе с 1911 г.	Л. 44
7	Шарьпов Василий Аристархович	46	10	13	17	15	–	8	4	Пасака, сепаратор, членство в кредитном товариществе с 1911 г.	Л. 47

Продолжение приложения П

8	Шарыпов Евтроний Афанасьевич	52	12	81	34	20	2	70	8	Сепаратор, пасака, мельница, 2 маральника, членство в кредитном товариществе с 1911 г.	Л. 49
9	Шарыпов Самсон Романович	32	12	40	26	15	7	65	4	Пасака, сепаратор, мельница, членство в кредитном товариществе с 1911 г.	Л. 52
10	Шарыпов Сидор Авдеевич	72	6	22	22	9	12	43	2	Пасака, сепаратор, членство в кредитном товариществе с 1911 г., мельница	Л. 53
11	Шарыпов Лармон Сидорович	35	4	16	14	27	5	17	1	Мельница 1/3, пасака, членство в кредитном товариществе с 1911 г.	Л. 54
12	Шарыпов Маркел Сидорович	49	9	44	43	23	7	56	4	Мельница 1/3, пасака, сепаратор	Л. 55
13	Шарыпов Иван Сидорович	43	7	35	26	16	14	29	2	Мельница 1/2, сепаратор	Л. 56
14	Шарыпов Гавриил Аксентьевич	46	8	27	37	12	8	18	3	Сепаратор, мельница 1/3, пасака, маральник 2	Л. 57
15	Шарыпов Савелий Романович	59	8	18	16	15	1	7	4	Пасака	Л. 59
16	Шарыпов Ефим Сидорович	37	8	22	12	10	8	38	1	Мельница 1/2, сепаратор, пасака	Л. 60
17	Шарыпов Хрисанф Савельевич	32	5	14	13	4	1	5	3	Пасака	Л. 64

	д. Быково Верх-Бухарминской волости Зменногорского уезда																	Ф. 233–16. Д. 132
1	Гранов Павел Викторович	54	11	16	25	3	6	13	4					Артель по производству масла, 1912 г.				Л. 33
2	Макаров Федот Федорович	54	5	13	23	3	1	17	2					Артель по производству масла, 1912 г., лавка				Л. 79
3	Макаров Григорий Федорович	48	6	15	25	1	2	2-	3					Лавка, артель по производству масла, 1912 г.				Л. 82
4	Снегирев Михаил Петрович	60	4	7	22	-	-	19	2					Маслодел. лавка, 1912 г.				Л. 33
	д. Язовая Петровской волости Зменногорского уезда																	Ф. 233–16. Д. 449
1	Бердюгин Фома Федорович	36	5	3	7	2	5	4	1					Членство в кредитном товариществе с 1911 г.				Л. 7
2	Бердюгин Григорий Ефремович	40	6	7	13	-	10	9	2					Членство в кредитном товариществе с 1914 г.				Л. 9
3	Бердюгин Иван Федорович	27	6	4	6	-	-	9	1					-				Л. 11
4	Бердюгин Федор Ефимович	58	4	5	14	2	-	10						-				Л. 12
5	Гаврилов Павел Терентьевич	40	4	8	13	4	1	6	1					Членство в кредитном товариществе с 1913 г.				Л. 15

Продолжение приложения II

6	Гарилов Петр Афанасьевич	44	7	7	9	2	18	3	Членство в кредитном товариществе с 1913 г.	Л. 18
7	Загеев Василий Федорович	32	5	10	16	13	2	10	–	Л. 23
8	Загеев Иван Васильевич	39	7	7	10	–	–	13	–	Л. 30
9	Качесов Борис Иванович	60	7	14	12	–	3	9	Членство в кредитном товариществе с 1913 г.	Л. 35
10	Качесов Тарасий Борисович	37	3	6	3	–	–	6	–	Л. 36
11	Качесов Павел Потапович	83	6	14	9	5	–	6	–	Л. 39
12	Качесов Семен Петрович	62	6	8	16	15	6	6	Мельница 1/2	Л. 41
13	Качесов Егор Семенович	40	6	8	12	2	2	5	–	Л. 42
14	Коробейников Афанасий Давыдович	36	6	8	12	3	1	5	Членство в кредитном товариществе с 1914 г.	Л. 44
15	Кузнецов Никифор Михайлович	49	7	5	14	–	–	5	–	Л. 45
16	Кузнецов Никита Михайлович	53	2	4	11	–	–	8	–	Л. 46
17	Качесов Абрам Павлович	45	5	17	20	6	–	50	Сепаратор, сбойка	Л. 55
18	Качесов Григорий Павлович	56	4	8	9	23	–	10	–	Л. 56

Продолжение приложения II

19	Качесов Савелий Павлович	55	11	34	35	40	-	33	4	Сепаратор	Л. 57
20	Качесов Мирон Петрович	52	2	7	11	4	7	17	1	Мельница 1/3, членство в кредитном товариществе с 1916 г.	Л. 60
21	Лубягин Евграф Семенович	60	9	12	19	-	-	50	3	-	Л. 62
22	Лубягин Степан Семенович	67	9	12	16	1	1	25	5	Членство в кредитном товариществе с 1909 г.	Л. 64
23	Никулин Макар Кириллович	59	5	14	17	1	1	5	3	Членство в кредитном товариществе с 1913 г.	Л. 71
24	Никулин Панфил Фокич	40	11	11	19	12	5	4	2	Членство в кредитном товариществе с 1912 г.	Л. 72
25	Никулин Василий Фокич	30	6	4	15	-	1	5	1	-	Л. 73
26	Никулин Терентий Аверьянович	58	6	11	17	4	-	12	2	-	Л. 74
27	Никулин Иван Минеевич	53	5	10	13	3	7	26	4	-	Л. 75
28	Никулин Лукьян Асонович	26	4	3	4	1	-	2	1	-	Л. 80
29	Петров Варлаам Викулович	47	9	16	19	5	1	26	3	-	Л. 91
30	Панкратов Филимон Парфенович	47	10	12	18	6	-	20	2	Членство в кредитном товариществе с 1918 г.	Л. 95

Продолжение приложения П

31	Самойлов Протас Филиппович	50	7	14	25	8	5	35	2	–	Л. 99
32	Чанов Василий Елифанович	35	6	11	16	7	2	8	1	–	Л. 111
	с. Берельское Черновской волости Зменогорского уезда										Ф.233– 16. Д. 609
1	Анфилофьев Иван Афанасьевич	43	9	18	11	2	5	12	3	Членство в потребительской кооперации	Л. 3
2	Анфилофьев Алексей Терентьевич	58	12	35	31	13	–	52	4	Членство в потребительской кооперации, сепаратор	Л. 5
3	Бердюгин Александр Иванович	51	6	10	15	2	4	26	1		Л. 6
4	Белоусов Радион Дмитриевич	52	10	16	12	–	–	160		–	Л. 10
5	Белоусов Тимофей Дмитриевич	49	10	21	12	–	–	141	3	–	Л. 11
6	Бобровский Михаил Алексеевич	37	4	6	8	–	–	1	1	Потребительская артель, 1917 г.	Л. 14
7	Белоусов Захар Дмитриевич	43	8	8	7	–	–	80	4		Л. 15
8	Белоусов Давид Дмитриевич	27	4	7	4	–	–	160	3		Л. 16
9	Белоусов Иван Степанович	27	11	40	15	30	–	254	5	Пасека, мельница, сепаратор, членство в потребительском обществе	Л. 17

Продолжение приложения П

10	Белоусов Петр Родионович	32	9	15	8	-	-	-	12	3	Членство в потребительском обществе	Л. 18
11	Белоусов Антип Савельевич	37	11	31	39	21	5	95	4	4	1/2 кузницы, 1/2 мельницы	Л. 19
12	Бердюгин Алексей Иванович	27	7	15	12	-	-	50	3	3	Два маральника, членство в потребительском обществе	Л. 20
13	Белоусов Ларион Родионович	28	10	6	8	-	-	7	2	2	-	Л. 21
14	Васильков Лулан Маргемьянович	37	6	12	14	-	-	14	2	2	Артель по производству масла	Л. 22
15	Дементьев Матвей Корнеевич	35	8	21	11	-	-	25	4	4	Пасека, артель по производству масла	Л. 23
16	Карташов Константин Федорович	36	7	4	19	-	-	20	2	2	Членство в потребительском обществе	Л. 28
17	Китаев Дмитрий Екимович	60	11	38	16	17	-	45	5	5	Членство в потребительском обществе, артель по производству масла	Л. 30
18	Кунгуров Гавриил Иванович	27	6	6	5	-	-	20	1	1	Членство в потребительском обществе, артель по производству масла	Л. 31
19	Красков Федор Тихонович	63	8	20	11	-	-	60	4	4	Маслодел	Л. 32
20	Козлов Никандр Поликарпович	30	4	7	8	-	-	8	2	2	-	Л. 34

Продолжение приложения П

21	Кузнецов Афанасий Петрович	49	10	14	10	—	—	30	3	Мельница, членство в потребительском обществе с 1917 г.	Л. 38
22	Кузнецов Леонтий Петрович	47	8	15	3	—	—	17	5	Мельница, членство в потребительском обществе	Л. 39
23	Кузнецов Петр Кузьмич	80	8	7	10	—	—	20	5	Пасека	Л. 40
24	Кузнецов Михаил Афанасьевич	25	4	2	8	—	—	7	2	Членство в потребительском обществе с 1917 г.	Л. 43
25	Кузнецов Павел Петрович	39	9	12	11	2	—	27	5	Маслоартель	Л. 44
26	Лысов Терентий Трифонович	58	9	21	13	—	—	34	6	Кузница, сепаратор, сбойка молока, погр. артель	Л. 48
27	Медведев Лука Федорович	48	12	40	17	—	—	180	3	Лавка, маслобойн. завод	Л. 51
28	Осинин Перфил Трофимович	71	7	21	29	15	4	19	3	Сбойка, сепаратор, мельница, кузница, маральник — 2, членство в потребительском обществе	Л. 54
29	Плотников Николай Устинович	35	8	15	13	—	—	45	2	Членство в потребительском обществе	Л. 56
30	Плотников Савин Устинович	40	10	19	12	9	—	15	4	Членство в потребительском обществе	Л. 58
31	Плотников Родион Устинович	43	10	48	14	22	—	87	2	Сепаратор, сбойка	Л. 59
32	Плотников Федор Устинович	35	9	20	9	6	—	70	2	Членство в потребительском обществе	Л. 61

Продолжение приложения II

33	Рахманов Константин Евсеевич	57	11	31	25	2	-	143	5	Сепаратор, кузница	Л. 62
34	Рыжков Антон Евгеньевич	25	3	14	3	-	1	16	1	Членство в потребительском обществе	Л. 64
35	Самойлов Степан Маркович	46	10	23	13	7	-	23	4	Пасека, артель по производству масла	Л. 66
36	Самойлов Павел Филиппович	27	7	4	9	-	-	7	1	Членство в потребительском обществе	Л. 67
37	Самойлов Поликарп Яковлевич	66	10	19	17	2	-	8	5	Маслозавод, членство в потребительском обществе	Л. 68
38	Самойлов Игнатий Давидович	35	8	16	23	-	-	35	5	Маслозавод, артель по производству масла	Л. 70
39	Сашин Петр Павлович	53	12	20	9	-	-	33	3	Пасека, сепаратор	Л. 72
40	Соболевская Парасковья Алексеевна	44	8	8	9	-	2	40	4	Земская квартира, маслодельное общество	Л. 73
41	Сосновский Савва Кириллович	24	6	20	24	-	-	19	3	Пасека, артель по производству масла	Л. 76
42	Самойлов Сидор Филиппович	26	8	6	8	-	-	32	4	Маслодельное общество, членство в потребительском обществе	Л. 77
43	Анфилофьев Ефим Терентьевич	72	7	12	15	3	-	18	2	Членство в потребительском обществе	Л. 80
44	Рахманов Сафрон Константинович	37	12	16	16	-	-	32	3	Членство в потребительском обществе	Л. 83
45	Шульгин Ануфрий Егорович	50	9	15	15	-	-	21	6	-	Л. 85

Продолжение приложения П

	д. Беляя Зменогорского уезда Петровской волости															Ф. 233– 16. Д. 446
1	Барсуков Максим Степанович	56	7	15	12	2	4	40	3						Членство в кредитном товариществе	Л. 6
2	Барсуков Яков Фарафонович	28	8	22	30	7	1	3	3						Мельница 1/6, земская квартира, членство в кредитном товариществе	Л. 8
3	Барсуков Николай Дмитриевич	51	9	21	21	8	–	42	4						Пасака, мельница 1/6, кузница	Л. 9
4	Барсуков Яков Дмитриевич	47	10	16	27	20	–	25	4						Мельница 1/6, сепаратор, 1/2, членство в кредитном товариществе	Л. 10
5	Барсуков Семен Арефьевич	48	12	13	18	9	–	25	3						Сепаратор 1, сбойка 1, мельница 1/6, пасака, членство в кредитном товариществе	Л. 11
4	Барсуков Тимофей Филимонович	28	3	8	12	1	1	6	2						Членство в кредитном товариществе с 1914 г.	Л. 12
5	Барсуков Филимон Дмитриевич	48	9	18	21	9	4	24	6						Мельница 1/2, членство в кредитном товариществе	Л. 13
6	Барсуков Тимофей Григорьевич	46	9	8	16	3	–	2	2						Мельница 1/2, членство в кредитном товариществе с 1911 г.	Л. 17
7	Бердлогин Павел Федорович	43	6	12	13	3	–	19	3						Членство в кредитном товариществе с 1911 г.	Л. 17
8	Зайцев Сергей Павлович	64	4	11	15	–	1	10	2						Мельница 1/3	Л. 22

Продолжение приложения П

9	Зайцев Савелий Викулович	44	9	16	9	10	–	9	5	Мельница 1/3	Л. 23
10	Зайцев Викул Михайлович	67	7	13	17	14	–	9	3	Мельница 1/6, членство в кредитном товариществе	Л. 25
11	Зайцев Тимофей Сергеевич	38	7	11	18	–	3	9	2	Мельница 1/4	Л. 27
12	Зырянов Тит Осипович	47	7	34	6	–	2	60	5	Членство в кредитном товариществе	Л. 29
13	Зайцев Тарай Павлович	60	8	10	12	–	–	2	4	Пасака, членство в кредитном товариществе с 1914 г.	Л. 36
14	Зайцев Киприан Антонович	36	4	8	13	11	8	3	1	–	Л. 37
15	Зырянов Тимон Васильевич	43	7	10	14	3	5	9	2	Членство в кредитном товариществе с 1911 г.	Л. 38
16	Зырянов Василий Севостьянович	74	5	10	12	–	14	10	2	–	Л. 39
17	Зырянов Иван Григорьевич	60	8	11	17	8	9	15	4	Пасака, мельница 1/4, членство в кредитном товариществе с 1911 г.	Л. 40
18	Зайцев Антон Сидорович	61	6	14	19	7	7	5	3	Пасака, мельница 1/6	Л. 42
19	Зайцев Никон Прокопьевич	48	7	25	24	35	–	25	3	–	Л. 44
20	Зайцев Евгроний Прокопьевич	53	7	18	17	22	6	15	2	Мельница 1/6, членство в кредитном товариществе	Л. 45
21	Зайцев Евграф Прокопьевич	58	7	16	22	23	4	19	3	Мельница 1/6, пасака	Л. 46

Продолжение приложения П

22	Зайцев Руфаг Евграфович	29	7	15	13	9	9	20	2		Л. 47
23	Зырянов Иван Григорьевич	60	9	13	18	9	8	14	4	Членство в кредитном товариществе	Л. 52
24	Зырянов Максим Асонович	32	3	11	16	3	-	5	1	-	Л. 59
25	Зырянов Михаил Емельянович	47	9	17	12	2	-	25	3	Членство в кредитном товариществе с 1911 г.	Л. 62
26	Зырянов Винналий Феоктистович	34	6	13	11	-	-	2	4	-	Л. 64
27	Зырянов Нестор Емельянович	52	10	21	24	10	14	1	6	Сепаратор, мельница 1/4, пасека, членство в кредитном товариществе	Л. 67
28	Коробейников Исаак Семенович	64	6	15	22	9	-	17	3	Мельница 1/3	Л. 72
29	Коробейников Венедикт Андронович	82	12	66	37	40	5	60	6	Мельница 1/4, сепаратор, кузница	Л. 77
30	Коробейников Кирилл Лукьянович	49	5	13	18	15	4	28	2	Мельница 1/6, членство в кредитном товариществе	Л. 89
31	Коробейников Даниил Емельянович	58	9	16	17	8	11	15	6	Мельница 1/4, членство в кредитном товариществе	Л. 85
32	Коробейников Иван Яковлевич	63	10	21	19	12	1	9	4	Сепаратор, мельница 1/4, пасека, членство в кредитном товариществе	Л. 89
33	Коробейников Михаил Емельянович	53	11	14	26	-	6	2	5	Мельница 1/4, пасека, членство в кредитном товариществе с 1911 г.	Л. 91

Продолжение приложения II

34	Коробейников Тихон Яковлевич	67	2	9	9	6	–	1	1	Мельница 1/4	Л. 92
35	Коробейников Михаил Исакович	40	6	18	18	7	1	14	2	Мельница 1/3, маральник 1/3, членство в кредитном товариществе с 1911 г.	Л. 93
36	Коробейников Лазарь Исакович	44	6	10	16	3	6	10	2	Членство в кредитном товариществе с 1911 г.	Л. 95
37	Барсуков Зиновий Макарович	33	6	16	21	–	–	11	3	Мельница 1/5, членство в кредитном товариществе с 1911 г.	Л. 96
38	Костарев Василий Николаевич	40	3	10	6	–	2	2	–	–	Л. 98
39	Лысов Афанасий Фролович	46	10	23	16	15	–	13	5	Членство в кредитном товариществе с 1911 г., пасака, ямщина	Л. 110
40	Лысов Осип Евлампиевич	42	3	11	15	11	–	20	1	Мельница 1/7, членство в кредитном товариществе с 1911 г., сепаратор	Л. 113
41	Лысов Сысой Евлампиевич	48	7	20	12	5	–	15	3	–	Л. 114
42	Панкратьева Ирина Давидовна	42	7	8	18	2	–	2	1	–	Л. 123
43	Рахманов Иван Иванович	55	9	25	24	5	10	9	3	Мельница 1/6, пасака, членство в кредитном товариществе с 1914 г.	Л. 128
44	Рахманов Федор Филиппович	50	9	18	14	2	1	16	3	Мельница 1/7, членство в кредитном товариществе с 1914 г.	Л. 129

Продолжение приложения 11

45	Рахманов Диян Филиппович	36	7	17	18	13	-	40	2	Мельница 1/7, сепаратор, пасака, членство в кредитном товариществе с 1916 г.	Л. 130
46	Рахманов Фекул Филиппович	41	5	10	12	4	-	12	2	Мельница 1/6, членство в кредитном товариществе с 1911 г.	Л. 131
47	Соснин Лазарь Степанович	48	8	11	26	8	3	20	3	Мельница 1/2, сепаратор 1	Л. 136
48	Соснин Ананий Степанович	37	7	13	15	15	6	20	3	-	Л. 137
49	Санаров Андрей Осипович	19	10	15	17	-	-	20	5	Мельница 1/2, сепаратор — 1, членство в кредитном товариществе с 1911 г.	Л. 140
	с. Березовка Черновицкой волости Зменногорского уезда										Ф. 233– 16. Д. 63
1	Белоусов Тимофей Ефимович	36	6 лет, сноха	23	25	50	-	35	4	Пасака, мануфактурное товарищество, 1912 г.	Л. 10– 10об.
2	Бедарев Ермолай Яковлевич	39	5 лет, жена	10	8	7	1	3	4	Мануфактурное товарищество, 1912 г.	Л. 16
3	Болтовская Агафья Антоновна	54	2 дет.	13	5	-	1	15	2	Артель по производству масла, д. Березовка	Л. 20

Продолжение приложения 11

4	Кленовицкий Никон Александрович	25	5 чел., семья	15	19	–	2	7	3	Пасака, артель по производству масла	Л. 33
5	Краснов Фиоктист Емельянович	35	5 дет. жена	24	14	70	9	20	4	Пасака, артель по производству масла	Л. 37
6	Краснов Фиоктист Емельянович	30	2 дет. жена	22	14	80	7	18	3	Пасака, мельница, артель по производству масла	Л. 38
7	Кальрин Степан Акимович	32	3 чел. всего	2	5	–	3	3	–	Артель по производству масла	Л. 41
8	Краснов Филат Емельянович	47	10 чел.	24	22	110	–	25	3	Пасака, артель по производству масла	Л. 42
9	Онуфриев Сидор Филиппович	61	6	25	20	23	–	40	3	Пасака, артель по производству масла, 1913 г.	Л. 55
10	Онуфриев Иван Павлович	69	2	2	5	–	–	1	1	Артель по производству масла	Л. 57
11.	Онуфриев Прохор Павлович	46	5	19	16	10	4	2	20	Артель по производству масла, мельница	Л. 58
12.	Плотников Абросим Иванович	27	3	11	7	–	–	4	1	Артель по производству масла	Л. 63
13.	Плотников Иван Гурьянович	47	9	36	15	–	2	20	3	Артель по производству масла, 1912 г.	Л. 71

Продолжение приложения П

14.	Русакова Ирина Ильинична	33	11	30	36	100	-	28	5	Пасака, мельница, аргель по производству масла	Л. 75
15.	Рахманова Харития Филипповна	38	9	19	16	9	-	20	3	Пасака, аргель по производству масла	Л. 76
16.	Соловьев Кондратий Евстигнеевич	49	9	59	22	55	-	3	7	Мельница, аргель по производству масла	Л. 84
17.	Самойлов Николай Константинович	44	5	14	8	11	-	2	2	-	Л. 90
18.	Самойлов Павел Евстафьевич	46	5	5	8	-	-	23	1	-	Л. 91
19.	Ядричников Григорий Астафьевич	30	2	3	4	-	-	30	1	-	Л. 101
	с. Черновое Черновской волости Зменогорского уезда										Ф. 233-16, Д. 611
1	Анфилофьев Григорий Ануфриевич	63	4	15	13	20	-	32	2	Молочное потребительское общество, 1913 г.	Л. 5
2	Анфилофьев Евстигней Денисович	60	7	7	9	-	-	9	1	Молочное потребительское общество	Л. 9
3	Ануфриев Федор Григорьевич	38	9	10	8	-	-	3	5	-	Л. 13
4	Бочкарев Василий Ефимович	42	9	10	4	-	-	40	-	Членство в кредитном товариществе	Л. 14
5	Барсуков Михаил Артемьевич	31	6	40	14	21	-	30	5	Мельница, маслопереработка	Л. 17

Продолжение приложения П

6	Ионин Павел Фомич	72	6	13	13	18	4	22	2	Пасека, молокопереработка	Л. 43
7	Ионин Кузьма Михайлович	60	5	37	22	56	1	35	4	Пасека, молокопереработка	Л. 44
8	Ионин Иван Михайлович	50	3	14	14	48	2	13	1	Молокопереработка	Л. 45
9	Ионин Василий Михайлович	48	8	28	25	110	15	10	4	Пасека, маслодельное товарищество	Л. 46
10	Ионин Андрей Иванович	70	4	18	16	15	-	7	2	Мельница, маслодельное товарищество	Л. 47
11	Ионин Самсон Андреевич	48	9	26	17	29	-	19	4	Пасека, маслодельное товарищество	Л. 48
12	Ионин Перфил Иванович	70	6	12	13	30	2	6	3	Маслодельное товарищество	Л. 49
13	Дорохов Иннокентий Потапович	42	6	9	8	-	-	1	3	Сепаратор, членство в кредитном товариществе	Л. 55
14	Дорохов Анисим Потапович	43	2	8	2	-	1	1	1	-	Л. 56
15	Загеева Евдокия Германовна	50	3	30	32	65	5	3	2	Маслодельное товарищество	Л. 71
16	Коробейников Ксенофонт Лифантьевич	45	7	18	11	-	-	15	4	Лавка бакалейная, молокопереработка	Л. 78
17	Красков Логин Дмитриевич	42	10	36	16	-	1	50	6	Пасека	Л. 82
18	Коробейников Иван Нифонтович	61	3	10	9	15	1	2	2	Членство в кредитном товариществе	Л. 96

Продолжение приложения П

19	Кузнецова Евдокия Павловна	46	6	12	14	-	1	15	5	Маслопереработка	Л. 99
20	Красков Евдлампий Петрович	45	12	40	22	55	12	20	5	Мельница, сепаратор, пасака	Л. 102
21	Кривошеин Хрисанф Ларионович	41	4	8	7	-	-	5	3	Кузница, маслодельное товарищество	Л. 103
22	Красков Вавила Тихонович	60	8	8	10	-	-	33	2	Членство в потребительском обществе	Л. 113
23	Красков Михаил Спиридонович	60	5	11	10	25	-	11	2	Мельница, членство в потребительском обществе	Л. 114
24	Ларионов Афанасий Лупанович	42	9	33	62	100	-	40	5	Членство в потребительском обществе	Л. 118
25	Ларионов Михаил Лупанович	35	9	17	22	20	3	12	2	Артель по производству масла	Л. 119
26	Ларионов Степан Лупанович	18	8	16	11	8	1	10	3	Артель по производству масла	Л. 120
27	Лаптев Макар Артемьевич	43	11	40	37	52	-	40	6	Пасака, мельница, сепаратор	Л. 122
28	Лапин Иван Емельянович	35	9	10	15	-	1	25	4	Маслодельное товарищество	Л. 124
29	Ларионов Михей Лупанович	35	8	18	21	20	6	15	1	Артельная лавка	Л. 126

	с. Медвенское Черновинской волости Змеиногорского уезда																Ф. 233– 16. Д. 610
1	Гатилов Сильвестр Иванович	56	6	16	12	9	1	5	3						Пасака		Л. 33
2	Гатилов Феодор Сильвестрович	33	5	10	7	9	–	1	1						–		Л. 35
3	Ермаков Андрей Тихонович	57	4	12	15	1	1	16	2						–		Л. 43
4	Карпов Никифор Филиппович	55	9	22	28	30	–	45	2						Пасака, мельница		Л. 58
5	Карпов Семен Филиппович	47	7	21	21	–	–	3	5						–		Л. 64
6	Котельников Михаил Никонорович	56	8	18	10	17	–	18	2						Пасака		Л. 66
7	Корзников Осип Трофимович	47	9	24	13	14	–	7	4						Членство в кредитном товариществе с 1914 г.		Л. 68
8	Колмаков Сидор Васильевич	38	11	26	17	12	–	13	5						Пасака, сепаратор		Л. 70
9	Колмаков Кондратий Лукьянович	35	5	13	8	10	1	13	2						Пасака, членство в кредитном товариществе с 1914 г.		Л. 71
10	Ляпунов Дмитрий Васильевич	50	-	14	28	21	40	н/д	5						–		Л. 87
11	Никифоров Моисей Иванович	52	12	26	26	42	–	5	6						Пасака, членство в кредитном товариществе с 1914 г.		Л. 101
12	Никифоров Амос Иванович	49	9	19	13	20	2	7	5						Членство в кредитном товариществе		Л. 103

	д. Коробиха Зменногорского уезда Петровской волости																		Ф. 233– 16. Д. 447
1	Сидоров Герасим Кириллович	47	12	15	23	8	2	11	4						Маслоартель с 1912 г.				Л. 70
2	Чанов Никифор Иванович	49	8	25	23	20	–	19	5						Маслоартель с 1912 г.				Л. 85
	д. Каменка Черновицкой волости Зменногорского уезда																		Ф. 233– 16. Д. 614
1	Коробейников Макар Климентьевич	60	3	23	25	11	–	34	2						Пасака, мельница 1/2,				Л. 23
2	Огнев Матвей Васильевич	44	6	15	10	–	–	12	3						Членство в кредитном товариществе, мельница 1/2, пасака				Л. 28
3	Шарыпов Артемий Севостьянович	60	10	20	17	15	–	17	4						Мельница, сепаратор, пасака, членство в потребительском обществе				Л. 55
	Пос. Арчаты Черновицкой волости Зменногорского уезда																		Ф. 233– 16. Д. 616
1	Галактионов Петр Михайлович	27	6	15	23	7	2	14	2						Потребительская кооперация, 1917 г.				Л. 5
2	Затеев Семен Иванович	54	8	28	31	41	–	56	2						Членство в кредитном товариществе с 1917 г.				Л. 8
3	Казанин Яков Гаврилович	58	2	6	14	–	–	5	1						Потребительская лавка, 1917 г.				Л. 9

Продолжение приложения П

4	Коновалов Корней Матвеевич	40	10	25	22	35	19	16	7	Маршалы в коллективной собственности	Л. 13
5.	Коновалов Ермил Матвеевич	19	4	7	12	-	-	14	1	Членство в потребительском обществе	Л. 12
6	Кургузов Тарасим Герасимович	41	4	6	4	-	-	6	3	Членство в потребительском обществе	Л. 15
7.	Левин Николай Павлович	56	4	5	22	6	1	11	2	Членство в кредитном товариществе и потребительском обществе	Л. 16
8.	Лубягин Сергей Евстифеевич	36	4	8	11	1	2	10	2	Членство в потребительском обществе	Л. 17
9.	Сидоров Евдин Иванович	55	5	15	15	-	-	13	3	Членство в потребительском обществе	Л. 28
	д. Согорная Черновицкой волости Зменногорского уезда										Ф. 233- 16, Д. 615
1.	Блинов Ананий Тимофеевич	64	10	39	39	15	6	50	7	Кузница, пасака, мельница, сепаратор, членство в кредитном товариществе с 1914 г. и потребительском обществе с 1917 г.	Л. 9
2.	Блинов Трофим Тимофеевич	59	7	22	13	8	7	7	3	Кузница, пасака, мельница, сепаратор, членство в кредитном товариществе с 1914 г. и потребительском обществе с 1917 г.	Л. 13

Продолжение приложения П

3.	Дягилев Даниил Ларионович	48	11	20	17	13	1	7	4	Членство в кредитном товариществе, сепаратор	Л. 26
4.	Красков Андрей Константинович	57	8	23	24	-	5	38	-	Членство в кредитном товариществе и потребительском обществе	Л. 37
	Зимка Болтовский Черновицкой волости Звенигородского уезда										Ф. 233- 16. Д. 617
1.	Болтовский Савин Иванович	43	9	44	18	-	-	140	-	Мельница, кузница, сепаратор, сбойка, членство в потребительской кооперации	Л. 6
2.	Болтовский Галактион Владимирович	20	6	15	11	-	-	3	-	Артель по производству масла, 1912 г.	Л. 7
3.	Болтовская Ульяна Григорьевна	44	8, в т.ч. 4 раб.	33	19	18	-	30	-	Пасека, сепаратор	Л. 8
4.	Фирсов Федор Иванович	46	3	3	8	-	-	2	-	-	Л. 14
	с. Катанда Катандинской волости Бийского уезда										Ф. 233- 1а. Д. 185
1.	Болтовский Сидор Самойлович	55	10 чел в т.ч. 6 сы- нов	34	32	12	-	39	6	Мельница, членство в потребительском обществе с 1917 г.	Л. 36

Продолжение приложения II

2.	Буньков Кондратий Гаврилович	47	11, в т.ч. 5 сынов	39	47	210	-	27	4	Мельница, членство в кредитном товариществе с 1917 г.	Л. 44
3.	Субботин Филипп Никитич	47	10 чел., в т.ч. 3 сына	26	48	19	-	8	3	1/4 мельницы, членство в погребительском обществе с 1917 г.	Л. 159
	с. Каргон Сентелекской волости Бийского уезда										Ф. 233- 1а. Д. 532
1.	Медведев Елисей Антонович	80	4 чел., в т.ч. 1 внук, 2 внучки	20	12	-	-	20	2	Пасека	Л. 59
2.	Санаров Лаврентий Семенович	57	12 чел., в т.ч. 3 сына	24	44	10	-	8	3	-	Л. 77
3.	Фирсов Иван Филаретович	55	12 чле- нов семьи	74	55	45	-	10	4	Сепараторная	Л. 86

Продолжение приложения II

4.	Шестаков Павел Ильевич	70	12 членов семьи	47	58	40	-	16	3	Артельная лавка, артельная маслобойка	Л. 95
5.	Шестаков Севостьян Павлович	45	14 членов семьи	34	28	20	-	20	4	Артельная лавка	Л. 96
6.	Шестаков Ефим Павлович	35	6 членов семьи	15	10	-	8	7	1	Артельная лавка, артельная маслобойка	Л. 97
	д. Верхний Уймон Уймонской волости Бийского уезда										Ф. 233-1а. Д. 656
1.	Атаманов Филипп Осипович	80	9	89	61	-	-	14	-		Л. 20
2.	Бочкарев Киприан Ивойлович	46	-	18	21	50	-	30	н/д	Пасека	Л. 36
3.	Бочкарев Наум Ивойлович	38	-	65	37	130	-	25	0		Л. 46
4.	Бочкарев Андрей Ивойлович	45	-	33	36	80	2	7	-	-	Л. 67
5.	Бочкарев Вендикт Ивойлович	50	-	13	20	45	-	12	-	-	Л. 69
6.	Бочкарев Филипп Иванович	47	-	20	31	65	-	7	-	-	Л. 93

Продолжение приложения II

7.	Бочкарев Андрей Иванович	45	-	36	25	94	2	10	-	-	Л. 95
8.	Мамонтов Савелий Антонович	57	-	27	31	30	1	3	-	-	Л. 120
9.	Чернов Федот Леонович	25	-	115	33	150	30	48	-	-	Л. 138
10.	Чернов Платон Егорович	50	-	28	32	60	12	15	-	-	Л. 143
11.	Черепанов Иван Федорович	36	-	35	51	40	-	2	-	-	Л. 156
12.	Черепанов Карл Федорович	47	-	30	23	74	-	9	-	-	Л. 151
13.	Чернов Федор Васильевич	58	-	28	24	15	4	10	-	-	Л. 165
14.	Черепанов Ивойло Федорович	37	-	31	142	36	-	2	-	-	Л. 167
	Выселок Баштала Уймонской волости Бийского уезда										Ф. 233- 1а. Д. 668
1.	Кудрявцев Сидор Абакумович	60	11 чле- нов семьи	12	19	45	-	14	Ино- родец	Членство в кредитном товариществе с 1917 г.	Л. 16

Продолжение приложения II

2.	Кудрявцев Загей Иванович	67	11 чле- нов семьи	52	19	40	-	55	-	Сепаратор	Л. 23
3.	Кудрявцев Платон Иванович	39	9 чле- нов семьи	28	40	70	6	20	-	Членство в кредитном товариществе с 1913 г.	Л. 31
4.	Кудрявцев Иван Трифимович	50	6 чле- нов семьи	27	30	45	-	16	-	Членство в кредитном товариществе с 1913 г.	Л. 35
5	Фоминых Марк Никифорович	42	-	5	11	5	1	7	1	-	Л. 56
6.	Фоминых Никифор Лазаревич	33	-	27	17	16	2	53	3	-	Л. 58
	д. Нижний Уймон Катадинской волости Бийского уезда										Ф. 233- 1а. Д. 162
1.	Ленский Петр Логинович	52	12	74	61	48	6	8	5	Сепаратор, членство в потребительском обществе, 1917 г.	Л. 201
2.	Ничков Егор Афанасьевич	57	2	11	27	10	-	7	1	Сепаратор, членство в потребительском обществе, 1917 г.	Д. 163 Л. 3
3.	Ошлаков Иван Фокаич	37	7	21	22	20	12	6	2	Артельная лавка, 1917 г.	Д.163 Л. 15

Продолжение приложения II

4.	Ошлаков Максим Пелеевич	26	9	90	20	40	15	80	3	Членство в потребительском обществе, 1917 г.	Д.163 Л. 37
5.	Ошлаков Юлиан Васильевич	55	7	34	29	30	17	12	2	Артельная лавка, 1917 г.	Д.163 Л. 79
6.	Ошлаков Фока Васильевич	62	8	25	25	29	–	25	5	Артельная лавка, 1917 г.	Д.163 Л. 83
	д. Терехта Уймонской волости Бийского уезда										Ф. 233– 1а. Д. 661
1.	Нагибин Митрофан Осипович	34	5	40	24	40	7	25	3	Кузница, членство в кредитном товариществе, 1914–1917 гг.	Л. 21
2.	Нагибин Герасим Андреевич	37	6	13	20	35	–	2	1	–	Л. 27
3.	Нагибин Афанасий Михайлович	62	3	15	15	–	–	15	–	Членство в кредитном товариществе, 1914–1917 гг.	Л. 29
4.	Нагибин Андрей Иосифович	64	8	44	46	55	–	12	–	Членство в потребительском обществе с 1917 г.	Л. 30
	д. Тюгурюк Уймонской волости Бийского уезда										Ф. 233– 1а. Д. 660
1.	Кудрявцев Иван Никонорович	31	6	67	44	90	15	34	30 дес. земли		Л. 5
2.	Кудрявцев Полиект Никонович	45	10	85	55	122	23	68	44 дес.	–	Л. 9

3.	Кудрявцев Еремей Антипович с. Шебалино Шебалинской волости Бийского уезда	44	9	29	27	23	-	8	19 лет			Ф. 233- 1а. Д. 843
1.	Попов Василий Степанович	40	6	16	6	-	-	65	2			Л. 127
2.	Попов Иван Яковлевич	43	4	19	10	-	-	40	-		-	Л. 129
3.	Попов Василий Николаевич	53	8	7	8	-	-	14	4		-	Л. 132
4.	Попов Иван Николаевич	53	9	10	20	5	-	11	2		-	Л. 133
5.	Попов Алексей Степанович	60	16	53	106	-	9	200	6 (панима) 25 работ		Торговая лавка в Монголии, кожевенный завод	Л. 138
6.	Шадрин Иван Дорофеевич	70	-	14	6	-	-	20	2		-	Л. 173
7.	Шадрин Дмитрий Иванович	47	-	-	-	-	-	8	2		-	Л. 178
8.	Шадрин Григорий Миронович	27	-	9	6	-	-	10	1		-	Л. 207
9.	Шадрин Иван Миронович	34	-	8	4	-	-	29	1		-	Л. 208

Продолжение приложения П

10.	Шадрин Алексей Ильич	38	-	4	7	-	1	8	1	-	Л. 209
11.	Шадрин Никанор Ильич	50	-	12	22	-	-	12	-	-	Л. 210
	д. Талица Тюндралинской волости Бийского уезда										Ф. 233- 1а. Д. 649
1.	Пантелеев Иосиф Иванович	29	-	10	14	-	4	6	1	-	Л. 35
2.	Санаров Венидикт Осипович	18	-	7	11	-	-	5	1	-	Л. 39
3.	Санаров Епифан Осипович	28	-	20	28	9	2	4	2	-	Л. 41
4.	Санаров Савелий Осипович	27	-	9	10	9	3	2	-	-	Л. 43
5.	Фоминных Аристарх Никифорович	32	-	6	11	17	-	20	-	-	Л. 47
6.	Фоминных Давыд Никифорович	30	-	8	16	7	-	24	1	-	Л. 53
7.	Фоминных Иван Лазаревич	43	-	30	35	23	1	80	4	-	Л. 54
8.	Фоминных Лука Никифорович	45	-	18	29	30	6	22	3	-	Л. 55

	с. Абай Уймонской волости Бийского уезда																	Ф. 233– 1а. Д. 653
1.	Романов Порфирий Романович	36	–	12	17	40	–	20	–	–	–	–	–	–	–	–	–	Л. 118
	д. Чечулиха Тюдролинской волости Бийского уезда																	Ф. 233– 1а. Д. 651
1.	Головин Кирилл Дмитриевич	65	17	29	32	15	6	20	7	7	7	7	7	7	7	7	7	Сепаратор, членство в кредитном товариществе, 1916 г.
2.	Носков Аверьян Галафифонович	37	9	14	16	10	3	25	3	3	3	3	3	3	3	3	3	Сепаратор, пасека
3.	Санаров Серапион Андрианович	55	7	24	23	15	1	19	4	4	4	4	4	4	4	4	4	Сепаратор
	Замка Малый Шуган Уймонской волости Бийского уезда																	Ф. 233– 1а. Д. 675
1.	Блинов Игнатий Наумович	25	6	4	7	6	1	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	Л. 2
2.	Блинов Родион Артемьевич	63	4	25	36	20	3	22	–	–	–	–	–	–	–	–	–	Мельница, членство в кредитном товариществе
	Ур. Красноярка (из этого же дела)																	
3.	Кудрявцев Киприан Кириллович	37	9	22	19	24	3	45	–	–	–	–	–	–	–	–	–	Л. 8
4.	Поносов Григорий Павлович	25	4	15	15	8	–	12	–	–	–	–	–	–	–	–	–	Л. 11

Продолжение приложения П

Выс. Щелкино (из этого же дела)													
5. Чернов Никита Леонтьевич	33	7	30	17	55	-	12	-	Членство в кредитном товариществе, 1917 г.	Л. 19			
6. Черепанов Филимон Федорович	39	11	18	23	57	2	10	-	Переработка молока, пастеризатор, членство в кредитном товариществе с 1917 г.	Л. 21			
Занька Суртаева (из этого же дела)													
1. Суртаев Иван Николаевич	45	9	16	24	18	4	5	-	Членство в потребительском обществе, 1913 г.; членство в кредитном товариществе, 1917 г.; сепаратор	Л. 28			
д. Черемшанка Улаганской волости Бийского уезда	Сводка по поселку, без фамилий						5			Оп. Ф. 233-5. Д. 201 Л.13			
с. Улаган Улаганской Волости, Бийского уезда										Ф. 233- 1а. Д. 683			
1. Суянушев Георгий Емельянович	36	2	10	10	10	6	2	1	4 десятины естественного покоса	Л. 84			
2. Тальшев Мирон Васильевич	30	5	33	24	13	13	13	2	14 десятин естественного покоса	Л. 101			
3. Юлуков Николай Степанович	44	9	130	65	40	10	30	4	20 десятин покосов	Л. 139			
4. Юлуков Доминиан Степанович	42	7	79	21	25	9	20	5	14 десятин покосов	Л. 140			

Продолжение приложения П

5.	Юлужов Семсон Степанович	70	10	180	75	37	21	62	4	35 десятин покосов	Л. 141
	Замка Талыева Уймонской волости Бийского уезда										Ф. 233– 1а. Д. 677
1.	Кудрявцев Даниил Федорович	25	6	10	10	3	–	20	–	Сепаратор, членство в потребительском обществе	Л. 4
	Замка Текеля Уймонская волость Бийский уезд										Ф. 233– 1а. Д. 677
1.	Клепиков Дементий Кириллович	41	4	18	46	15	–	15	–	Сепаратор	Л. 9
2.	Чернов Тимофей Иванович	45	7	37	26	30	–	70	–		Л. 10
	Замка Творожанкина Уймонской волости Бийского уезда										Ф. 233– 1а. Д. 677
1.	Кудрявцев Максим Киприянович	24	6	6	31	–	3	9	–	–	Л. 19
	Выселок Огневка Уймонской волости Бийского уезда										Ф. 233– 1а. Д. 673
1.	Кудрявцев Савелий Онуфриевич	44	9	24	33	17	29	25	–	Сепаратор, членство в кредитном товариществе, потребительском обществе, 1913–1917 гг.	Л. 11
2.	Кудрявцев Терентий Васильевич	80	7	27	21	15	4	8	–		Л. 18

Продолжение приложения II

3.	Кудрявцев Ивонтий Семенович	56	12	32	38	50	6	20	-	Сепаратор, членство в кредитном товариществе, потребительском обществе, 1913–1917 г.	Л. 25
4.	Кудрявцев Марк Терентьевич	27	4	6	6	3	-	2	-	Членство в потребительском обществе	Л. 33
5	Кудрявцев Пахом Васильевич	57	14	68	72	153	5	8	-	Сепаратор 1	Л. 34
	Выселок Кастахта Уймонской волости Бийского уезда										Ф. 233– 1а. Д. 658
1.	Ергин Агап Афиногенович	48	7	36	505, 420	85	-	нет	н/д		Л. 2
	Выселок Гагаринский Уймонской волости Бийского уезда										Ф. 233– 1а. Д. 671
1.	Клепиков Фадей Миячевич	42	8	7	13	14	6	Ма- рал, 3	-	Членство в потребительском обществе с 1917 г.	Л. 16
2.	Кудрявцев Веналий Федорович	57	9	14	14	14	-	20	-	Членство в потребительском обществе с 1917 г.	Л. 24
3.	Шабуров Степан Абрамович	65	4	20	34	19	-	18	-	-	Л. 32

Продолжение приложения II

	Выселок Власьевка Уймонской волости Бийского уезда																	Ф. 233– 1а. Д. 669	
1.	Казанцев Антропий Никифорович	58	11	74	63	109	21	64	–									Членство в кредитном товариществе с 1913 г., потребительском обществе с 1917 г.	Л. 5
2.	Казанцев Григорий Никифорович	47	4	17	15	22	–	10	–									Членство в кредитном товариществе с 1914 г.	Л. 6
3.	Казанцев Емельян Леонидович	28	9	37	17	–	2	15	–									Членство в кредитном товариществе с 1908 г., потребительском обществе с 1917 г.	Л. 7
4.	Казанцев Ефим Семенович	36	3	14	28	80	–	7	–									Сепарагор	Л. 8
5.	Казанцев Семен Никифорович	50	7	29	27	4	–	38	–									Сепарагор, мельница	Л. 11
	Урочище Чет Уймонской волости Бийского уезда																		Ф. 233– 1а. Д. 667
1.	Акимов Сидор Ильич	44	6	27	38	16	17	8	–										Л. 6
	д. Большой Башчелак																		Ф. 233– 1а. Д. 59
1.	Быков Яков Семенович	43	8	4	11	1	–	14	–									Членство в кредитном товариществе с 1912 г.	Л. 29

Окончание приложения П

2.	Быков Прокопий Семенович	44	8	23	24	1	9	10	-	Артель по производству масла, 1913 г.	Л. 49
	Урочище Теньга Уреулской волости Бийского уезда										Ф. 233– 1а. Д. 706
1.	Кульджин Артымай	46	6	650	828	140	15	н/д	2	Конный завод, маслодельный завод, артельное товарищество с 1916 г.	Л. 38
	с. Солонешное Солонешенской волости Бийского уезда										Ф. 233– 1а. Д. 540
1.	Ваньков Авросий Васильевич	40	8	16	17	10	8	10	-	Молочный кооператив	Л. 133

Николай Алексеевич Фролов
У ИСТОКОВ
ПАНТОВОГО ОЛЕНЕВОДСТВА РОССИИ

Редактор Е.М. Федяева
Подготовка оригинал-макета: А.А. Карпов

Подписано в печать 00.00.2014
Формат 60X84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 19. Тираж экз. Заказ №

Отпечатано в типографии «Спектр»,
656049, г. Барнаул, ул. Короленко, 75.